ISSN 2224-1620

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK

№ 3(9)
2012

2012 № 3(9)

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-44563 от 15 апреля 2011 г.)

ISSN 2224-1620

Распространяется на территории Российской Федерации

Подписной индекс Каталога Агентства «Роспечать» 83668

Основан в 2010 году

Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала можно приобрести в редакции

Главный редактор
доктор исторических наук, профессор **И. А. Чуканов**

Зам. главного редактора
кандидат исторических наук, доцент **Л. А. Шайпак**

Ответственный секретарь
старший преподаватель **А. А. Шабанова**

Редакционная группа
Л. Г. Соловьева, Г. И. Петрова, Н. В. Пенькова

Адрес редакции
Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
e-mail: Simbvest@mail.ru

Подписано в печать 3.09.2012.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 28,2. Тираж 2000 экз.
Заказ 143

Редакционная коллегия

Костишко Борис Михайлович — председатель редакционной коллегии – доктор физико-математических наук, профессор
Арзамаскин Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор
Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, профессор
Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор
Воронченко Тамара Васильевна — доктор экономических наук, доцент
Гошуляк Виталий Владимирович — доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор
Дергунова Нина Владимировна — доктор политических наук, профессор
Донина Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор
Заварюхин Николай Васильевич — доктор исторических наук, профессор
Калинина Наталья Валентиновна — доктор психологических наук, профессор
Климов Сергей Николаевич — доктор философских наук, профессор
Лазарев Владимир Николаевич — доктор экономических наук, профессор
Магомедов Арбахан Курбанович — доктор политических наук, профессор
Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор
Мухамедов Рашит Алимович — доктор исторических наук, доцент
Петренко Николай Иванович — доктор юридических наук, профессор
Рассадина Татьяна Анатольевна — доктор социологических наук, профессор
Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
Романова Галина Валентиновна — кандидат исторических наук
Светуньков Максим Геннадиевич — кандидат экономических наук, доцент
Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент
Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор
Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор
Хохлов Владимир Иванович — кандидат юридических наук, доцент
Чуканов Иван Альбертович — доктор исторических наук, профессор
Шайпак Леонид Александрович — кандидат исторических наук, доцент
Шмелёва Наталья Борисовна — доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет

Костишко Борис Михайлович — ректор Ульяновского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор
Бакаев Анатолий Александрович — ректор Ульяновского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, кандидат юридических наук
Горбоконенко Александр Дмитриевич — ректор Ульяновского государственного технического университета, кандидат технических наук, профессор
Дозоров Александр Владимирович — ректор Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии, доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Арзамасцев Алексей Дмитриевич — заведующий кафедрой управления и права Марийского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН
Арсентьев Николай Михайлович — директор историко-социологического института Мордовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Волков Александр Павлович — главный редактор журнала «Вестник Екатерининского института», доктор исторических наук, профессор
Гаврищук Владимир Владимирович — главный редактор журнала «Право и образование», доктор исторических наук, профессор
Иванов Ананий Герасимович — заведующий кафедрой Отечественной истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор
Кабытов Петр Серафимович — проректор по учебной работе Самарского государственного университета, доктор исторических наук, профессор
Любимов Михаил Митрофанович — президент Всемирной академии наук комплексной безопасности, доктор технических наук, профессор
Минеева Елена Константиновна — профессор кафедры Отечественной истории Чувашского государственного университета, доктор исторических наук, профессор
Шайдулин Рафаиль Валеевич — профессор кафедры Отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор исторических наук, профессор

© Ульяновский государственный университет, 2012

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы;
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций;
- Рукописи авторам не возвращаются;
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ 9

Бойко Н. С.
ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ 9

Васильев А. А.
ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 80-Х — НАЧАЛА 90-Х ГГ. XX ВЕКА О МЕСТЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1946—1991 ГГ. 12

Волков А. П.
ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 22

Мартынов В. Ф.
РОЛЬ И МЕСТО ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 28

Мухамедов Р. А.
МУСУЛЬМАНСКИЕ СВЯЩЕННИКИ В РУССКОЙ АРМИИ XIX ВЕКА: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ? 34

Романов В. В.
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI ВВ. ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1826—1860 ГГ. 38

Точеный Д. С., Точеная Н. Г.
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. Н. ТОЛСТОГО 59

ОТОЗВАНА 4.10.2019 Чуканов И. А., Шайпак Л. А.
ОСОБЕННОСТИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ (МАРТ—ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА) 65

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА 79

Богомолова М. И., Дюльдина Ж. Н.
СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ 79

Дюльдина Ж. Н.
ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД XVI—XX ВВ. 85

Жаркова Г. А.
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОМОГРАММ 93

Новиков И. О.
АКТУАЛЬНОСТЬ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ. 100

Руднева Н. Е.
ЭЛЕМЕНТЫ ИННОВАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ДИСЦИПЛИНЕ «РИСУНОК» КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРОВ 106

Савик С. А.
ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 108

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 115

Глушко А. Н.
УГРОЗЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 115

Дамаскин О. В.
ЛЕГИТИМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 120

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ 125

Бурдин Е. А.
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕДУЩИХ ФАКТОРОВ ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВА НА ВОЛГЕ 125

Варнакова Г. Ф.
РАСЧЕТ ПОСОБИЙ ПО БОЛЬНИЧНОМУ ЛИСТУ 133

Ломовцева Н. Н.
ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) УЧРЕЖДЕНИЯХ РФ 136

Муравьева Е. В.
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ 141

Пустынникова Е. В., Подгорнов В. В.
РАЗВИТИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРИРОВАННЫХ СИСТЕМ 145

Пяткова Г. Ю.
ЛЕГКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 ГГ.) 152

Романова И. Б., Ермишина О. Ф.
УЧЕТНАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ 159

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ 163

Баранец Н. Г., Кудряшова Е. В.
КОНФЛИКТЫ И ФИЛОСОФСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ 163

Мазилина Н. А.
ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ 170

Мальцева А. П., Синикина П. А.
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ИСТИНЫ 175

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ 181

Дергунова Н. В.
ГРАЖДАНСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ) 181

Калантарян И. Г.
«НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ»: ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЙ 187

Кулешов Р. В.
ОПЕРАТИВНО-БОЕВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ И УРОКИ 191

ФИЛОЛОГИЯ 198

Борисова С. А., Гилазиева Э. Н.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА 198

Егорова Э. В.
ЖАНР «ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХ ОТ СССР ДО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 202

Миронова Е. А.
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ УЛЬЯНОВСКОГО РЕГИОНА 207

Морозкина Т. В.
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕФЛЕКСИВНОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 211

ИНФОРМАЦИЯ 215

Знаменательные даты, юбилеи 215

Сенчева Е. Ф.
УЛЬЯНОВСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА — 80 ЛЕТ 215

Новости архивов 217

Романов В. В., Романова Г. В., Романова А. В.
НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИЮ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ КОНТРРАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 217

Аннотации научных статей, рецензии, отзывы 235

Точеный М. Д.
РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ПРАВОВЕДЕНИЕ» / В. В. КУЛАКОВ И ДР. (РОСТОВ Н/Д : ФЕНИКС, 2011. 220 С.) 235

Наши авторы 237

Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» 243

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY 9

Boiko N. S.
PECULIARITIES OF PEASANT SELF-MANAGEMENT IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA (MIDDLE XIX — EARLY XX CENTURIES) 9

Vasiliev A. A.
LATE 1980S — EARLY 1990s HISTORIOGRAPHY ON THE ARMED FORCES ROLE IN THE SYSTEM OF MILITARY AND PATRIOTIC CIVILIAN UPBRINGING IN THE USSR (1946—1991) 12

Volkov A. P.
RUSSIAN ARMY OFFICERS' TRAINING (EARLY XIX CENTURY) 22

Martynov V. F.
ROLE AND PLACE OF MILITARY DISCIPLINE IN THE MILITARY DEVELOPMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN STATE IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: HISTORICAL ANALYSIS 28

Mukhamedov R. A.
MUSLIM CHAPLAIN IN XIX CENTURY RUSSIAN ARMY: NECESSITY OR INEVITABILITY? 34

Romanov V. V.
MAIN TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC AND FOREIGN HISTORICAL AND HISTORICAL-LEGAL LATE XIX — EARLY XXI CENTURIES RESEARCH OF RUSSIAN EMPIRE POLITICAL POLICE IN 1826—1860 38

Tocheniy D. S., Tocheniya N. G.
LEGAL AND ETHICAL VIEWS OF LEO TOLSTOY 59

RETRACTED 4.10.2019 Chukanov I. A., Shaipak L. A.
PECULIARITIES OF FEBRUARY REVOLUTION IN THE MIDDLE VOLGA VILLAGE (MARCH—OCTOBER, 1917) 65

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS 79

Bogomolova M. I., Dyuldina J. N.
VALUE SYSTEM FORMATION DURING THE ADOLESCENCE PERIOD IN CONDITIONS OF MULTICULTURAL ENVIRONMENT 79

Dyuldina Zh. N.
HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ASPECT OF FAMILY AND FAMILY RELATIONSHIP FORMATION IN RUSSIA (XVI—XX CENTURIES) 85

Zharkova G. A.
STATISTICAL ANALYSIS OF PEDAGOGICAL EXPERIMENTAL DATA WITH NOMOGRAMS 93

Novikov I. O.
IMPORTANCE OF PATRIOTIC UPBRINGING IN RUSSIA AT THE TURN OF XX—XXI CENTURIES 100

Rudneva N. E.
ELEMENTS OF INNOVATIVE TEACHING DURING «DRAWING» CLASSES AS A PART OF DESIGNERS PROFESSIONAL TRAINING 106

Savik S. A.
OFFICERS' TRAINING FOR THE REPUBLIC OF BELARUS ARMED FORCES 108

JURISPRUDENCE 115

Glushko A. N.
THREAT OF MILITARY SAFETY OF RUSSIA: A LEGAL ANALYSIS 115

Damaskin O. V.
LEGITIMATION OF STATE POWER IN MODERN CONDITIONS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS 120

ECONOMICS AND MANAGEMENT 125

Burdin E. A.
ROLE OF A PERSON DURING HYDROBUILDING LEADING FACTORS FORMATION ON THE VOLGA 125

Varnakova G. F.
CALCULATION OF BENEFITS FOR SICK LEAVE 133

Lomovtseva N. N.
PECULIARITIES OF LABOR REMUNERATION REGULATION IN STATE (MUNICIPAL) INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION..... 136

Muravjeva E. V.
INTEGRATIONAL PRIORITIES OF EDUCATION AND INDUSTRY 141

Pustynnikova E. V., Podgornov V. V.
DEVELOPMENT OF COMMON INFORMATION SPACE AS A FACTOR OF FORMATION OF STABLE REGIONAL INTEGRATED SYSTEMS..... 145

Pyatkova G. Yu.
CONSUMER GOODS INDUSTRY OF ULYANOVSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941—1945)..... 152

Romanova I. B., Ermishina O. F.
ACCOUNTING POLICY FOR TAXATION PURPOSES AS AN INSTRUMENT OF TAX PAYMENT OPTIMIZATION 159

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY 163

Baranets N. G., Kudryashova E. V.
CONFLICTS AND PHILOSOPHICAL COMMUNICATION 163

Mazilina N. A.
VALUE ORIENTATION FORMATION WHILE TRAINING A MODERN SPECIALIST IN HUMANITIES..... 170

Maltseva A. P., Sinikina P. A.
DAILY MANIFESTATION OF THE TRUTH 175

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE 181

Dergunova N. V.
CIVIL AND POLITICAL ACTIVITY OF POPULATION AS A FACTOR OF RUSSIAN POLITICAL SYSTEM REFORM (REGIONAL ASPECT)..... 181

Kalantaryan I. G.
«NATION» AND «NATIONAL IDEA»: INTERDEPENDENCE OF CONCEPTS..... 187

Kuleshov R. V.
COUNTER-TERRORIST ACTIVITIES: EXPERIENCE AND LESSONS 191

PHILOLOGY 198

Borisova S. A., Gilazieva E. N.
CURRENT TRENDS IN EDUCATIONAL DISCOURSE DEVELOPMENT..... 198

Egorova E. V.
GENRE «POLITICAL ANECDOTE» AS A REFLECTION OF EPOCHS FROM THE USSR TO MODERN RUSSIA 202

Mironova E. A.
LINGUISTIC BACKGROUND OF ULYANOVSK REGION 207

Morozkina T. V.
FUNCTIONAL PECULIARITIES OF REFLEXIVE DISCOURSE IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL INTERACTION..... 211

INFORMATION 215

Memorable dates, jubilees 215

Sencheva E. F.
ULYANOVSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY NAMED AFTER I. N. ULYANOV IS 80 YEARS OLD 215

News of archives 221

Romanov V. V., Romanova G. V., Romanova A. V.
REGULATORY LEGAL ACTS CONTROLLING THE ORGANIZATION AND FUNCTIONING
OF SECURITY AGENCIES IN RUSSIAN EMPIRE (EARLY XX CENTURY)..... 221

Summaries of scientific articles, reviews, responses 217

Tocheniy M. D.
REVIEW ON A TEXTBOOK «JURISPRUDENCE» / V. V. KULAKOV ET AL.
(ROSTOV-ON-DON : PHOENIX, 2011. 220 P.)..... 217

Our authors 237

**Rules of representation and registration of mountig of articles by authors
for publication in the «SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK»** 243

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. С. Бойко

ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В статье раскрываются основы народовластия в области управления на местном уровне и обязанности выборных лиц крестьянского общинного самоуправления в ходе проведения первых реформ в области местного самоуправления в середине XIX — начале XX веков.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, крестьянский староста, крестьянская община, сельский сход, сельские сообщества.

N. S. Boiko

PECULIARITIES OF PEASANT SELF-MANAGEMENT IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA (MIDDLE XIX — EARLY XX CENTURIES)

The article reveals the basic principles of people government in local level management. It also describes the duties of elective officials of peasant community self-management while carrying out the first reforms in the field of local self-government from the middle XIX up to the beginning of XX centuries.

Key words: local self-government bodies, peasant village head, peasant community, village assemble, rural communities.

В системе современных общедемократических преобразований государственности и общественного устройства Российской Федерации начинает получать признание фундаментальное положение о том, что структура государственной власти будет неустойчивой до тех пор, пока ее не подкрепит жизнеспособная система местного самоуправления.

Для современной историко-правовой науки немаловажным является опыт организации и исполнения должностных обязанностей должностными лицами местного управления в дореволюционной России, в частности, обязанностей выборными лицами крестьянского общинного самоуправления в ходе проведения первых реформ в области местного самоуправления в середине XIX — начале XX веков.

Подавляющая часть российского крестьянства дореволюционной России была связана общинной формой землепользования. Под «поземельной общиной» историки понимают объединение непосредственных производителей на почве совместного пользования находящимися у них землею или отдельными угодьями при разделе отдельным дворам и ведении хозяйства членами этого земельного объединения.

«Крестьянская община» учеными отождествлялась с поземельными функциями. С. М. Дубровский, один из ведущих исследователей общины советской исторической школы, писал: «Под крестьянской общиной принято понимать совокупность крестьян, получивших одинаковый надел на душу и при том имеющих одну уставную грамоту или владенную запись, независимо от того, проживают ли эти крестьяне в одном селении или нескольких рядом расположенных, или же только в части одного селения и владеют ли они надельными землями всем миром или подворно» [4, с. 180].

Следует заметить, что слово «община» было неупотребительно и даже неизвестно среди крестьян. Совокупность домохозяев, владеющих сообща всеми или некоторыми угодьями, народ называл «миром».

Закон называл общинным такое обычное пользование, при котором полевые земли (пашни, покосы и другие угодья) по приговору «мира» распределялись между крестьянами по душам, тяглам или иным способам, а повинности, положенные за землю, отбывались круговою порукой. Мирской землей называлась та, которая была отведена за установленные повинности в постоянное пользование сельского общества.

Последнему законодательство, в лице сельского схода, составляющегося из всех крестьян-домохозяев и назначенных по выбору сельских должностных лиц, предоставляло право заведовать всеми делами, касающимися порядков землевладения. Согласно Положению 19 февраля 1861 года, сельские общества составлялись из крестьян, водворенных на земле одного помещика, и могли состоять либо из одного селения, либо из нескольких мелких, по возможности смежных и во всяком случае ближайших между собою поселков, пользующихся сообща всеми угодьями или некоторыми из них, или имеющих другие общие хозяйственные выгоды [4].

Таким образом, Положение имело в виду создание такой административной единицы (сельское общество), которая заключала бы в себе лишь лица, связанные между собою общим наделом. Фактически от этого принципа пришлось отступить уже при самом введении уставных грамот и владенных записей, а с течением времени такие отступления стали общим явлением.

После исследований В. И. Орлова в литературе установилось деление общин на три группы [7].

Простыми общинами назывались такие, земли которых были сосредоточены в одном селении; составными — такие, земли которых принадлежали нескольким селениям; наконец, раздельными — такие, земли которых принадлежали нескольким «мирам», живущим в одном селении и образующим одно сельское общество. Большинство общин были простыми, составные или сложные встречались чаще в северной и северо-восточных частях России, отчасти в южных.

Периодические переделы земель и круговая порука в отбывании податей и повинностей являлись самыми характерными признаками сельской общины конца XIX — начала XX века. Распределение земли было наиболее существенной функцией общины, исследование которой позволит выявить эволюционные процессы самого массового крестьянского института самоуправления.

Е. Д. Максимов считал, что принцип круговой поруки крестьянских общин выполнял страховые функции, способствовал сохранению крестьянского хозяйства от разорения и в случае неуплаты налогов являлся механизмом, наиболее адекватно учитывающим экономическую состоятельность каждого крестьянского двора.

Главным управляющим и организующим деятельность общинного самоуправления являлся сельский староста [6], в ведении которого находились другие лица, избранные для разных общественных нужд, такие как сборщик податей, смотритель хлебозапасного магазина, опекун малолетних сирот, лесные, ночные и полевые сторожа, т. е. лица, несущие то или иное общественное дело, общественную обязанность [2, с. 140].

По закону лицо, которое могло бы занять должность общинного старосты, должно быть обязательно одним из домохозяев данной общины, он не должен быть моложе 25 лет, обязательно отличаться хорошим поведением, не находиться под следствием и судом. Кандидатура в старосты всегда тщательно обговаривалась среди крестьян. В своих обществах сельские старосты были хозяевами, и крестьяне признавали их власть [1, с. 117]. Необходимо отметить, что некоторые старосты находились на должности многие годы без замены.

Структурная организация сельского общинного управления сложилась до крестьянской реформы 1861 года и оставалась практически неизменной до революции 1917 года.

Столыпинская аграрная реформа в экономическом смысле была шагом вперед, так как она ликвидировала архаичность общинного землевладения.

Также нельзя отрицать влияние на обычно-правовые нормы крестьянства государственного законодательства и развивавшегося капитализма, поэтому в деятельности сельских общин были и подъемы, и спады.

К началу XX столетия в губерниях европейской части России произошло земельное утеснение. Крестьяне были вынуждены искать пути увеличения дохода и места приложения рабочих рук. Распределение земли между об-

щинниками — главный вопрос, от которого в значительной степени зависело материальное благополучие крестьянской семьи.

Как отмечали исследователи, землю делили периодически по мужским душам, а сам передел совпадал с ревизией. В пореформенный период общество стало переходить к самостоятельным переделам. С начала революционных преобразований в селе община приняла еще более демократичный принцип — наделять землею младенцев и лиц женского пола.

Таким образом, в период столыпинских преобразований были нарушены правила длительных сроков между переделами в тех обществах, где в индивидуальном порядке крестьяне выходили из общины, что влекло за собой очередное земельное перераспределение и вызывало гнев крестьян-общинников. Возобновились ежегодные переделы земли в силу указа, а не внутренних процессов [3]. Община имела слабые позиции там, где отмечались сильные социально-дифференциальные процессы. В зависимости от конкретной ситуации в этих обществах либо производились ежегодные переделы, либо вообще прекратились переделы. В общинах с мощным середняцким ядром выходов было меньше, там передельный земельный фонд расширялся за счет расчистки лесов, болот, кустарника, приобретения земли. Подобные общины были и среди помещичьих, с полным наделом, и среди государственных и удельных крестьян [5, с. 217].

Аграрная реформа П. А. Столыпина активизировала рыночные преобразования в российской деревне, создала необходимые социально-экономические предпосылки для возникновения и бурного развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Главным препятствием на пути рыночных преобразований в сельском хозяйстве служила община. Община консервировала крестьянское малоземелье и способствовала созданию натурального характера производства, в то же самое время удерживала беднейшие крестьянские хозяйства от полного разорения. Переход к частному крестьянскому землевладению, по мнению правительства, должен был осуществляться через разрушение общины и передачу надельной земли в личную собственность крестьян [8, с. 147].

1. *Александров, В. А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.) / В. А. Александров. М., 1976.
2. *Артемова, С. Т.* Организация и правовые прерогативы крестьянского самоуправления в дореволюционный период (конец XIX — начало XX в.) / С. Т. Артемова // Правовая политика и правовая жизнь / С. Т. Артемова, И. А. Чуканов, М. М. Ионеско. Саратов—М., 2009. № 1(34). С. 139—145.
3. *Данилов, В. П.* Об исторических судьбах крестьянской общины в России / В. П. Данилов // Ежегодник по аграрной истории: проблемы истории русской общины. Вологда, 1976. № 6.
4. *Дубровский, С. М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма / С. М. Дубровский. М., 1975.
5. *Еферина, Т. В.* Земельно-распределительная функция крестьянской общины на территории Мордовии (1861—1934) / Т. В. Еферина // Материалы I Всерос. науч. конф. финно-уговедов. Йошкар-Ола, 1995.
6. Общественное положение. 1902. Ст. 62, п. 1.
7. *Орлов, В. И.* Формы крестьянского землевладения в Московской губернии / В. И. Орлов // Сб. статистических сведений по Московской губернии. М., 1879. Т. 4. Вып. 1.
8. *Хауке, О. А.* Крестьянское земельное право / О. А. Хауке. М., 1914.

А. А. Васильев

ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 80-Х — НАЧАЛА 90-Х ГГ. XX ВЕКА О МЕСТЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1946—1991 ГГ.

В статье дан историографический анализ литературы 1946—1991 гг. XX века об участии Вооруженных Сил СССР в военно-патриотическом воспитании молодежи в эти годы.

Ключевые слова: защита Отечества, молодежь, историография, Вооруженные Силы, военно-патриотическое воспитание.

A. A. Vasiliev

LATE 1980s — EARLY 1990s HISTORIOGRAPHY ON THE ARMED FORCES ROLE IN THE SYSTEM OF MILITARY AND PATRIOTIC CIVILIAN UPBRINGING IN THE USSR (1946—1991)

This article presents a historiographic analysis of the literature of 1946-1991 on the participation of the Soviet Armed Forces in the military and patriotic education of the youth at that time.

Key words: protection of homeland, youth, historiography, armed forces, military and patriotic education.

Научный уровень разработанности во второй половине 80-х — начале 90-х годов XX века проблемы участия Вооружённых Сил в военно-патриотическом воспитании гражданского населения можно проанализировать по ряду наиболее значимых в научном плане работ, сгруппировав их по основным направлениям исследовательской работы.

К первому направлению следует отнести работы, рассматривающие проблему в философско-методологическом и концептуальном плане [1]. Как правило, это сборники статей и опубликованные материалы научных и научно-практических конференций [2], популярных в те годы «круглых столов» и других дискуссий [3], а также газетные и журнальные статьи [4], диссертационные исследования [5]. В них анализируются некоторые важные вопросы, имеющие непосредственное отношение к теме данного исследования: о роли и месте армии в политической жизни общества и государства, её функциях и принципах строительства, необходимости разделения властей, гражданском контроле над армией. В контексте поставленных проблем впервые достаточно категорично выдвигалось требование относительно того, что «народ вправе знать правду о состоянии армии и ее жизнедеятельности, в полном объеме контролировать её» [6].

Необходимо отметить, что по принципиальным проблемам роли Вооружённых Сил в обществе точки зрения участников дискуссии в рассматриваемые годы разошлись. Одна из них была представлена Министерством обороны СССР. Эта позиция основывалась на необходимости сохранения существовавшей в конце 80-х годов военной организации союзного государства с постепенным, поэтапным внесением в нее изменений позитивного характера; улучшения системы стратегического и оперативно-тактического управления; модернизации организационной структуры по каждому виду Вооруженных Сил с учетом оборонительного характера военной доктрины; совершенствования кадровой политики, придания ей социально-справедливого характера; укрепления воинской дисциплины и правопорядка [7].

Историографический анализ показывает, что такая постановка проблемы и пути ее разрешения находили понимание и активную поддержку в Верховном Совете СССР, ЦК КПСС, у большой группы военных теоретиков и практиков [8].

Наиболее радикальная точка зрения была отражена в публикациях, в которых в об-

щем, постановочном плане обосновывалась объективная необходимость коренного изменения существующей военной системы, особенно поэтапного перехода армии и флота на профессиональную основу, введения контрактной и альтернативной службы, подготовки военно-обученного резерва по территориальному принципу.

Следует отметить, что многие участники дискуссии обоснованно указывали на развитие глубоко непродуманных процессов сокращения войск, вывода их из сопредельных государств, конверсии оборонной индустрии. Отмечалось также, что некоторые изменения организационно-штатной структуры войск, принципов военного управления не носили взвешенного характера. Все это, по мнению исследователей, вносило элементы социальной напряженности как в общество, так и в армейскую среду [9].

Изучение публикаций говорит о том, что в большинстве из них проводилась плодотворная мысль о «трезвом расчёте, тщательный анализ имеющихся предложений, научный прогноз положительных и отрицательных последствий тех или иных перемен» [10]. Однако не все участники дискуссии следовали этому призыву. Уповая на быстрые перемены, авторы не совсем отчетливо понимали, что предлагаемый ими срочный и полный переход к профессиональной армии предполагает высокий уровень экономики, устойчивую и четко организованную снизу доверху политическую систему, общественную стабильность, высокую культуру и правовое сознание граждан, они забывали о том, что важное значение имеют исторические традиции, геостратегическое положение государства, развитость инфраструктуры — дорог, транспорта, средств информации и т. д. При этом, делая крен в сторону западного опыта, некоторые исследователи отошли от анализа отечественного исторического опыта [11].

В целом, несмотря на отмеченные выше «слабые места» в дискуссии, главный её позитив состоял в том, что обсуждение роли и места армии в обществе, с одной стороны, усиливало внимание государственных органов, населения к нуждам и проблемам армии, а с другой — стимулировало военно-теоретические изыскания в данной области, в том числе по рассматриваемой проблеме.

Второе направление исследований по вопросам участия Вооружённых Сил в военно-патриотическом воспитании населения представлено монографиями, брошюрами, журнальными статьями, в которых рассматривался исторический опыт, актуальные проблемы защиты Отечества, подвергались осмыслению объективные основы роли и значения единства армии с народом [12].

Особое внимание авторы уделили выяснению содержания единства армии и народа как общности экономических, политических, идеологических интересов и целей, единства воли и политических действий трудящихся и военной организации государства. Ученые с привлечением доступных им источников исследовали реализацию единства армии и народа на практике. Основное внимание они уделяли вопросам активизации совместной работы гражданских и военных органов в деле укрепления связей, улучшения военно-патриотического воспитания молодёжи.

Вместе с тем в научном плане эта литература еще не приносила принципиально новых подходов в разработку проблемы, а несла на себе отпечаток старых, традиционных подходов, так как по-прежнему связи армии и общества анализировались только в завершенной стадии и превосходном состоянии. И все же такие подходы вполне объяснимы: на государственном уровне в эти годы проблемы взаимоотношений армии и общества оставались зоной, запретной для критики, для объективного рассмотрения [13].

Видимо, не случайно в первые годы перестройки в руководящих военных кругах полностью отрицались сколь-нибудь серьезные негативные моменты в жизнедеятельности Вооруженных Сил, в первую очередь замалчивались факты гибели военнослужащих [14], проблемы низкой воинской дисциплины и главным образом неуставных взаимоотношений в армейской среде [15].

Только в 1988 и особенно в 1989 году на официальном уровне появились публикации в открытой печати, в которых были предприняты попытки проанализировать отрицательные моменты, негативно влияющие на крепость связей армии и общества [16].

С этого же времени руководство Министерства обороны стало более регулярно и настойчиво обращать внимание ЦК, Совета Министров СССР на необходимость скорейшего разрешения обострившихся армейских проблем. Тем самым руководство Вооружен-

ными Силами, военные специалисты, социологи и психологи, хотя и с определенным опозданием, сумели передать обществу свою озабоченность резким ухудшением интеллектуальных, нравственных и иных качеств воинского пополнения, связанных с развитием в обществе негативных процессов [17].

К третьему направлению относятся работы, в которых рассматривались нравственно-правовые аспекты выполнения воинского долга, вопросы воспитания правосознания, правовой культуры, верности долгу, Конституции, государству как у воинов, так и у призывной и допризывной молодёжи.

Авторы этих исследований [18] особо подчеркивали, что для сохранения статуса Вооруженных Сил как народной армии необходима срочная правовая регламентация. Это должно было, по их мнению, оградить армию от возможности незаконного ее использования во внутренней политике, защитить её авторитет [19].

В результате авторы, исследующие данный аспект проблемы «армия и общество», пришли на рубеже 80—90-х годов к обоснованному выводу относительно того, что необходима целостная система мер экономической, политической, правовой и нравственно-этической регламентации воинского труда, социальной зашиты военнослужащих и членов их семей [20], правовой ориентации офицеров и солдат с учетом изменения общественного статуса армии.

Анализ литературы показывает, что в результате низкой правовой подготовки, юридической некомпетентности многие командиры и начальники издавали приказы, противоречащие нормативным актам, нарушавшие права военнослужащих и членов их семей. Так, в течение 1985—1991 гг. ежегодно органами военной прокуратуры восстанавливались права в среднем около 10 тыс. военнослужащих [21], что не давало им возможности думать о других проблемах.

Четвёртое направление исследований включает в себя достаточно многочисленную группу источников, анализирующих воспитательную роль Вооруженных Сил, которая, по мнению большинства авторов, безусловно, оказывает положительное воздействие на упрочение связей армии и общества.

С учетом реалий второй половины 80-х годов в этих трудах продолжалась разработка теоретических основ и важнейших направлений воздействия армии на процессы воспитания населения, выявлялся механизм этого воздействия, определялись пути усиления воспитательной роли армии в целом [22], влияние различных сфер воинской жизни на процесс формирования личности военнослужащих и гражданской молодёжи [23].

Обоснованным был вывод данных авторов о том, что воспитательная роль Вооруженных Сил объективно обусловлена ее историческим предназначением, сложившейся системой воспитательной работы, специфическими условиями деятельности воинских коллективов, благоприятными психологическими и возрастными особенностями процесса формирования всесторонне развитой личности в армейских условиях и его влиянием на воспитание гражданского населения.

Однако в большинстве трудов научному исследованию подвергалась прежде всего проблема воспитательной роли воинской службы, причем, как правило, она анализировалась применительно к проводимой в войсках идейно-политической и культурно-просветительной работе как в обычных, так и в экстремальных условиях [24]. Кроме того, наметившаяся в те годы тенденция принизить воспитательную функцию Вооруженных Сил [25] оказалась не вполне обоснованной.

Поэтому представляется правильной мысль о том, что воспитательная работа является одним из элементов функции каждого из государственных институтов, в том числе и армии [26].

Пятое направление включает сравнительно небольшую по объему, но важную по степени разработанности проблемы группу историографических источников — работы, специально посвященные проблемам участия Вооружённых Сил в военно-патриотическом воспитании гражданского населения СССР в 1946—1991 гг.

В хронологическом плане первым подобным исследованием стала диссертация В. Д. Кадышева [27], в которой на материалах Приволжского военного округа показана деятельность армейских организаций КПСС и политорганов по военно-патриотическому воспитанию допризывной и призывной молодёжи в период 1966—1970 гг. При наличии попыток поиска новых подходов в условиях наметившихся перемен осмысления прошлого автор

не ушёл от излишнего пафоса деклараций. Вместе с тем анализ форм, методов работы с молодёжью армейских структур, когда шла перестройка старой законодательной базы организации подготовки призыва на военную службу в соответствии с новым законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» 1967 года, вызывал интерес у учёных, о чём говорят ссылки на данную диссертацию в более поздних исследованиях второй половины 80-х годов XX века.

В рамках данного направления можно отметить работу Т. А. Дударевой [28]. Автор на материале Украины рассматривает деятельность Коммунистической партии по укреплению единства армии и народа в первое послевоенное пятилетие (1945—1950 гг.) и выделяет следующие основные направления этой деятельности: участие Красной Армии в восстановлении и развитии народного хозяйства республики; мобилизация трудящихся на укрепление Красной Армии; содействие армейским органам в военно-патриотической работе среди населения и др.

Важнейшую особенность работы по укреплению единства армии и народа в послевоенный период Т. А. Дударева связывает с усилением агрессивной политики империалистических государств. Да и в целом исследование проведено в рамках догматических подходов к рассматриваемому историческому периоду, хотя в 1988 году необходимость их пересмотра ощущалась достаточно явно.

В определенной степени избежать старых взглядов на рассматриваемые проблемы удалось И. В. Кузнецову [29]. В историографическом разделе диссертации он впервые указывает на общий недостаток исследований предшествующих лет — отсутствие в них какого-либо анализа просчетов и ошибок, допущенных в работе по укреплению связей армии и общества, особенно по таким направлениям, как подготовка призывной и допризывной молодежи к службе в Вооруженных Силах и военно-патриотическое воспитание.

А. И. Чижиков [30], уделив основное внимание развитию шефских связей между местными и армейскими органами, также подчеркивает, что в исследованиях, проведенных в «доперестроечный период», отсутствует анализ и критика негативных явлений в различных областях жизни, которые были видны достаточно отчетливо.

Осуществляются первые попытки рассмотреть взаимосвязь повышения актуальности проведенных исследований с резким обострением идеологической борьбы по вопросам теории и практики функционирования и развития социалистического общества, в том числе и его взаимоотношений с армией. Однако это связывается исключительно с влиянием буржуазной пропаганды.

Кроме того, в названных исследованиях в соответствии с идеологическими установками «перестройки» по-прежнему подчеркивается, что единство армии и народа может быть только в социалистическом обществе, а научная цель исследования определяется показом объективного и закономерного характера руководящей роли КПСС в дальнейшем развитии и укреплении этого единства.

На первый план среди факторов, обусловливающих дальнейшее усиление роли армии в военно-патриотическом воспитании населения, выдвигались внешние: сохраняющаяся агрессивность империализма; потребности защиты интернациональных завоеваний СССР и стран социалистического содружества, вызванные угрозой со стороны сил мирового империализма; возможное применение противником оружия массового уничтожения, что сотрет грани между фронтом и тылом.

Такие исходные идеологические установки приводили к значительным искажениям в исследовании объективных процессов, отражали состояние исторической науки перестроечного периода в целом. Дальнейшее укрепление единства армии с обществом связывалось, таким образом, с рядом факторов, противоречащих подходам, которые явственно обозначились во второй половине 80-х годов.

Отличительной чертой исследования А. П. Гребенщикова [31] являются его протяженные, почти четвертьвековые хронологические рамки — от начала «брежневских времен» до последних лет «перестройки». Автор предложил выделить два этапа: первый — с середины 60-х до середины 80-х годов, характеризующийся, по его мнению, «духом застойного времени», второй — со второй половины 80-х годов, который, с вполне понимаемой сегодня эйфорией, связывался со «взрывом» демократических процессов и гласности [31, с. 16].

Несколько иначе, чем это делалось ранее, исследователь изложил объективные

предпосылки единства армии и народа. К ним он отнес общность целей и интересов воинов и трудящихся, однородность социального состава, строительство общественно-политических институтов армии и общества по единому принципу, общность политической и духовной жизни.

В духе идеологических установок этапа «перестройки» роль главного субъективного фактора в этом процессе автор отвел Коммунистической партии, которая, по его мнению, своей деятельностью консолидирует различные общественно-политические силы, контролирует работу институтов политической системы. Значительную часть своего исследования А. П. Гребенщиков посвятил полемике с «деструктивными силами», то есть с оппонентами, отрицающими вышеперечисленные воззрения автора, а также сетованиям по поводу отсутствия четких научных рекомендаций по перестройке анализируемой деятельности.

Н. П. Гончаров [32] в условиях политической ситуации второй половины 80-х годов проанализировал более локальную проблему — роль радио и телевидения в системе взаимоотношений армии и народа, основные направления деятельности этих средств массовой информации по укреплению таких связей, а также пути и формы повышения эффективности воздействия радио и телевидения на дальнейшее упрочение единства армии и народа. В соответствии с решениями XIX Всесоюзной партийной конференции по военному вопросу укрепление единства армии и народа рассматривалось автором как «фактор обеспечения перехода оборонного строительства преимущественно на качественные параметры» [33, с. 173]. Кроме того, исходя из имевшейся идеологической установки, Н. П. Гончаров рассматривает единство армии и народа как одно из коренных отличий и главных преимуществ социалистической военной организации над армиями буржуазных государств.

Среди исследований, в которых нашли отражение проблемы, связанные с разработкой содержания, эффективности и путей повышения эффективности военно-патриотического воспитания гражданского населения армейскими структурами [34], особого внимания и положительной оценки заслуживает коллективная работа Л. А. Бублика, А. Н. Васютина, А. Н. Вырщикова и других авторов работы «Основы военно-патриотического воспитания», в которой, наряду с методологией военно-патриотического воспитания, рассматривается деятельность субъектов, в том числе Вооружённых Сил, участвующих в подготовке молодежи к воинской службе. На основе большого фактического материала в книге раскрываются основные формы работы по её воспитанию в процессе военно-шефской деятельности.

Из наиболее интересных работ отметим диссертационные исследования А. Г. Бесова и В. Г. Кадочникова [35]. В них определены новые методологические подходы к данной проблеме.

Впервые система работы Вооружённых Сил по военно-патриотическому воспитанию молодёжи, существовавшая в те годы в стране, была подвергнута критическому анализу, были вскрыты серьезные недостатки в ее функционировании, внесены предложения по ее коренному преобразованию.

Например, авторы обоснованно отмечали отсутствие единой методики воспитательной работы с молодёжью; отсутствие творческого подхода к работе, шаблонность и догматизм, неумение заинтересовать молодёжь; игнорирование и недопонимание значения индивидуальной воспитательной работы с отдельными людьми, «трудными» подростками; нехватку средств на подготовку и проведение всех мероприятий.

Вполне справедливо предлагалось создать совместные методические центры под руководством Военных Советов округов для координации работы в области военно-патриотического воспитания; провести всесоюзные совещания, посвящённые решению данных проблем; создать в армейских органах отделы по связи с общественностью; активизировать выпуск журналов по военно-патриотической тематике; улучшить систему финансирования проводимой работы; укрепить правовую базу.

Вместе с тем А. Г. Бесов и В. Г. Кадочников обоснованно предлагали не отбрасывать всё ценное, что было накоплено в опыте работы армейских структур в данной области.

А. Г. Бесов на базе многих источников проанализировал в этой связи влияние политорганов, командования воинских частей Московского военного округа на повышение эффективности военно-патриотического воспи-

тания молодёжи в 1985—1989 гг. Автор в духе нового времени подчеркнул, что «партийным комитетам, политорганам не удалось преодолеть ослабление шефских связей, которое произошло в конце 70-х — начале 80-х гг.» [36, с. 14].

В. Г. Кадочников отмечал высокую результативность в формировании морально-политических качеств молодёжи в период с 1976 по 1986 годы работы военно-патриотических школ, созданных при военных училищах и частях Уральского военного округа. Автор показывает и наиболее действенные формы и методы работы в военно-профессиональной ориентации учащихся, в результате чего 55—60 % выпускников этих школ становились курсантами училищ [37, с. 18].

Ленинградский историк П. И. Якубенков на примере ГК КПСС и Горсовета г. Выборга, ряда районов г. Ленинграда раскрывает опыт работы по укреплению и развитию шефских связей с воинскими частями и соединениями, отмечает их значительное расширение, особенно в первой половине 70-х годов. В частности, в тот период свыше 2,5 тыс. военнослужащих Ленинградского округа участвовали в движении «Армейское шефство — юным патриотам» [38, с. 11]. Воины оказывали помощь труженикам области в уборке урожая и строительстве жилья, в организации начальной военной подготовки и работали нештатными вожатыми в военно-спортивных лагерях. Многие партийные комитеты и исполкомы местных Советов, в свою очередь, установили переходящие Красные Знамена лучшим воинским частям; трудовые коллективы заключали с ними совместные договоры о сотрудничестве. Повседневной практикой стали обмены делегациями, посещения руководителями области и города воинских гарнизонов и отдаленных застав. Однако к началу 80-х годов в этой работе наметился спад. Ряд районов области потеряли былые традиции шефства над воинскими частями; отдельные из них годами не встречались с представителями трудовых коллективов. Довоенный опыт шефских комиссий, по мнению П. И. Якубенкова, был несправедливо в эти годы забыт [38, с. 11].

Отдельные аспекты проблемы деятельности командиров и общественных структур [39] Вооружённых Сил по военно-патриотическому воспитанию населения СССР рассмотрены в ряде сборников, подготовленных после 1985 года [40]. Интересен своими подходами справочник «Военно-патриотическое воспитание: вопросы и ответы», подготовленный А. П. Волковым, Ю. Г. Дерюгиным и В. В. Поповым, в котором перечисляются основные формы участия Вооружённых Сил в работе с гражданской молодёжью [41].

В целом историографический анализ показывает, что во второй половине 80-х — начале 90-х годов ещё достаточно публиковалось исследований, особенно диссертационных, в которых была сильна инерция традиционных, уже вступивших в противоречие с жизнью подходов к разрешению проблем участия Вооружённых Сил в военно-патриотическом воспитании и подготовке гражданской молодёжи к военной службе [42].

---

1. Особенно активизировалась работа в этом направлении после опубликования в печати ряда альтернативных проектов реформирования Вооружённых Сил (см.: Концепция военной реформы (проект) // Военная мысль. Спец. вып. 1990. С. 3—23; Концепция военной реформы: проект Министерства обороны СССР // Правительственный вестн. 1990. № 48. С. 5—10; О подготовке военной реформы СССР: проект, подготовленный группой военнослужащих — народных депутатов СССР // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 9. С. 117—122; О подготовке и проведении военной реформы: проект, разработанный группой народных депутатов СССР // Правительственный вестн. 1990. № 48 и др.).
2. Новое мышление и военная политика : Материалы докл. Междунар. науч. конф. М. : ВПА, 1989; Армия и общество. М., 1990; Общество и армия : Материалы общественно-политического практикума. Тюмень, 1990; Актуальные проблемы военной реформы. М. : ВПА, 1991; Перестройка в Вооруженных Силах: опыт и проблемы : Материалы творческих дискуссий. М., 1991; Военная реформа: история и перспективы : сб. М., 1991.
3. Например, целая серия подобных мероприятий прошла в период подготовки и празднования 70-летия Вооруженных Сил СССР, их материалы публиковались на страницах журналов, издавались отдельными брошюрами. См.: Армия революции, армия народа // Коммунист. 1988. № 3; Несокрушимая и легендарная : Материалы «круглого стола». М., 1988.
4. См.: *Дельмаев, Х. В.* Армия и общество: военно-политические аспекты отношений / Х. В. Дельмаев // Новое мышление и военная политика. М., 1989. С. 32—35; *Бойко, Н. М.* Армия и общество / Н. М. Бойко // Вестн. ПВО. 1990. № 12. С. 3—8; *Егоров, Л.* Социальные процес-

сы и армия / Л. Егоров // Военный вестн. 1991. № 1. С. 25—28; *Кизюн, Н. Ф.* Вооруженные Силы и общество: взаимосвязь, противоречия и пути их разрешения / Н. Ф. Кизюн // Военная мысль. 1991. № 6. С. 2—7.

5. См.: *Крюков, С. М.* Социальные аспекты оборонной политики КПСС в условиях перестройки : дис. ... канд. филос. наук / С. М. Крюков. Волгоград, 1991; *Федоров, П. А.* Армия в системе социальных институтов общества (методологический анализ) : дис. ... канд. филос. наук / П. А. Федоров. М., 1991; *Долгашов, В. Ф.* Социальные резервы боевой готовности Вооруженных Сил СССР в современных условиях : дис. ... канд. филос. наук / В. Ф. Долгашов. М., 1991; *Горобцов, Г. А.* Социальный потенциал в системе оборонной мощи Советского государства : дис. ... канд. филос. наук / Г. А. Горобцов. М., 1992.

6. См.: *Дмитриев, А. П.* Современные принципы советского военного строительства и роль политорганов в их реализации / А. П. Дмитриев // Роль и место политорганов в советском военном строительстве (история и современность). М., 1990. С. 63—64.

7. См.: *Вареников, В.* Предназначение Советских Вооруженных Сил // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 18. С. 22—25; Военная реформа: без ущерба для обороны страны; *Лизичев, А. Д.* Защита Отечества: человеческий фактор / А. Д. Лизичев. М., 1986; Время перемен, время действий. М., 1989; *Язов, Д. Т.* Оборонное строительство: новые подходы / Д. Т. Язов. М., 1989; На страже мира и социализма. М., 1987; Военная реформа. М., 1990.

8. См.: *Ачалов, В.* Знамен не меняем / В. Ачалов // Красная Звезда. 1990. 6 сент.; Военная реформа: действительность и перспективы // Красная Звезда. 1990. 18 нояб.; *Гареев, М. А.* О военной реформе / М. А. Гареев // Военная мысль. 1991. № 8; *Кизюн, Н. Ф.* Социалистическая армия: сущность и предназначение / Н. Ф. Кизюн // Советское военное обозрение. 1989. № 8. С. 6—7; *Табунов, Н. В.* В чем суть милиционной системы? / Н. В. Табунов // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 2. С. 12—20.

9. См.: *Воробьев, И.* Тернии военной реформы / И. Воробьев // Красная Звезда. 1991. 27 дек.; *Григорьев, А.* Военная реформа: информация к размышлению: о терминах и по существу / А. Григорьев // Военно-политический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 4—23; *Беляков, Н.* Если не придерживаться догм / Н. Беляков // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 20. С. 24—30; *Слипченко, В. И.* Методология реформирования Вооружённых Сил / В. И. Слипченко, Э. Г. Шевелев // Военная мысль. 1990. № 11—12. С. 30—35. По подсчетам автора, только в центральных военных журналах в 1991 году было опубликовано не менее 40 материалов, в прямой постановке отражающих данную проблему.

10. См.: *Кулак, М.* Вместо призыва вербовка? / М. Кулак // Красная Звезда. 1990. 11 нояб. Однако имели место и амбициозные публикации с элементами неуважительного отношения к армии. См.: *Лопатин, В.* Армия и политика / В. Лопатин // Знамя. 1990. № 7. С. 147—159.

11. См.: Опираясь на материалы архивных фондов, считаем, что вплоть до конца 70-х — начала 80-х годов советской молодежи было присуще стремление пройти армейскую службу, в которой тесно переплелись гражданская сознательность, благородные чувства, романтизм, желание пополнить политические и технические знания, закалить себя для последующей жизни. Например, за весь 1960 год в стране было зафиксировано 119 случаев уклонения от призыва в армию, в подавляющем большинстве — по религиозным мотивам (ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 817316. Д. 19. Л. 25).

    Многие авторы рассматриваемого периода забывали о том, что армии, создающиеся на основе всеобщей обязанности, более тесно связаны с народом и, следовательно, не поддаются контролю со стороны институтов гражданского общества, тая в себе меньшую опасность выступления в роли самостоятельной силы.

    В этой связи следует вспомнить иностранный опыт военного строительства. Например, во Франции идея перехода на полностью профессиональную армию вызвала широкое сопротивление демократической общественности, так как в этой стране всеобщая воинская обязанность является своего рода республиканской традицией, берущей свое начало со времён Великой французской революции. Армия во Франции рассматривается как важнейший общественный институт, способствующий демократическому воспитанию и сближению выходцев из различных слоев общества. Профессиональная армия означала бы, по мнению бывшего министра обороны Франции Ж. Шовенмана, отказ от идеи национальной обороны, которая основывается на участии всего народа (см.: Красная Звезда. 1990. 21 февр.).

12. См.: *Бруа, Б.* Великая сила единства армии и народа / Б. Бруа // Коммунист Вооруженных Сил. 1986. № 136. С. 51—57; *Ершов, С.* Народ и армия / С. Ершов // Агитатор. 1986. № 10. С. 3—4; Единство армии и народа // Красная Звезда. 1986. 22 февр.; *Павлов, Ю. А.* Единство армии и народа в советском обществе / Ю. А. Павлов // Научный коммунизм. 1987. № 2. С. 45—52; *Коваль, А. В.* Народ и армия: духовная сопричастность / А. В. Коваль. Киев : КГУ, 1987; *Сорокин, А. И.* Армия советского народа / А. И. Сорокин. М. : Воениздат, 1987; *Сомойленко, В. Ф.* XXVII съезд КПСС о дальнейшем упрочении единства армии и народа / В. Ф. Сомойленко, А. И. Сацута // Сб. науч. ст. М. : ВПА, 1987. № 35. С. 320—341; Деятельность КПСС по укреплению единства армии и народа. М., 1988; *Сидельников, И.* В единстве

с народом / И. Сидельников // Коммунист Вооруженных Сил. 1988. № 3. С. 9—15; *Язов, Д. Т.* Армия народа / Д. Т. Язов // Правда. 1989. 23 февр.; *Калашников, В. И.* Единой связаны судьбой / В. И. Калашников // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 18. С. 10—16; *Моисеев, М. А.* Наша армия — армия всего народа / М. А. Моисеев // Красная Звезда. 1989. 17 дек.; *Ермолин, А.* Армии и народ / А. Ермолин // Красная Звезда. 1986. 28 февр.; *Прядко, М. И.* Воплощение ленинского принципа единства армии и народа в защите социалистического Отечества на современном этапе / М. И. Прядко // Сб. науч. ст. М. : ВПА, 1990. № 45. С. 3—19; *Стефановский, Г.* Народ и армия / Г. Стефановский // Красная Звезда. 1990. 5 дек.

13. См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 47, 96; Материалы Пленума ЦК КПСС, 27—28 февраля 1987 г. М., 1987. С. 39, 62—63; Материалы Пленума ЦК КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. С. 19; Материалы Пленума ЦК КПСС, 17—18 февраля 1988 г. М., 1987. С. 46.
14. Особенно негативную реакцию в обществе вызывали факты самоубийства военнослужащих. В среднем на их долю в 1985—1991 гг. приходилось до 15—20 % всех небоевых потерь (см.: *Катусев, А. Ф.* Защитит ли закон человека с ружьем? / А. Ф. Катусев // Армия. 1991. № 14. С. 33—34).
15. Уже в 1985 году, по сравнению с 1984 годом, резко возросли (на 54,3 %) случаи неуставных отношений. В 1990 году в Министерство обороны СССР, Главное политуправление СА и ВМФ поступило более 35 тыс. жалоб по фактам такого рода (см.: *Катусев, А. Ф.* Защитит ли закон человека с ружьем? / А. Ф. Катусев // Армия. 1991. № 14. С. 35—36).
16. См.: *Лизичев, А. Д.* Социалистическая армия и литература / А. Д. Лизичев // Знамя. 1988. № 2; Армия революции, армия народа // Коммунист. 1988. № 3; *Сорокин, А. И.* 70 лет на защите завоеваний Великого Октября / А. И. Сорокин // Военно-исторический журн. 1988. № 2; Как покончить с дедовщиной // Красная Звезда. 1989. 30 апр.
17. Например, в 1989 году до 25 % призывников имели приводы в милицию, 6,6 % были судимы, многие употребляли алкоголь и наркотики, что явилось одной из основных причин сложной криминогенной обстановки в армии. Кроме того, внимание общественности привлекалось к тому, что неуклонно росло число военнослужащих, имевших слабое здоровье, физически неподготовленных, умственно неразвитых или недоразвитых. Даже самым радикальным критикам армии становилось ясно, что, регулярно получая такое пополнение, армия вынуждена была тратить много сил на то, чтобы лечить, подтягивать до нормы по физическим параметрам, исправлять и перевоспитывать, что крайне затрудняло решение тех задач, для которых она была создана (см.: *Серебрянников, В. В.* Армия и общество / В. В. Серебрянников. М. : Знание, 1991. С. 19).
18. См.: *Артамонов, Н. В.* Проблемы правового статуса военнослужащих в СССР / Н. В. Артамонов, Г. В. Орлов // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 47—51; *Воробьев, К. А.* Социально-политические основы боевого потенциала Советских Вооруженных Сил / К. А. Воробьев // Военная мысль. 1987. № 3; *Дельмаев, Х. В.* Армия и общество: военно-политические аспекты отношений / Х. В. Дельмаев // Новое мышление и военная политика. М. : ВПА, 1989. С. 323—325; *Кравец, Е. Я.* Правовые и нравственные аспекты советского воинского долга : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Я. Кравец. Киев, 1987; *Матакин, М. Г.* Вопросы правового обеспечения перестройки в армии и на флоте / М. Г. Матакин // Военная мысль. 1990. № 11. С. 65—69.
19. С конца 80-х годов впервые в правовом плане были поставлены проблемы укрепления доверия к армии, социальной защищенности военнослужащих и членов их семей, очерчивались правовые аспекты, указывались причины падения престижа ратного труда среди допризывной молодежи, воинов армии и флота (см.: *Комиссарчук, В. В.* Деятельность органов государственного и военного управления по социальной защите военнослужащих: исторический опыт и уроки (1985—1991 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1991).
20. С явным опозданием в эти годы действовало руководство КПСС. Так, Секретариат ЦК только 10 апреля 1991 года впервые специально рассмотрел вопрос о состоянии социальной защищенности военнослужащих и дал поручение ряду отделов и комиссий ЦК КПСС подготовить конкретные предложения в этом направлении. Однако эта работа так и не была доведена до своего логического завершения (РГАНИ. Ф. 89. Перечень 5. Док. 18. Л. 1—9).
21. См.: *Половецкий, С. Д.* Армия и советское общество в 1918—1991 гг.: историограф. исслед. : дис. … д-ра ист. наук / С. Д. Половецкий. М., 1996. С. 328. К сожалению, ни одна из поставленных задач выполнена не была. Более того, в результате образовавшегося правового вакуума, подвергаясь воздействию различных политических сил, армия была поставлена в очень сложное положение. Например, руководство СССР в условиях нарастания межнациональных конфликтов, теряя контроль над ситуацией, пошло по пути полномасштабного использования Вооруженных Сил для разведения враждующих сторон, а в дальнейшем, явно проигрывая сепаратистам, начало применять армию для предотвращения распада Союза.

    В этих условиях, как уже отмечалось, экстремистское крыло оппозиции, со своей стороны стремясь лишить союзное руководство ее основной опоры, развернуло масштабную антиармейскую кампанию, направленную на дискредитацию армии в глазах народа, её очернение и в конечном итоге на полное разложение.

Политизированные слои общества противоположной ориентации встали на путь призывов к военнослужащим — выполнить свой «патриотический долг», навести порядок в СССР, сохранив его, таким образом, от развала.

Однако, несмотря на сложности и противоречия данного этапа развития нашей страны, есть основания утверждать, что относительно спокойный, в большинстве случаев эволюционный характер перемен и даже столь драматический процесс, как распад СССР и образование пятнадцати независимых государств, стал возможен во многом благодаря армии. Несмотря на «правовой беспредел», являясь наиболее стабильным социально-политическим институтом, она в период нарастания разрушительных процессов во всех сферах жизнедеятельности сумела уберечь страну от гражданской войны в 1991 году, предоставила политикам возможность осмыслить ситуацию.

22. См.: Воспитательная роль Вооруженных Сил и пути ее повышения. М., 1986; Воспитательная роль Советских Вооруженных Сил // Вопр. воинского воспитания. М., 1986; *Корчемный, П.* Школа гражданственности, ответственности, мужества и патриотизма / П. Корчемный // Коммунист Вооруженных Сил. 1987. № 23. С. 73—78; *Резвов, М. П.* Социально-политический анализ воспитательной роли Советских Вооруженных Сил на современном этапе : дис. ... канд. филос. наук / М. П. Резвов. М., 1989; *Горбунов, В. С.* Методологические проблемы теории и практики системного формирования личности советского воина : дис. ... д-ра филос. наук / В. С. Горбунов. М., 1991.
23. См.: *Манилов, В. Л.* Служба в Вооруженных Силах СССР как фактор развития личности социалистического общества : дис. ... д-ра филос. наук / В. Л. Манилов. М., 1986; *Кондрашев, В. Д.* Воинские ритуалы как фактор формирования морально-политических и боевых качеств советских воинов : дис. ... канд. филос. наук / В. Д. Кондрашев. М., 1989; *Абрамов, В. Н.* Развитие политической культуры личности в условиях воинской службы : дис. … канд. филос. наук / В. Н. Абрамов. М., 1990.
24. См., например: *Кунцевич, Я. В.* Воспитательная работа в инженерных войсках при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС : дис. ... канд. ист. наук / Я. В. Кунцевич. М., 1991.
25. См.: *Беляков, Н.* Если не придерживаться догм / Н. Беляков // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 20. С. 27—28.
26. См.: *Бельков, О.* Армия должна делать свое дело / О. Бельков // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 18. С. 16—17.
27. См.: *Кадышев, В. Д.* Деятельность армейских политорганов и партийных организаций по военно-патриотическому воспитанию допризывной молодёжи. 1966—1970 гг. (на материалах Приволжского военного округа) : дис. … канд. ист. наук / В. Д. Кадышев. Куйбышев, 1985.
28. См.: *Дударева, Т. А.* Деятельность КПСС по укреплению единства армии и народа. 1945—1950 гг. (на материалах Украины) : дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Дударева. Киев, 1988.
29. См.: *Кузнецов, В. В.* Деятельность Коммунистической партии по укреплению единства армии и народа в условиях совершенствования социализма (1971—1986 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / В. В. Кузнецов. М. : ВПА, 1988.
30. См.: *Чижиков, А. И.* Деятельность Компартии Белоруссии по дальнейшему укреплению единства армии и народа (1971—1980 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / А. И. Чижиков. Минск, 1989.
31. См.: *Гребенщиков, А. П.* Деятельность политорганов и партийных организаций по укреплению единства армии и народа (1967—1990 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / А. П. Гребенщиков. М., 1991.
32. См.: *Гончаров, Н. П.* Роль радио и телевидения в укреплении единства армии и народа в условиях совершенствования социализма : дис. ... канд. филос. наук / Н. П. Гончаров. М., 1989.
33. См.: Материалы XIX Всесоюзной партийной конференции. М., 1989.
34. См.: Патриотическое сознание: сущность и формирование. Новосибирск, 1985; Вопросы формирования у молодежи готовности к защите Родины : сб. науч. тр. М., 1986; *Волкогонов, Д. А.* Защита социализма и военно-патриотическое воспитание / Д. А. Волкогонов // Вопр. теории и практики : сб. ст. М., 1987. Вып. 8. С. 173—181; Основы военно-патриотического воспитания / Л. А. Бублик [и др.]. М., 1988; *Вырщиков, А.* Военно-патриотическое воспитание школьников / А. Вырщиков. М., 1990; Военно-патриотическое воспитание молодежи: проблемы и опыт : сб. М., 1991.
35. См.: *Бесов, А. Г.* Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию молодежи в условиях перестройки (на материалах местных партийных организаций и политорганов Московского военного округа. 1985—1989 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / А. Г. Бесов. М., 1990; *Кадочников, В. Г.* Деятельность Коммунистической партии по подготовке допризывной и призывной молодежи Урала к службе в армии и на флоте в 1976—1986 гг. : дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Кадочников. М., 1990.
36. См.: *Бесов, А. Г.* Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию молодёжи в условиях перестройки (на материалах местных парторганизаций и политорганов Московского военного округа. 1985—1989 гг.) : автореф. … дис. канд. ист. наук / А. Г. Бесов. М., 1990.
37. См.: *Кадочников, В. Г.* Деятельность Коммунистической партии по подготовке допризывной и призывной молодёжи Урала к службе в армии и на флоте в 1976—1986 гг. : автореф. …

дис. канд. ист. наук / В. Г. Кадочников. М., 1990.

38. См.: *Якубенков, П. И.* Проблемы военно-патриотического воспитания в деятельности патриотических организаций местных Советов в 70-е — начале 80-х гг. (на материалах Ленинграда и области) : автореф. дис. … канд. ист. наук / П. И. Якубенков. Л., 1990.

39. Автор имеет в виду организации КПСС и ВЛКСМ.

40. См.: Готовить надёжных защитников Родины : сб. ст. / сост. Л. Э. Макарова, В. В. Олейник. М. : ДОСААФ, 1986; Готовность достойных защитников Отчизны / В. И. Быстров, Ю. Н. Артамошин, Г. В. Тугусова [и др.]. М. : Воениздат, 1989.

41. См.: *Дерюгин, Ю. Г.* Военно-патриотическое воспитание: вопросы и ответы / Ю. Г. Дерюгин, А. П. Волков, В. В. Попов. М. : Знание, 1988.

42. См., например: *Жилкин, В. С.* Роль общественных организаций в военно-патриотической подготовке молодежи к защите социалистического Отечества. Из опыта работы компартии Украины (80-е годы) : дис. ... канд. ист. наук / В. С. Жилкин. Харьков, 1989; *Шепотатьев, А. П.* Деятельность партийных организаций Южного Урала по военно-патриотическому воспитанию молодежи в 80-е годы : дис. ... канд. ист. наук / А. П. Шепотатьев. Челябинск, 1990; *Шилов, А. И.* Подготовка призывной молодежи и воинов к защите социалистического Отечества в 80-е годы: опыт деятельности партийных и комсомольских организаций : дис. ... канд. ист. наук / А. И. Шилов. М., 1991.

А. П. Волков

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье на основе анализа архивных документов дан анализ подготовки офицерских кадров русской армии в первой половине XIX века.

Ключевые слова: русская армия, офицеры, военно-учебные заведения, подготовка, обучение, воспитание.

A. P. Volkov

RUSSIAN ARMY OFFICERS' TRAINING (EARLY XIX CENTURY)

Taking into consideration archival documents the article analyzes the Russian army officers' training in the early XIX century.

Key words: Russian army, officers, military-educational institutions, training, education, upbringing.

Профессиональная подготовка офицеров в России в специальных учебных заведениях началась при создании регулярной армии, но первоначально она касалась только специальных родов войск. Военно-учебные заведения по подготовке общевойсковых офицеров появляются лишь в конце первой трети XVIII века. В целом система военно-учебных заведений сложилась в начале XIX века.

В течение XIX века система военно-учебных заведений постоянно расширялась. Можно выделить два основных периода ее развития — до реформ 60-х годов XIX века и после них, когда произошло принципиальное разделение военно-учебных заведений на подготовительные, то есть дающие общее образование, и собственно военно-специальные, непосредственно выпускающие офицеров. До этого кадетские корпуса, принимая воспитанников в раннем возрасте, выпускали их уже офицерами. В первую очередь это были кадетские корпуса, Императорский Военно-сиротский дом, Пажеский корпус, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, Дворянский полк, юнкерские школы, некоторые общегражданские учебные заведения и специальные военные училища: артиллерийское, инженерное, топографическое и юридическое [1]. Своя система подготовки офицеров существовала и на флоте.

В первом десятилетии XIX века произошло почти двойное увеличение числа подразделений русской армии в связи с участием России в наполеоновских войнах, что потребовало соответствующего пополнения армии офицерами. Еще в 1801 году шефом 1-го кадетского корпуса графом П. А. Зубовым был представлен план создания кадетских корпусов в 17 губерниях Российской империи. Предполагалось, что они будут открыты на средства местных дворянских обществ. После рассмотрения этого проекта специальной комиссией под председательством великого князя Константина Павловича император Александр I утвердил в 1805 году «План военного воспитания», по которому предполагалось развернуть 10 военных училищ в городах Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Смоленске, Воронеже, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани и Тобольске, а также учредить приготовительные военные школы для дворян.

Как отмечает в своей книге С. В. Волков, первая из таких школ была учреждена в 1801 году на средства и по ходатайству тульского дворянства для сыновей неимущих дворян и называлась Александровским училищем. В 1817 году по новому уставу оно было названо Тульским военным училищем и было рассчитано на 50 учеников из Тульской губернии и 50 своекоштных, то есть содержащихся за свой счет учеников из других губерний. Принимались дети в возрасте 8—11 лет. Выпускники училища переводились во 2-й кадетский корпус, а неспособные к военной службе по-

ступали на гражданскую службу с чином XIV класса. В 1802 году такое же училище было открыто в г. Тамбове на 120 учеников, а в 1825 году было открыто Оренбургское Неплюевское военное училище на 80 учеников, в том числе и азиатов, то есть жителей Средней Азии, в котором изучались еще и восточные языки. Последнее учебное заведение выпускало воспитанников непосредственно на службу нижними чинами с правами на производство [2, с. 103].

Начиная с 30—40-х годов XIX века сеть кадетских корпусов существенно расширилась. В 1830 году был открыт Александровский корпус для малолетних сирот в Царском Селе для подготовки их к поступлению в кадетские корпуса, в связи с чем малолетнее отделение при 1-м кадетском корпусе было упразднено. С 1832 года штат Александровского корпуса составлял 400 учеников в возрасте 7—10 лет, разделенных на 4 роты, в том числе была морская рота, а срок обучения был рассчитан на 5 лет. С 1836 года срок обучения составлял 3 года. В том же году в кадетские корпуса были преобразованы Тульское и Тамбовское военные училища. В 1844 и 1846 гг. с открытием кадетских корпусов в г. Орле и г. Воронеже первые два были преобразованы в неранжированные, то есть в малолетние роты этих корпусов. Новое положение 1830 года о Финляндском кадетском корпусе определяло его штат в 90 учеников. Туда принимались по экзамену дети 12—17 лет, а курс обучения был рассчитан на 6 лет. В 1845 году штат был увеличен до 105 казеннокоштных и 15 своекоштных кадетов, а курс обучения был продлен до 7 лет [2, с. 104]. В 1832 году было учреждено Уральское войсковое училище с программой гражданских уездных училищ для обучения сыновей офицеров Уральского казачьего войска. Еще в 1826 году в г. Омске открылось такое же училище Сибирского линейного казачьего войска. Оренбургское Неплюевское военное училище с 1834 года в строевом отношении составляло роту, разделенную на два отделения: европейское и азиатское, с 6-летним курсом обучения. Выпускники его были обязаны служить в войсках не менее 6 лет, причем дворяне могли производиться в офицеры сразу при выпуске. В 1844 году училище было преобразовано в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус двухэскадронного состава: 70 казеннокоштных и 40 своекоштных учеников и 90 сыновей местных казаков [3].

Автор согласен с мнением, высказанным в своей монографии С. В. Волковым, что кадетские корпуса, помимо военного, имели и благотворительное значение, давая возможность получать образование и содержание детям неимущих и умерших офицеров и дворян. Так как число желающих поступить в кадетские корпуса постоянно возрастало, то со временем прием стал обусловливаться служебными заслугами родителей. Но преимущественно принимали сирот и неимущих, причем существовало 26 разрядов по правам на казенное воспитание, в соответствии с которыми и определялась очередность приема. В Александровский малолетний корпус и малолетнее отделение 1-го Московского кадетского корпуса принимались дети 6—8 лет, в остальные корпуса — 9,5—11,5 лет после экзамена [2, с. 105].

Для всех корпусов еще в 1836 году был введен единый учебный план и установлен общий порядок организации и устройства. Все предметы делились на три курса: приготовительный курс длительностью 1 год, общий курс — 5 лет и специальный курс, который включал учебную программу длительностью 3 года. Помимо военных наук, в кадетских корпусах преподавались: Закон Божий, русский язык и литература, немецкий и французский языки, математика, естественные науки, география, история, статистика, законоведение, чистописание, рисование и черчение.

С 40-х годов XIX века в составе старших классов существовали одногодичные артиллерийские и инженерные отделения, где преподавались соответствующие дисциплины. Сначала специальные классы были только при столичных корпусах и рассчитаны были на 2 года. Но с 1854 года был добавлен третий класс для подготовки к переходу в артиллерийское и инженерное училища и военную академию. Третьи специальные классы были открыты в Павловском, 1-м и 2-м кадетских корпусах в г. Санкт-Петербурге, 1-м и 2-м Московских и Александрийском Сиротском кадетских корпусах, причем в каждом заведении они делились на три отделения — артиллерийское, инженерное и Генерального штаба.

В ходе своей работы автор установил, что все кадетские корпуса делились на две

группы: 1) корпуса первой группы — 1-й и 2-й кадетские, 1-й и 2-й Московские, Финляндский, Павловский, Александрийский Сиротский, Новгородский графа Аракчеева, Орловский Бахтина, Михайловский Воронежский, Полоцкий, Петровский Полтавский, Александровский Брестский, Оренбургский Неплюевский и Сибирский, также как и Пажеский корпус, Дворянский полк, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров непосредственно готовили офицеров; 2) корпуса второй группы, имевшие пятилетний общий курс, — Александровский малолетний, Тульский Александровский, Тамбовский, Владимирский Киевский и малолетнее отделение при 1-м Московском кадетском корпусе переводили воспитанников в корпуса первого класса.

В кадетские корпуса принимались только дети офицеров и дворяне, в Оренбургский и Сибирский кадетские корпуса — также выходцы из других сословий; в Финляндский — только уроженцы Великого княжества Финляндского. За каждым корпусом были закреплены определенные губернии. Все кадетские корпуса за 1825—1856 гг. дали российской армии 17 653 офицера, причем в 1825—1850 гг. на военную службу было выпущено 14 415 человек офицерами и 1517 человек нижними чинами и на гражданскую службу — 963 человека классными чинами и 302 человека неклассными чинами [4, с. 171].

Согласно установленным правилам, существовавшим с 1830 года, после экзамена Воспитательный комитет кадетского корпуса определял каждого выпускника в тот или иной род войск. Самые лучшие получали направление в гвардию, лучшие — подпоручиками в армию, особенно в 1847—1849 гг., или производились в прапорщики артиллерии и инженерных войск с прикомандированием к соответствующим училищам, а также в 1840—1853 гг. — к Генеральному штабу российской армии для поступления через два года в академию. Прочие же выпускались прапорщиками в армию [2, с. 106].

Малоуспешные ученики выпускались после первого специального класса прапорщиками в линейные батальоны, а достигшие 19 лет и неспособные к дальнейшей учебе — после четвертого общего класса — во внутреннюю стражу. Старшинство при выпуске зависело не только от баллов, но и от унтер-офицерских званий, полученных воспитанниками в корпусе. Для распределения в кавалерию надо было представить свидетельство о достаточном состоянии для такого вида службы, так как служба в кавалерии стоила дополнительных расходов. Такие выпускники с 1834 года прикомандировывались на полгода в качестве юнкеров к Образцовому кавалерийскому полку. Выпускники, неспособные по состоянию здоровья к военной службе, направлялись на гражданскую службу с чинами X, XII или XIV класса в зависимости от полученных баллов. С 1854 года окончившие третий специальный класс по 1-му разряду, назначались прапорщиками в гвардию или поручиками в армию, кроме того, они могли поступать в артиллерию и инженерные войска наряду с выпускниками соответствующих специальных училищ. Окончившие по 2-му разряду назначались подпоручиками в армию или прапорщиками в артиллерию и инженерные войска, по 3-му разряду — прапорщиками в армию. Окончившие только второй специальный класс выпускались прапорщиками в линейные батальоны. В 1854 году выпуск в артиллерию и инженерные войска из второго специального класса был разрешен временно, а с 1856 года это стало практиковаться постоянно.

Автор считает, что именно кадетские корпуса были основным каналом, по которому осуществлялось пополнение офицерского корпуса лицами с военным образованием. Помимо них существовали и некоторые другие общевойсковые учебные заведения, выпускавшие офицеров, например, Пажеский корпус. Это военно-учебное заведение было сформировано в 1802 году для лиц, назначенных пажами Высочайшего императорского двора, и состояло из 3 пажеских и 1 камер-пажеского классов. В 1810 году его штат был рассчитан на 50 пажей и 16 камер-пажей. Организация корпуса была построена по образцу кадетских корпусов. Срок обучения составлял 7 лет, то есть 5 лет — общий курс и 2 года — специальный курс. Пажами изучались Закон Божий, русский язык и литература, немецкий и французский языки, математика, механика, физика, статистика, история, география, политэкономия, дипломатия, а из военных наук — фортификация, атака и оборона крепостей, тактика, минное дело, артиллерия и военное судопроизводство.

В первой половине XIX века Пажеский корпус стал военным учебным заведением с высоким уровнем образования и воспитания его питомцев. Многие из бывших пажей отличились на полях сражений, достигли высоких воинских званий и важных государственных постов.

В ходе наполеоновских войн и в связи с ростом потребности в подготовленных офицерах Высочайшим рескриптом императора Александра I от 14 марта 1807 года было установлено, что дворяне, достигшие 16 лет, вместо определения прямо в войска должны являться в Петербургские кадетские корпуса для ознакомления с порядком службы и подготовки к офицерскому званию. Туда же было разрешено принимать студентов и других выпускников гражданских учебных заведений. Эту миссию принял на себя 2-й кадетский корпус, при котором был сформирован «Волонтерный Корпус», наименованный в следующем году Дворянским полком. Он состоял из двух батальонов. В 1808 году полк выпустил 276 офицеров. В 1811 году по распоряжению Военного министерства при нем был сформирован Дворянский кавалерийский эскадрон на 110 человек. Первоначально в Дворянском полку обучали 600 человек, в 1813 году — 1700 человек, в 1815 году — 2400 человек, а по штату 1816 года полагалось иметь 2000 человек плюс 236 человек в кавалерийском эскадроне [5]. Они получали в основном только военную подготовку и ускоренными выпусками направлялись в войска с офицерским чином.

Наконец, следует сказать о том, что офицеров готовили и некоторые учебные заведения, не входившие в военное ведомство. Офицеров выпускал, в частности, знаменитый Царскосельский лицей, основанный в 1811 году как привилегированное учебное заведение для представителей знатных дворянских родов. В первой четверти XIX века он дал 35 офицеров, а с 1822 по 1843 годы даже приобрел преимущественно военный характер и был передан из ведомства Министерства народного просвещения в ведение Совета о военных училищах, выпуская главным образом офицеров. Но с 1843 года лицей офицеров уже не выпускал.

Кроме этого, военно-инженерные кадры готовили: Институт инженеров путей сообщения, Горный и Лесной институты. Горный институт в 1804 году был переименован в Горный кадетский корпус с правом производства выпускников в офицерские чины, затем в 1833 году он снова стал именоваться Горным институтом, а с 1848 года — Институтом корпуса горных инженеров, превратившись в закрытое военно-учебное заведение. Институт инженеров путей сообщения и Лесной институт в 1842 году были переведены на восьмилетний срок обучения: 4 общих, 3 теоретических и 1 практический классы. Институт инженеров путей сообщения в 1849 году был преобразован в кадетский корпус. Выпускники этих учебных заведений производились в офицеры, но служили в основном в соответствующих ведомствах, а не в армии [6].

Автор подчеркивает, что несколько более мягкое воспитание было в Пажеском кадетском корпусе, так как там готовились молодые люди для придворной службы. В Уставе данного корпуса говорилось, что «обхождение с пажами должно быть вежливое, непринужденное и без грубости не только на деле, но и на словах, так как исполнение обязанностей должно быть не страха ради, а ради убеждения» [7, с. 86].

Кроме этого, с целью поднятия престижа службы офицеров в кадетских корпусах офицерам 1-го и 2-го кадетских корпусов в 1810 году были пожалованы императором Александром I преимущества одного чина перед теми офицерами, которые служили в армии. С 1811 года эти преимущества были распространены также на офицеров Пажеского корпуса, а с 1825 года — на офицеров Военно-сиротского дома и Московского кадетского корпуса.

Таким образом, период первой четверти XIX века насыщен событиями, имеющими самое прямое отношение к постановке военного образования и подготовке офицерских кадров в России. Наиболее существенными тенденциями в этот период были: борьба прогрессивной линии с реакционной в деле подготовки офицерских кадров; наращивание позитивного в содержании и методике обучения и воспитания русских офицеров; расширение сети военно-учебных заведений в России и другие. Все это подготовило базу для дальнейшего развития высшего военного образования в последующие годы.

С первых дней своего царствования император Николай I учредил Комитет под

председательством министра народного просвещения Л. П. Шишкова с целью «…сличить и уровнять все уставы учебных заведений империи, а также рассмотреть и подробно определить на будущее время все курсы учения, означив и сочинения, по коим они впредь должны быть преподаваемы» [8, с. 11]. Такого же упорядочения требовали и военно-учебные заведения, которые до времени правления Николая I не имели строгой системы: они разновременно открывались, не имели четких программ и учебных планов. Случалось так, что в одном учебном заведении преподавалась в основном только тактика, а в другом — только артиллерия. Причем речь шла не о специализации, а о тех предпочтениях, которые имели место в разных военно-учебных заведениях.

До создания в мае 1826 года Особого комитета по рассмотрению учебных вопросов в военно-учебных заведениях император Николай I поручил генерал-адъютанту А. А. Жомини изложить свои соображения по предмету преподавания военных наук.

В особой записке, представленной Николаю I, генерал А. А. Жомини задается вопросом: следует ли такие военные науки, как тактика, стратегия, военная история, преподавать всем без исключения лицам, производимым в офицеры, или же только тем, которые по своим способностям, любви к военному делу могут рассчитывать на командование частями войск или занятие высших должностей в своей военной карьере?

Вопрос этот он решает в пользу того, чтобы во всех военно-учебных заведениях были преподаваемы хотя бы первоначальные познания по тактике и стратегии «даже в том случае, если бы это грозило наполнить полки недоучившимися учеными» [9, с. 12].

Достичь этого можно было, как полагал А. А. Жомини, учредив в г. Санкт-Петербурге Центральную стратегическую школу, назначением которой было бы приведение к единству начал и методов преподавания тактики и стратегии во всех военно-учебных заведениях. По его мысли, элементарное преподавание этих предметов необходимо было проводить в военно-учебных заведениях под надзором начальника Центральной школы, в которую бы поступали лучшие ученики этих заведений тотчас по производству их в офицеры. Здесь для них был бы обязателен двухлетний курс обучения, причем первый год был бы посвящен теоретическому изучению военных наук, а второй год — исключительно практическим и письменным занятиям по этим же предметам.

В октябре 1829 года записку А. А. Жомини рассмотрела специальная комиссия, назначенная Николаем I, и пришла к выводу, что проектируемая школа должна быть не школой Генерального штаба, а академией, то есть учреждением, которое распространяет свое влияние и на другие части армии. Причем Николай I лично внес уточнение о том, что при составлении расписания занятий необходимо оставлять один день в неделю для практических строевых учений, «дабы эти занятия отнюдь не были пренебрегаемы, а напротив, тесно связаны с теоретическим преподаванием других отраслей военного искусства».

Положение о Военной академии появилось в печати под названием «Устав Военной академии» 4 октября 1830 года. В нем были определены цели учреждения академии, порядок приема в нее, система обучения офицеров, обязанности профессорско-преподавательского состава и слушателей. Кроме этого, в Уставе говорилось: «Для образования офицеров к службе Генерального штаба и для большего распространения военных знаний учреждается в г. Санкт-Петербурге, при Главном штабе его императорского величества, Военная академия» [10, с. 1].

Академия являлась главным центром подготовки общевойсковых командиров и специалистов штабной службы. Поступающие в Военную академию должны были выдержать экзамены из шести областей знаний: математика, языки, военные науки, ученье, история и география.

Образование академии положило начало формированию корпуса офицеров Генерального штаба. К этой категории причислялись обер-офицеры в чине не ниже поручика, прослужившие в строю не менее 2 лет и окончившие академию или выдержавшие при ней экзамен. С 1840 года лучшие из воспитанников кадетских корпусов и Дворянского полка в числе 30 человек прикомандировывались прямо к Генеральному штабу для поступления через 2 года в академию. Сначала служба в Генеральном штабе не давала никаких преимуществ, и число абитуриентов академии было небольшим. С 1832 по 1850 годы в академию

поступило 410 человек, в том числе 351 офицер из войск, а окончил 271 офицер. После введения некоторых преимуществ для корпуса офицеров Генерального штаба в 1852 году приток офицеров в академию усилился. В 1852 году было 56 абитуриентов против 9 человек в 1851 году, и прикомандирование выпускников кадетских корпусов было отменено [11].

По окончании курса офицеры прикомандировывались на 1 год к образцовым частям для ознакомления со службой. Выпуск производился в октябре каждого года. Окончившие по 1-му разряду офицеры получали следующий чин, по 2-му разряду — выпускались тем же чином, а по 3-му разряду — возвращались в свои части и в Генеральный штаб не переводились. Армейские офицеры переводились в Генеральный штаб с тем же чином, артиллеристы, инженеры и гвардейцы — с повышением в чине, а гвардейские офицеры — еще со старшинством в последнем чине. В середине XIX века академия выпускала ежегодно в среднем 23 офицера. В 1855 году она стала называться Николаевской академией Генерального штаба.

Таким образом, автор отмечает, что благодаря принятым мерам в России стала функционировать первая Военная академия сухопутных войск — Академия Генерального штаба. Это обстоятельство наложило свой отпечаток и на всю систему военного образования в России. Военная школа России первой половины XIX века располагала достаточно стройной теорией и практикой обучения и воспитания офицерских кадров, позволяющей вооружить обучаемых необходимыми знаниями, навыками и умениями, сформировать у них морально-нравственные, профессионально-этические и другие положительные качества личности русского офицера.

Процесс подготовки офицерских кадров русской армии в первой половине XIX века, вся система военно-профессионального образования характеризовались внутренней противоречивостью: между теорией и практикой подготовки; между целями подготовки и возможностью их реализации в ходе учебно-воспитательного процесса; между требованиями к подготовке офицерских кадров и ее реальной организацией в военно-учебных заведениях; между содержанием и методикой подготовки офицерских кадров и др. Не все эти противоречия были разрешимы в то время, но они оказали существенное влияние на подготовку офицерских кадров русской армии.

---

1. См.: 1-е Полное собрание законодательства. СПб., 1856. Т. XXVIII. № 21228.
2. См.: *Волков, С. В.* Русский офицерский корпус / С. В. Волков. М., 1993.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 725. Оп. 48. Д. 264. Л. 76.
4. См.: *Лалаев, М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военной школы до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700—1880 гг. Ч. 1 / М. С. Лалаев. СПб., 1880.
5. См.: 1-е Полное собрание законодательства. СПб., 1856. Т. XXXVI. № 27998.
6. РГВИА. Ф. 725. Оп. 28. Д. 64. Л. 92.
7. См.: *Геленковский, П. А.* Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях (в период 1700—1856 гг.) / П. А. Геленковский. Изд. 2-е. СПб., 1904.
8. См.: *Греков, Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700—1910 гг. / Ф. В. Греков. М., 1910.
9. См.: *Глиноецкий, Н. П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба / Н. П. Глиноецкий. СПб., 1882.
10. Устав Военной академии Генерального штаба. СПб., 1832.
11. РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 634. Л. 19.

В. Ф. Мартынов

РОЛЬ И МЕСТО ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье показана роль воинской дисциплины в общей системе военного строительства, выявлены основные факторы, обусловившие возрастание роли воинской дисциплины и правопорядка в войсках, раскрывается военно-организаторская деятельность Российского государства по совершенствованию системы укрепления правопорядка и воинской дисциплины в дореволюционный период. Комплексное исследование рассматриваемой проблемы поможет объективно оценить взгляды военных теоретиков и практиков прошлого на способы обеспечения дисциплинированности офицеров и нижних чинов, глубже осмыслить формы и методы организации работы по укреплению правопорядка и воинской дисциплины, основные направления и тенденции этого процесса, извлечь уроки из исторического опыта деятельности государственных и военных органов по наведению порядка и организованности в войсках.

Ключевые слова: военное строительство, воинская дисциплина, порядок и организованность, морально-психологическая подготовка, боевой дух, офицеры, нижние чины, государственные и военные органы.

V. F. Martynov

ROLE AND PLACE OF MILITARY DISCIPLINE IN THE MILITARY DEVELOPMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN STATE IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: HISTORICAL ANALYSIS

The article shows the role of military discipline in the general system of military formation. It identifies the main factors influencing the increasing role of military discipline and order in the army. The author also reveals military and organizational activity of the Russian state in order to improve law and order and military discipline in the prerevolutionary period. Complex study of the problem helps to objectively assess the views of military theorists and practitioners of the past on the ways of ensuring the discipline among officers and lower ranks. The article contributes to deeper understanding of forms and methods of work which strengthen law and order and military discipline, basic directions and tendencies of the process, take into consideration historical experience of state and military authorities while establishing order and discipline in the army.

Key words: military formation, military discipline, order and discipline, moral and psychological training, morale, officers and lower ranks, governmental and military bodies.

Вся история человеческого общества связана с дисциплиной. Необходимость упорядочить жизнь и деятельность подвела людей к выработке целого ряда правил, норм, законов, регламентирующих поведение членов общества в различных ситуациях. Особенно это было важно в воинской деятельности, которая и на ранних этапах развития человечества выполняла важную социальную функцию, требовала исполнительности, строгого следования приказам и была доминирующей в обществе. Не случайно один из спартанских деятелей писал: «Наша республика организована как военный лагерь, в котором господствует дисциплина и повиновение» [1, с. 17].

Не находилась в стороне от дисциплинарных проблем и Древняя Русь. Одним из первых письменных документов, где рассматривались вопросы воинской дисциплины, были «Поучения» князя Владимира Мономаха. В них он требовал от воевод всемерно поддерживать порядок, являть собой пример для своих подчиненных в сражении и поведении, а от дружинников — беспрекословного исполнения приказов. Суть требований к воинам сводилась к тому, чтобы «…при старших молчать, мудрых слушать, старейшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать» [2, с. 13—16]. Следует отметить, что в эпоху феодальной раздробленно-

сти дисциплина в княжеских дружинах поддерживалась на основе кодексов чести, соблюдения клятвы верности. «Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя отряд жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Он содержал и награждал их, устанавливал известную иерархию между ними» [3, с. 143]. Нарушители правил, норм держались в «нужде» (подвергались наказанию) и могли понести кару вплоть до смертной казни. Дисциплинированное поведение поощрялось различными наградами (ценные подарки, трофеи, имущество). Такая дисциплина в данный исторический период обеспечивала порядок, организованность, эффективность боевых действий.

Развитие военного дела, изменение оружия и способов ведения боевых действий потребовали большей дисциплинированности, организованности, точности, исполнительности, аккуратности. На смену индивидуализированным формам военного противоборства пришли действия в составе подразделений, частей и даже армий. Всякое промедление, изменение назначенных интервалов и дистанций, несанкционированное открытие огня приводило к нарушению строя и даже к поражению. «С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, — писал Ф. Энгельс, — неизбежно изменилась вся внутренняя организация армий, преобразовались те отношения, при которых индивиды образуют армию и могут действовать как армия» [4, с. 163—164]. Следствием этого стало *ужесточение требований к воинам, усиление ответственности за выполнение обязанностей, личное поведение*. Средством достижения слепого повиновения служила муштра — система психофизиологического подавления воина. В итоге казарма превратилась для солдата в настоящую тюрьму, а палка капрала частенько становилась страшнее всякого неприятеля.

Наряду с этим нельзя не видеть и противоположной тенденции, характерной для того времени. Она выражалась *в стремлении ряда военачальников обращаться к сознанию солдатских масс, терпеливом разъяснении требований службы, заботе о них.* В истории России эта прогрессивная линия изначально ассоциируется с именем и деятельностью Петра I, его многочисленными реформами, имевшими цель вывести страну в число передовых европейских государств, создать армию, флот, способные противостоять агрессивным устремлениям алчных соседей. Основу побед он видел в нравственном элементе («безконфузстве»), средствами для поддержания которого рассматривал дисциплину, организованность, твердый характер офицеров в сочетании со справедливым их отношением к подчиненным, личным примером служения Отечеству. Девиз «В службе — честь» составлял стержень всей воспитательной работы в петровской армии.

Первый российский император не мыслил воинскую службу без твердой дисциплины и исполнительности. Он неоднократно подчеркивал необходимость поддержания «доброго порядка» в войсках, обязывая начальников «правду, суд и порядки накрепко смотреть», требовал применять немедленные меры к нарушителям дисциплины и «весьма воздерживаться от всякого непристойного рассуждения об указах, которые от начальника даны». Но наряду с этим император требовал каждый раз думать над тем, как лучше выполнить те или иные уставные положения. «В уставах порядки писаны, а времени и случаев нет» [5, с. 31]. Да и само слово «дисциплина» в привычном для нас смысле получило свое распространение с его указа «О сохранении дисциплины на корабле и подсудности морских и сухопутных военнослужащих людей», изданного в 1714 году [6, с. 113—116].

Объективности ради следует сказать, что в своем стремлении навести порядок Петр I был весьма беспощаден. Как и многие его современники, он считал, что суровые дисциплинарные меры могут предотвратить нарушения, обеспечить тем самым эффективность различных видов деятельности. Так, утверждая инструкцию для Морской академии, он сделал весьма «существенную» приписку: «Для унятия крика и бесчинства выбрать из гвардии отставных добрых солдат, и быть им по человеку во всякой каморе во время учения, иметь хлыст в руках, и буде кто из учеников станет бесчинствовать, оных бить, несмотря какой бы он фамилии не был» [7, с. 40].

В качестве тенденции в деле поддержания воинской дисциплины следует выделить и *стремление систематизировать требования к военнослужащим* и представить их в виде соответствующих уставов. Еще при Иване Грозном (в 1571 г.) был учрежден «Боярский при-

говор о станичной и сторожевой службе», в котором, наряду с другими, нашли правовое оформление вопросы дисциплины (в частности, перечень и порядок наказания за нарушения правил несения сторожевой службы). В «Соборном уложении» царя Алексея Михайловича в главе VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» предпринята попытка классифицировать проступки воинов и меры наказания за их совершение [8, с. 113]. В период правления Петра I были изданы «Устав воинский» (1715 г.), «Морской устав» (1720 г.), содержащие положения о сути дисциплины, способах ее поддержания, статьи с перечнем не только обязанностей, но и прав военнослужащих. Однако эти дисциплинарные аспекты были распылены по главам, разделам и не носили завершенного характера [9].

Анализ уставов и других нормативных актов того времени показывает, что в них закладывался такой прогрессивный принцип, как условная обязательность приказов воинских начальников, то есть не всякий приказ надлежал исполнению, а прежде всего законный. Своим указом «О бытии подчиненных в послушании у своих командиров» (1724 г.) Петр I установил: «Всем подчиненным быть в послушании у своих командиров во всем, что не противно указу. А ежели что противно, того отнюдь не делать... Но должен командиру своему... объяснить, что то противно указам, и ежели не слушает, то протестовать и доносить вышестоящим над ним командирам, а ежели в том увидит противность, то генерал-прокурору или в небытность его обер-прокурору, а ежели в них усмотрит противность, то доносить его Величеству, но чтобы была сама истина» [10, с. 850]. Этот принцип сохранялся в военном законодательстве России вплоть до Октябрьской революции.

Передовые идеи Петра I развивались его учениками и достойными продолжателями. К их числу по праву относят П. А. Румянцева, А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова, М. И. Кутузова, М. П. Лазарева, П. С. Нахимова и др. С их именами связана и такая тенденция, как *гуманизация отношений начальников с подчиненными, методов и средств дисциплинирования личного состава*, получившая развитие во второй половине XVIII века. Так, по мнению П. А. Румянцева, приучение молодого рекрута к порядку и дисциплине должно идти последовательно, с учетом его индивидуальных особенностей: «Он не должен быть не только бит, но ниже стращен, а все сие ласковостью и со истолкованием ему изъяснять...». А. В. Суворов считал, что искоренение дурных пороков у людей необходимо осуществлять в основном увещеваниями, но при необходимости и умеренными наказаниями. Рассматривая пьянство как предпосылку недисциплинированности, адмирал Ф. Ф. Ушаков в приказе требовал «наистрожайше оное запретить, пьяных наказывать и тем усмирить и оное прекратить», а с руководителей строго спросить [11, с. 34, 41].

В конце XVIII — начале XIX века в России, как и ранее в странах Западной Европы, назрел кризис самодержавно-крепостнических отношений. Все большее число прогрессивно мыслящих русских офицеров выступало за изменение системы отношений в армии, признание за солдатами, матросами права на человеческое обхождение. Развитию таких настроений способствовала победоносная Отечественная война (1812 г.), в которой воины продемонстрировали мужество, героизм, великую любовь к Родине. Именно поэтому декабристы считали, что пути поддержания дисциплины в армии не в ужесточении требований, а в создании условий, где бы проявились лучшие черты солдат. Так, один из них В. Ф. Раевский писал: «Ни один беспорядок в армии не возник собственно от солдата — либо жестокость или корыстолюбие и неразумие начальников были тому поводом. Русский солдат с каким-то благоговением видит власть, повинуется ей безмолвно, но любит видеть власть законную и справедливую» [12, с. 90].

Исторический анализ показал, что дальнейший ход событий в стране негативно отразился на состоянии дел в армии. После разгрома восстания декабристов в армии усилилась муштра, жестокое отношение к подчиненным насаждалось высокопоставленными лицами. Дисциплина с элементами сознательности, получившая развитие в годы войны, была заменена палочной. От офицеров требовались кротость, согласие, беспрекословное повиновение властям [13, с. 138]. Руководителей того периода, в том числе А. А. Аракчеева, оставившего глубокий след в истории России, отличали маниакальная любовь к порядку, который носил внешний,

формальный характер и проявлялся в установлении единообразия, симметрии, монотонности и т. п. Именно измельчание верховной власти, стремление регламентировать все стороны жизни и быта — характерная черта абсолютизма, особенно в период его заката [14, с. 55—56].

Существенные изменения в вопросе понимания существа воинской дисциплины, ее места и роли, средств поддержания произошли во второй половине XIX века. Обострение социальных противоречий, осознание в обществе порочности крепостничества, поражение в Крымской войне (1853—1856 гг.) подтолкнули страну к осуществлению реформ в социально-политической, экономической, военной областях [15]. Преобразования в военной сфере затронули и систему укрепления воинской дисциплины. В соответствии с принятым в 1863 году «Положением об охранении воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных» упорядочивались взаимоотношения между различными категориями военнослужащих, давалось определение воинской дисциплины. В параграфе первом положения говорилось, что «воинская дисциплина состоит в строгом соблюдении предписанных военными законами правил, в сохранении во вверенной команде совершенного порядка и добросовестном исполнении приказаний без всякого произвольного их изменения, в неоставлении, по слабости надзора или пристрастию, проступков и упущений без взысканий» [16]. В 1869 году это положение было заменено на первый в русской армии Дисциплинарный устав. В нем были перечислены все виды дисциплинарных взысканий, налагаемые на нижних чинов и офицеров, права начальников и порядок наложения взысканий, раскрыты вопросы о жалобах и претензиях и др. Регламентация поощрений отсутствовала. В уставе также была глава о суде общества офицеров, определялись формы специальных ротных журналов для нижних чинов и полковой журнал для офицеров, где фиксировались все дисциплинарные проступки военнослужащих.

В этот период все большее число офицеров приходит к выводу о необходимости юридического закрепления не только обязанностей, но и прав военнослужащих как полноправных граждан. Только в том случае, если личность будет уважаема, подчинена исключительно закону, а дисциплина будет правильно пониматься, можно добиться надлежащего порядка, считали они [17]. Весьма точно об этом писал известный русский генерал М. И. Драгомиров. Он указывал, что «дисциплина стала силой, столь же обязывающей, сколь и обеспечивающей от неправых посягательств; столь же облекающей властью, сколько и сдерживающей произвол» [18, с. 3]. Характерным было и то, что во многих статьях того времени, посвященных вопросам правопорядка в армии, речь шла о таких основах дисциплины, как патриотизм, православие, долг и честь, необходимость учета специфических традиций и особенностей психологии россиян и т. д. Как и А. В. Суворов, признававший строгость без педантичности, генерал М. Д. Скобелев считал, что следует всячески избегать формалистики, натянутости в отношениях, давать возможность исполнителю, воспитанному в духе такой дисциплины, «рассуждать» в пределах данной и необходимой ему свободы [19]. Крайне важно, чтобы требования были целесообразными. В противном случае команда, «не видя пользы и необходимости их, — писал адмирал С. О. Макаров, — приучается к неповиновению, неуважению офицеров, а все это — прямые шаги к упадку дисциплины» [20, с. 42].

В деле формирования «духа» такой дисциплины крайне необходимым является создание надлежащих материальных и психологических условий. Поэтому генерал Н. Д. Бутовский рекомендовал подчиненным офицерам делать все для того, «чтобы хорошему человеку хорошо жилось в своей роте и было за что любить ее» [21]. Именно через любовь к своему подразделению, полку (кораблю) воспитывалась любовь к Родине, верность присяге и долгу, уважение к дисциплине и порядку. «Дух патриотизма должен лежать в основании и венчать всякую военную систему, — отмечал большой знаток и популяризатор военной педагогики Д. Н. Трескин, — в противном случае она не будет иметь никакой цены» [22, с. 21]. Не менее важным считалось обеспечить сознательное отношение к требованиям законов и уставных требований. Известный юрист князь С. А. Друцкой писал в начале XX века: «Принцип слепого повиновения можно принять тогда, когда люди утратят способность жить и стремиться к чему-либо; для достижения такого состояния необходимо лишить людей способности мыслить и чувст-

вовать, другими словами, превратить их в самодвижущихся кукол» [23, с. 168].

Поражение России в войне с Японией, приведшее к падению престижа воинской службы, пренебрежению долгом, честью, росту скепсиса, нигилизма, негативно сказалось на состоянии воинской дисциплины. И в очередной раз предлагалось употребить власть и закон, использовать меры репрессивного характера. На что адмирал А. А. Ливен ответил, что закон лишь регулирует проявления дисциплины, а в ее основе лежит «единство власти, близкая связь начальника с подчиненными, взаимное понимание и доверие, личный авторитет и влияние начальников» [24, с. 41].

Характерным для данного периода было активное *участие в обсуждении проблем воинской дисциплины большого числа офицеров различного уровня*. На страницах ряда изданий можно было видеть статьи и известных военных деятелей, и офицеров из войск. С большим интересом военная общественность воспринимала статьи В. И. Дацевича, Н. И. Мау, В. И. Изместьева, Н. П. Бирюкова, С. Гершельмана, М. Левитского, В. Бацова и др. Развивая идеи о нравственном элементе дисциплины, сознательности и патриотизме, обоснованности мер дисциплинарного воздействия, они все чаще вынуждены были выходить на факторы социального порядка и искать в них причины снижения уровня состояния дисциплины в частях и на кораблях. По их мнению, общество должно проявлять больший интерес к жизни армии, вникать в ее нужды и проблемы, а не относиться высокомерно как к некоему реакционному, закостенелому организму. «В современные дни, — писал М. С. Галкин, — наша интеллигенция так много требует от армии, а что она дает взамен! Пренебрежение, равнодушие и, будем правдивы и скажем, порой — даже неприязнь» [25].

Таким образом, анализ проблем строительства российской императорской армии с момента ее возникновения и до революции 1917 года показывает, что важнейшим направлением этой работы являлось поддержание воинской дисциплины. По мере совершенствования общественных институтов, развития военно-педагогической школы решение задачи формирования дисциплинарного поведения военнослужащих усложнялось. В этом процессе возникали новые тенденции, к каковым следует отнести: постоянный рост требований к поведению и деятельности военнослужащих; усиление связи военного дела и дисциплины; систематизацию требований и представление их в виде законов, уставов; юридическое закрепление не только обязанностей, но и прав военнослужащих; гуманизацию отношений в воинской среде и средств, методов поддержания дисциплины и уставного порядка; оптимизацию выбора средств, способов поддержания дисциплины в различных условиях; влияние личности командира на дисциплину подчиненных; влияние политического режима на состояние дисциплины и практики ее поддержания; зависимость дисциплины от материально-бытовых условий; постепенный переход от слепого повиновения к осознанному поведению; связь дисциплины с материальными, моральными интересами и др. Реализация этих тенденций в ходе строительства русской армии на протяжении нескольких столетий привела к накоплению богатейшего исторического опыта поддержания и укрепления воинской дисциплины, который в значительной степени может быть использован в практике воспитательной работы в современной российской армии.

---

1. *Харламов, И. Ф.* Педагогика / И. Ф. Харламов. М. : Высш. шк., 1990.
2. Хрестоматия по педагогике. М., 1938. Т. 4. Ч. 1.
3. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 21.
4. *Маркс, К.* Избранные произведения : в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М. : Политиздат, 1983. Т. 1.
5. Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. 1.
6. *Волков, Е.* Первый морской устав русского флота / Е. Волков // Военно-исторический журн. 1968. № 5.
7. Хрестоматия по истории школы и педагогики в России. М. : Просвещение, 1974.
8. Хрестоматия по русской военной истории. М. : Воениздат, 1947.
9. Первая попытка создания дисциплинарного кодекса была предпринята в 1837 году, когда по указанию Николая I был подготовлен военно-полицейский устав, не получивший в дальнейшем монаршего утверждения. И лишь в 1863 году был принят Дисциплинарный устав, получивший название «Положение об ох-

ранении воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных». Все последующие документы сохраняли основные положения и уточняли лишь некоторые разделы. Причем статья о телесных наказаниях для низших чинов просуществовала в них до 1904 года *(примеч. авт.).*

10. Указы блаженные и вечнодостойные памяти Государя Императора Петра Великого с 1714 по 1725 гг. СПб., 1799.
11. О долге и чести воинской в российской армии : сб. док. М. : Воениздат, 1990.
12. *Раевский, В. Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности / В. Ф. Раевский. Иркутск, 1980. Т. 1.
13. *Савельев, А. И.* Исторический очерк инженерного управления России за период царствования императора Николая I / А. И. Савельев. СПб., 1896.
14. История СССР (XIX — начало XX в.). М. : Высш. шк., 1981.
15. *Зайончковский, П. А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России / П. А. Зайончковский. М. : МГУ, 1952.
16. Положение об охранении воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных. СПб., 1863.
17. Военный сб. СПб., 1861. Т. 19.
18. *Драгомиров, М. И.* Армейские заметки / М. И. Драгомиров // Сб. оригинальных и переводных ст. М. И. Драгомирова, 1856—1880. СПб., 1881.
19. Взгляды М. Д. Скобелева на военное дело // Армейские вопр. СПб., 1893. Вып. 1.
20. *Макаров, С. О.* Документы / С. О. Макаров. М. : Военмориздат, 1953.
21. *Бутовский, Н. Д.* Воспитательные задачи командира роты / Н. Д. Бутовский // Военный сб. СПб., 1884. № 12.
22. *Трескин, Д. Н.* Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформы русского военного дела / Д. Н. Трескин. Киев, 1909.
23. *Друцкой, С. А.* Причины невменения в государственном уголовном праве / С. А. Друцкой. Варшава, 1902.
24. *Ливен, А. А.* Дух и дисциплина нашего флота / А. А. Ливен. СПб., 1914.
25. *Галкин, М. С.* К познанию армии / М. С. Галкин // Военный сб. СПб., 1914. № 1.

Р. А. Мухамедов

МУСУЛЬМАНСКИЕ СВЯЩЕННИКИ В РУССКОЙ АРМИИ XIX ВЕКА: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ?

В статье рассматривается роль и место мусульманских священников в царской армии, которые были введены в конце XIX века. Автор пытался показать и обосновать необходимость и эффективность присутствия и работы мусульманского духовенства в татарских воинских подразделениях.

Ключевые слова: магометанское духовное управление, муфтий, воины-мусульмане, священнослужитель, религиозные институты, мулла, капеллан.

R. A. Mukhamedov

MUSLIM CHAPLAIN IN XIX CENTURY RUSSIAN ARMY: NECESSITY OR INEVITABILITY?

The author of the article shows the role and place of Muslim chaplain in the tsarist army who were introduced in the late XIX century. The author tries to show and prove the necessity and efficiency of work of Muslim clergy in Tatar military units.

Key words: Mohammedan clergy, mufti, Muslim soldiers, clergyman, religious institutions, mullahs, chaplain.

В 2006 году в обществе обсуждалась идея внедрения в российскую армию института полковых священников. По этому поводу Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отметил, что «мы не можем брать на себя функции армейских полицейских и хватать за руку тех, кто занимается "дедовщиной". Присутствие священников в армии имеет воспитательное значение» [1]. Наличие военных священников в Российской Армии необходимо, но духовенство не должно иметь воинских званий, считают мусульманские деятели.

По самым различным оценкам, в Вооруженных силах РФ служат от 8 до 13 % мусульман [2]. В американской газете «The Washington Times» отмечено, что к 2015 году мусульмане составят большинство наемной армии России, а к 2020 году — 1/5 часть ее населения [3].

Рассматривая этот вопрос, возможно, нужно обратиться к прошлому и проанализировать, какие решения находило православное правительство России два столетия тому назад по отношению к мусульманским священникам в русской армии.

В царской армии были введены институты Армейских и Флотских священников, которые были также штатными священниками и проводили духовно-нравственное воспитание как начальствующего, так и подчинённого состава в духе православия — уважения старших, братской взаимовыручки и взаимопомощи, любви к Родине — патриотизму, уважения руководства (служили не за страх, а за совесть) и т. д. Зачастую священники (капелланы) являлись неоспоримым авторитетом среди военнослужащих и вели солдат в атаку. В царской армии наряду с православными священниками, как известно, были муллы. Об этом рассказано в произведении Л. Н. Толстого «Война и мир», в «Поединке» А. И. Куприна…

Известно, что военную историю Российской империи прославили подвигами и доказали преданность своему Отечеству казаки, карело-финские пехотные батальоны, северокавказские конные полки, калмыки, башкиры, татары и другие. Комплектование русской армии в конце XIX века производилось на основе Устава о воинской повинности от 1 января 1874 года с некоторыми изменениями. Военные силы России в 1881 году состояли из войск регулярных и иррегулярных. Останавливаясь на вопросе комплектования армии по национальному составу, необходимо отме-

тить, что как во время очередных призывов, так и при мобилизации комплектование проводилось таким образом, чтобы в каждой отдельной части войск 75 % солдат были русскими (в дореволюционном понимании этого слова, когда сюда же включались украинцы и белоруссы), а остальные 25 % комплектовались из представителей национальных меньшинств. С этой целью вся Европейская Россия была подразделена на две части: с русским населением и «инородческим» [4, с. 114, 119].

Первым опытом, когда мусульманское духовенство появилось в иррегулярных войсках, были Башкиро-мещерякское и Тептярское войска, Крымско-татарский конный и Литовский конный татарский полки. Далее в течение XIX века такая практика была распространена и на все прочие иррегулярные и казачьи войска, в которых несли службу мусульмане [5, с. 10]. По данным всеобщей переписи населения 28 января 1897 года, в Российской империи в вооруженных силах мусульман было 29 477 мужчин [6, с. 391].

Несмотря на завоевательные войны, которые Россия вела с Крымским ханством и на Кавказе, именно северокавказские горцы и крымские татары традиционно входили в императорский конвой, охраняя жизнь российских самодержцев. В 1808 году «именным указом военной комиссии, вследствие представления Херсонского военного губернатора Дюка де Ришелье, повелено было учредить постоянно из крымских татар Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский полки, наподобие Донских казаков, с употреблением их на службу для поисков воров и грабителей в населяемых большею частию татарами губерниях: Саратовской, Симбирской и Казанской» [6, с. 386].

В 30—40-е годы XIX века были учреждены штатные должности магометанских мулл в военных портах и гарнизонах некоторых городов. В Симбирской губернии «для нижних воинских чинов магометанского закона, еще в 1838 г., нанят был, от казны, мулла» [7, с. 150]. С октября 1838 года по Указу, объявленному Министру внутренних дел Военным министром, в г. Симбирске мулле Ягоферову производилось «от военного ведомства жалованья по 100 рублей в год и сверх того обывательскую квартиру, наравне с нижними чинами внутренней стражи» [8, с. 126]. Можно предположить, что до 30-х годов XIX века в г. Симбирске большая часть мусульманского населения была военного сословия, среди которых, возможно, были и крымские татары. По состоянию на 1897 год, среди населения Симбирска проживало 17,7 % военных [9, с. 357].

С мая 1846 года для мусульманских духовных лиц при Гвардейском корпусе были определены их права (включающие срок службы, пенсии и единовременные пособия при отставке, пособия по окончании службы или в случае смерти) и виды наказаний. А с 1896 года для избираемых лиц из среды нижних воинских чинов в Имамы Гвардейского корпуса была откорректирована система утверждения в должности в Оренбургском Магометанском Духовном Собрании [8, с. 138—139, 209—210].

В 1849 году именным указом Николая I было разрешено экзаменовать военнослужащих-мусульман регулярных войск в правилах их религии, если вблизи стоянок войск нет мусульманского духовенства. Свидетельства об успешном экзаменовании лиц необходимо было «прилагать к экзаменным листам при удостоверении к производству в офицеры и к получению одной и двух третей офицерского жалованья» [8, с. 143].

Законодательно оформлялось право военнослужащих-мусульман быть погребенными по обрядам своей веры. С 1854 года мусульманские священнослужители один раз в год приглашались в действующие войска служащими в резервной кавалерии и в округа военного поселения для «исполнения треб магометанской религии» с оплатой прогонных и суточных денег.

Наконец, в 1877 году по ходатайству муфтия Оренбургского Магометанского Духовного Собрания Салим-Гирея Тевкелева, который и сам был в молодости боевым офицером, последовало высочайшее повеление, разрешавшее военнослужащим-мусульманам посещать мечети, если они находились вблизи расположения войск. Кроме того, за военнослужащими закреплялось право самим выбирать из своей среды «надежного товарища» для удовлетворения духовных треб.

В 1896 году при пересмотре штатов иноверческого духовенства в войсках штаты для мусульман были полностью упразднены. Сделано это было в том числе и по ходатайству муфтия Оренбургского Магометанского Духовного Собрания Мухаммедзяна Султанова,

посчитавшего, «что совершение разных треб по магометанскому закону может быть исполняемо каждым магометанином».

Однако уже в 1903 году Николай II предложил рассмотреть возможность учреждения должностей штатных военных мулл, а двумя годами позже, в 1905 году, сам муфтий Султанов обратился с петицией в кабинет министров, требуя возрождения должностей военных мулл. Уже в годы Русско-японской войны представители всех терпимых в России конфессий направлялись на военные действия для исполнения духовных треб для военнослужащих и осуществления похорон погибших в соответствии с религиозными обрядами. У мусульман штатное военное духовенство было сохранено только в тех полках, которые комплектовались почти полностью из мусульман, — двух Дагестанских и Терско-Кубанском военных полках, а также Крымском драгунском полку [5, с. 10].

Революционная ситуация в России в начале XX века привела к тому, что в январе 1906 года группа мусульман встретилась с графом С. Ю. Витте. Среди них был и представитель рода Акчуриных — Ибрагим Курамшевич из г. Симбирска. Кроме него в группу входили имам г. Оренбурга З. Кашаев, имам г. Стерлитамака А. Рамеев, ахун г. Буинска Симбирский губернии А. Шагидуллин, Ш. Тукаев из Уфимской губернии, З. Рамеев из Оренбургской губернии, Д. Ших Али из Уфы. В связи с тревожными событиями и процессами, происходящими в стране, делегация обратила внимание С. Витте на проблемы, волнующие мусульман. В свою очередь, С. Витте выразил свое отношение к проблемам в стране и заявил, что «по отношению к ним (мусульманам. — *Р. М.*) никаких стеснений не будет сделано». Встреча вызвала определенный резонанс в обществе [10, с. 113]. Таким образом, делегация мусульманской интеллигенции, куда входили и жители Симбирской губернии, смогла довести до сведения руководства страны суть проблем, волнующих мусульман.

Вскоре, в 1906 году, Военный совет вновь вернулся к вопросу о назначении штатного мусульманского духовенства в регулярных войсках и принял документ под названием «Об учреждении штатного магометанского духовенства в войсках», подписанный Николаем II 19 июня 1908 года.

Со временем изменились и требования к мусульманским полковым священнослужителям. Если ранее, в XIX веке, обязанности военных мулл исполняли в основном военнослужащие-мусульмане, то в начале XX века на должность штатных военных мулл назначалось приходское духовенство. Но штатное магометанство учреждалось только в пяти военных округах. Во всех же остальных для совершения богомолений в большие магометанские праздники и для совершения обряда джаназа разрешалось приглашать местных мулл с установлением им платы-таксы.

После начала Первой мировой войны число мусульманских военных священнослужителей увеличилось. Они были назначены в каждую армию. Назначение духовенства в каждый полк стало одним из главных требований солдат-мусульман после Февральской революции 1917 года.

К концу 1917 года по ходатайству Военного совета утверждается штат военных ахунов и мулл по Казанскому военному округу [5, с. 123], то есть выстраивается иерархия мусульманского военного духовенства по примеру православного. Однако заработать эта схема в полной мере не смогла. Началась Гражданская война, и в национальных частях подотдел Военного совета, отвечавший за духовенство в войсках, был заменен агитационно-организационным подотделом Комиссариата по делам мусульман внутренней России. Таким образом, нравственно-проповедническая деятельность духовенства была заменена агитационно-организационной работой политических комиссаров.

В связи с тем, что главный принцип Российской империи заключался в стремлении к полному государственному контролю над всеми без исключения религиозными институтами на территории страны, введение мусульманских священников в русской армии являлось предметом необходимости политики государства.

Определенный характер российского политического устройства и контроль над мусульманским духовенством обеспечивал возможность управления многонациональным государством, которое включало народы с разным уровнем развития. Для предотвращения каких-либо внешних или внутренних угроз со стороны мусульман император принимал различные указы по исламским делам, которые

часто являлись довольно противоречивыми. Если особым военным сословием в Российской империи, игравшим важную роль в охране стране, были инородческие войска, которые создавались на основе рекрутчины и состояли в основном из простых людей — крестьян, то в русской армии был необходим особый инструмент политики государства, который бы являлся связующим звеном между императором и народом. Таким звеном было выбрано мусульманское духовенство, которое пользовалось на местах большим уважением. Поэтому мусульманское духовенство в русской армии XIX века находилось под особым покровительством государственной власти и в общем достаточно успешно вписывалось в систему российской имперской государственности.

---

1. Алексий II вновь высказался за введение института полкового духовенства (http://www.religio.ru/arch/04Apr2006/news/12436.html).
2. *Равиль Гайнутдин.* Российские патриоты под знаменем ислама / Равиль Гайнутдин // Независимая газета. 2003. 17 дек.

3. *Майкл Мэйнвилл*. Россия обеспокоена уровнем рождаемости мусульман / Майкл Мэйнвилл // The Washington Times. Режим доступа: http://www.uk2watch.com/countries/article.jsp?8199.
4. *Зайончковский, П. А*. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903 / П. А. Зайончковский. М. : Мысль, 1973.
5. *Абдуллина, Х. М.* Мусульманские капелланы в царской России / Х. М. Абдуллина // Медина аль-ислам. 2006. № 19, июнь.
6. История Отечества: люди, решения. Очерки истории России / С. В. Мироненко. М. : Прогресс, 1991.
7. *Мухаметшин Р. Р., Нугманов А. И.* Итоговый отчет по гранту КТК 652.1.01/2 «Государственно-исламские отношения в Среднем Поволжье в конце XVIII — начале XX вв.».
8. *Арапов, Д. Ю.* Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика) / сост. и авт. ввод. ст., коммент. и прил. Д. Ю. Арапов. М. : ИКЦ «Академкнига», 2001.
9. *Щеголихина, С. Н.* О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях / С. Н. Щеголихина // Вопр. истории. 1996. № 2.
10. *Таиров, Н. И.* Акчурины / Н. И. Таиров. Казань : Татарское кн. изд-во, 2002.

В. В. Романов

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI ВВ. ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1826—1860 ГГ.

Данная статья посвящена отечественной и зарубежной историографии второй половины XIX — начала XXI вв. политической полиции Российской империи в 1826—1860 гг. Предлагается периодизация, в рамках которой анализируются основные тенденции развития через исследование аспектов: объективных условий ее развития, форм объективного выражения, методологии исследований, источниковой базы, круга изучаемых вопросов, определения проблем на современном этапе.

Ключевые слова: историография, методология, источник, государственный механизм Российской империи, политическая полиция, Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Корпус жандармов.

V. V. Romanov

MAIN TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC AND FOREIGN HISTORICAL AND HISTORICAL-LEGAL LATE XIX — EARLY XXI CENTURIES RESEARCH OF RUSSIAN EMPIRE POLITICAL POLICE IN 1826—1860

This article is devoted to domestic and foreign historiography of the late XIX — early XXI centuries on Russian Empire police in 1826—1860. Its periodization is proposed. The author analyzes the main trends of development, through the study of aspects: the objective conditions of its development, the objective forms of expression, research methodology, source base, range of issues, and modern identification of problems.

Key words: historiography, methodology, source, state mechanism of the Russian Empire, political police, Third Department of His Imperial Majesty's Chancellery, gendarme corps.

В настоящее время в отечественной исторической и историко-правовой науке имеются многочисленные работы, в которых политическая полиция Российской империи выступает либо объектом специального исследования, либо анализируется в контексте других проблем. Одновременно отсутствуют самостоятельные исследования, посвященные историографии политической полиции, создание которых, бесспорно, сопряжено с рядом сложностей объективного и субъективного характера [1]. Первым шагом в ликвидации сформировавшейся проблемы стало недавно проведенное диссертационное исследование М. Н. Иванцова. Однако оно не охватывает всех исследований, посвященных указанному государственному институту, так как посвящено отдельным ее аспектам в определенные периоды [2].

Предлагаемая статья посвящена изучению основных тенденций развития идей, методологии и источниковедческой базы исследований политической полиции Российской империи 1826—1860 гг., проведенных со второй четверти XIX до начала XXI века.

Протекавший свыше ста пятидесяти лет процесс исследования данной проблемы можно разделить на четыре периода, каждый из которых включает ряд этапов. В основу предлагаемой периодизации положены как формальный критерий — интенсивность ее изучения (главным показателем является количество публикаций), так и качественные — характеристика источниковой базы, методология исследований, состав анализируемых аспектов проблемы.

К первому периоду относятся труды, созданные между началом 50-х гг. XIX века —

1880 годом, то есть частично — в анализируемый отрезок времени. Ко второму периоду историографии проблемы мы относим исследования, проведенные с 80-х гг. XIX века до февраля 1917 года. Третий период охватывает работы, созданные при Временном правительстве и в советское время (февраль 1917 года — 1992 год). Четвертый период включает исследования, проведенные в постсоветский период (1992 год — настоящее время).

На подавляющую массу исследований первых двух периодов оказали влияние два фактора, существенно сдерживающие процесс изучения политической полиции. Во-первых, узкая и, как следствие — нерепрезентативная источниковая база, почти не включающая основной тип источников — делопроизводственные документы. Во-вторых, авторитарный политический режим в стране, когда правящая элита не желала и имела возможность не допустить широкого исследования состояния и функционирования данного института, особенно до момента ликвидации Третьего Отделения СЕИВК (1880 г.) [3].

Начальный период исследования политической полиции Российской империи охватывает отрезок времени с начала 50-х гг. XIX века до 1880 года. Для него характерен эпизодический выход в свет работ, затрагивающих данную проблематику и относительно узкий круг исследуемых вопросов.

Изучение истории политической полиции Российской империи было начато еще в 50-е гг. позапрошлого века в связи с 25-летним юбилеем Третьего Отделения СЕИВК и Корпуса жандармов. Составленный ее служащими исторический «Обзор» базировался на широком круге источников и представлял изложенный в хронологическом порядке материал, затрагивающий многочисленные грани института [4]. Сокращенным вариантом его являлась «Историческая записка о Третьем Отделении и Корпусе жандармов, составленная за время с 1826 по 1850 гг. к 25-летию царствования Государя Императора» с заключением в конце, подписанная гр. А. Ф. Орловым [5]. Содержание данной работы являлось тенденциозным, имело отдельные фактические ошибки.

Необходимо признавать за его авторами приоритет в разработке проблематики, несмотря на их ведомственную принадлежность, цели создания документа, его недоступность в течение длительного времени для исследователей.

Первые работы, затрагивающие в контексте других проблем Третье Отделение и Корпус жандармов, появились во второй половине 50-х гг. XIX века. В работе Ф. И. Проскурякова Третье Отделение кратко описывается на базе норм императорского указа № 449 от 1826 года. [6]. Аналогичный характер носят сведения и анализ, посвященные данному органу, в изданной в Санкт-Петербурге в 1871 году двухтомной работе И. Е. Андреевского [7].

Во второй половине 70-х гг. XIX века служащими политической полиции был создан «Обзор», посвященный 50-летию образования Третьего Отделения и Корпуса жандармов [8]. По своим характеристикам он был аналогичен предшествующему, но уровень анализа был ниже. Трудно согласиться с мнением Т. Г. Деревниной, относящей к источникам «Обзоры» — работы ведомственных исследователей, поскольку в них содержатся аналитические подходы, оценки событий, а не только излагаются факты [9, с. 20].

Следствием отсутствия условий внутри Российской империи для создания исследований, посвященных анализируемому институту, стало написание их за рубежом и публикация в изданиях, выпускаемых политическими эмигрантами. В большинстве случаев данные работы основывались либо на личном опыте, либо на информации от очевидцев описываемых событий, либо отражали отношение какой-то группы подданных к анализируемому институту. Авторы всех трудов были оппозиционно настроены к существующему государственному строю, и, следовательно, их работы носили тенденциозный характер.

На страницах «Полярной звезды», «Колокола» была опубликована объемная работа А. И. Герцена «Былое и думы». Произведение содержало массу сведений, оценок анализируемого института и относилось к социально-психологическим исследованиям российской действительности 20—40-х гг. XIX века [10; 11, с. 18]. В издании «Голоса из России» подробно анализировалась общественно-политическая ситуация в стране в исследуемый период, указывались причины и негативные моменты в деятельности государства, давались оценки роли и эффективности функционирования политической полиции,

предлагались проекты реформ с либеральных позиций [12].

Особое место среди данной группы публикаций занимает работа Н. И. Сазонова, вызвавшая большое внимание и гнев правящей элиты [13]. В ней автор произвел аргументированное сравнение инструкций штаб-офицерам Корпуса в губерниях с отклоняющейся от нее деятельностью местных подразделений и на этом основании обвинил Николая I в лицемерии [14]. Таким образом, были заложены основы изучения политической полиции анализируемого периода с революционно-демократических позиций.

Следовательно, до ликвидации Третьего Отделения СЕИВК исследование истории отечественной политической полиции происходило главным образом в рамках учебных изданий и сводилось к воспроизведению содержания нормативных актов либо это были зарубежные исследования, которые отражались в публикациях на страницах эмигрантских изданий. Нельзя согласиться с точкой зрения, что историография данной проблемы зародилась в 80—90-е гг. XIX века [11, с. 16], а тем более в начале XX века [9, с. 5]. Мы солидарны с О. Ю. Абакумовым, что исходная точка находится в середине XIX века, но не разделяем его позицию, что изучение института началось политическими эмигрантами [15, с. 11].

Второй период охватывает отрезок времени с начала 80-х гг. XIX века до ликвидации самодержавия в феврале 1917 года. По мере развития социально-политических противоречий, элементов гражданского общества (в частности, свободной прессы), независимой судебной системы внимание общества и исследователей к истории политической полиции неуклонно возрастает. В отечественных изданиях регулярно стали появляться работы, посвященные расширяющемуся кругу аспектов политической полиции. Постепенно увеличивается источниковая база исследований, так как вводятся в научный оборот документы из архивов Третьего Отделения и Корпуса жандармов, мемуары.

Особенностью работ является широкая методологическая база (от идеалистических теорий до диалектического материализма), которая в ряде исследований являлась основой эффективного анализа анализируемого института.

В начале 80-х гг. XIX века в Российской империи появились работы, содержащие исследовательские элементы, посвященные политической полиции, что было связано с ликвидацией Третьего Отделения СЕИВК.

Последнее событие первоначально вызвало «живой отклик» в среде публицистов и исследователей, содержащий различные оценки двух периодов (до и в ходе реформ 60—70-х гг. XIX века) его существования.

Публицист Н. М. Катков выразил мысль, что Третье Отделение было необходимо в составе соответствующей ему системы в период, «когда вся задача ограничивалась пресечением всякого умственного движения», а с момента признания принципа свободы в народной и общественной жизни оно «вредило всего более тому, чему якобы служило» [16]. Анонимный автор другой статьи, одобряя данное мероприятие, полагал, что с этого времени верховная власть и народ будут взаимодействовать без органов-посредников. С началом реформ Третье Отделение стало анахронизмом и уже в период управления им В. А. Долгорукова существовало номинально, а не было ликвидировано, так как императору с детства внушили мысль о благодетельности данного органа [17]. Другой анонимный исследователь в заметке констатировал два положения, считая, что основной вред Третьего Отделения состоял, во-первых, в противозаконных действиях и, во-вторых, в разложении подданных через внедрение идеи, «что закон ничего не значит, когда есть целое учреждение, действующее вне закона» [18]. Несмотря на относительно широкое распространение данных положений в литературе с 60-х гг. XIX века до наших дней (когда якобы полностью реализовался принцип законности в деятельности органов современных государств), заметим, что они не в полной мере соответствуют истине.

На этом фоне диссонансом выглядело объективное содержание статьи «Исторический очерк политической полиции в России», помещенной в еженедельнике «Отголоски» (1880. № 34. С. 533—536; № 35, С. 548—552). Автор, знакомый с деятельностью Отделения, опровергал потоки клеветы, появившиеся на страницах изданий с момента его ликвидации. В частности, один из выводов носит дискуссионный характер и вызывает интерес: «При существовании крепостного права оно (Третье Отделение. — *В. Р.*) было главным,

хотя и негласным защитником крестьян от злоупотреблений помещичьей властью». Он отмечал и ряд недостатков в работе анализируемого института в целом, а не только указанного Отделения, и в качестве примера некорректно приводил неспособность жандармского начальства к руководству оперативной деятельностью в Северо-Западном крае в конце 40-х гг. XIX века [15, с. 15].

Другим объектом анализа исследователей продолжал оставаться личный состав, в частности, руководители политической полиции (А. Х. Бенкендорф, Л. В. Дубельт). В контексте изучения их служебных биографий затрагивались вопросы, относящиеся к различным сторонам организации и функционирования Третьего Отделения СЕИВК и Корпуса жандармов [19].

Со временем количество подобных публикаций увеличивается. Расширяется круг руководителей политической полиции и иных лиц, причастных к ее деятельности, попавших в поле зрения исследователей. Одновременно увеличивалось количество изучаемых аспектов данного института. К числу публикаций относится очерк придворного историка Н. К. Шильдера о доносах князя А. М. Голицина на лиц из окружения императора [20]. В 1900 году исследователь И. Кубасов опубликовал очерк о жандармском генерале И. Н. Скобелеве, который начал свою службу солдатом из крестьян и благодаря природному интеллекту и преданности достиг вершин служебной лестницы [21]. Результаты данного направления исследования проблемы в начале XX века были обобщены в серии статей о первых лицах исследуемого периода [22].

Обобщающую оценку перечисленным работам дал А. П. Чукарев: «Все подобные материалы либо посвящены только персоналиям, затрагивая их деятельность в области политического сыска в минимальной степени, либо рассматривают какие-то отдельные эпизоды…» [23]. Однако ценность указанных работ состоит и в изучении влияния субъективного фактора на состояние и функционирование изучаемого института.

В этот же период различные грани функционирования политической полиции впервые становятся объектами специальных исследований.

Практике разрешения уголовных дел по составам государственных преступлений внесудебным порядком посвящена статья Н. (Зибера). Данный порядок оценивался автором негативно, а в ряде эпизодов деятельность Третьего Отделения была отражена противоречиво, тенденциозно. Н. (Зибер) первым констатировал, что мысль об организации тотального надзора за обществом и чиновниками с целью обнаружения и искоренения действий, угрожающих безопасности общества и государства, появилась еще у членов Союза Благоденствия и была только развита правительством [24]. Однако в литературе была и противоположная точка зрения по поводу существовавшей, в основном еще внесудебной системы рассмотрения дел по составам государственных преступлений. П. М. Голенищев–Кутузов–Толстой констатировал, что при длительности и сложности уголовного судопроизводства А. Х. Бенкендорф посредством высочайших повелений стремился сократить и упростить существовавший процессуальный порядок [25].

Вопросы истории и социальной сущности политической полиции нашли отражение на страницах трудов И. Т. Тарасова, которые содержали некоторые выводы методологического характера. Он писал, что в создании Третьего Отделения нашло реализацию бытующее воззрение на полицию «как складочное место наиболее деликатных задач государства и как на своеобразную утонченную форму действия». Автор считал ее главными недостатками то, что высшая полиция преследует не только политические преступления, но и убеждения, и вторгается в сферу индивидуальной свободы, нередко отнимая у физических лиц все средства для защиты от произвола. Кризис функционирования Третьего Отделения заставил правительство с 1858 года реформировать его и стремиться достигнуть «общественного благополучия, которого должна была дать полиция, но не дала» [26].

В 1889 году появилась сопроводительная заметка при публикации «Инструкции графа А. Х. Бенкендорфа чиновнику Третьего Отделения». В ней автор указывает, что причинами его ликвидации были неудачный выбор руководящих лиц (после А. Х. Бенкендорфа) и деятельность проникших в него поляков [27].

В том же году появилась статья, посвященная расследованию в 1827 году наличия «Инструкции А. Х. Бенкендорфа чиновнику…» у Наровчатовского уездного землемера Пен-

зенской губернии. Прекращение следствия по распоряжению губернатора, усмотревшего в основании дела личную вражду чиновников, автор связывает с получением первым информации «об устройстве тайного надзора за действиями служащих…» [28].

В статье «Жандармы», написанной автором, хорошо знающим Корпус, освещаются отдельные аспекты его организации и деятельности, частично в исследуемый период [29].

Новый этап исследования проблемы был связан со столетием министерской реформы, когда увидели свет ведомственные юбилейные издания. Среди них выделяется работа, посвященная МВД, содержащая небольшой фрагмент о Третьем Отделении, а также Корпусе жандармов. Автор излагает информацию, извлеченную в основном из нормативных актов 1826—1849 гг. В духе жандармских инструкций определяется их компетенция: наблюдать за появлением «антигосударственных элементов в обществе» и «за действиями всей сложной административной машины» [30]. Некоторые авторы высоко оценивают данный труд [9, с. 5; 15, с. 18]. Однако мы разделяем мнение Н. П. Ерошкина, который считал его самым слабым и бессодержательным среди юбилейных изданий, где сведения по истории полиции, жандармерии сведены к минимуму [31].

Для этого издания в 1900—1901 гг. жандармы подготовили историю развития Корпуса за 75 лет. Источниковая база исследования включала широкий круг нормативных актов и различные виды делопроизводственных источников. Ведомственный подход авторов обусловил в ряде случаев тенденциозность, а также характерную черту подобных исследований — неточность [32].

Издание, посвященное военному министерству, во втором томе содержит подробные сведения о прохождении службы руководителями института (А. Х. Бенкендорфом, А. Ф. Орловым, Л. В. Дубельтом) и в общих чертах — биографические сведения, а также основополагающую информацию о Корпусе и Третьем Отделении [33].

На следующий год увидело свет монографическое исследование историка Н. К. Шильдера о царствовании Николая I. Оно написано с монархических позиций, но автору (в силу его положения при дворе) были доступны документы архивов политической полиции. В первом томе он впервые сделал попытку анализа исторической преемственности, причин и целей образования и реформирования, итогов деятельности государственных органов, реализующих функции политической полиции [34, с. 464—470]. Принципиально важным является вывод о поступательном развитии политической полиции в соответствии с характером общественных отношений, в которых она существует. Во втором томе изучается важный аспект взаимосвязей императора и руководства политической полиции (в лице А. Х. Бенкендорфа), то есть оценка места института в механизме функционирования отечественного государства, а также рассматриваются взаимоотношения его первых лиц и А. С. Пушкина. По изучаемой проблеме в основном излагался фактический материал вне исторического контекста. Однако содержащиеся в работе выводы в ряде случаев объективны, в частности, о несоответствии деятельности Третьего Отделения первоначально планируемым целям [34, с. 467].

Исследование Н. К. Шильдера имеет большое значение для изучения политической полиции, так как впервые был введен в научный оборот большой объем фактического материала, а новые выводы касались различных ее аспектов.

Значительный вклад в исследование политической полиции в целом и его местных подразделений в частности внесли исследователи либерально-демократического и революционно-демократического направлений.

Среди первых выделяется В. Я. Богучарский (Яковлев), издававший серию книг под названием «Русская историческая библиотека». В основе его работ лежали источники, опубликованные в открытой печати, а также документы, выявленные автором в зарубежных библиотеках. На страницах его исследований нашла отражение борьба политической полиции с революционно-оппозиционным движением в период со второй половины 20-х гг. до конца 90-х гг. XIX века. В частности, работа «Государственные преступления в России в XIX веке» базируется на комплексной, репрезентативной источниковой базе, отдельные документы которой имели уникальный характер. Работа содержит сведения о некоторых аспектах деятельности (эффективность, методы функционирования) Третьего Отделения и Корпуса жандармов [35].

Активно исследовал состояние, а главным образом функционирование политической полиции 1826—1855 гг., либеральный историк, стоявший на позициях, близких к революционно-демократическим, М. К. Лемке. На страницах его работ нашли отражение различные грани одной из ее функций — противодействие распространению антиправительственной идеологии: роль в реализации цензурной политики, борьба с оппозиционно настроенными журналистами, писателями и читателями запрещенных изданий. Например, в работе о князе П. В. Долгоруком исследуется комплекс мероприятий российской политической полиции, осуществленных против него за рубежом [36]. Кроме того, автор исследовал другие предметы и формы деятельности политической полиции. Статья, посвященная кружку братьев Критских, отражает в формальном следствии по делу роль московских жандармов [37].

Исследуя историю освободительного движения, М. К. Лемке ввел в научный оборот большой объем фактического материала по истории правоохранительных органов, системы правительственных мероприятий по противодействию противникам существующего государственного строя [38]. Для данного этапа высшей точкой в исследовании политической полиции, в том числе местных подразделений, была его работа «Николаевские жандармы и литература». Главную цель труда автор видел в том, чтобы «показать ход борьбы Третьего Отделения и Николая I с обществом и литературой» [39]. Это было первое исследование монографического уровня по заявленной теме. Поэтому неизбежно, что уже в первой главе М. К. Лемке вышел за пределы темы. Т. Г. Деревнина справедливо отмечает, что в работе, «с одной стороны, были синтезированы уже имеющиеся сведения об органе "высшей полиции"; с другой — предпринята попытка исследовать ряд новых явлений, в большей или меньшей степени относившихся к изучаемой нами теме» [9, с. 7]. Автор комплексно, хотя и относительно поверхностно, проанализировал создание Третьего Отделения СЕИВК и Корпуса жандармов, осветил их внутреннюю организацию, коснулся в определенной мере форм, методов функционирования (в частности, противоборства ее секретных представителей с заграничной прессой), личного состава их руководства [39, с. 20—28, 35—38, 97, 105—108 и др.].

Заметим, что работа создавалась им уже на широком, репрезентативном комплексе источников, в том числе делопроизводственных документов [40] (в частности, автор одним из первых использовал письма М. Я. фон Фока А. Х. Бенкендорфу [39, с. 35—38]), выводы ее носят объективный характер.

Большой вклад в изучение политической полиции анализируемого периода внесли работы историка литературы П. Е. Щеголева. Благодаря революции ему с мая 1905 по 1907 гг. была открыта часть архива Третьего Отделения. С одной стороны, он исследовал институт в контексте других проблем, с другой — создал работы, освещающие организацию, направления и методы его деятельности в эпоху Николая I [41].

В 1907 году появляется исследование бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина, в котором автор одним из первых предпринял попытку подробного анализа отдельных аспектов политической полиции XIX — начала XX вв. [42].

В работе В. Н. Строева, посвященной столетию СЕИВК, несколько страниц общеизвестных сведений было посвящено Третьему Отделению [43].

Профессор права Н. А. Гредескул опубликовал публицистическую работу «Террор и охрана», содержащую ряд ценных обобщений, отдельные из которых сохранили свое значение по настоящее время. В частности, была четко сформулирована мысль о диалектическом взаимовлиянии революционных партий и политической полиции по различным аспектам (так называемым методам деятельности) [44].

История политической полиции в трудах исследователей 10-х гг. XX века была неотъемлемой частью единичных работ, посвященных революционному движению второй половины 20-х — начала 60-х гг. XIX века, в которых неизбежно затрагивалась внутренняя политика самодержавия. К ним относится исследование известного историка-литературоведа Б. М. Эйхенбаума о кружке Н. П. Сунгурова в Москве. Автор изучил участие штабофицера в губернии, начальника округа, Шефа жандармов в расследовании данного дела [45]. В. И. Семевский на базе широкого круга источников (архивных и опубликованных) воссоздал и оценил роль Третьего От-

деления и «голубого» ведомства в деле петрашевцев [46].

Особое место в историографии проблемы занимает исследование французского социалиста Ж. Лонге и русского иммигранта Г. Зильбера. Вступительная статья «Провокаторы и правящие» посвящена агентурным методам деятельности французской политической полиции в анализируемый период, которые, по мнению авторов, неизбежно переходят в провокацию [47]. Они справедливо констатировали, что «…политическая полиция во Франции послужила прототипом всех полицейских учреждений на Западе, а также и в России» [47, с. 10].

Официальная историческая наука начала XX века в лице историков, лекционные курсы которых охватывали анализируемый период, мало внимания уделяла анализируемому институту [48].

Следовательно, в период с 80-х гг. XIX века до февраля 1917 года сформировался ряд важных аспектов анализа состояния института и его функционирования, отдельные из которых активно исследовались в общероссийском масштабе. Относительно местных подразделений политической полиции данный период исследования был малопродуктивным. На страницах работ этого периода нашли отражение частично формальная структура института, ряд требований к кадровым служащим, некоторые особенности порядка прохождения службы, отдельные методы функционирования. Исключая единичные работы (в частности, Н. К. Шильдера и М. К. Лемке), выводы подавляющей массы исследований базируются на узком круге источников: опубликованных нормативных актах, отдельных делопроизводственных документах, воспоминаниях, материалах периодической печати.

В феврале 1917 года с падением самодержавия позитивно изменилась ситуация для исследования политической полиции и начался новый — третий период в ее изучении. Быстро сформировалась ситуация, когда политики всех мастей обратили свои взоры на ее историю по конъюнктурным соображениям.

Вскоре после свержения монархии увидели свет две работы, посвященные исследуемому институту. Первой была краткая, но достаточно емкая статья В. Я. Богучарского (Яковлева) о Третьем Отделении [49, с. 85—126]. Констатируя, что оно соответствовало природе правительственной власти и рельефно выявляло ее сущность, автор голословно утверждал, что к созданию его истории не прикасалась рука исследователя [49, с. 85—86]. Второй была работа Элиеса, посвященная оперативно-следственным действиям и суду по делу отставного штаб-капитана Ситникова. Она отражает деятельность служащих подразделений Корпуса жандармов, связанную с его розыском на территории Поволжья [50].

На начальном этапе после прихода к власти в октябре 1917 года большевики не препятствовали исследованию истории политической полиции, которая предоставляла отдельные материалы для дискредитации самодержавия. Однако специальных работ о политической полиции николаевской эпохи и начала правления Александра II за первое десятилетие советской власти создано почти не было. Отдельные стороны анализируемого института исследовались в контексте других многочисленных проблем данного периода.

В 1918 году увидела свет работа М. Полиевктова, объектом изучения которой выступали личность императора и Россия периода правления Николая I [51]. Характеризуя эпоху, автор констатирует, что «абсолютизм и полицейская система… стали уже устаревшим оружием» верховной власти [51]. Анализируя механизм государства и механизм его функционирования, он делает ряд выводов, одни из которых носят явно ошибочный характер (о разложении системы министерского управления — она переживала кризис развития), другие — дискуссионный (об уменьшении роли Государственного совета и Комитета министров), третьи — объективный (о возрастании роли СЕИВК) [51, с. 209—225]. Исследователь дает общую оценку функционированию СЕИВК, что позволяет системно и глубоко осмыслить тенденции развития государственного механизма в этот период [51, с. 79—81].

В работе А. Е. Преснякова, посвященной Николаю I, оригинально и основательно анализируются отдельные стороны внутренней политики, в частности правоохранительной, и уделяется существенное внимание одному из государственных институтов ее реализации — политической полиции в аспекте взаимоотношений с императорской властью. Констатируя низкую эффективность функционирования власти в период начала правления императора, автор указывает, что для изменения и

до изменения такого положения Николай I берет в непосредственное заведование своей канцелярии высшую полицию, для чего учреждает Третье Отделение и Корпус жандармов. Они были созданы императором для разрушения бюрократического посредничества между ним и обывателями, чем он пытался завоевать популярность и доверие населения [52].

Исходя из политической целесообразности и объективной потребности, новая власть, базируясь и развивая сложившиеся традиции либерально-демократической и главным образом революционно-демократической историографии, первостепенное внимание уделяла изучению истории различных сторон освободительного движения. Однако, исследуя его, авторы неизбежно выходили на проблему одного из направлений внутренней политики российского самодержавия — правоохранительного и механизма его реализации, существенное место и специфическая роль в котором принадлежали политической полиции, так как по ее источникам нередко создавались данные работы [53]. Среди последних выделяются исследования, посвященные А. С. Пушкину, которые «притягивали» его к революционному лагерю и на основании этого подводили под категорию «жертвы» политической полиции [54].

Исследование П. Е. Щеголева посвящено основоположнику отечественного анархизма — М. А. Бакунину, выданному австрийскими властями по требованию Российской империи. Автор детально исследует мероприятия политической полиции по подготовке к конвоированию революционера, содержанию его в Петропавловской крепости, а также участие в следствии над ним Ф. А. Орлова [55]. В данной работе до настоящего времени указанный вопрос в научной литературе проанализирован наиболее глубоко и детально.

В конце 20-х гг. XX века была опубликована работа С. Я. Штрайха, посвященная лицу, оказывающему содействие Третьему Отделению СЕИВК, — Р. М. Медоксу [56].

В 1930 году увидело свет исследование И. М. Троцкого, специально посвященное Третьему Отделению в правление Николая I. Автор видел свою задачу в том, чтобы «в отдельных очерках сделать беглую сводку известного уже о Третьем Отделении материала, по возможности представить общие черты этого учреждения». В литературе бытует вывод о научно-популярном характере данной работы, однако глубина анализа автором значения темы ставит данный вид под сомнение и открывает новые подходы к изучению данного института. В частности, автор констатирует, что «выяснение социальной природы и функций полицейской организации является чрезвычайно существенным для понимания позиций царского правительства в классовой борьбе и его политики…» [57]. Первый раздел работы — наиболее существенный — посвящен становлению и развитию многочисленных органов, выполняющих функции политической полиции в начале XIX века, а вторая часть — их функционированию во второй четверти XIX века на базе в основном общеизвестных фактов, без указаний источника их заимствования. В 1931 году опубликовано очередное исследование автора, которое продолжало старую традицию, посвященное персонально И. В. Шервуду, содействовавшему функционированию данного института в начальный период.

В данных исследованиях переплетены объективные для своего времени выводы (в частности, при оценке масштабов борьбы государства со своими противниками, механизм исследования доносов политической полицией, низкий уровень объективности их содержания и противодействие лицам, злоупотребляющим данным правом), а также ошибки (описывая руководство данного института, И. М. Троцкий гиперболизирует их недостатки («полнейшие ничтожества»), констатирует якобы имевшую место «фабрикацию заговоров», аморальность «стандартных» методов политического розыска) [57]. Автор выявил, систематизировал, частично впервые ввел в научный оборот большой по объему фактический материал (некоторые из источников до настоящего времени не сохранились [9, с. 11]), что было нехарактерно в конце 20-х — начале 30-х гг. XX века для работ отечественных исследователей политической полиции [58].

С конца 20-х гг. прошлого века доступ к документальным материалам политической полиции Российской империи был закрыт для исследователей, а архивы были переданы в ведение НКВД. Отдельные категории документов периода 1826—1860 гг. (в частности, регистрационные журналы), начиная с 20-х гг. XX века, в массовом порядке уничтожались как утратившие историческую ценность [59]. Эти

процессы привели к тому, что с начала 30-х до начала 60-х гг. XX века фактически прекратилось изучение истории политической полиции Российской империи анализируемого периода. В этом было заинтересовано Советское государство, так как исследования приводили к выводам, сравнение которых с реальностью было не в пользу последней. Поэтому при анализе истории политической полиции получило распространение использование штампов, цитат, которые иногда противоречили фактам и здравому смыслу [60].

Однако создание работ, объектом исследования которых выступало революционно-освободительное движение, невозможно было при полном игнорировании противостоящей ему стороны. Следствием была необходимость анализа внутренней политики самодержавия, механизма ее реализации и основного элемента последнего — государства, в частности, специализированного института — политической полиции.

Политические условия, цели исследования, доступность источников, профессионализм и мужество ученого определяли, в каком контексте, объеме и на каком уровне в работе отражались различные грани состояния и деятельности политической полиции. В частности, ярким образцом этого является исследование А. С. Нифонтова, посвященное России 1848 года, которое до настоящего времени не потеряло научной ценности [61].

В начале 50-х гг. XX века появляется монографическое исследование Я. И. Линкова, в котором существенное внимание уделяется противодействию политической полиции крестьянскому движению второй четверти XIX века, в частности, роли генерала Апраксина в карательной экспедиции по подавлению крестьянских выступлений в Оренбургской губернии в 30-х гг., а также мерам по задержанию крестьян, самовольно направившихся в ополчение в период Крымской войны [62].

В работах известного исследователя М. В. Нечкиной многократно в контексте других проблем, в частности анализа судеб осужденных декабристов, обращается внимание и на изучаемый институт [63].

Тема противодействия политической полиции революционным кружкам второй четверти XIX века (выявление, розыск, задержание, следствие) затрагивается в фундаментальном исследовании А. И. Федосова [64].

Именно представители группы исследователей истории революционно-освободительного движения во второй половине 50-х гг. XX века постепенно снова стали осознанно обращаться к изучению политической полиции. Правда, ими в контексте других проблем исследовалось в основном ее функционирование — главным образом в аспекте противодействия революционно-освободительному движению, иногда пунктирно обращалось внимание и на другие аспекты.

Особое место среди исследований данного периода занимает малочисленная группа трудов, анализирующих отдельные государственные институты и аспекты внутренней политики Российской империи. Среди них выделяется многотомная работа М. Н. Гернета по истории царской тюрьмы. Она обращает на себя внимание фундаментальностью источниковой базы, комплексностью (исследуется не только система уголовно-исправительных учреждений, но и по мере необходимости — уголовно-процессуальное право, в частности, особенности предварительного следствия по делам о государственных преступлениях и даже нормы уголовного права, в том числе регламентирующие составы государственных преступлений), высоким теоретическим уровнем и относительной объективностью выводов. Автор, почти не затрагивая Третье Отделение СЕИВК и Корпус жандармов, анализирует реализацию императорского указа 1826 года за № 449, в результате которого ряд тюрем были переданы в частичное ведение политической полиции, что продолжалось до 80-х гг. XIX века. Заметим, что в последнее время стало «неактуально» указывать на достаточно жесткое отношение самодержавия к политическим преступникам и даже лицам, только обвиняемым в таких деяниях. М. Н. Гернет доказывал обратное [65], а в его профессионализме и научной чистоплотности не приходится сомневаться.

В работе Н. М. Дружинина, посвященной реформе государственных крестьян, проводившейся под руководством П. Д. Киселева, автор уделяет внимание надзору политической полиции за реформой и роли данного института в подавлении крестьянских волнений 30—40-х гг. XIX века в Оренбургском крае [66].

Третий период истории изучения политической полиции второй половины 20-х — на-

чала 60-х гг. XIX века завершился этапом, охватывающим первую половину 60-х — начало 90-х гг. XX века. Важнейшие предпосылки его наступления были созданы в ходе изменений в государственно-политическом режиме страны во второй половине 50-х — начале 60-х гг. прошлого века. На новом этапе этот процесс реализуется в рамках двух направлений: традиционного, в контексте исследования других объектов, и возрождающегося, объектом которого является непосредственно анализируемый институт.

Реализуя первое направление, группа ученых в контексте постепенно расширяющегося круга проблем и на более высоком уровне продолжала исследовать вопросы состояния и функционирования политической полиции. В силу единой природы ряда изучаемых проблем исследование данного государственного института происходило главным образом в рамках, во-первых, продолжения анализа проблем истории освободительного движения в России, во-вторых, исследования отечественной государственности второй половины 20-х — 50-х гг. XIX века.

Работы первого направления первой группы включали главным образом информацию о функционировании политической полиции в аспекте противодействия самым различным проявлениям революционно-оппозиционного движения. Сведения и выводы, содержащиеся в них, могут быть классифицированы по объекту деятельности (отдельные физические лица, организованные группы, массовые движения), по направлениям (оперативно-розыскная деятельность, дознание, предварительное следствие), по методам (наружное наблюдение, внутреннее наблюдение, перлюстрация).

Совокупность перечисленных критериев классификации их функционирования, с учетом места и времени, бесспорно, накладывала отпечаток на деятельность руководящих, но главным образом местных подразделений института. Поэтому анализ некоторых сторон освободительного движения способствовал и способствует изучению функционирования политической полиции.

Существенное значение сведения и выводы, содержащиеся в данной группе работ, приобретают только в случае, когда в основу их положен не единичный факт, эпизод (так как в функционировании политической полиции субъективный фактор играл большую роль), а их совокупность. Однако, так как их сведения и выводы имеют типичный характер по ограниченному кругу вопросов деятельности политической полиции, то увеличение их количества не представляло возможность компенсировать этот качественный «органический недостаток». Невозможность в рамках данной группы исследований реализовать комплексный подход к исследованию института снижала объективность их выводов [67]. Заметим, что в указанной группе исследований с начала 90-х годов прошлого века стали появляться работы, содержащие качественно новые выводы, затрагивающие анализируемый институт. Одним из них является исследование М. А. Рахматуллина, посвященное крестьянскому движению николаевской эпохи и начала правления Александра II. Автор пришел к ряду интересных выводов. В частности, он констатировал, что открытое сопротивление властям (!) в ходе крестьянских выступлений оказывали примерно 0,2—0,3 % всех участников волнений. На фоне доказанного положения, что количество крестьянских выступлений в целом по стране не было большим (несмотря на быстрый темп их роста), этот вывод имеет чрезвычайно важное значение для объективной оценки воздействия данного фактора на внутреннюю политику и, в частности, для анализа причин эволюции политической полиции. Автор существенное внимание уделяет роли последней (как руководящим, так и местным подразделениям) в процессе ликвидации различных форм крестьянских протестов и использует делопроизводственные документы данного ведомства, в частности, рапорты штаб-офицеров о выступлениях крестьян [68].

Особое место в данном направлении изучения политической полиции занимают работы, посвященные вопросам микроистории, с небольшими, в основном типичными по содержанию фрагментами, в большей или меньшей мере посвященные институту в рамках исследования краеведческих проблем [69]. Однако необходимо справедливо констатировать, что в ряде случаев они были крайне информативными, новыми и по праву могут претендовать на вклад в исследование проблемы. Одной из них выступает работа Е. Я. Дмитрука, содержащая многочисленные фрагменты противодействия анализируемого

института П. П. Огареву на территории Поволжья. На ее страницах содержится исчерпывающий перечень исследований по данному вопросу, который использовал автор [70].

Работы ученых первого направления второй группы, которое продолжает активно развиваться и в настоящее время, посвящены изучению политической полиции в контексте анализа отечественной государственности, в частности, государственного механизма Российской империи.

Впервые после 30-х гг. анализируемым органам было уделено существенное внимание в учебном пособии по истории Российского государства Н. П. Ерошкина [71]. В опубликованной в 1981 году его же монографии комплексно анализировались основные тенденции развития Российского государства в первой половине XIX века, а политической полиции указанного периода была посвящена отдельная глава. Основные положения монографии хорошо аргументированы, ряд из них имеет методологический характер [72].

Работа П. А. Зайончковского, посвященная исследованию корпуса государственных служащих, стала очередной вехой в анализируемом процессе. Она включала аспекты методологии исследования проблемы, объемный статистический материал, характеристики руководителей политической полиции [73].

Продолжалось изучение системы правительственного контроля за различными элементами политической системы в анализируемый период, определение места и роли в его механизме политической полиции. В частности, исследование Т. М. Баженовой рассматривает его как многоэлементную систему и имеет методологическое значение [74]. Известный исследователь И. В. Порох проанализировал систему мер самодержавия, в частности, исследуемого института, направленных против деятельности А. И. Герцена [75].

После длительного перерыва во второй половине 60-х гг. появляются первые работы учебного характера, специально посвященные истории полиции отечественного государства, которые содержат фрагменты, относящиеся к Третьему Отделению и Корпусу жандармов анализируемого нами периода. Они также содержали необоснованные, стереотипные констатации, но появление их было большим шагом вперед в исследовании проблемы [76].

Особое место среди работ, в которых в контексте других проблем исследовалась политическая полиция, занимают монографические труды, имеющие комплексную проблематику. Среди них выделяется многотомное фундаментальное коллективное исследование по истории СССР. В отношении политической полиции данного периода его авторы демонстрируют, с одной стороны, устоявшиеся подходы, с другой — их эволюцию, когда, исследуя их деятельность, не ограничиваются исключительно противодействием революционному движению, но выделяют и другие направления. Они справедливо констатируют, что «голубые мундиры царских жандармов появлялись везде, где угрожала опасность внутренних осложнений: при раскрытии «политических преступлений», при возникновении крестьянского движения, при обнаружении крупных злоупотреблений чиновников» [77]. Отмеченные перемены создавали предпосылки для исследования политической полиции в новых аспектах, а следовательно, комплексного изучения, что даже в рамках исторического материализма повышало качество выводов.

С начала 70-х гг. прошлого века начинает возрождаться второе направление исследования института, в работах которого политическая полиция выступила в качестве самостоятельного объекта изучения.

В 1971 году была опубликована статья И. В. Оржеховского, посвященная Корпусу жандармов в период реформ 60—70-х гг. XIX века. Ее содержание впервые носило комплексный характер и было посвящено организации, компетенции, офицерскому составу, методам, а также основным направлениям деятельности. Анализируя данные вопросы, автор осуществил экскурсы в предшествующий период и сделал ряд интересных выводов, в частности, о влиянии политических событий в Царстве Польском на эволюцию отдельных сторон и видов подразделений Корпуса жандармов [78]. На следующий год автор опубликовал небольшое по объему исследование, посвященное Третьему Отделению СЕИВК, которое затрагивает отдельные вопросы его развития в 1826—1860 гг. [79].

Определенный вклад в исследование проблемы внес ученый-публицист Н. Я. Эйдельман, научные интересы которого хотя и непосредственно редко были связаны с данным

институтом, но систематически соприкасались с ним. В 70-х гг. он одним из первых возродил традицию исследования биографий, начав с биографии руководителя политической полиции Л. В. Дубельта. В работе, на базе переписки офицера с супругой, раскрыт его противоречивый внутренний мир [80].

Логическим результатом описанных процессов было появление в 1973 году диссертационной работы, специально посвященной политической полиции николаевской эпохи [9, с. 12]. В советской исторической науке это была первая попытка комплексного исследования политической полиции николаевской эпохи как государственного института. В частности, автор анализирует ряд сторон процесса зарождения, организации, характеристики личного состава, основных методов политического розыска и направлений функционирования политической полиции. В основе работы лежит репрезентативная источниковая база, центральным элементом которой является широкий круг документальных источников, подавляющая масса которых была введена в научный оборот Т. Г. Деревниной. Работа явилась большим шагом вперед в исследовании данного института по сравнению с предшествующим уровнем его разработки, ее основные положения и выводы до настоящего времени не утратили своего значения.

В 1976 году было опубликовано исследование А. Ф. Возного, впервые специально посвященное изучению деятельности чинов полиции в деле кружка Петрашевского, которое получило более узкую направленность (политическая полиция и петрашевцы) и более глубокий анализ в его следующей работе [81].

Определенный интерес представляет монография И. В. Оржеховского «Самодержавие против революционной России», первая часть которой в основном посвящена Третьему Отделению и Корпусу жандармов 1826—1855 гг. [82]. Автор подробно анализирует эволюцию и деятельность политической полиции в связи с развитием революционного движения. Данный подход несколько снизил ценность выводов исследования, так как это был самый важный, но (следует констатировать) далеко не единственный фактор ее развития. Кроме того, революционному движению противостоял весь государственный механизм, и исследуемый институт мог функционировать только в его составе, что не нашло должного отражения на страницах работы. Работа стала очередным шагом в комплексном изучении истории данного периода развития анализируемого института.

В 1990 году появилось исследование Д. Раца, посвященное анализу личности А. Х. Бенкендорфа. Автор предпринял попытку создать целостный портрет личности и государственного деятеля с характерными для него противоречиями, являющимися как следствием его личных качеств, так и отражением противоречий эпохи [83].

С 90-х гг. прошлого века начался новый — четвертый период в исследовании политической полиции Российской империи, который продолжается до настоящего времени и является прямым следствием перемен в общественном, государственном строе и политическом режиме страны и развития внутренних закономерностей изучения политической полиции.

С этого времени марксистско-ленинская философия и базирующаяся на ней методология официально потеряли монополию. Прямым следствием этого стала ревизия формационной концепции исторического развития, попытки замены ее цивилизационной или концепцией их механического соединения. Одновременно исследователи стали обращать свое внимание на достижения дореволюционных и современных зарубежных ученых.

Постепенно часть ученых вернулась к постулатам государственной школы, объявлявшим государство надклассовой силой, а негативные моменты в проводимом самодержавием внутриполитическом курсе стали связывать с влиянием реакционного дворянства, господством чиновничьего аппарата. Следствием этого стала переоценка роли императоров как государственных деятелей и результатов их правлений. В частности, Николай I, именовавшийся «палкиным», постепенно приобретает репутацию консервативного реформатора, который не столько в силу собственного нежелания, а сколько внешних разнообразных причин не смог осуществить коренных изменений. Результаты проведенных им преобразований действительно далеко не всегда определялись и соответствовали намерениям императора [84]. С новых позиций излагается раздел, посвященный исследуемому периоду, в частности, правление Николая I исследователем С. В. Перевезенцевым. Политический курс императора рассматрива-

ется в контексте защиты национальных интересов, в частности религиозной культуры, от влияния процессов, происходящих в европейских государствах [85].

Исследование политической полиции продолжает осуществляться в рамках двух направлений, сформировавшихся в предшествующий период.

Первым выступает изучение различных граней данного института в контексте анализа ряда иных объектов. В силу произошедших в стране перемен размах исследования революционного движения сокращается и увеличивается количество работ по проблемам отечественного государства, в рамках которых анализируются различные стороны политической полиции.

Среди данной группы работ необходимо выделить коллективную монографию, посвященную развитию российского права в первой половине XIX века. Несмотря на отдельную главу «Полицейские органы», анализируемому институту было уделено крайне мало внимания. Авторы пошли по пути выявления общих тенденций развития (что является достоинством исследования) и воссоздания фрагментов эволюции общеизвестных норм, регламентирующих организацию и компетенцию Третьего Отделения и Корпуса жандармов без изучения процесса их реализации [86].

Особое место среди данной группы исследований занимает работа И. В. Ружицкой, посвященная развитию законодательной деятельности в правление Николая I. Ее содержание позволяет нам констатировать, что процесс нормативной регламентации политической полиции был обусловлен комплексом разнородных причин, явился одним из проявлений эволюции Российской монархии и показателем развития института [87].

Определенные позитивные изменения происходят в исследовании функционирования подразделений политической полиции в регионах. Разрушение ограничений, связанных с проблематикой и методологией исследований, имело следствием обращение ряда ученых, в том числе занимающихся смежными проблемами на региональном уровне, к проблемам исследуемого института. В частности, В. А. Ремнев, изучая административную политику в Западной Сибири в первой половине XIX века, уделил большое внимание инспекционным поездкам в 20—30-х гг. XIX века командированных жандармских офицеров (в частности, из Поволжских губерний), которые собирали информацию как об условиях содержания декабристов, так и о состоянии и деятельности местной администрации [88]. Появляются исследования краеведческого характера, которые содержат материалы, необходимые для анализа местных подразделений [89], а в ряде случаев изучающие их отдельные аспекты (например, оценку источников, взаимоотношений с губернаторами и др. [90]). Таким образом, создаются предпосылки для их исследования и в ряде случаев вносится существенный вклад в их непосредственное изучение исследователями микроистории.

Второе направление представлено исследованиями, специально посвященными изучению политической полиции, как в рамках истории России, так и истории отечественного государства и права.

Комплексное, базирующееся на широком круге источников исследование развития политической полиции в 1649—1917 гг. было опубликовано в 1992 году Ф. М. Лурье. Период второй половины 20-х — 50-х гг. XIX века нашел определенное отражение на его страницах по многочисленным аспектам, однако большой хронологический интервал работы не позволил автору детально остановиться на их анализе и заставил излагать материал в рамках устоявшейся традиции — схематично. Отдельные выводы автора по данному периоду являются новыми (в частности, страх Николая I перед военными как один из факторов образования Корпуса жандармов), как и ряд подходов в других частях исследования. В работе содержатся дискуссионные положения об отношении к методам деятельности политической полиции, а руководства института — к «провокации» [91].

Развитие отечественной исполнительной и политической полиции с XI по начало XX века исследовалось в монографии Р. С. Мулукаева, которая явилась итогом его многолетних изысканий. Однако интересующий нас период не нашел детального отражения в работе, так как автор ограничился констатацией устоявшихся положений. Ценность работы состоит, в частности, в том, что автор детально раскрывает методы и направления деятельности общей полиции в данный период, что важно для анализа оснований их компетенции и взаимосвязей [92].

В 1994 году было опубликовано комплексное монографическое исследование, охватывавшее многовековую историю института — плод совместных российско-канадских усилий. Часть второй главы «Третье Отделение» посвящена анализу становления и развития организации, численности личного состава, биографиям руководителей и отдельным сторонам функционирования анализируемого института в 1826—1860 гг. Следует заметить, что монография написана на широком круге в основном ранее введенных в оборот источников и содержит ряд новых важных выводов (в частности, о достаточной объективности ежегодных отчетов императору и нежелании последнего использовать данную информацию) [93].

В этом же году увидело свет исследование Г. З. Головкова и С. Н. Буренина, посвященное отечественной политической полиции [94]. Исследование представляет анализ известных фактов, касающихся Третьего Отделения и Корпуса жандармов анализируемого периода, с вкраплениями вышедших из научного оборота сведений. Отдельные выводы работы, бесспорно, заслуживают внимания, некоторые являются дискуссионными, а основная масса повторяет общепринятые. Оценка А. Г. Чукаревым указанной работы, как самой обстоятельной на первую половину 90-х гг. [11, с. 67], является не совсем корректной.

Комплексному изучению отечественной политической полиции в 1855—1865 гг. — периода разработки и начала реализации реформ — было посвящено диссертационное исследование О. А. Абакумова [31]. Автор систематически осуществляет экскурсы по различным аспектам Третьего Отделения и Корпуса жандармов в николаевскую эпоху, с которой неразрывно связана вторая половина 50-х гг. XIX века. На базе достижений предшественников, репрезентативного комплекса источников он более двух третей работы посвящает анализу организации, компетенции, методам и основным направлениям деятельности. Ряд выводов в работе заслуживают серьезного внимания, но некоторые носят дискуссионный характер (в частности, не совсем обоснованно указание на предупреждение преступлений как основу провокации; не нашла должной оценки и работа Т. Г. Деревниной) [15, с. 18, 24—25].

В 1996 году была опубликована обзорная статья А. А. Миролюбова, посвященная Отдельному Корпусу жандармов, часть ее посвящена исследуемому периоду и содержит отдельные ошибочные выводы и данные [95].

Диссертационное исследование по теме «Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX в. (1826—1855 гг.)», защищенное в 1998 году А. Г. Чукаревым [23], явилось итогом его многолетней работы [96]. Оно было создано на репрезентативном корпусе источников и базировалось на выводах многочисленных исследователей предшественников. Автор подвергает анализу ряд граней состояния института политической полиции, уделяя главное внимание его функционированию — эволюции ряда методов деятельности и направлений. Исследование содержит многочисленные выводы, которые убедительно доказывают его вклад в изучение анализируемой проблемы. В частности, мы разделяем его вывод, что условия функционирования (внутри государства и внешнеполитические) политической полиции во многом обусловливают выбор объектов воздействия данного института.

Изучению истории развития отечественной политической полиции посвящена увидевшая свет в 2002 году коллективная работа «Жандармы», в которой были помещены исследования, анализирующие ее развитие в первой половине XIX века [97]. В частности, Ф. Севастьянов изучает развитие института в I четверти XIX века (его организации, личного состава, методов розыска и следствия, направлений деятельности) и приходит к ряду выводов, которые представляют интерес для исследователей (основные тенденции развития, периодизация и др.) [98].

Другая его статья в указанной логографии носит биографический характер. Объектом ее изучения выступает биография руководителя анализируемого института А. Х. Бенкендорфа, в основном до назначения на данную должность. Целью автора выступало восстановление исторической правды в отношении данного государственного деятеля, который был незаслуженно во многом «очернен» [99].

В данной работе В. Измозник опубликовал статью, в которой исследуется анализируемый период в развитии института. На ее страницах автор детально, часто на основании новых подходов, изучает эволюцию Третьего Отделения и значительно меньше внимания уделяет Корпусу жандармов [100].

В исследовании Ю. А. Реента анализируется исполнительная и политическая полиция начала XX века. В нем представляют интерес различные мнения на периодизацию развития анализируемого института, попытки исследования автором полиции как социального института [101].

В этом же году была опубликована работа, посвященная комплексу спецслужб Российской империи, в том числе органам политической полиции. Автор предпринял попытку в относительно небольшой по объему книге крайне отрывочно и хаотично (даже не указана дата назначения А. Х. Бенкендорфа Шефом Корпуса жандармов), допуская неточности, осветить исследуемый период [102].

Появляются единичные работы, рассматривающие организацию и функционирование местных подразделений политической полиции в исследуемый период. Деятельности тайной экспедиции и московских жандармов посвящены очерки О. А. Иванова. В них анализируется процесс становления местных подразделений Корпуса жандармов в губернии, сложные отношения начальника второго округа и московского генерал-губернатора, а также подробно исследуется противодействие жандармов запрещенным азартным играм [103].

Объектом анализа ученых становятся источники получения оперативно-розыскной информации политической полицией.

В частности, в работе С. Королева анализируются феномены доносительства и доноса. Автор приходит к выводу, что во второй четверти XIX века уже идет процесс формирования первых элементов гражданского общества, зарождаются новые образцы ментальности, в которых доносу как долгу подданного перед государством уже не было места [104]. Данный подход разделяет Г. Е. Миронов, констатирующий, что в отношении доносов XIX век был самым либеральным. Соответствуя духу времени, доносы стали тайными, так как приходилось бояться не только власть, стремящуюся к раскрытию «злого умысла», но и зарождающееся мнение общества [105].

Продолжаются попытки исследовать агентурные методы деятельности Третьего Отделения СЕИВК, в частности, появляется работа М. Д. Филина, посвященная Е. А. Хотяинцевой, вращающейся в окружении А. С. Пушкина и регулярно писавшей донесения на темы литературы и театра [106]. Зарождение использования специальных средств в деятельности Третьего Отделения и Корпуса жандармов в исследуемый период анализируется в статье В. И. Лазарева. Автор делает ряд интересных выводов, с которыми трудно не согласиться, например, «…говоря об агентуре Третьего Отделения на начальном этапе его существования, иногда трудно провести грань между собственно агентом и кадровым сотрудником» [107]. Основное внимание в ходе анализа развития политической полиции в правление Николая I авторы объемного исследования уделили становлению метода внутреннего наблюдения. Однако работа сводится к конкретным примерам и носит описательный характер, ничего принципиально нового не внося в исследование данного института [108].

В начале третьего тысячелетия появляется новое периодическое издание «История государства и права», на страницах которого стали регулярно публиковаться статьи, посвященные отдельным аспектам политической полиции 1826—1860 гг. [109] или рассматривающие их в контексте других проблем [110]. Некоторые работы представляют значительный интерес для исследователей политической полиции различных периодов ее существования. Они написаны на достаточно высоком теоретическом уровне и базируются на репрезентативном круге источников [111].

Политическая полиция Российской империи 1826—1860 гг. являлась и продолжает оставаться предметом изучения и зарубежных ученых. Первые исследования появились в начале XX века. Как вытекает из библиографического указателя Е. Е. Смита, уже ко второй половине 60-х гг. XX века увидела свет серия работ, в которых политическая полиция 1826—1860 гг. выступала единственным объектом анализа [112].

В 1961 году была опубликована работа американского историка Сиднея Монаса «Третье Отделение. Полиция и общество в России при Николае I» [113]. В 1968 году увидело свет второе объемное исследование по анализируемой нами проблеме преподавателя русской истории в Кембриджском университете П. С. Скваера «Третье Отделение. Политическая полиция России при Николае I» [114]. Исследование их источникового корпуса, методологии, детальный анализ содержания были осуществлены Т. Г. Деревниной

[9, с. 12—16] и частично получили развитие в работе А. Г. Чукарева [11, с. 73—74].

Изучению истории российской политической полиции начала XX века посвящена работа Д. Дейли. Это исследование нового поколения, в котором предпринята попытка на базе широкого круга архивных источников аргументации выводов, игнорирующих существующие стереотипы, иногда имеющие политическую окраску. Автор в отдельной главе исследовал закономерности развития политической полиции в XIX веке. Работа содержит ряд интересных, в ряде случаев дискуссионных положений и выводов [115].

Очередным шагом в исследовании Собственной Его Императорского Величества Канцелярии стала работа финского ученого П. Мустонева. Исследователь анализирует этапы ее организационного становления и развития и параллельно исследует ее социальную и правовую природу. Он приходит к ряду новых выводов, которые имеют важное методологическое значение, но некоторые из них являются дискуссионными: в частности, СЕИВК является не самостоятельным государственным органом, а элементом института самодержца; по своей компетенции она не может быть отнесена к какой-либо ветви власти [116].

Изучение политической полиции исследователями осуществлялось и в контексте других проблем. В справочнике Э. Амбургера содержатся краткие сведения о государственных институтах отечественной абсолютной монархии. В частности, излагаются сведения, связанные со становлением, функционированием Третьего Отделения и Корпуса жандармов, и биографические данные ряда их руководителей, которые в основном имеют общеизвестный характер [117].

Другой немецкий исследователь Н. Катцер затронул тему Третьего Отделения, исследуя правление Николая I. Автор не вводит в научный оборот новых фактов, но ряд его выводов заслуживает внимания, хотя и носит дискуссионный характер. Оценивая деятельность Третьего Отделения, он констатирует ее эффективность и противоречивость, подчеркивая неопределенность его компетенции. Автор делает далеко идущий, но необъективный вывод, что в результате карательных мероприятий Третьего Отделения власть и умы приходят в противоречие, и это оказало губительное воздействие и впоследствии, даже при радикальном меньшинстве, затронуло государство в целом [118]. С ним можно было бы частично согласиться, если бы автор указывал в качестве объектов преследования исключительно зарождающиеся институты гражданского общества, но не совсем понятно, как революционные кружки (где и концентрировалось радикальное меньшинство) могли предотвратить описанный им процесс.

В работе американского исследователя Р. Пайпса, посвященной истории России, кратко анализируется период правления Николая I и начало правления Александра II, в контексте которых автор обращает внимание на Третье Отделение и Корпус жандармов. Имея заранее известную цель, автор указывает, что Николай I не только был создателем последних, и далее плавно переходит на «оценку государства вообще», которое он создал, — «полицейского» [11, с. 75]. Работа в аспекте исследования политической полиции являет собой набор в основном ошибочных стереотипов, иногда имеющих политический подтекст, и представляет уходящий этап иностранной исторической науки [119].

Следовательно, в изучении политической полиции Российской империи 1826—1860 гг. отечественными исследователями можно выделить три хронологически сложившихся направления, которые неразрывно переплетены между собой: анализ персоналий кадровых служащих (в первую очередь руководства) и лиц, сотрудничающих с ним; изучение влияния политической полиции на различные институты, отношения Российского государства и общества (главным образом печать, литературу, тайные организации); исследование политической полиции как государственного института (анализ одного из руководящих элементов политической полиции — Третьего Отделения СЕИВК, а также подразделений в Санкт-Петербургской, Московской и единичных провинциальных губерниях).

В целом степень исследованности политической полиции Российской империи 1826—1860 гг. крайне неравномерна как по различным вопросам состояния и функционирования, так и по различным видам подразделений.

Относительно хорошо исследована часть руководящих подразделений политической полиции — Третье Отделение СЕИВК по вопросам организации, компетенции, кадрового состава, финансового обеспечения, основных

направлений деятельности. В определенной мере данный вывод может быть распространен на столичные (Санкт-Петербург, Москва) и единичные провинциальные подразделения Корпуса жандармов.

Одновременно почти полностью выпали из поля зрения исследователей руководящий элемент — Штаб Корпуса жандармов, а также все виды местных подразделений. Подавляющая масса перечисленных выше вопросов (исключая кадровый состав) либо слабо изучена (в общих чертах на базе нормативных актов и частных фактов), либо вообще почти не исследована, то есть отсутствуют комплексные работы, посвященные данному уровню организационных элементов политической полиции не только на общероссийском уровне, но и на уровне отдельных регионов.

Данная ситуация сложилась закономерно, так как длительное время, в основном в узком аспекте, исследовалось функционирование политической полиции (противодействие революционно-оппозиционному движению), которым руководило и являлось одновременно по ряду вопросов главным исполнительным элементом Третье Отделение СЕИВК. Кроме того, основная масса объектов деятельности политической полиции (отдельные личности, тайные организации, кружки и др.) находилась на территории указанных губерний и Царства Польского, которым противостояли соответствующие местные подразделения Корпуса, попавшие в силу этого в поле внимания ученых.

Исследования местных подразделений Корпуса жандармов провинциальных губерний в основном осуществлялись эпизодически в контексте других проблем, затрагивали отдельные их стороны: главным образом функционирования и в меньшей степени — характеристики состояния как государственного института.

---

1. Некоторые их прикладные аспекты нашли отражение в частности в работе: *Зевелев, А. И.* Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелев. М. : Высш. шк., 1987. С. 95—156.
2. См.: *Иванцов, М. Н.* Отечественная историография политической полиции России XX — начала XX вв. : дис. … канд. ист. наук / М. Н. Иванцов. М., 2009. С. 195.
3. См.: *Похвистнев, М. Н.* Из дневника / М. Н. Похвистнев // Рус. арх. 1911. Т. I. С. 208.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. Д. 533.
5. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 86. Д. 1 а.
6. *Проскуряков, Ф. И.* Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов / Ф. И. Проскуряков. СПб., 1856. С. 92—93.
7. *Андреевский, Н. Е.* Полицейское право / Н. Е. Андреевский // Российское полицейское (административное) право: конец XX — начало XXI века : хрестоматия / сост. и вступ. ст. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. С. 39—68.
8. Часть его была опубликована В. Богучарским под названием «Третье Отделение собств. Е. И. В. канцелярии о самом себе (неизданный документ)» (Вестн. Европы. 1917. Март. С. 85—126).
9. *Деревнина, Т. Г.* Третье Отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1825—1855 гг.) : дис. … канд. ист. наук / Т. Г. Деревнина. М., 1973.
10. *Герцен, А. И.* Соч. : в 9 т. Т. IV—VI. Былое и думы / А. И. Герцен. М. : Гослитиздат, 1956.
11. *Чукарев, А. Г.* Тайная полиция России: 1825—1855 гг. / А. Г. Чукарев. М.—Жуковский : Кучково поле, 2005.
12. Голоса из России. Вып. I—III. Кн. I—IX. М., 1974—1976.
13. См.: *Корф, М. А.* Записки / М. А. Корф. М. : Захаров, 2003. С. 496.
14. *Сазонов, Н. И.* Правда об императоре Николае / Н. И. Сазонов // Литературное наследство. Т. 41—42. М., 1941. С. 213—214.
15. *Абакумов, О. Ю.* Третье Отделение в период общественного подъема конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. : дис. … канд. ист. наук / О. Ю. Абакумов. Саратов, 1994.
16. *Катков, Н. М.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» в 1880 г. / Н. М. Катков. М., 1898. № 222-А. С. 428.
17. Новое время. 1880. 8 авг. № 1596.
18. Вестник Европы. 1880. № 12. С. 835.
19. См.: *Н. В.* Л. В. Дубельт. Биографический очерк / Н. В. // Рус. старина. 1880. № 6. С. 125—132; *Каротыгин, П. П.* Бенкендорф и Дубельт / П. П. Каротыгин // Исторический вестн. 1887. № 10—12. С. 165—179.
20. *Шильдер, Н. К.* Два доноса в 1831 г. / Н. К. Шильдер // Рус. старина. 1898. № 10—12. С. 516—538.
21. *Кубасов, И.* Скобелев И. Н. / И. Кубасов // Рус. старина. 1900. № 2. С. 393—413.
22. См.: *С. Ч.* Бенкендорф А. Х. / С. Ч. // Энцикл. слов. Брокгауза и Эфрона : в 12 т. Биографии / отв. ред. В. М. Карев, Н. М. Хитров. М. :

Большая Российская энцикл., 1992. Т. 2. С. 81—83 и др.

23. *Чукарев, А. Г.* Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX в. (1826—1855 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / А. Г. Чукарев. Ярославль, 1998. С. 5.

24. *Н.* (*Зибер*). Суд и государственные преступления / Н. (Зибер) // Юридический вестн. 1880. № 11. С. 323—357; *Он же.* К истории жандармской полиции в России // Юридический вестн. 1882. № 11. С. 423—426.

25. *Голенищев–Кутузов–Толстой, М. П.* Из памятных записок / М. П. Голенищев–Кутузов–Толстой // Рус. арх. 1883. № 1. С. 221.

26. *Тарасов, И. Т.* История русской полиции и отношение ее к юстиции / И. Т. Тарасов // Юридический вестн. 1884. Кн. 2—4; *Он же.* Полиция в эпоху реформ. М., 1885.

27. *П. Б.* Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику «Третьего Отделения» / П. Б. // Рус. арх. 1889. № 7. С. 396—398.

28. *Н. В.* По поводу инструкции графа Бенкендорфа / Н. В. // Рус. арх. 1889. № 8. С. 22—524.

29. *А. Я.* Жандармы / А. Я. // Энцикл. слов. СПб., 1894. Т. XI А. С. 717—719.

30. См.: Министерство внутренних дел. Исторический очерк (1802—1902). СПб., 1901. С. 97—101.

31. См.: *Ерошкин, Н. П.* История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции / Н. П. Ерошкин, Ю. В. Куликов, В. А. Чернов. М., 1965. С. 135.

32. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2596. Л. 1—43.

33. Столетие Военного Министерства. Императорская Главная Квартира. История государевой свиты : в 2 т. Т. I, ч. II. СПб., 1902.

34. *Шильдер, Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование / Н. К. Шильдер. СПб., 1903. Т. 1.

35. *Богучарский, В.* Государственные преступления в России в XIX в. : в 3 т. Т. I (1825—1876) / В. Богучарский. СПб., 1900; *Он же.* Общественные движения в России в первую половину XIX в. Т. 1. Б/м, 1905. С. 495.

36. *Лемке, М. К.* Третье Отделение и цензура эпохи Николая I (1826—1855 гг.) / М. К. Лемке // Русское богатство. 1905. № 9. С. 190—221; № 10. С. 47—87.

37. *Лемке, М. К.* Тайное общество братьев Критских / М. К. Лемке // Былое. 1906. № 5—6. С. 41—57.

38. *Лемке, М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия / М. К. Лемке. СПб., 1904; *Он же.* Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904; *Он же.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908; *Он же.* Политические процессы в России 1860-х гг. М.—Пг., 1923; *Герцен, А. И.* Полн. собр. соч. : в 22 т. / под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919—1925.

39. *Лемке, М. К.* Николаевские жандармы и литература. 1826—1855 гг. / М. К. Лемке. СПб., 1909. С. XIV.

40. С конца 1904 г. по декабрь 1906 г. министром ему было разрешено работать в архиве МВД (*Лемке, М. К.* Николаевские жандармы и литература… С. XIII—XIV).

41. *Щеголев, П. Е.* Исторические этюды / П. Е. Щеголев. М., 1913.

42. *Лопухин, А. А.* Настоящее и будущее русской полиции / А. А. Лопухин. М., 1907. С. 100.

43. *Строев, В. Н.* Столетие Собственной Его Императорского Величества Канцелярии / В. Н. Строев. СПб., 1912. С. 146—152.

44. См.: *Гредескул, Н. А.* Террор и охрана / Н. А. Гредескул. СПб., 1912.

45. *Эйхенбаум, Б. М.* Тайное общество Сунгурова / Б. М. Эйхенбаум // Заветы. 1913. Ч. II. С. 18—26; См.: *Чукарев, А. Г.* Тайная полиция России… С. 35.

46. *Семевский, В. И.* Петрашевцы и крестьянский вопрос / В. И. Семевский // Великая реформа. Т. III. М., 1911. С. 205—220; *Он же.* Следствие и суд по делу петрашевцев (по неизданным материалам) // Рус. зап. 1916. № 9—11. С. 101.

47. *Лонге, Ж.* Террористы и охранка / Ж. Лонге, Г. Зильбер. М. : Сов. Россия, 1991.

48. См.: *Ключевский, В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский // Соч. : в 9 т. Т. V. М. : Мысль, 1989. С. 224; *Кизеветтер, А. А.* Исторические очерки / А. А. Кизеветтер. М., 1912. С. 454—455; *Он же.* История России в XIX в. М., 1916; *Корнилов, А. А.* Курс истории России XIX в. / А. А. Корнилов. М. : Мысль, 1993. С. 157; *Платонов, С. Ф.* Полный курс лекций по истории России / С. Ф. Платонов. Петрозаводск, 1996. С. 763.

49. *Богучарский, В. Я.* Третье Отделение о самом себе / В. Я. Богучарский // Вестн. Европы. 1917. № 3.

50. *Элиес.* Дело штаб-капитана Ситникова / Элиес // Голос минувшего. 1917. № 3—4 (7—8). С. 105—123.

51. *Полиевктов, М.* Николай I. Биография и обзор царствования / М. Полиевктов. М., 1918.

52. *Пресняков, А. Е.* Николай I. Апогей самодержавия / А. Е. Пресняков // Российские самодержцы. М. : Книга, 1990. С. 288—292.

53. См.: *Шилов, А. А.* Лавров в агентурных донесениях сотрудников III Отделения / А. А. Шилов // Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Вып. I. Пг., 1921; *Кантор, Р. М.* Лавров и А. Ю. Балашевич-Потоцкий / Р. М. Кантор // Лавров. Пг., 1922; *Он же.* В погоне за Нечаевым. М.—Л., 1925; *Кон, Ф.* История революционного движения в России / Ф. Кон. Ч. 1. Харьков, 1929 и др.

54. *Модзалевский, Б. Л.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. 1826—1830 / Б. Л. Модза-

левский // Былое. 1918. № 1. С. 5—59; *Он же.* Пушкин под тайным надзором. М., 1925; *Щеголев, П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы / П. Е. Щеголев. М. : Книга, 1987. 5-е изд.

55. *Щеголев, П. Е.* М. А. Бакунин в равелине / П. Е. Щеголев // Алексеевский равелин. Секретная государственная тюрьма в XIX в. Кн. 1. Л. : Лениздат, 1990. С. 189—201.
56. *Штрайх, С. Я.* Роман Медокс, русский авантюрист XIX в. / С. Я. Штрайх. М., 1929.
57. *Троцкий, И. М.* III Отделение при Николае I / И. М. Троцкий. М., 1930. 2-е изд. Л., 1990. С. 3—4; *Он же.* Жизнь Шервуда Верного. М., 1931.
58. См.: *Блюм, А. В.* Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929—1953 / А. В. Блюм. СПб. : Академический проект, 2000. С. 98—104.
59. См.: *Корнев, В. Е.* Архивы на службе тоталитарного государства (1918 — начало 1990-х гг.) / В. Е. Корнев, О. Н. Копылова // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 13—24; *Сватиков, С. Г.* Заграничная агентура Департамента полиции: Записка С. Сватикова и документы заграничной агентуры / С. Г. Сватиков. М., 1941.
60. См.: *Покровский, М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский // Избр. произв. Кн. 3. М. : Мысль, 1967. С. 155; *Анисимов, И.* Немецкие палачи на службе русских царей / И. Анисимов. М., 1942. С. 17.
61. *Нифонтов, А. С.* Россия в 1848 году / А. С. Нифонтов. М. : Учпедгиз, 1949. С. 316.
62. *Линков, Я. И.* Очерки истории крестьянского движения в России в 1829—1861 гг. / Я. И. Линков. М. : Учпедгиз, 1952. С. 40—41, 50, 54—55, 73, 98—99, 108.
63. *Нечкина, М. В.* Движение декабристов / М. В. Нечкина. Т. 1—2. М. : Изд-во АН СССР, 1955; Декабристы: Исторический очерк. 2-е изд. М. : Наука, 1982.
64. *Федосов, А. И.* Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные кружки) / А. И. Федосов. М. : Соцэкгиз, 1958.
65. *Гернет, М. Н.* История царской тюрьмы : в 3 т. / М. Н. Гернет. М., 1941—1952; *Он же.* История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 2. М. : Юридическая лит., 1962. С. 212—223, 315—349, 358—369, 392—433.
66. *Дружинин, Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1—2 / Н. М. Дружинин. М. : Изд-во АН СССР, 1946—1959; *Он же.* Революционное движение в России в XIX в. : Избр. тр. М. : Наука, 1985. С. 206207.
67. *Дьяков, В. А.* Освободительное движение в России. 1825—1861 гг. / В. А. Дьяков. М. : Мысль, 1979; *Коган, Л. А.* Крепостные вольнодумцы (XIX в.) / Л. А. Коган. М. : Мысль, 1966; *Эйдельман, Н. А.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды» / Н. А. Эйдельман. М., 1966; *Он же.* Герцен против самодержавия (секретная политическая история России в XVIII—XIX вв. и Вольная русская печать). М. : Мысль, 1973; *Федоров, Н. А.* Крестьянское движение в Центральной России (1800—1860). По материалам центрально-промышленных губерний / Н. А. Федоров. М. : Изд-во МГУ, 1980; *Бажева, А. П.* Волнения рабочих ревденского завода в 1841 г. / А. П. Бажева // Вопр. истории. 1956. № 3. С. 112—120; *Она же.* Рабочее движение 30—40-х годов // История СССР : в 12 т. Т. IV. М. : Наука, 1967. С. 303—306.
68. *Рахматуллин, М. А.* Крестьянское движение в Великорусских губерниях. 1826—1857 гг. / М. А. Рахматуллин. М. : Наука, 1990. С. 167—168, 196, 226—227.
69. См.: *Авдонин, А. М.* Пушкин и Симбирский край / А. М. Авдонин. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1987; Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века : в 2 кн. / под ред. П. С. Кабытова, Л. В. Храмкова. Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 1993.
70. См.: *Дмитрук, Е. Я.* П. П. Огарев и Пензенский край / Е. Я. Дмитрук. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1981.
71. *Ерошкин, Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. М. : Учпедгиз, 1960. С. 190—195 (Заметим, что работа выдержала ряд переизданий: 2-е (1968 г.) и 3-е (1983 г.)).
72. *Ерошкин, Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.) / Н. П. Ерошкин. М., 1981. С. 158—177.
73. *Зайончковский, П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. М., 1978. С. 8, 17, 59—60, 111, 121—123, 132—133, 147—148.
74. *Баженова, Т. М.* Система правительственного контроля за общественными организациями в России (1825—1861 гг.) / Т. М. Баженова // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. С. 92—102.
75. *Порох, И. В.* Из истории борьбы царизма против Герцена / И. В. Порох // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964. С. 132—134.
76. *Мулукаев, Р. С.* Полиция и тюремные учреждения России / Р. С. Мулукаев. М., 1964 (Впоследствии он написал работу, специально посвященную анализируемому институту: Политическая полиция дореволюционной России. М., 1976); *Атишев, А.* Создание и деятельность Третьего Отделения и охранных отделений в России / А. Атишев, Е. Глотов, В. Могтлюк. Караганда, 1973.
77. История СССР : в 12 т. Т. IV. М. : Наука, 1967. С. 261—263.

78. *Оржеховский, И. В.* Реорганизация жандармского управления в связи с правительственной реакцией 60—70-х гг. XIX в. / И. В. Оржеховский // Вопросы истории общеполитической мысли и внутренней политики России в XIX в. Горький, 1971. С. 79—82.

79. *Оржеховский, И. В.* Третье Отделение / И. В. Оржеховский // Вопр. истории. 1972. № 2. С. 109—110.

80. См.: *Эйдельман, Н. Я.* Обреченный отряд / Н. Я. Эйдельман. М. : Сов. писатель, 1987. С. 392—438.

81. *Возный, А. Ф.* Полицейский сыск и кружок петрашевцев / А. Ф. Возный. Киев, 1976; *Он же.* Петрашевцы и тайная полиция. Киев, 1985.

82. *Оржеховский, И. В.* Самодержавие против революционной России. 1826—1880 гг. / И. В. Оржеховский. М. : Мысль, 1982.

83. *Рац, Д.* «Отрицательно-добрый человек» / Д. Рац // Факел. М., 1990. С. 42—55.

84. См.: *Мироненко, С. В.* Николай I / С. В. Мироненко // Российские самодержцы. 1801—1917. М. : Международные отношения, 1993. С. 91—159.

85. *Перевезенцев, С. В.* Россия. Великая судьба / С. В. Перевезенцев. М. : Белый город, 2005. С. 503—537.

86. Развитие русского права в первой половине XIX в. М. : Наука, 1994. С. 101—119, 124—125, 130—132.

87. *Ружицкая, И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / И. В. Ружицкая. М. : РАН, Ин-т истории, 2005.

88. *Ремнев, А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. / А. В. Ремнев. Омск : Омский ун-т, 1995.

89. См.: Российская провинция XVIII—XX веков: реалии культурной жизни : Материалы Всерос. науч. конф. : в 2 кн. (г. Пенза, 25—29 июня 1995 г.) / отв. ред. С. О. Шмидт. Пенза : РАН, 1996; Годы и события. Хроника (К 150-летию Самарской губернии) : в 2 кн. Т. I (1851—1920 гг.). Самара, 2000.

90. См.: *Трофимов, Ж. А.* Симбирск и симбиряне: исторические и литературные поиски / Ж. А. Трофимов. Ульяновск : Симбирская книга, 1997. С. 152—159.

91. *Лурье, Ф. М.* Полицейские и провокаторы / Ф. М. Лурье. СПб., 1992.

92. *Мулукаев, Р. С.* Полиция в России (XI — начало XX в.) / Р. С. Мулукаев. Н. Новгород, 1993.

93. *Рууд, Ч. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях / Ч. А. Рууд, С. А. Степанов. М. : Мысль, 1993. С. 41—58.

94. *Головков, Г. З.* Канцелярия непроницаемой тьмы / Г. З. Головков, С. Н. Буренин. М. : Манускрипт, 1994.

95. *Миролюбов, А. А.* Жандармы / А. А. Миролюбов // Отечественная история : энцикл. : в 5 т. Т. 2. Д—К / ред кол.: В. Л. Янин (гл. ред.) [и др.]. М. : Большая рос. энцикл., 1996. С. 166—167.

96. *Чукарев, А. Г.* Карательный аппарат самодержавия во второй четверти XIX в.: Органы высшего государственного управления (1825—1855) / А. Г. Чукарев. Ярославль : Голос профсоюзов, 1996. 219 с.; *Он же.* Самодержавие против антикрепостнических выступлений рабочих (1825—1855 гг.). Ярославль : Голос профсоюзов, 1996. 84 с.

97. Жандармы. Политический розыск в России XV—XX вв. / сост. В. Измозник. СПб. : Изд. Дом «Нева» ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

98. *Севастьянов, Ф.* Развитие «высшей полиции» при Александре I / Ф. Севастьянов. СПб. : Изд. Дом «Нева» ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 201—247.

99. *Севастьянов, Ф.* Александр Христофорович Бенкендорф / Ф. Севастьянов. СПб. : Изд. Дом «Нева» ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 411—419.

100. *Измозник, В.* Политический сыск ведет Третье Отделение (1826—1880 годы) // Жандармы. Политический розыск в России XV—XX вв. СПб. : Изд. Дом «Нева» ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 248—277.

101. См.: *Реент, Ю. А.* Общая и политическая полиция России (1900—1917 гг.) : моногр. / Ю. А. Реент. Рязань : Узорочье, 2001. С. 15—19, 23—31, 46—47 и др.

102. См.: *Галавзин, С. Н.* Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики / С. Н. Галавзин. М. : Коллекция «Совершенно секретно», 2001. С. 90—91, 95, 97 и др.

103. *Иванов, О. А.* Тайны старой Москвы. Документальные очерки по материалам Тайной экспедиции и Третьего Отделения СЕИВ канцелярии, а также секретной канцелярии московских генерал-губернаторов / О. А. Иванов. М. : Магистр, 1997.

104. *Королев, С.* Донос в России: Социально-философские очерки / С. Королев. М. : Прогресс-Мультимедиа, 1996. С. 39.

105. *Миронов, Г. Е.* История Государства Российского: Историко-биографические очерки / Г. Е. Миронов. М. : Книжная палата, 1995. С. 27.

106. *Филин, М. Д.* О Пушкине и окрест поэта. Из архивных разысканий / М. Д. Филин. М. : Терра-Терра, 1997. С. 40—68.

107. *Лазарев, В. И.* Из истории становления специальных средств отечественных спецслужб / В. И. Лазарев // Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XX века — 1922 год. М.—Великий Новгород, 1999. С. 36—37.

108. *Григорьев, Б. М.* Повседневная жизнь российских жандармов / Б. М. Григорьев, Б. Г. Колоколов. М. : Молодая гвардия, 2007. С. 111—178.

109. *Доронин, А. Н.* Историко-правовые аспекты формирования и деятельности Отдельного Корпуса жандармов / А. Н. Доронин // История государства и права. 2000. № 4. С. 40—45.

110. *Авдеева, О. А.* Этапы реформирования полицейско-следственного аппарата Восточной Сибири в первой половине XIX в. / О. А. Авдеева // История государства и права. 2001. № 3. С. 11—17.

111. *Лядов, О. А.* Становление сыска в дореволюционной России / О. А. Лядов, А. В. Евсеев // История государства и права. 2002. № 1. С. 2—9.

112. См.: *Smith, E. E.* The Okhrana. The Russian Department of Police. Oxford : G. Bibliography, 1967.

113. *Monas, S.* The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961.

114. *Squire, P. S.* The Third Department. The Political Police in Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968.

115. *Daly, J. W.* Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia, 1866—1905. Northern Illinois., 1998.

116. *Мустонев, П.* Собственной Канцелярии Его Императорского Величества в механизме властвования института самодержца. 1812—1858. К типологии основ императорского управления / П. Мустонев. Хельсинки, 1998.

117. *Amburger, E.* Ceschichte der Behordenorganisation Russland von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966.

118. *Катцер, Н.* Николай I: Исторический очерк : пер. с нем. / Н. Катцер // Русские цари. 1547—1917. Ростов н/Д : Зевс, 1997. С. 413, 418 и др.

119. До недавнего времени невозможно было не согласиться с выводом (частично не потерявшим актуальность и сегодня) одного из исследователей: «Как правило, американская историография, посвященная России, в том числе и Третьему Отделению, отличается оригинальностью подходов к изучению проблемы, но существенно страдает недостаточностью источниковой основы» (*Абакумов, О. А.* Указ. соч. С. 27).

Д. С. Точеный, Н. Г. Точеная

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. Н. ТОЛСТОГО

В представленной статье рассматриваются взгляды великого писателя на государственное строительство России, анализируются оценки, данные им руководителям нашей страны, Иисусу Христу, выдающимся писателям, а также делается попытка, отказавшись от привычного восхваления научно-педагогических воззрений и поступков автора «Войны и мира», более реалистично посмотреть на его отдельные деяния.

Ключевые слова: Ленин, Горький, царская Россия, нигилизм, крепостное право, реформа, утопия, Христос, крестьянин, Александр III, судья, тюрьма, идеализация.

D. S. Tocheniy, N. G. Tocheniya

LEGAL AND ETHICAL VIEWS OF LEO TOLSTOY

The given article deals with the views of a great writer on Russian state formation. It examines his attitudes to the heads of our country, Jesus Christ, outstanding writers. Denying the common appraisal of scientific and pedagogical theories and deeds of the creator of «War and peace» the authors also try to analyze his actions from a critical point of view.

Key words: Lenin, Gorky, tsarist Russia, nihilism, serfdom, reform, utopia, Christ, peasant, Alexander III, judge, prison, idealization.

В течение 70-летней истории Советской России мы привыкли строго делить всех государственных деятелей, известных представителей культуры, полководцев, участников классовых сражений на «наших» и «не наших». К первым относили Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, борцов с эксплуататорами (Спартака, Пугачева, Разина), художников-реалистов (Репина, Перова, Сурикова), критиков царизма (Радищева, Белинского, Чернышевского), защитников Отечества (Невского, Минина, Суворова), ученых, в чем-то не соглашавшихся с царскими чиновниками (Мечникова, Павлова, Тимирязева). В разряд «не наших» зачислялись цари (Николай I, Александр II), высокопоставленные чиновники (Витте, Столыпин), писатели, указавшие на некоторые отрицательные черты большевиков (Бунин, Замятин, Аверченко), русские полководцы с иностранными фамилиями (Барклай де Толли), противники Сталина (Троцкий, Каменев, Бухарин), диссиденты (Сахаров, Пастернак, Григоренко).

«Наших» изображали как носителей всех положительных качеств. Они представали на страницах научных и литературных произведений, в фильмах, спектаклях, картинах честными, благородными, исключительно порядочными, отзывчивыми на чужую боль, связанными с народом. Соответственно, «не наши» описывались исчадиями ада, злодеями, лжецами, пасквилянтами, развратниками.

Естественно, что Лев Толстой мог быть только «нашим». Ведь на него бросил благосклонный взгляд В. И. Ленин. Вождь большевиков назвал писателя «зеркалом русской революции» и «матерым человечищем» [1]. Лидеру РСДРП(б) импонировали публицистические статьи Л. Толстого, в которых в самой резкой форме обличались различные стороны жизни царской России. В. И. Ленину понравилось, что он «в своих последних произведениях обрушился со страстной критикой на все современные, государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которое сверху донизу пропитывает всю современную жизнь» [2].

Действительно, Лев Николаевич почти всю свою сознательную жизнь, как сказал А. М. Горький, всех и вся обвинял, ниспровергал, разоблачал, беспощадно критиковал, вскрывал язвы и пороки человечества, выносил безжалостные приговоры и давно умершим, и живым царям [3].

Вот как оценивал Л. Н. Толстой тех, кто стоял во главе нашего государства в XVI — начале XX веков: «В России властвовали, избивая и мучая людей, то Иван IV, то шальной, зверский, жестокий, выхваленный Петр со своей пьяной компанией, то безграмотная распутная девка Катька, то немец Бирон, любовник глупой бабы, считавшейся императрицей, то немка Анна, любовница другого немца, то распутная девка Елизавета, потом распутная из распутных немка, мужеубийца Екатерина «Великая», то полубешеный Павел, то отцеубийца, лгун, ханжа Александр, то глупый, жестокий солдат Николай, то слабый, неумный и недобрый Александр II, то совсем глупый, грубый, невежественный Александр III. И все эти жалкие люди выводятся в герои, гении, благодетели человечества. И вот царствует теперь невежественный, слабый и недобрый Николай II со своими иконами и мощами» [4, с. 337].

Лев Толстой, как и большевики, не узрел ни одного положительного момента в деятельности последних российских императоров. Об одном из величайших достижений Александра II — отмене крепостного права — он отозвался с глубочайшим презрением. 28 марта 1861 года в письме к известному революционеру А. И. Герцену великий писатель подчеркнул: «Читали ли вы подробные положения об освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня» [5]. Столь же невероятным является тот факт, что Лев Толстой не заметил и другие выдающиеся реформы Александра II, он просто не упоминает о них в своих публицистических произведениях, дневниках и письмах.

Более чем мрачными красками живописал выдающийся художник слова картину царствования Александра III. «Что же сделало правительство этого императора? — вопрошал Л. Н. Толстой 31 августа 1896 года в письме А. М. Калмыковой. — Изменило, ограничило суд присяжных; уничтожило мировой суд; уничтожило университетские права; изменило всю систему преподавания в гимназиях; возобновило кадетские корпуса, даже казанную продажу вина; установило земских начальников; узаконило розги; уничтожило почти земство; дало бесконтрольную власть губернаторам; поощряло экзекуции; усилило административные ссылки и заключения в тюрьмах и казни политических заключенных; ввело новые гонения на веру; довело одурение народа дикими суевериями православия до последней степени; узаконило убийство на дуэлях; установило беззаконие в виде охраны с смертной казнью, как нормальный порядок вещей... Вся печальная деятельность правительства Александра III сделалась предметом безумного, печатавшегося во всех либеральных газетах и журналах восхваления Александра III и возведения его в сан великого человека, в образцы человеческого достоинства» [6, с. 197—198]. Поразительно, но великий писатель прошел мимо многих положительных сторон правления этого императора: миротворческой деятельности (Россия не воевала в 1881—1894 гг.), масштабного строительства железных дорог, практического отсутствия казней по политическим мотивам, расцвета литературы, живописи, музыки, архитектуры. К тому же Александр III обладал весьма привлекательными личными чертами: он был прекрасным семьянином (что единодушно констатировали европейские журналисты), никогда на лгал, не лицемерил, не хвастался, держал слово [7, 8].

Столь же негативно отзывался Л. Н. Толстой о царствовании Николая II: «Устраивается ужасающая по своей нелепости, безумной трате денег коронация; с неслыханной прежде наглостью выдумываются в канцелярии синода новые, самые глупые средства одурения народа; усиливаются строгости цензуры, продолжается положение охраны, то есть узаконенное беззаконие, и положение становится хуже и хуже» [6, с. 198—199]. Автор «Анны Карениной» назвал правительство Николая II «Чингис-ханом с телеграфом», которое «с самых разных сторон с неумолимой грубостью и жестокостью, без всякой необходимости, не переставая мучает и давит» русский народ [9].

Используя свой гениальный дар обличителя, Л. Н. Толстой с яростью обрушился на реформы и действия П. А. Столыпина, направленные на борьбу с террористами. Обращаясь к премьер-министру, писатель подчеркнул: «Вы... не только не вводите какое-либо новое устройство, которое могло бы улучшить общее состояние людей, но вводите в одном, в самом вопросе жизни людей — в отношении их к земле — самое грубое, нелепое утверждение того, зло чего уже чувствуется всем миром и которое неизбежно долж-

но быть разрушено — земельная собственность. Ведь то, что делается теперь с этим нелепым законом 9 ноября, имеющим целью оправдание земельной собственности и не имеющим за себя никакого разумного довода, как только, что это самое существует в Европе» [10].

Л. Н. Толстой заявил, что Столыпинская аграрная реформа, как и земельная политика Николая I, нацелена не на освобождение крестьян, а на закрепощение их. Сам писатель считал, что единственный путь решения аграрного вопроса — уничтожение земельной собственности и введение системы единого налога [11]. Но, увы, предлагая это, Л. Н. Толстой продемонстрировал явное лицемерие. Когда крестьянин А. С. Маров спросил писателя, почему же он сам не отказался от своей земли в пользу яснополяновских мужиков, тот ответит со значительной долей двуличия: «Чтобы избавиться от земельной собственности, которая числилась за мною, я решил поступить так, как будто бы я умер. Не стану говорить о том, почему я поступил так, а не отдал землю крестьянам. Дело в том, что уже около 20 лет тому назад мои наследники взяли каждый то, что ему по закону причиталось, у меня же не осталось ничего, и я никакой собственностью с тех пор, кроме как своим платьем, не владею и не распоряжаюсь» [12].

Откликаясь на сообщения о казнях революционеров, инициированных премьер-министром, Л. Н. Толстой писал П. А. Столыпину: «Пишу вам об очень жалком человеке, самом жалком из всех, кого я знаю теперь в России. Человека этого вы знаете и, странно сказать, любите его, но не понимаете всей степени его несчастья и не жалеете его, как того заслуживает его положение... Деятельность ваша все более и более дурная, преступная... Вы уже заслужили ту ужасную славу, при которой всегда, покуда будет история, имя ваше будет повторяться как образец грубости, жестокости и лжи... Вместо умиротворения вы до последней степени напряжения доводите раздражение и озлобление людей всеми этими ужасами произвола, казней, тюрем, ссылок и всякого рода запрещений» [10].

К сожалению, Лев Николаевич взял на себя роль всемирного судьи и пророка, поучая всех и вся. Он потерял всякое понятие о скромности и такте. Без всяких сомнений и колебаний он писал, что никто — ни Александр II, ни Александр III, ни П. А. Столыпин — не понимают ничего в аграрном вопросе, что все они дураки и посредственности и ровным счетом ничего не смыслят в характере российского крестьянина. Писатель в 1905 году открыто заявил: «Я во всей этой революции состою в звании, добро и самовольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа» [13, с. 28]. Думается, что у Л. Н. Толстого не было на то моральных оснований: он не знал интересов большинства русских мужиков. Великий писатель полагал, что крестьянин «ждет и желает одного: освобождения земли от права собственности» [13, с. 30], между тем ни для кого не было секретом, что деревенское население мечтало о собственной земле.

Однако Л. Н. Толстой не только ни в грош не ставил всех земных владык, но и небесных. Вот как он объяснил причины возникновения ведущей религии мира: «1800 лет назад явился какой-то нищий и что-то поговорил. Его высекли и повесили, и все про него забыли, как были забыты миллионы таких же случаев, и лет 200 мир ничего не слышал про него. Но оказывается, что кто-то запомнил то, что он говорил, рассказал другому, третьему. Дальше — больше, и вот миллиарды людей, умных и глупых, ученых и безграмотных, не могут отделаться от мысли, что этот, только этот человек был Бог» [4, с. 335].

Оскорбляя руководителей России и Бога, Лев Толстой надеялся на то, что его арестуют и заключат в тюрьму. Так, писатель В. Вересаев вспоминал о своей встрече с автором «Войны и мира» в 1903 году: «Он спросил меня, почему я живу в Туле. Я ответил, что выслан министром внутренних дел из Петербурга. Толстой вздохнул и с завистью сказал:

— Меня ни разу не высылали, я ни разу не сидел в тюрьме, — я не имел этого счастья» [14]. Надо сказать, что Л. Н. Толстой не испытывал никаких стеснений от его современников-императоров. Даже отлучение от церкви носило не репрессивный, а символический характер. Самый суровый по характеру из трех последних российских царей — Александр III — приказал министру внутренних дел Д. А. Толстому: «Прошу вас не трогать Толстого. Я нисколько не намерен сделать из него мученика» [8, с. 204].

Тщеславие, самодовольство и бахвальство приобретало у Льва Николаевича порой

дикий, фантастический характер. Вот что говорил он о своих собратьях по цеху: «Поэт Полонский смешон... Панаева — стерва... Писемский гадок... Лажечников жалок... Тургенев скучен, дурен; у Пушкина... "Цыганы" прелестны, остальные поэмы — ужасная дрянь... Прочел "Юлия Цезаря" У. Шекспира. Удивительно скверно. А какое грубое, безнравственное, пошлое и бессмысленное произведение "Гамлет"!»

Лев Толстой не постеснялся сказать А. П. Чехову:

— Терпеть не могу Шекспира, но ваши пьесы еще хуже [15].

Таких уничижительных эпитетов не позволяли себе знаменитые русские литературные критики В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов и другие. Трудно поверить, но Л. Н. Толстой выступил противником издания русских классиков. «Есть, — убеждал он, — сочинения Пушкина, Тургенева, Державина, Филарета. И все эти журналы и сочинения, несмотря на давность существования, неизвестны, не нужны для народа и не принесут никакой пользы» [16, с. 13].

Ни в какие ворота не лезло заявление великого писателя о том, что изобретение Иоганна Гуттенберга оказалось пятым колесом в российской телеге: «Ни пахать, ни делать квас, ни плесть лапти, ни рубить срубы, ни петь песни, ни даже молиться — не учится и не научился народ из книг. Выгод книгопечатания для народа не было» [16, с. 68]. И уже совершенно абсурдным были рассуждения Льва Николаевича о том, что железные дороги (и другие чудеса техники) ужасно вредны для крестьянина.

Великий писатель сделал необоснованное заключение о том, что крестьянину вредны занятия наукой, искусством и литературой, что он и так гораздо выше по уму и моральным качествам любого интеллигента. Ученый, считал Л. Н. Толстой, «может вычислить силу и передачу двигателя, вычислить высшей математикой дугу моста и т. п., но перед простыми вопросами народного труда он становится в тупик. Как улучшить соху, телегу, как сделать проездным ручей? Он ничего не знает и ничего не понимает — меньше, чем самый последний мужик» [17, с. 356].

Да и вообще, доказывал Лев Николаевич, не интеллигенты должны учить простых людей, а те, кто занимается физическим трудом, обязаны вразумлять физиков, художников, литераторов, композиторов. «Говорить, — сделал он сногсшибательный вывод, — что деятельность наук и искусства содействовала движению вперед человечества, все равно, что говорить, что неумелое, мешающее ходу судна болтание веслами на судне, идущем по течению, содействует движению судна» [17, с. 360]. Свой тезис о никчемности интеллигенции писатель подкрепил ссылкой на личный опыт: «За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое миросозерцание, — это были два живущих теперь замечательных человека, оба всю свою жизнь работавшие мужицкую работу, — крестьяне Сютаев и Бондарев» [17, с. 387]. Знаменательно, что после длительной беседы с автором «Войны и мира», изложившим свою теорию об отрицательном влиянии достижений культуры на жизнь народа, известный историк П. Н. Милюков заключил: «Я понял, что мне никогда не понять Толстого» [18].

Гений художественного слова не обладал элементарным здравомыслием. Он нередко не мог наладить взвешенных нормальных отношений с окружающими. Его споры с женой приобретали часто истерический, скандальный характер. Толстой в семье оказался никудышным педагогом и воспитателем. Писатель подчеркивал, например, что детей не надо заставлять учиться, что их следует растить в простой, трудовой жизни. В результате такого подхода, констатировала дочь Л. Н. Толстого Александра, никто из ее братьев и сестер серьезно учиться не захотел. Льва Николаевича сыновья не уважали, открыто называли «злой собакой», «выжившим из ума стариком» и т. д. [19].

Наличие художественного таланта отнюдь не делает автоматически его носителя мудрее, честнее, сердечнее, порядочнее. Совершенно очевидно, что люди с искрой божией (как правило, весьма популярные) сплошь и рядом страдают повышенным честолюбием и тщеславием. Нам представляется весьма интересным мнение о Л. Н. Толстом известного российского реформатора С. Ю. Витте как великом писателе и наивном мыслителе, как гении, поступки и суждения которого «находились совершенно на грани между людьми нормальными и свихнувшимися» [20].

Л. Н. Толстой продемонстрировал феноменальные способности обличителя различных пороков Российского государства, но оказался не способен к взвешенным и объективным оценкам. Лишь редкие суждения великого писателя о политической ситуации в России в конце XIX — начале XX вв. можно отнести к разряду жемчужин государственной мысли. Но тем не менее они есть.

Трагизм развития человеческого общества, подчеркивал Л. Н. Толстой, заключается в том, что революции не улучшают положения народа, они несут насилие, грабежи, убийства. «Общественная борьба, — писал Лев Николаевич, — всегда отвлекает внимание людей от внутренней жизни и потому всегда, неизбежно развращая людей, понижает уровень общественной нравственности. Понижение же уровня общественной нравственности делает то, что самые безнравственные части общества все больше и больше выступают наверх, и устанавливается безнравственное общественное мнение, разрешающее и даже одобряющее преступления. И устанавливается порочный круг: вызванные общественной борьбой худшие части общества с жаром отдаются соответствующей их низкому нравственному уровню общественной деятельности, деятельность же эта привлекает к себе еще худшие элементы общества» [21, с. 111]. Рассуждая о перспективах обострившейся классовой борьбы и возможностях крушения царской власти, Л. Н. Толстой верно заметил: «Новое правительство будет также основано на насилии, как и старое. Как Кромвель, как Марат давили своих противников, так и у нас новое правительство давило бы консерваторов» [21, с. 110]. Лев Николаевич мучительно размышлял, как выйти из этой удручающей ситуации, пытался нарисовать контуры идеального общества. Они оказались совершенно нереальными.

Известный русский писатель В. Г. Короленко достаточно точно суммировал результаты этих более чем полувековых исканий великого художника слова: «Его утопия: простой сельский быт, которому остается только проникнуться началами первобытного христианства. Все усложнения и надстройки позднейших веков должны исчезнуть сами собой. Только бы все любили друг друга. Поэтому не было ни бедных вдовиц, никто бы не обижал сирот, не грабило бы начальство... Фабрик и заводов, университетов и гимназий не было бы вовсе. Не было бы «союзов», не было бы политики, не было бы болезней, не было врачей и уж, конечно, не было бы губернаторов, исправников, урядников и вообще «начальства» [22, с. 106—107]. В. Г. Короленко верно заключил, анализируя достижения и неудачи Л. Н. Толстого — мыслителя, публициста и моралиста: сила его в критике сложившихся несправедливых отношений в Российском государстве и других странах, слабость — в неумении самому ориентироваться в запутанностях общественных отношений: «Когда сам Толстой со своей мечтой, навеянной чудным сновидением, выходит на городскую улицу XX века, — он беспомощен и наивен совершенно» [22, с. 107].

---

1. *Горький, А. М.* В. И. Ленин / А. М. Горький // Соч. М., 1963. Т. 18. С. 290.
2. *Ленин, В. И.* Л. Н. Толстой и современное рабочее движение / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 20. С. 40.
3. *Горький, М.* История русской литературы / М. Горький. М., 1939. С. 295.
4. Цит. по: *Боханов, А. Н.* Русская идея от Владимира Святого до наших дней / А. Н. Боханов. М., 2005.
5. *Толстой, Л. Н.* Письмо А. И. Герцену от 28 марта 1861 г. / Л. Н. Толстой // Собр. соч. М., 1965. Т. 17. С. 227.
6. *Толстой, Л. Н.* Письмо А. М. Калмыковой от 31 августа 1896 г. / Л. Н. Толстой // Собр. соч. М., 1965. Т. 18.
7. См.: *Волков, Е.* Русские императоры XIX века: в свидетельствах современников и оценках потомков / Е. Волков, А. Канюченко. Челябинск, 2003. С. 265—327.
8. *Барковец, О.* Неизвестный император Александр III: о жизни, любви и смерти / О. Барковец, А. Крылов-Толстикович. М., 2003.
9. *Толстой, Л. Н.* Пора понять / Л. Н. Толстой // Собр. соч. М., 1964. Т. 16. С. 568—569.
10. *Толстой, Л. Н.* Письмо П. А. Столыпину от 30 августа 1909 г. / Л. Н. Толстой // Собр. соч. М., 1965. Т. 18. С. 448.
11. *Толстой, Л. Н.* Письмо Т. Л. Сухотиной от 6 ноября 1909 г. / Л. Н. Толстой // Собр. соч. М., 1965. Т. 18. С. 454, 456.
12. *Толстой, Л. Н.* Письмо А. С. Марову от 22 марта 1906 г. / Л. Н. Толстой // Собр. соч. М., 1965. Т. 18. С. 380.
13. *Шифман, А.* Лев Толстой — публицист / А. Шифман // Собр. соч. Л. Н. Толстого. М., 1964. Т. 16. С. 28.

14. *Вересаев, В.* Воспоминания / В. Вересаев. М.—Л., 1946. С. 493. То же самое говорил Л. Н. Толстой А. М. Горькому (См.: *Горький, М.* Избранное / М. Горький. М., 1983. С. 145).
15. Вестник. Ульяновск, 2008. С. 13.
16. *Толстой, Л. Н.* Прогресс и определение образования / Л. Н. Толстой // Собр. соч. М., 1964. Т. 16.
17. *Толстой, Л. Н.* Так что же нам сделать? / Л. Н. Толстой // Собр. соч. М., 1964. Т. 16.
18. *Милюков, П. Н.* Воспоминания / П. Н. Милюков. М., 1990. С. 172.
19. *Толстая Александра*. Дочь / А. Толстая. М., 2000. С. 27, 154, 163, 167, 169.
20. *Витте, С. Ю.* Избранные воспоминания / С. Ю. Витте. М., 1991. С. 238, 494.
21. *Бунин, И. А.* Освобождение Толстого / И. А. Бунин // Собр. соч. М., 1996. Т. 6.
22. *Короленко, В. Г.* Лев Николаевич Толстой / В. Г. Короленко // Собр. соч. М., 1955. Т. 8.

ОТОЗВАНА/RETRACTED 4.10.2019

И. А. Чуканов, Л. А. Шайпак

ОСОБЕННОСТИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ (МАРТ—ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА)

В статье кратко раскрываются основные особенности осуществления Февральской буржуазно-демократической революции в средневолжской деревне, когда были разграблены и фактически уничтожены наиболее производительные хозяйства помещиков и столыпинских крестьян, что, в свою очередь, привело к деградации сельского хозяйства страны и стало одной из предпосылок голода 1921 года.

Ключевые слова: революция, аграрная программа, Учредительное собрание, погромы, помещики, вотчины, экономии, имения, политические партии, голод, продовольственный дефицит.

I. A. Chukanov, L. A. Shaipak

PECULIARITIES OF FEBRUARY REVOLUTION IN THE MIDDLE VOLGA VILLAGE (MARCH—OCTOBER, 1917)

In article the basic features of February bourgeois-democratic revolution in the Middle-Volga village are revealed. It was the time when the most productive households of landowners and Stolypin peasants were robbed and actually destroyed. It led to agricultural decay in the country and became one of preconditions of famine in 1921.

Key words: revolution, agrarian program, Constituent assembly, pogroms, landowners, ancestral lands, economy, household, political parties, famine, supply shortage.

По аграрному вопросу позиция Временного правительства была одинакова для всех составов. Решение его откладывалось до Учредительного собрания, а на себя правительство брало лишь подготовку и разработку материала по земельному вопросу. Такая программа означала на деле, во-первых, нерешительность Временного правительства, а во-вторых, преследовала цель хоть как-то спасти землю от разграбления и хаоса. Например, в губерниях Среднего Поволжья большая часть обрабатываемых земель принадлежала крестьянам-общинникам, дворянское крупное землевладение составляло небольшой процент, свыше 20 % пахотной земли принадлежало государству, и оно сдавало её в аренду крестьянам. Таким образом, из приведенных данных видно, что крестьяне обрабатывали около 75 % пахотной земли [1].

Проанализировав экономическую эффективность обработки земли, можно увидеть, что наиболее рентабельными были дворянские хозяйства, крупные капиталистические латифундии и хозяйства крестьян-хуторян, которые создавались в годы Столыпинской земельной реформы.

Первые известия о Февральской революции в деревнях Среднего Поволжья были получены в начале марта 1917 года. В первые же дни марта начали создаваться новые органы власти. Так, 6 марта в Симбирской губернии на место губернатора губернским комиссаром Временного правительства был назначен помещик А. Ф. Головинский. При губернском комиссаре был создан исполнительный губернский комитет. В марте во всех уездах были назначены уездные комиссары. В качестве исполнительно-распорядительных органов при уездных комиссарах образовались Уездные исполнительные комитеты, а в сельской местности были созданы волостные и сельские земельные комитеты [2].

Не дремали и большевики. Они начали одновременно с социально-экономическими преобразованиями Временного правительства проводить в жизнь и свои «мероприятия». Параллельно с органами власти, подотчётными Временному правительству, создавались

властные структуры большевиков, которые зачастую на первых порах выступали в одной «упряжке» с меньшевиками и эсерами, — Советы крестьянских депутатов [3].

Шли дни, а Временное правительство ничего конкретного в вопросе о земле не предпринимало, а лишь указывало, что земельный вопрос может решить только Учредительное собрание. Неопределённость в решении земельного вопроса развязывала руки большевистским представителям, которые выполняли программу, направленную на конфискацию помещичьих и частновладельческих имений, и подстрекали крестьян на их захват. По всей стране в клубах дыма и огне пожарищ начался страшный «чёрный передел».

Стихийные захваты земель в начале марта имели место в Ардатовском, Курмышском уездах Симбирской губернии [4], Балашовском и Петровском уездах Саратовской губернии, Николаевском уезде Самарской губернии, Лаишевском уезде Казанской губернии [5, с. 45—46]. Так, 9—10 марта 1917 года в деревне Лыковшина Саранского уезда крестьяне заставили помещицу выдать подписку, что она отдаёт крестьянам всю землю, запретили брать дрова и лес из её лесных участков [6].

9 марта 1917 года Временное правительство заслушало сообщение военного и морского министра А. И. Гучкова о мерах по подавлению возникших в Казанской губернии аграрных беспорядков. Правительство решительно выступило против захватов помещичьих земель и предписало министру внутренних дел подвергать аресту крестьян за борьбу с помещиками. Рекомендовалось «обратиться к местным общественным организациям и лицам, пользующимся доверием населения» с просьбой «оказать содействие для вразумления и успокоения крестьян» [7, с. 431].

О жёсткости и решимости в решении аграрного вопроса свидетельствует предписание премьер-министра Г. Е. Львова всем губернским комиссарам (13.04.1917 г.) «*...всей силой закона прекращать проявление всякого рода насилия и грабежа... несёте вместе с местными общественными комитетами ответственность за сохранение в губернии порядка всеми теми мерами, которые вы сочтёте нужными принять*» [8]. В Среднем Поволжье комиссары Временного правительства старались следовать указаниям правительства. В конце марта 1917 года для прекращения «аграрных беспорядков» воинские команды направлялись в уезды Казанской, Симбирской, Пензенской губерний [9].

Несмотря на принимаемые меры на территории Европейской России, в марте 1917 года произошло около 190 крестьянских волнений [10]. Большинство из них были инспирированы большевиками. К концу марта Временное правительство начало понимать, что земельный вопрос является одним из важнейших, первоочередных. Министр земледелия А. И. Шингарев 19 марта 1917 года вносит в правительство проект «Воззвание о земле», в котором отмечается важность земельного вопроса [11], но в то же время в «Воззвании» заключается противоречие: правительство признавало важность и срочность решения аграрного вопроса и все же откладывало его до Учредительного собрания.

Также в конце марта правительство приняло постановление о создании на местах земельных камер «для достижения добровольных соглашений между земледельцами и землевладельцами» [7, с. 445], в котором стремилось успокоить крестьянство и прекратить стихийное разграбление частных землевладений.

С 20 марта по 10 апреля в Среднем Поволжье прошли крестьянские съезды (в основном под руководством эсеров). Съезды прошли в Самарской, Пензенской, Симбирской губерниях [12]. Но и эти съезды земельного вопроса не решили, а опять перенесли его решение до созыва Учредительного собрания.

Главное место в работе первого крестьянского съезда Пензенской губернии занимал аграрный вопрос. Большинство делегатов с мест высказалось за немедленную передачу всех земель в распоряжение волостных исполнительных комитетов. Правым эсерам удалось перебороть большевиков и провести резолюцию о недопустимости разрешения аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания. Но *под давлением большевиков* были приняты «Временные правила», о которых говорилось выше. Здесь волостным комитетам предоставлялось право безвозмездно и помимо воли хозяина распределять сенокосы и пастбища, земледельцам запрещалось производить какие-либо земельные сделки [13].

В. И. Ленин на 7-й Всероссийской конференции РСДРП(б) говорил: «Крестьяне берут помещичий инвентарь, но не делят по дворам, а обращают в общественную собствен-

ность. Они устанавливают известную очередь, правило, чтобы этим инвентарем обрабатывать все земли. Этот факт имеет гигантское значение, вопреки помещикам и капиталистам, кричащим, что это анархия» [14].

Но эти слова вождя большевиков идут вразрез с архивными документами, ознакомившись с которыми, мы видим, что практически во всех губерниях Среднего Поволжья происходят самовольные захваты земель и дележ этих земель между крестьянами (д. Баевка, Кузоватово Сенгилеевского уезда Симбирской губернии) [15]. Также в середине апреля начались погромы в помещичьих имениях Лаишевского, Спасского, Чебоксарского и Чистопольского уездов Казанской губернии. Свобода крестьянами понималась в погромах имений, уничтожении частновладельческих лесов, в грабежах и убийствах. Помещики и землевладельцы боялись приступать к посевам, потому что крестьяне угрожали все родившееся на земле помещиков забрать себе, как свою собственность [16].

Видя такое положение в деревне, переходящее в хаос, Временное правительство обнародовало постановление от 11 апреля 1917 «Об охране посевов». В нём шла речь о засеве полей и охране посевов от «земельных беспорядков» [17]. Дополнение к этому постановлению определяло возмещение убытков владельцам от насильственных мер из средств Государственного казначейства [18].

Несмотря на постановления правительства, большевики организовали в деревнях Среднего Поволжья погромы, захваты помещичьих земель и т. д. Этому способствовали создаваемые Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые во многом контролировались большевиками. В апреле они образовались в Симбирске, Ардатове, Алатыре, Сенгилее и Курмыше, а в начале мая — в Буинске и Карсуне [19].

Волостные комитеты занимались самоуправством. Так, в постановлении Бортсурманского волостного комитета Курмышского уезда, где заправляли большевики, говорилось об «ограничении прав» по управлению имением помещика Пазухина:

1. Запретить пользоваться трудом военнопленных.

2. Пользоваться исключительно трудом местных крестьян. Плата за апрель: мужчинам — 4 руб., женщинам — 2 руб.

3. Служащие в экономии за меньшую плату будут удалены комитетом.

4. Вводится 8-часовой рабочий день.

5. При первой реквизиции скота берется половина экономического скота.

6. Запрещается продавать лес, а также запрещается купцам платить за лес, проданный в 1916 году.

7. Деньги, полученные за аренду лугов, должны быть возвращены, новая цена будет назначена [12].

Мы наглядно видим, что уже в апреле в деревне зарождался социализм без социалистической революции — уравниловка, регулирование отношений сверху и т. д. Большевики пытались, где это только было возможно, претворить в жизнь свои уравнительные идеи. Эти идеи поддерживали первоначально и эсеры. В некоторых Советах они выступали совместно с большевиками. В начале мая 1917 года в Среднем Поволжье под их контролем прошли очередные съезды крестьян Пензенской [20], Самарской [21], Казанской [22] губерний.

Так, состоявшийся 20 мая — 6 июня 1917 года съезд крестьян Самарской губернии был созван эсеровским исполкомом губернского Совета крестьянских депутатов. Съезд превратился в арену ожесточенной классовой и межпартийной борьбы. Большевики В. В. Куйбышев, С. И. Дерябина, П. А. Кондаков и другие выступали за немедленную передачу земли крестьянам [21].

26 мая П. Д. Климушкин и И. М. Брушвин от имени эсеровской фракции предложили крестьянским делегатам образовать аграрную комиссию, которая бы составила «Временные правила» пользования землей в Самарской губернии до Учредительного собрания. Над проектом указанных правил эсеры работали пять дней. За это время произошли большие изменения в убеждениях крестьян вследствие контактов с большевистскими агитаторами [23]. Неслучайно 31 мая один из правоэсеровских ораторов в своей приветственной речи от фронтовиков взывал к участникам II съезда с мольбой «не слушать ленинцев» и «не забирать самовольно земли». 1 июня был оглашен проект «Временных правил пользования землей в Самарской губернии». Правила подчеркивали, что необходимо покончить с помещичьей кабалой, уравнять землепользование, выделить большие наделы отрубни-

кам, так как самое производительное и рентабельное производство сельскохозяйственных продуктов было у них [24].

Однако под давлением большевиков «Временные правила» были приняты в другой редакции. Они провоцировали захваты земель и дальнейшую анархию в сельском хозяйстве [25]. В пункте I «Временных правил» говорилось: «Немедленно должны быть прекращены всякие сделки по купле-продаже земель, а также торги и залоги их и вообще всякий переход земельной собственности из одних рук в другие» [26]. Большевики успешно готовили национализацию и последующее огосударствление всей пахотной земли.

Еще более сильное влияние большевиков, направляющих сельское хозяйство в водоворот хаоса, было в Симбирской губернии. Почти повсюду в губернии сельские общества, подстрекаемые местными большевиками, захватывали у заемщиков банков отрубные и хуторские участки. Захваченные участки затем были разверстаны между членами обществ (во многих случаях земля засевалась одним каким-либо хлебом). Отчуждение земли производилось без всякого вознаграждения собственников, часто за минимальную плату, поделенную землю не засевали.

В связи с изложенным платежи заемщиков банков по ссудам сократились до минимума. Крестьянский банк уплачивал по своим гарантированным государством свидетельствам 4,5—5 %, получая с заемщиков при сроке в 55,5 лет по 4,5 %. Банки докладывали, что сокращение поступлений платежей по ссудам может подорвать платежные средства государства [27].

Кульминацией первого Казанского губернского съезда крестьян было принятие 13 мая 1917 года постановления о передаче всех земель в распоряжение волостных комитетов. В постановлении, в частности, говорилось:

1. Все пахотные земли передать в распоряжение волостных комитетов;

2. Все угодья и леса отдаются под контроль губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;

3. Губернский съезд крестьянских депутатов устанавливает отдачу земли всем желающим [28].

Популизм большевиков всё больше и больше завоёвывал умы необразованных крестьян, и все решения съездов воспринимались как вседозволенность. Маховик разгрома помещичьих земель всё больше и больше набирал силу. Так, в Чебоксарском и Лаишевском уездах Казанской губернии имели место самовольные захваты земель, в Свияжском и Спасском уездах той же губернии — порубка леса, порча посадок. В том же Спасском уезде предводитель дворянства Молоствов по пути в воинское присутствие (воинское подразделение — гарнизон. — *Примеч. авт.*) был избит толпой [29].

Характерным примером дешёвого популизма большевиков является статья о митинге, опубликованная в газете «Товарищ» г. Сызрани Симбирской губернии. На вопрос, как быть теперь с монастырской землёй, большевик-агитатор отвечал: «...Землю и монастырскую, и помещичью надо сейчас же забрать при помощи волостных комитетов или Советов крестьянских депутатов, аренды помещикам не платить, рабочих им не давать, инвентарь и скот отбирать». Популистские лозунги большевиков пользовались полным сочувствием и поддержкой огромной массы крестьян [30].

Но было бы неправильно все неудачи в аграрной реформе сваливать на большевиков. Да, до определённого момента экономический крах был необходимой частью большевистской политики. Но всё же огромная вина лежит и на Временном правительстве, политика которого в аграрном секторе характеризовалась полной неопределённостью. Его серьёзной ошибкой было то, что оно не сумело организовать эффективное регулирование для ослабления экономического хаоса [31]. Этим очень умело воспользовались в своих корыстных интересах большевики.

Коалиционное Временное правительство вкупе с Петроградским Советом проводило политику «нерешительности». И. Г. Церетели, один из руководителей РСДРП (меньшевиков), считал, что иного пути, кроме убеждения трудящихся покорно переносить невзгоды, не могло существовать в этот период: «В тех тяжёлых условиях, в которых приходилось жить трудящимся классам в разорённой войной стране, призывать их к дальнейшему несению лишений и жертв значило подвергать своё влияние на массы очень опасному испытанию. Но другого пути спасения страны и революции не было» [32].

Позднее, на IV съезде Партии социалистов-революционеров в ноябре—декабре

1917 года, делегат от Самарской организации социалистов-революционеров Ельяшевич признал, что после победы Февральской революции у них не было ясной определённой линии в смысле конкретных мер, которые необходимо провести в жизнь [33].

Июнь 1917 года был отмечен в Среднем Поволжье снижением влияния большевиков на массы вообще и на крестьян в частности. Объяснялось это тем, что некоторые крестьяне начинают понимать всю пагубность для страны аграрной политики большевиков. Это был единственный момент, начиная с марта 1917 года, когда Временное правительство могло решить крестьянский вопрос и направить его в цивилизованное русло. Но правительство отделалось полумерами и ещё раз расписалось в своей нерешительности или нежелании решать аграрный вопрос. 20 июня 1917 года Временное правительство объявило решения II съезда крестьян Самарской губернии незаконными и потребовало от губернского комиссара С. А. Волкова принять решительные меры к прекращению самоличных действий крестьян. «Лица, допускающие захват какой бы то ни было чужой собственности, инвентаря, хлеба или земли, — подлежат законной ответственности по суду» [34].

Ранее, во второй половине мая, министр земледелия В. М. Чернов отменил постановление о земле II крестьянского съезда Пензенской губернии и Симбирского уездного Совета крестьянских депутатов [5, с. 94]. Губернские власти полностью поддерживали Временное правительство и встали на путь более жёсткой линии по отношению к стихийности в деревне. Например, симбирский губернский комиссар на заявление землевладелицы с. Криуши Карсунского уезда Марии Терминской о том, что местным сельским комитетом, на основании постановления Аннинского волостного комитета, арестован у неё весь живой и мёртвый инвентарь, уволены двое служащих, сняты с работы военнопленные, и, наконец, тот же сельский комитет грозит недопущением к уборке урожая, предлагает комитету принять самые решительные меры к ограждению прав собственности Терминской. При этом губернский комиссар предупреждал, что неисполнение настоящего распоряжения повлечёт за собой возбуждение против виновных лиц уголовного преследования [35, л. 231].

14 июня 1917 года вышло постановление Симбирского губернского исполнительного комитета. В нём отмечалось, что решение земельного вопроса требует огромной подготовительной работы, основательного выяснения земельной нужды местного населения. Поэтому нельзя решить земельный вопрос простым захватом земли. Земельные захваты создают много недовольства и не только среди крупных землевладельцев, но и среди крестьян. Вследствие земельных захватов к недовольным примыкают и солдаты, находящиеся в армии, растёт дезертирство и разлагается армия. Неумелое и поспешное распределение земли на местах привело уже во многих случаях к столкновению между отдельными обществами [36].

Такое положение подготовило благоприятную почву для деятельности тёмных сил и большевистских Советов, создавало анархию. Поэтому, опираясь на вышесказанное, Губернский исполнительный комитет Симбирской губернии постановил:

1. Принять меры по прекращению и недопущению захватов;

2. Пересмотреть и отменить те постановления, которые остались без участия примирительных камер, дабы не оставалось озлобленных и недовольных людей, которые могут примкнуть к движению против революции;

3. За разрешением земельных отношений обращаться в Уездные земельные комитеты;

4. Сельскому комитету во всех случаях подчиняться Волостному комитету и т. д., в противном случае привлекать к уголовной ответственности;

5. Все вопросы, касающиеся порядка обработки засева и уборки полей, трав, распоряжение живым и мёртвым инвентарём передавать на рассмотрение Районных продовольственных управ, которые подчиняются Губернской продовольственной управе, а последняя — Министерству продовольствия;

6. Не принимать никаких самостоятельных решений по учёту живого и мёртвого инвентаря у частных землевладельцев;

7. Без прямых указаний Губернской продовольственной управы не чинить никаких препятствий землевладельцам свободно распоряжаться своим живым и мёртвым инвентарём;

8. Без разрешения Продовольственной управы не снимать с работы рабочих и военнопленных [35, л. 14—17].

Однако эта, как и многие другие резолюции Временного правительства и губернских правлений, остается безрезультатной. 15 и 20 июня товарищ министра внутренних дел Леонтьев направил срочные телеграммы губернскому комиссару Самарской губернии, в которых указывал, что поскольку постановление крестьянского съезда устанавливает переход частновладельческих земель, сельскохозяйственного инвентаря в распоряжение волостных комитетов, оно противоречит постановлению Временного правительства и является противозаконным. Леонтьев предлагал широко оповестить население об этом распоряжении правительства [37].

Однако местные учреждения, возглавляемые большевиками или левыми эсерами, не поддержали губернского комиссара. Губернский исполнительный комитет, обсудив 22 июня правительственную телеграмму, предписал уездным комитетам руководствоваться по земельному вопросу постановлениями II крестьянского съезда [38].

Эти действия перечёркивали распоряжение Министерства внутренних дел. В письме помещиков Бугурусланского уезда губернскому комиссару отмечалось, что телеграмма правительства, напечатанная в «Бугурусланских известиях», могла бы сдержать земельные захваты. Но этого не случилось, так как через несколько дней в той же газете была помещена телеграмма губернского исполнительного комитета, предлагавшая руководствоваться в земельном вопросе решением съезда. И здесь большевики обыграли неповоротливую демократическую власть.

В действительности же постановления крестьянского съезда опоздали. В большинстве уездов земля была уже разграблена. Так, в Новоузенском уезде Самарской губернии, по словам члена уездного земельного комитета, земля в большинстве случаев разделена между крестьянами уезда [39]. Из Николаевского уезда сообщали: «Постановления съезда в Николаевском уезде почти повсеместно проведены в жизнь» [40]. Страховский земельный комитет 9 июля постановил оставить местной помещице столько земли, сколько она может засеять собственными силами, но не более 25 десятин. В имении насчитывалось не менее 2200 дес., не считая леса. Из них 2000 дес. сдавалось в аренду крестьянам Страховского общества [41].

По распоряжению Графского земельного комитета весь земельный участок Киселёвой в размере 5630 дес., из которых собственный посев помещицы составлял 855 дес., перешёл в земельный фонд волости. Между сельскими обществами было распределено 1676 дес., оставлено под пар 1004 дес., под покос и выгон — 2095 дес. [42].

Решение о передаче крестьянам всех или части земель частных владельцев вынесли Ефимовский, Ключевский, Боголюбский, Утевский и другие волостные земельные комитеты Бузулукского уезда Самарской губернии [43].

Видя, что земля разграбляется и засевается бесконтрольно и не вся, мелкобуржуазные партии опомнились и попытались призвать крестьян к соглашению с помещиками, доказывали, что немедленный захват помещичьей земли может привести к ухудшению обработки земли и посевов.

Большевики отреагировали сразу же. В. И. Ленин на I Всероссийском крестьянском съезде по этому поводу говорил: «...разве крестьяне будут хуже засевать, если будут знать, что они сеют не на помещичьей, а на общенародной земле» [44, с. 123].

Обстановка в деревне к июлю 1917 года накалилась до предела. Временное правительство не обладало реальной властью и силой для решительных действий. О состоянии государственной власти на местах довольно точно было сказано в докладной записке помощника Казанского губернского комиссара главному земельному комитету от 6 июля 1917 года. Он писал: «...местные власти не имеют никакой возможности поддержать существующие земельно-правовые отношения. Всякая власть, употребившая свой авторитет на это, немедленно лишится доверия и перестанет быть властью». Поэтому она не вмешивается в земельные вопросы, которые «разрешаются исключительно фактическим соотношением сил между крестьянами и помещиками» [45].

Большевики по всему фронту праздновали победу. Бездействие властей в этот судьбоносный период, как и безвластие на местах, привели к тому, что большевики из всех политических партий страны пользовались у тёмных крестьянских масс наибольшими симпатиями. Они сумели потрафить вековым чаяниям крестьян, которые считали, что именно большевики помогли получить им

отобранную у помещиков землю, разжиться имуществом, отнятым у разорённых землевладельцев. Им нравилось безнаказанно грабить, насиловать и убивать ни в чём не повинных людей, вся вина которых состояла в том, что они ранее были помещиками.

После июльских событий Временное правительство при поддержке меньшевиков и правых эсеров приняло определенные меры по наведению порядка в деревне. Начались аресты руководителей большевистских Советов на местах. Однако этот период, когда власти взялись за наведение порядка в стране, был недолгим. На местах власти организовали немногочисленные выборочные аресты сторонников большевиков. Так, в селе Сорочинское Бузулукского уезда Самарской губернии за пропаганду и распространение «Приволжской правды» был подвергнут аресту большевик М. Штраус [46, с. 143].

13 июля в Спасском уезде Казанской губернии были арестованы большевики Г. С. Гордеев, левый эсер В. И. Мохов, избранный на крестьянском съезде уездным комиссаром, и 11 других уездных деятелей [47].

11 июля объединенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов и исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов приняло резолюцию, подготовленную меньшевистской фракцией, в которой выражалось полное доверие ЦИК Советов и осуждалось поведение большевиков [47]. 14 июля Самарский Совет крестьянских депутатов квалифицировал действия большевиков как преступление против революции и потребовал «категорически осудить их вождей за уклонение от суда» [46, с. 155—156]. Одобряли действия ЦИК Советов и Временного правительства Пензенский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [46, с. 157] и Симбирский Совет крестьянских депутатов [48].

Однако эти мероприятия были не скоординированы по времени, не носили массового характера, и большевикам удалось сохранить практически в целости свою сеть подрывных сельских партийных ячеек и уже через короткое время оправиться от первого испуга.

Делая вывод из вышесказанного, необходимо отметить: крестьяне видели, что одними погромами и захватами улучшения жизни не добьёшься. Оценивая события 3—5 июля, мы видим, что в целом по стране 50 городских, районных и поселковых Советов одобрили действия Временного правительства и лишь 32 Совета не поддержали их [49].

Безусловно, такое положение дел не устраивало большевиков. Они поняли, что их разрушительная, антигосударственная деятельность перестаёт пользоваться поддержкой. Крестьяне постепенно начинают прозревать. Российские экстремистские марксисты начинают готовить в деревнях почву для поддержки со стороны крестьянской массы России готовящегося ими вооружённого мятежа. Главный вдохновитель большевизма В. И. Ленин в своих работах уже в июле призывал крестьян к неповиновению. В статье «Политическое положение» отмечалось, что переход земли к крестьянам невозможен без вооруженного восстания [50], «...помещики и крестьяне живут в обстановке кануна гражданской войны» [51, с. 5]. Этими выступлениями вождь большевизма подстрекал тёмные силы на вседозволенность и анархию. Наводимый в начале июля в деревне порядок в земельном вопросе был под угрозой.

К концу июля 1917 года большевики оправились от волны преследований со стороны Временного правительства и продолжили свою подрывную деятельность в сельском хозяйстве. В конце июля — августе начали поступать сообщения о новых выступлениях крестьянства против помещиков, богатых крестьян. В крестьянском движении углубились и усилились активные формы воздействия на частновладельческие имения. В полном соответствии с экономической программой большевизма в аграрном секторе усилились захваты земель и инвентаря, особенностью было то, что науськиваемые крестьяне требовали уже полной организованной конфискации имений [51, с. 49].

В августе число разгромов помещичьих имений и случаев расправ с помещиками резко возросло. Развитие аграрного движения сопровождалось дальнейшим размежеванием классовых и партийных сил внутри крестьянских комитетов. Большинство губернских и многие уездные земельные комитеты Среднего Поволжья, где было сильным влияние меньшевиков и эсеров, безоговорочно поддержали административные мероприятия, направленные на подавление революционного движения.

Некоторые местные комитеты для «успокоения» крестьян шли на ограничения помещичьего землевладения. Другие комитеты использовали инструкцию земельным комитетам, утверждённую правительством от 16 июля 1917 года. Её в основном и взяли на вооружение губернские органы власти.

Например, Пензенский губернский земельный комитет принял 27 июля свою инструкцию по упорядочению земельных отношений. Все земли принимались на учет уездными земельными комитетами путем составления описи земель, живого и мёртвого инвентаря совместно с администрацией имений. Хозяйственное распоряжение имением полностью оставалось в руках владельца.

Земли, которые по совместному соглашению уездных продовольственных земельных комитетов владелец не мог обработать, передавались уездным земельным комитетам для ведения на них общественного хозяйства или для распределения в аренду крестьянам. При определении количества земли, передаваемой в аренду, уездный земельный комитет должен был учитывать возможность крестьянского двора обработать получаемую землю. Арендная плата определялась по добровольному соглашению арендаторов с владельцами.

Все хуторские, отрубные, крестьянские купчие и арендуемые земли оставались полностью в распоряжении их владельцев. Инструкция предупреждала, что «никакие самовольные захваты каких-либо угодий… не допускаются». Такое упорядочение земельных отношений вполне устраивало хуторян и просто хозяйственных крестьян.

Вместе с тем нормализация обстановки в деревне, которая, как воздух, нужна была стране, продолжающей находиться в состоянии войны, совершенно не устраивала большевиков и контролируемые ими Советы.

Здесь хотелось бы привести полную картину противодействия так называемых «революционных сил» нормальному решению земельных вопросов и проблем в деревне. Противодействие проявлялось в различных формах: от принятия резолюций до прямого сопротивления администрации. В конце июля контролируемый большевиками исполком Казанского Совета крестьянских депутатов в отношении на имя прокурора окружного суда писал о том, что он выполнял и будет выполнять неписаные законы революционного народа и в случаях, когда представители прокурорского надзора привлекают отдельных лиц от волостей и уездов за проведение этого неписаного закона в жизнь [52].

Показательно в этом отношении решение схода крестьян Обдинской волости Казанской губернии. Обсудив 13 августа выдвинутое властями против членов волостного комитета обвинение в подстрекательстве к захвату помещичьих земель, сход, возглавляемый левым эсером, постановил: «*Так, как земля состоит засеянной почти всей волостью, то ввиду этого мы все, волостью, если найдет начальство незаконным, пусть привлекают всю волость*» [22, с. 180—181].

В Ядринском уезде Казанской губернии Елашевское сельское общество самовольно вырубило лес общества крестьян Устья. В Свияжском уезде Ивановской волости у хуторянина Разматуллина захватили землю по распоряжению волостного земельного комитета, имели намерение отнять мельницу. Также массовые незаконные действия имели место в Лаишевском, Чистопольском, Мамадышском, Чебоксарском уездах. В Чебоксарском и Спасском уездах, наоборот, было заметно успокоение ввиду устранения от активной деятельности и передачи судебной власти главнейших агитаторов большевистского направления [22, с. 163].

В Симбирской губернии имение графини Толстой Карсунского уезда разгромлено крестьянами соседних сёл: отобрана паровая земля и 1000 десятин лугов, разграблены хутора, 1 сожгли, снята лесная стража и часть служащих, произведена беспорядочная вырубка леса, взято из амбаров 8600 пудов зерна.

Местные власти, в большинстве своем возглавляемые большевиками и левыми эсерами, несмотря на предписание канцелярии Комитета Министерства земледелия по землеустройным делам, содействия в предотвращении беззакония не оказали. Вследствие расхищения запасов корма конный завод и скотоводство погибли [53].

Крестьяне продолжали руководствоваться постановлениями земельных комитетов о немедленной передаче земли помещиков и хуторян и игнорировали июльские циркуляры министров Церетели и Пешехонова. Не было спокойствия и в некоторых уездах Саратовской губернии, где в земельных комитетах

правили большевики. По распоряжению волостного комитета в имении Гагариных были удалены служащие, захвачены и поделены крестьянами сенокосы и инвентарь [54].

Давыдовский волостной земельный комитет передал большую часть земли Пановского монастыря крестьянам деревни Плещеевка [55, с. 154]. Камешкирский комитет отобрал у землевладелицы Мотавиловой яровые и паровые земли, запретил ей продавать постройки, скот и дрова. По заявлению помещицы, комитет не признавал распоряжение Временного правительства и руководствовался лишь постановлениями Крестьянского съезда [55, с. 217].

Отвергали циркуляры правительства и отдельные земельные комитеты Самарской губернии. Законом они для себя продолжали считать решение II губернского съезда крестьян и проводили их в жизнь. 30 июля районное совещание представителей Чистовского, Зубовского, Шламского и Липовского волостных комитетов Самарского уезда постановило: «...исходя из решений II губернского крестьянского съезда предложить всем гражданам этих волостей все земли (государственные, церковные, монастырские, частновладельческие, надельные, отрубные) разделить между собой уравнительно по числу мужских и женских душ» [56].

После совещания волостные комитеты выносили аналогичные обязательные постановления [57, л. 367]. Сельские сходы, в свою очередь, принимали приговоры о переделе земли. Так, жители села Кротовка, основываясь на постановлении районного совещания комитетов, решили «все земли разделить уравнительно на наличные мужские и женские души всех возрастов» [57, л. 197].

Губернские комиссары понимали, что самоуправство местных органов власти ведёт к беспорядкам и хаосу. Так, в середине августа губернский комиссар Казанской губернии уведомлял губернский земельный комитет, что право выработки инструкций по земельному вопросу губернскому земельному комитету не предоставлено ни по закону Временного правительства, ни по циркулярным распоряжениям Министерства земледелия, и таковое право может принадлежать лишь главному земельному комитету, так как урегулирование отношений в области столь сложного вопроса, как земельный, может быть произведено лишь центральным управлением во избежание различного разрешения в стране вопроса о земельных отношениях. Этим же предписанием губернский комиссар требовал приостановить действия инструкций земельного комитета и представить таковую на рассмотрение в главный земельный комитет [57, л. 366].

К концу августа — началу сентября обстановка в деревне всё более накалялась. В. И. Ленин, характеризуя этот период, отмечал: «...*Неправда, если газеты кричат, будто в России царит беспорядок! Неправда, что в деревне господствует больше порядка, чем прежде, потому что решение производится по большинству; насилия над помещиками почти не было; случаи несправедливости и насилия над помещиками совершенно единичны; они ничтожны и на всю Россию не превышают числа случаев насилия, которые бывали и раньше*» [58].

Эти слова, по крайней мере, недостоверны. Здесь хотелось бы привести отрывок из газеты «Биржевой курьер» о крестьянском движении в Казанской губернии. Автор статьи отмечает, что при чтении письма (письмо помещика Чистопольского уезда), полного рассказов о бесчинствах и насилии над землевладельцами со стороны разнузданной черни, из глубины души вырываются проклятия по адресу тех фальсифицированных «печальников о благе народном», которые в качестве немецких наёмников разворотили наше тёмное крестьянство, чтобы создать лишнее оружие для экономического и политического развала России.

«*...Жизнь Казанских частных владельцев решительно во всех уездах стала невыносимой... Каждую минуту они считают себя обречёнными на поругание, разграбление и даже на смерть. Мужику стало недостаточно расхитить чужое достояние, которое идёт в его руки без малейшего сопротивления со стороны владельцев. Нет, ему нужно, чтобы от веками созданного достояния помещика не осталось камня на камне, и чтобы эти руины были обагрены кровью.*

До такой степени разыгрались кровожадные инстинкты у казанских крестьян, что они избивали даже тех помещиков, с которыми несчётные годы жили в добром соседстве, имели в их экономиях хорошие заработки и получали от них помощь в случае таких крестьянских бедствий, как пожары и неурожаи.

Во всей губернии идёт настоящая пугачёвщина. Хлебными посевами распорядились крестьяне как полноправные хозяева и весь сбор зерна дочиста свезли в свои закрома. Масса усадеб превращена в пепел, а сами землевладельцы со всех сторон губернии съехались в Казань, так как в деревне не находят защиты от насилия черни. Последней, в целях умиротворения, пишут только многоглагольные "обращения" и "воззвания"» [44, с. 176].

Подробное изложение статьи из газеты приведено для того, чтобы показать результаты большевистской агитации, местных земельных комитетов, которые они возглавляли. Именно в результате их «работы» в массах помещичьи имения или разграблены, или опустели, а между тем очень многие из них являлись образцовыми хозяйствами, которые давали стране многие миллионы тонн зерна и разных сельскохозяйственных продуктов. Теперь помещичьи поля в массе представляли собой пустыню, и это обстоятельство служило зловещим признаком, что в целом хлеборобный край Среднего Поволжья стремительно приближается к экономическому краху.

В конце августа Временное правительство, чтобы остановить хоть как-то кризис с продовольствием, вводит хлебную монополию. В постановлении правительства о передаче хлеба в распоряжение государства говорилось, что главными причинами расстройства хлебной торговли было сокрытие запасов, непорядки на железной дороге. Правительство стыдливо умалчивало, пытаясь найти какой-либо возможный компромисс с руководителями большевиков (как оказалось, совершенно напрасно), о главной причине беспорядков в российских деревнях — подрывной, антигосударственной деятельности большевиков и их агентов на местах.

В связи с беспорядками в деревне скрывать запасы начали торговцы. Хлеб был скуплен до войны по дешёвым ценам, которые резко пошли в гору. Когда цены идут в гору — торговец придерживает товар, авось ещё подорожает. Поэтому правительство закрыло вольную продажу, продавать можно было только государству.

Всякий владелец хлеба обязан по первому требованию местных продовольственных органов объявить:

1. Количество и местонахождение его запасов.

2. Число лиц, которые кормятся за счет его хозяйства.

3. Количество зерна и десятин посева.

В случае скрытия — отчуждение по половинной цене [59].

Правительство попыталось решить эти проблемы экономическими методами, высокими закупочными ценами заинтересовать крестьян. Постановлением Временного правительства от 27 августа 1917 года цены на зерновые были повышены на 100 %, но сдача шла очень плохо [60, л. 11—11 об.].

Ощутимых результатов хлебная монополия не дала. 13 сентября губернский комиссар Симбирской губернии направил телеграмму в Министерство внутренних дел, в которой говорилось об острой нужде в городах и районах губернии в продовольствии (не удаётся сделать запасы более чем на 2—3 дня), приходится опасаться голодных эксцессов [60, л. 13].

В эти тяжелые для государства дни, когда стране угрожал голод, большевики не прекращали свою агитационную деятельность по разделу частнособственнической земли. Им интересы Российского государства были чужды, им нужны были «великие потрясения», на которые с готовностью пойдёт обозлённое голодом население сёл и деревень. Именно обозлённый голодом народ и должен был стать союзником большевизма при захвате им политической власти в стране.

С этой целью в более широких размерах, чем летом, продолжался «черный передел» земель в Самарском, Николаевском, Ставропольском, Новоузенском уездах Самарской губернии. Как и летом, его возглавляли большевики. Под воздействием их разрушительной пропаганды всё больше местных волостных и уездных Советов переходили под контроль большевиков. Крестьяне, как это ни прискорбно, всё больше и больше считали их главными радетелями своих интересов. Как сообщала 5 сентября газета «Народное слово», волостные земельные комитеты Николаевского уезда постановили все земли уезда считать общим земельным фондом и распределить их между крестьянами.

Рязановский земельный комитет Ставропольского уезда передал крестьянам земли графа Орлова–Давыдова и бывшие удельные участки [60, л. 42]. Новомайнский земельный комитет в сентябре принял решение о равно-

мерном разделе всех частновладельческих и общинных земель под посев 1918 года [61, л. 220].

13 сентября состоялся районный съезд Чердаклинского, Архангельского волостных земельных комитетов. На нём присутствовали представители от Ставропольского уездного земельного комитета и частных землевладельцев. Рассмотрев вопрос о подготовке к яровому севу, съезд постановил передать в аренду крестьянам через волостные комитеты все частновладельческие земли, подготовленные под сев яровых хлебов. За владельцами могла сохраняться некоторая часть земли по усмотрению волостных комитетов [61, л. 67].

В осенний период борьбы земельных комитетов против частных землевладельцев применялись те же формы движения, которые имели место весной—летом 1917 года, но соотношение их существенно изменилось: резко возрос удельный вес захватов имений, увеличилось число общих земельных переделов, участились захваты владельческого инвентаря, аресты и выселения помещиков и их управляющих. В отличие от весенней волны арестов, теперь они были непосредственно связаны с передачей имений комитетам.

Революционные формы борьбы (захват имений, пахотных земель и лугов, инвентаря, аресты и удаления помещиков) в сентябре—октябре составляли 60,8 % против 55,4 % в июле—августе. Кроме того, осенью 1917 года развёртывается движение за передачу крестьянам частновладельческих и казённых лесов, что по своей сущности однозначно было земельным захватом.

Вместе с тем в деятельности земельных комитетов, как и в крестьянском движении в целом, пройденным этапом стали такие формы наступления на частных владельцев, как ликвидация аренды, лишение землевладельцев рабочей силы, прекращение работ в имении и т. д.

Наиболее трезвую позицию по текущему моменту занимали левые эсеры, хотя и в их действиях наблюдались противоречия, в основном под давлением большевиков. 8 сентября 1917 года общее собрание социалистов-революционеров Николаевского уезда Самарской губернии приняло постановление, которое обязывало каждого члена организации приложить все силы в борьбе за передачу земли крестьянам. Согласно этой резолюции, фракция эсеров Николаевского уезда Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в начале октября проголосовала за предложение большевиков и максималистов о конфискации частновладельческих земель насильственным путём.

Однако через полтора месяца, 19 октября, фракция социалистов-революционеров потребовала пересмотра резолюции о конфискации частновладельческих земель, а затем добилась её отмены. За это решение проголосовали 11 депутатов-эсеров, против — 9 большевиков и 1 максималист. Как мы видим, по земельному вопросу произошло размежевание между эсерами и большевиками. Эсеры осенью перед Октябрьским переворотом стремились остановить негативные процессы в деревне и вакханалию разгрома и земельного передела. Захватам земель большое противодействие оказывали эсеры в Бузулуке. В Бугульме эсеровский гарнизонный комитет высказался против всяких самовольных захватов частновладельческих земель крестьянами до созыва Учредительного собрания.

Неоднозначную позицию в аграрном вопросе заняли в августе—сентябре 1917 года лидеры Симбирской организации эсеров. В начале августа 1917 года председатель Симбирского губернского земельного комитета эсер К. Воробьёв писал в своей брошюре: «...*Та волнующая несправедливость, которая наблюдается в настоящее время, не должна быть терпима ни одного дня больше. Нельзя обрекать одну часть населения на полуголодное существование, а другой предоставлять возможность накоплять в своих руках земельные излишки и эксплуатировать нужду крестьянской бедноты. Этому должен быть положен конец коренным разрешением аграрного вопроса*».

И в то же время Симбирская газета «Земля и воля», орган губернского комитета партии социалистов-революционеров, убеждала крестьян прекратить захваты частновладельческих земель и возложить все свои надежды на Учредительное собрание. Такая противоречивая позиция, которой придерживались эсеры Среднего Поволжья, только возбуждала бедноту деревни и толкала её на выступления против помещиков. Большевики умело воспользовались разобщённостью своих политических конкурентов — эсеров и усилили свою подрывную работу в массах.

Неоднозначность и противоречия в действиях эсеров, других партий, местных органов власти — безусловно, огромная «заслуга» политики Временного правительства по вопросу земельной политики, которая практически неизбежно должна была вызвать крестьянские восстания.

В очередной раз воспользовавшись нерешительностью правительства, большевики снова и снова поднимали крестьян на противоправные действия. Резко увеличилось число погромов дворянских имений, кровопролитные схватки между крестьянами и кулаками стали обычным явлением.

Крестьяне потеряли веру не только в центральную власть, но и в местные органы власти. Левый эсер В. Алгасов, объехав в сентябре 1917 года губернии Среднего Поволжья, пришел к выводу, что: «...Львовские телеграммы, Пешехоновские распоряжения, инструкции Чернова вселяют в крестьянство недоверие и, больше того, озлобление». К концу сентября во многих районах России началась уже настоящая крестьянская война. Лидер эсеров Виктор Чернов в статье «Единственный выход» признавал: «*...Дождались того, что предрекали все, соприкасавшиеся с деревней и понимавшие её. Дождались начала крупных классовых аграрных волнений...*». Он предлагал «сделать из земельных комитетов прочные авторитетные органы государственной власти на местах, способные своевременными мерами — когда нужно, властными и решительными — предотвратить вспышки насилия».

Но время было уже потеряно. Большевики своими обещаниями «сладкой жизни» уже завоевали основную массу несознательных крестьян. Низовым комитетам лидеры губернских организаций рекомендовали убеждать крестьян в том, что в земельном вопросе надо «ждать терпеливо решения Учредительного собрания».

Губернские и уездные комиссары уже не находили других методов борьбы с погромами, как применение силы, что приводило к ещё более сильному озлоблению масс, и большевики получали новые козыри для достижения своих целей. Так, комиссар Сызранского уезда Симбирской губернии Цинговатов во второй половине сентября ходатайствовал перед начальником гарнизона о выделении полуэскадрона драгунов для подавления крестьянского движения.

В начале октября 1917 года комиссар Наровчатского уезда Пензенской губернии телеграфировал Ф. Ф. Федоровичу, занимающему пост губернского комиссара: «...Необходимо срочно прислать сильную кавалерийскую часть, непременно дисциплинированную. Рубку лесов, разграбление имений имевшимися силами прекратить невозможно...». Ф. Ф. Федорович лично руководил организацией подавления крестьянских восстаний. Он метался по губернии с драгунами, тщетно пытаясь усмирить с помощью оружия восставших крестьян. 25 октября 1917 года уездный комиссар Инсарского уезда сообщал Ф. Ф. Федоровичу, что «...уезд охватила широкая волна погромного движения, драгуны бессильны бороться с движением».

Крестьянство Среднего Поволжья, возглавляемое большевиками, а в некоторых случаях просто преступниками, развернуло массовый погром помещичьих имений. Если в сентябре 1917 года в Пензенской губернии было 80 крестьянских выступлений, то в октябре — 184. В Симбирской губернии только против кулаков крестьяне поднимались в апреле—мае 34 раза, в июне — 122, а в октябре — 267. Разгром сельского хозяйства был полный. Деревня дошла до последней, конечной точки хаоса и анархии. Народ во всём винил не большевиков, которые были главными виновниками сложившегося положения, а местные и центральные власти, назревал «великий и ужасный деревенский бунт» [88].

Победа большевиков была полная. Они добились всего, чего хотели: хаоса в сельском хозяйстве, симпатий со стороны крестьян, полной дискредитации аграрной политики Временного правительства и поддерживающих его партий — своих политических соперников — меньшевиков и эсеров.

В числе негативных итогов в стране и регионе был почти полный подрыв аграрного сектора экономики, общее снижение уровня сельскохозяйственного производства до рекордно низкого уровня за последние 25 лет.

После победы Февральской революции в стране, как известно, наибольшим влиянием среди крестьян пользовались эсеры. Влияние большевиков в деревне было незначительным. Для того чтобы срочно, безотлагательно утвердить своё влияние в деревне, большевикам необходимо было выдвинуть такую политическую аграрную программу, которая за-

интересовала бы крестьян. Выбор у них был невелик: эта программа должна была соединить в себе вековые чаяния крестьян с политическими амбициями большевиков, которые, опираясь на привлечённых на свою сторону крестьян, стремились к власти.

Другой немаловажной задачей, решаемой большевиками в годы Февральской революции, была дискредитация Временного правительства и поддерживающих его партий меньшевиков и эсеров. Обе задачи большевикам, как видно из вышеизложенного материала, удалось выполнить с блеском. Спекулируя на вековых чаяниях российского крестьянства, его стремлении к свободе и воле, желании получить землю, большевикам удалось натравить одну часть земледельцев, которую представляли наиболее бедные и обездоленные крестьяне и батраки, на другую, в числе которых были частные землевладельцы, помещики и богатые крестьяне.

Спровоцированная большевиками кампания по беспредельному, разрушительному переделу земли, которой подверглась российская деревня в рассматриваемый период, увенчалась полным успехом. Большевикам удалось не только дискредитировать Временное правительство и поддерживающие его политические партии эсеров и меньшевиков, но и выставить себя в глазах крестьянства главными защитниками всех «угнетённых» и «обездоленных».

Всё это облегчило им насильственный захват власти в стране. Также следствиями проводимой большевиками политики в деревне были полный подрыв рыночных основ аграрной экономики, разрушение наиболее производительного аграрного сектора в экономике, создание обстановки хаоса и нестабильности, нарушение снабжения продовольствием населения сёл и городов и угроза приближающегося голода.

Это и был тот самый фон, на котором большевикам удалось совершить антидемократический Октябрьский переворот.

---

1. Вестник Временного правительства. 1917. 21 марта.
2. Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. 2132. Оп. 2. Д. 27. Л. 1—6.
3. Пролетарий. 1917. 24 марта.
4. ГАУО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 14. Л. 69.
5. *Герасименко, Г. А.* Советы Поволжья в 1917 году / Г. А. Герасименко, Д. С. Точеный. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1977.
6. Государственный архив Пензенской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 587. Л. 1—4.
7. Революционное движение в России после свержения самодержавия : Док. и материалы. М., 1957.
8. *Андреев, А. М.* Местные Советы и органы буржуазной власти 1917 года / А. М. Андреев. М., 1983. С. 310.
9. Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий : в 4 т. Т. 1. М., 1957. С. 197, 234, 339.
10. *Игрицкий, И. В.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в России в 1917 году / И. В. Игрицкий. М., 1962. С. 10.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.
12. ГАУО. Ф. 2132. Оп. 2. Д. 12. Л. 2.
13. Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии : Сб. док. и материалов. Пенза, 1957. С. 52—61.
14. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. Т. 31. С. 420.
15. ГАУО. Ф. 2132. Оп. 2. Д. 54. Л. 26.
16. Национальный архив Республики Татарстан (далее — НАРТ). Ф. 1246. Оп. 69. Л. 344—345.
17. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967. Ч. 3. Док. 118. С. 212.
18. ГАРФ. Ф. 934. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
19. Пролетарий. 1917. 24 апр.
20. *Медведев, В. К.* Саратовский Совет от Февраля к Октябрю / В. К. Медведев. Саратов, 1948. С. 200.
21. *Захаров, Ф. Ф.* Самарские большевики в Октябрьской революции / Ф. Ф. Захаров. Куйбышев, 1957. С. 44.
22. *Ионенко, И. М.* Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября / И. М. Ионенко. Казань, 1957.
23. Краеведческие записки : Док. и материалы. Куйбышев, 1963. С. 10.
24. Волжский день. Самара, 1917. 3 июня.
25. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии. Т. 1. С. 21.
26. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Куйбышев, 1957. С. 60.
27. ГАУО. Ф. 2132. Оп. 2. Д. 52. Л. 164.
28. НАРТ. Ф. 98. Оп. 4. Л. 20 а.
29. ГАРФ. Ф. 406. Оп. 2. Л. 87—91.
30. Товарищ. Сызрань, 1917. № 44. 25 мая.
31. The Bolscevik Revolution 1917—1923 / Ed. H. Garr. Vol. 1—3. L., 1950—1953. P. 24—27.

32. *Церетели, И. Г.* Воспоминания о Февральской революции / И. Г. Церетели. Кн. 1. Париж, 1963. С. 446.
33. Отчёт о работе IV съезда Партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С. 137.
34. Самарские ведомости. 1917. 28 июля.
35. ГАУО. Ф. 2132. Оп. 2. Д. 57.
36. ГАУО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 234. Л. 37.
37. ГАРФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 138. Л. 125; Д. 68. Л. 22.
38. ГАРФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1381. Л. 205.
39. ГАСО. Ф. 645. Д. 1 а. Л. 1, 3.
40. ГАРФ. Ф. 398. Оп. 2. Д. 139. Л. 124.
41. ГАСО. Ф. 645. Оп. 2. Л. 119, 120, 702.
42. ГАСО. Ф. 645. Оп. 2. Л. 423, 562.
43. ГАСО. Ф. 645. Оп. 2. Л. 402, 458, 514, 579.
44. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. Т. 32.
45. ГАРФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 295. Л. 71.
46. *Блюменталь, И. И.* Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии: Хроника событий / И. И. Блюменталь. Самара, 1927.
47. Революционная борьба крестьянства Казанской губернии накануне Октября : Сб. док. и материалов. Казань : Татарское кн. изд-во, 1958. С. 471—473.
48. Борьба. 1917. 22 июля.
49. *Андреев, А. М.* Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии / А. М. Андреев. Чебоксары, 1957. С. 99.
50. *Андреев, А. М.* Большевистские организации и Советы после прекращения двоевластия (июль 1917 года) / А. М. Андреев // Вопр. истории КПСС. 1966. № 11. С. 42.
51. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. Т. 34.
52. *Минц, И. И.* История Великого Октября / И. И. Минц. Т. 1. М., 1967. С. 663.
53. ГАРФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 57. Л. 182—185.
54. ГАРФ. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 6 а. Л. 49.
55. Крестьянское движение в 1917 году : Сб. док. М., 1927.
56. ГАРФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 11. Л. 107.
57. ГАСО. Ф. 645. Оп. 2. Д. 8.
58. НАРТ. Ф. 1246. Оп. 121. Л. 15.
59. ГАРФ. Ф. 406. Д. 96. Л. 74.
60. ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 1.
61. ГАСО. Ф. 645. Оп. 2. Д. 10.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

М. И. Богомолова, Ж. Н. Дюльдина

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Актуальность рассматриваемых вопросов в представленной статье связана с недостаточной разработанностью системы воспитания подрастающего поколения в национально-смешанных семьях. Не изучены особенности приобщения к семейным ценностям, толерантности по отношению к разным народам. Научная новизна заключается в том, что выявлена значимость поликультурной среды в формировании у юношей семейных ценностей в условиях поликультурной среды. Представленный материал имеет теоретическое и практическое значение. Теоретическая значимость состоит в том, что поднимается актуальность проблемы формирования у юношей семейных ценностей в условиях поликультурной среды. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов в семейном и общественном воспитании.

Ключевые слова: национально-смешанные семьи, ценности, ценностные отношения.

M. I. Bogomolova, J. N. Dyuldina

VALUE SYSTEM FORMATION DURING THE ADOLESCENCE PERIOD IN CONDITIONS OF MULTICULTURAL ENVIRONMENT

The problems dealt with in this paper are rather important as the system of upbringing of teenagers in ethnically mixed families is not yet well developed. The peculiarities of introduction to family values and tolerance to different peoples are not studied. The novelty of the research lies in revealing the importance of political and cultural environment while forming family value during the adolescence period. The material presented in the article has theoretical and practical value. The results obtained can be used in family and public upbringing.

Key words: ethnically mixed family, values, value attitudes.

Психолого-педагогическая культура родителей — один из существенных компонентов общественной культуры, а процесс ее формирования, развития и совершенствования — это важнейшая задача, стоящая перед современным обществом. В поисках средств, обеспечивающих решение этой задачи, необходимо выбрать надежный методологический ориентир, позволяющий наиболее точно и всеобъемлюще раскрыть смысл психолого-педагогической культуры родителей, выявить закономерные связи и отношения изучаемого явления. В качестве такого ориентира мы избрали культурологический подход, который осуществляется в контексте общефилософского понимания культуры.

В данной статье мы сосредоточили свое внимание на рассмотрении понятий, важных для раскрытия поднимаемого вопроса: **ценностное отношение, семейные ценности, духовные ценности, этнос, культура, родительская культура, родительство, семейные традиции, национальные традиции, национальная культура, поликультурная среда, этническая толерантность, этническая идентичность**. Анализ и расположение этих понятий во взаимосвязи дает возможность глубже проникнуть в их сущность.

Особо пристального внимания и изучения требуют современные национально-смешанные семьи, так как в них её представители являются носителями двух и более культур. В

смешанных семьях ребёнок с самого рождения находится в условиях разнонациональной среды и приобщается к разным культурам.

Чрезвычайно важно выяснить, какие отношения складываются между членами семьи, между детьми и взрослыми в таких семьях, какое место отводится каждой из культур в воспитании детей, формируется ли уважительное отношение к культуре отца и матери, или отдаётся предпочтение одной из них, или же игнорируются обе культуры и за образец воспитания признаётся третья, нейтральная культура. В зависимости от того, как решается этот вопрос в семейном воспитании, можно судить о положении отца и матери в семье, их взаимоотношениях.

Ценностные отношения представляют собой одновременно процесс восприятия и понимания мира через призму ценностей, результат этого процесса — отношение субъекта к определенным объектам как личностным ценностям (А. М. Булынин, А. И. Титаренко). Становление системы ценностей происходит на протяжении всей жизни человека, но наиболее сензитивным периодом является юношеский возраст. Это доказывается в ряде диссертационных исследований (Л. В. Безрукова — формирование ценностного отношения к окружающему миру, Ю. В. Галушинская — формирование ценностного отношения к старости, Н. А. Платохина — формирование отношения к родному городу, Р. М. Хаертдинова — к национальной культуре и др.).

Ценности являются предметом изучения педагогической аксиологии. Педагогическая аксиология — область педагогического знания, рассматривающая образовательные ценности с позиции самоценности человека и осуществляющая ценностные подходы к образованию на основе признания ценностей самого образования.

Говоря о ценностях, следует отметить, что в разное время и разными людьми в это понятие вкладывались различные значения. Само понятие «ценность» было введено в 60-е годы XIX века немецким философом Г. Лотце и отождествлялось им со значимостью, являясь одной из трёх сфер: действительности, истинности и ценности. В словаре русского языка С. И. Ожегова значение данного понятия объясняется следующим образом: ценность как цена, стоимость; важность, значение; ценный предмет, явление.

Под **ценностями** понимаются специфические социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро и зло, прекрасное и безобразное, заключенные в явлениях общественной жизни и природы).

Размышления о человеке, о смысле жизни, её ценности и человеческой деятельности были ключевыми для многих философов. У истоков науки о ценностях стояли И. Кант, Г. Лотце. В работах И. Канта были изложены основные принципы аксиологического подхода и сформулировано понимание «ценности» как особого феномена. С точки зрения Г. Лотце, мир ценностей противоположен по своей природе миру истины и действительности. Г. Лотце впервые употребил понятие ценности, выделяя три сферы мироздания:

— царство всеобщих законов — необходимо значимых истин;

— мир фактов, вещей и образов действительности;

— мир ценностных определений, идей добра, красоты и священного.

В отечественной науке проблема ценностей начала разрабатываться сравнительно недавно. Первые работы, раскрывающие эту проблему, появились в 60-е годы XX века: В. П. Тугаринов «О ценностях жизни и культуры» (1960), В. П. Василенко «Ценность и оценка» (1964), О. Г. Дробниций «Мир оживших предметов» (1967). Различные аспекты теории ценностей стали предметом исследований А. И. Арнольда, Л. М. Архангельского, Ю. Д. Гранина, Ю. А. Ефимова, М. С. Кагана, И. С. Кона, А. В. Кирьяковой, В. А. Малахова, И. М. Поповой, А. А. Ручки, В. А. Ядова и др.

В. П. Тугаринов определяет понятие ценности следующим образом: «Ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и прочее) членам определённого общества и класса или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [12, с. 261].

По мнению С. Ф. Анисимова, «ценность есть всё значимое для человека или воображаемые предметы, или явления (в том числе сам человек как высшая ценность), которые данный объект оценивает, избирает и использует для прогресса общества и развития

человеческой личности» [1]. При анализе различных способов толкования понятия «ценность» возникает необходимость в классификации дефиниций по отраслям научного знания. При анализе философских определений ценностей выявляются три основные концепции в подходе к трактовке:

— «экономическая» концепция. В этом случае ценность рассматривается как «общественный предмет, в который вложен необходимый труд, причём не вообще, а в определённой пропорции ко всему совокупному социально-ценностному содержанию общественного труда» (В. Я. Головных, В. И. Плотников);

— «социальная» концепция. Ценности есть «специфически социальные явления… некоторые проявления общественных отношений и нормативно-оценочной стороны общественного сознания»;

— «потребностная» концепция. Согласно ей «ценность — это своеобразная форма проявления отношения между субъектом и объектом, при котором свойства объекта подвергаются оценке в соответствии с тем, как они удовлетворяют потребности субъекта» (И. Т. Фролов).

В рамках данной концепции Л. М. Архангельский даёт своё определение ценности: «Ценность есть результат активного взаимодействия, осознания отношений субъекта к объектам удовлетворения потребностей» [2, с. 34—42]. С. Ф. Анисимов отмечает, что «ценность есть положительное значение данного предмета или его свойства для конкретного субъекта деятельности с точки зрения того, насколько этот предмет способен удовлетворить определённую потребность» [1, с. 40]. Ценность — это то, что направлено в будущее и имеет значение для достижения какой-либо цели или как предмет потребностей человека (В. В. Сержантов, В. Ф. Москаленко).

С социологической точки зрения ценности — это «обобщённые представления людей о целях и нормах своего поведения» (Н. И. Лапин).

В психологии ценность является важным структурным наполнением личности, «интегративной основой индивида», отвечающей за организующую, направляющую и регулятивную роль жизнедеятельности.

В рамках социальной антропологии признаётся понимание ценности как некоего общего содержания смысла жизни многих людей, находящихся в сходных жизненных ситуациях (В. В. Шаронов).

Наиболее широко исследуемое понятие трактуется в педагогике. Это можно объяснить тем, что прежде всего ценности регулируют деятельность педагога и определяют стиль общения и взаимодействия с учащимися.

В понимании В. А. Сластенина ценности — «отражение и запечатление в психике человека тех или иных сторон предмета и явлений окружающего его мира, которые служат удовлетворению потребностей личности, находят в ней эмоциональный отклик и, таким образом, приобретают то или иное личностное значение» [11, с. 59].

Е. С. Сироткина, исследуя проблему ценностей, отмечает, что особенность значения ценности как предмета понимания состоит в том, что она отражает определённые результаты отношения одного сознания к социальному опыту других субъектов [10, с. 136].

Попытки систематизировать определения понятия «ценность» предпринимались исследователями В. П. Бездуховым [3, с. 17—20], Д. А. Леонтьевым [7, с. 15—27], Г. П. Выжлецовым [5, с. 13].

Одна из наиболее известных классификаций определений исследуемого понятия принадлежит А. А. Ручке, который распределил их по четырём группам.

Первая группа дефиниций — это те определения, которые делают упор на способности вещей, явлений, процессов, идей, идеалов и т. п. выступать средством удовлетворения потребностей и интересов людей, служить общественному прогрессу и всестороннему развитию личности.

Вторая группа достаточно близка к первой, но вместе с тем отличается от неё. Авторы дефиниций ценности этой группы делают упор на значимость вещей, явлений, процессов, идей для жизнедеятельности социальных субъектов, их потребностей и интересов.

Третья группа дефиниций ценности акцентирует внимание на том, что ценность является специфической формой проявления отношения между субъектом и объектом по поводу удовлетворения потребностей и интересов субъекта.

Характерная черта четвёртой группы дефиниций — утверждение о том, что ценности являются специфическими образованиями сознания, выступают в структуре обществен-

ного и индивидуального сознания идеалами, обобщёнными представлениями о предпочитаемых благах и приемлемых способах их получения, идеальными критериями оценки и ориентаций личности и общества [9].

Ценности принято делить на группы или выстраивать их систему. Существует множество различных классификаций ценностей.

А. А. Радугин предлагает свою систему ценностей:

1) смысложизненные (представление о добре и зле, счастье, цели и смысле жизни);

2) универсальные (жизнь, здоровье, личная безопасность, благосостояние, семья, родственники, образование, квалификация, правопорядок и т. д.);

3) общественного признания (трудолюбие, социальное положение и т. д.);

4) межличностного общения (честность, бескорыстие, доброжелательность);

5) демократические (свобода слова, совести, партий, национальный суверенитет и т. д.).

В. А. Ядов вслед за М. Рокичем различает ценности-цели (терминальные ценности) и ценности-средства (инструментальные ценности).

В качестве первых, терминальных ценностей он рассматривает красоту, любовь, свободу, творчество, познание, мудрость, работу, друзей, семью, активную жизненную позицию, уверенность в себе, здоровье, самостоятельность, общественное признание, сохранение мира; в качестве инструментальных ценностей — образованность, жизнерадостность, исполнительность, ответственность, терпимость, рационализм, честность, твёрдую волю, самоконтроль, эффективность в делах [10].

Один из наиболее удачных подходов к классификации ценностей принадлежит В. Брожику, который выделил основные типологии ценностей, определил классификационные признаки, оставив другим лишь варьировать в рамках описанного.

Во-первых, ценности материальные и духовные.

Во-вторых, ценности действительные и воображаемые или, возможно, «концептуальные».

В-третьих, по происхождению и характеру выполняемых функций ценности можно делить на первичные, вторичные и третичные, например: биологические потребности, средства труда, средства коммуникации.

В-четвёртых, исходя из генезиса потребностей, различаются априорные и апостериорные ценности.

В-пятых, с временной точки зрения ценности можно разделить на нынешние, прошлые и будущие.

В-шестых, можно выделить финальные и инструментальные ценности.

В-седьмых, деление ценностей на утилитарные, эстетические, правовые, религиозные и т. д. [4].

Обратимся непосредственно к ценностным иерархиям. Исторически в России отдавалось предпочтение следующим ценностям: родина, правда, братство, справедливость, красота, разум, радение, сострадание, благодарность, родители. Как отмечает Б. Т. Лихачёв, безусловными ценностными ориентациями дворянства в дореволюционной России была вера в Бога; служение царю и преданность Отечеству; приверженность правилам дворянской чести; участие в светской жизни [6]. Крестьяне же, как истинные создатели ценностей, почитали веру в Бога; сознание святости руководимого отцом семейного очага; добросовестное отношение к труду; любовь к малой Родине, земле и природе; взаимопомощь.

С. Д. Поляков уточнил названные ценностные ориентиры по основанию «человек — общность»:

— Человек как интерес и уважение к своему личностному развитию, физическому Я, реализации себя в деятельности;

— Близкие как семья, друзья, группа, коллектив;

— Отечество как принадлежность к обществу, определённой культуре, ценность демократического общества;

— Человечество как восприятие себя принадлежащим к разнообразной человеческой культуре, ценность согласия, принятие экологических ценностей.

Итак, мы проанализировали различные иерархии ценностей. Несмотря на их разнообразие, следует отметить, что особое внимание уделяется общечеловеческим, вечным ценностям, таким как:

1) ценность семьи;

2) ценность природы (экологические ценности);

3) ценность трудовой деятельности;

4) эстетические ценности (красота, искусство);

5) ценность человеческой личности.

Учитывая значимость всех сформулированных иерархий ценностей, для темы нашего исследования наиболее значительной и близкой нам являются классификации В. А. Караковского и М. А. Петухова. Принимая их за основу, мы особо акцентируем своё внимание на самых основополагающих ценностях — семья, национальные и общечеловеческие ценности.

З. Т. Гасанов предлагает набор ценностей, связанных с осознанием каждым человеком звания гражданина своей страны и всей планеты:

— единство национального, общенационального, патриотического и общечеловеческого в формировании чувств и самосознания;

— равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства и отношения к религии; уважительное отношение ко всем народам Земли, их суверенитету, к национальной, конфессиональной принадлежности человека, к этнокультурным меньшинствам, этническим группам, иммигрантам, беженцам;

— способность преодолевать личностно-психологические барьеры в общении, непримиримое отношение к эгоизму, себялюбию, высокомерию, грубости; умение распознавать психологическое состояние людей, оказавшихся вовлечёнными в межнациональные трения и конфликты;

— непримиримость к национализму, шовинизму, расизму, геноциду, апартеиду, проповеди фашизма и иной расовой, национальной или религиозной исключительности; толерантное отношение к мировым религиям, к деятельности священнослужителей, направленной на мирное решение национальных, расовых и прочих конфликтов.

Таким целостным подходом к воспитанию в духе патриотизма, дружбы народов, веротерпимости должны руководствоваться все те, кто призван создать условия, необходимые для реализации следующих принципов воспитания культуры межнационального общения:

— общественное и государственное регулирование деятельности учреждений образования и культуры, общественных организаций, СМИ и семьи по воспитанию культуры межнационального общения;

— учёт характера национальных отношений, особенностей различных категорий населения (дошкольников, младших школьников, подростков, старших школьников, студентов, работников госучреждений, военнослужащих, жителей городов и сёл);

— сохранение и развитие исторически сложившихся дружеских отношений народов России, их сплочение в едином федеративном государстве. Развитие национальных культур и языков народов России, содействие мирному разрешению межэтнических противоречий и конфликтов, равноправию народов и национальных меньшинств страны: обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии;

— учёт национальных, гражданско-патриотических и общечеловеческих ценностей в воспитании молодёжи, обеспечение взаимопонимания и сотрудничества между людьми, народами, расовыми, этническими и религиозными группами;

— формирование у молодёжи национального самосознания, открытого для восприятия ценностей других народов; удовлетворение по мере возможностей национально-культурных запросов разрозненно расселённых народов и национальных меньшинств, защита прав беженцев и вынужденных переселенцев [6].

Социально-этнические ценности, основанные на национальной культуре, являются ориентиром деятельности человека, которая составляет основу нормативной позиции человека как нравственная цель, определяет общую направленность его поведения, систему его поступков. Одним из составляющих содержания воспитания и образования подрастающего поколения должен стать культурный компонент становления личности. Мы считаем, что из-за исключительной значимости национальной культуры в развитии личности, её национального самосознания и формирования внутреннего мира, исходя из необходимости приобщения растущего человека к накопленным веками духовным ценностям, национальная культура должна стать основой, на которой раскрывается и строится содержание воспитания в семье и образовательных учреждениях.

1. *Анисимов, С. Ф.* Духовные ценности: производство и потребление / С. Ф. Анисимов. М. : Мысль, 1988. 253 с.
2. *Архангельский, Л. М.* Моральные ценности и современность / Л. М. Архангельский // Вопр. философии. 1983. № 11.
3. *Бездухов, В. П.* О ценностном подходе к формированию гуманистической направленности / В. П. Бездухов // Актуальные вопросы развития высшего и среднего образования на современном этапе. Самара : Изд-во СамГТУ, 2000. Т. 3.
4. *Брожик, В.* Марксистская теория оценки / В. Брожик. М. : Прогресс, 1982. 188 с.
5. *Выжлецов, Г. П.* Духовные ценности и судьба России / Г. П. Выжлецов // Социально-политический журн. 1994. № 3/6.
6. *Гасанов, З. Т.* Воспитание культуры межнационального общения: методология, теория, практика : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / З. Т. Гасанов. М., 2000. 44 с.
7. *Леонтьев, Д. А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной конструкции / Д. А. Леонтьев // Вопр. философии. 1996. № 4.
8. *Лихачев, Б. Т.* Введение в теорию и историю воспитательных ценностей (теоретико-исторический анализ воспитательных ценностей в России в XIX и XX веках) / Б. Т. Лихачев. Самара : Изд-во СИУ, 1997. 85 с.
9. *Ручка, А. А.* Ценностный подход в системе социологического знания / А. А. Ручка. Киев : Наукова думка, 1987. 289 с.
10. *Сироткина, Е. С.* Ценности в мире человека: парадигмальный и социокультурный аспекты : дис. … канд. филос. наук / Е. С. Сироткина. Саратов, 1996. 153 с.
11. *Сластенин, В. А.* Введение в педагогическую аксиологию / В. А. Сластенин, Г. И. Чижакова. М. : Академия, 2003. 192 с.
12. *Тугаринов, В. П.* Избранные философские труды / В. П. Тугаринов. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 344 с.

Ж. Н. Дюльдина

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД XVI—XX ВВ.

В статье рассматривается историко-педагогический аспект формирования семьи и семейных отношений в России в период XVI—XX вв. Особый акцент ставится на анализе семейного уклада, семейного воспитания, семейной организации горожан и крестьян. Автором анализируются и обобщаются точки зрения исследователей в разных областях знаний с целью найти обоснования семейного воспитания современности.

Ключевые слова: семья, семейный уклад, семейное воспитание, семейные ценности, патриархальные семейные отношения, семейная организация, горожане, крестьяне.

Zh. N. Dyuldina

HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ASPECT OF FAMILY AND FAMILY RELATIONSHIP FORMATION IN RUSSIA (XVI—XX CENTURIES)

The article examines a historical and pedagogical aspect of family and family relationship formation in Russia in XVI—XX centuries. Special emphasis is given to the analysis of a family structure, family upbringing, family structure of the urban and rural residents. The author analyzes and summarizes the viewpoints of different scientists in various areas of study in order to find justification for family upbringing in the modern world.

Key words: family, family structure, family upbringing, family values, Patriarchal family relations, family unit of the townspeople and peasants.

Одной из древнейших форм человеческого существования является семья. Вся история человечества предстает как история выживания и развития семьи.

На протяжении столетий семья являлась самым прочным звеном общества и наиболее эффективным средством сохранения культуры народа. Именно в семейном быту и укладе, в закреплённой обычаями и порядками повседневной жизни хранится и передаётся из поколения в поколение та социальная посредственность, которая в нашей жизни играет не меньшую роль, чем биологическая.

Важная составляющая, объединяющая национальные традиции, менталитет, культурные и национальные особенности, зафиксирована в межличностных отношениях супругов и родстве в семье, в стереотипах поведения взрослых и от них передаётся ребёнку. Ребёнок с первых мгновений жизни (до осознанного восприятия своих действий и поступков) впитывает язык, веру, способы и нормы поведения, образ мышления, мировоззрение, социальные установки, систему ценностей. Установки (матрица поведения), усвоенные в семье, во многом определяют жизнь человека. Более того, социальные, экономические, политические отношения в обществе, его взгляды и нормы поведения моделируются по образу и подобию межличностных отношений в семье, т. е. человек действует по «программе», заложенной с детства. Совершенно точно отметил Антуан де Сент-Экзюпери, что «все мы родом из детства».

Именно в семье рождается полноценная личность, а в дальнейшем — полноценный гражданин общества. Первичная социализация в семье — это важный жизненный старт для ребёнка, фундамент для дальнейшего роста и развития. В семье в миниатюре представлена вся гамма человеческих отношений, свойственных большому обществу. Конечно, не следует сбрасывать со счетов важную роль дошкольных, школьных и других организаций в социализации молодого поколения, но семья по-прежнему остаётся на первом месте.

Основными ***типами русской семьи*** были:

1) простая, или малая семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми;

2) расширенная семья, включающая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях;

3) сложная, или составная семья, состоящая из двух и более супружеских пар [2].

В последнюю категорию входят и так называемые большие патриархальные отцовские или братские семьи, которые включают несколько поколений одного предка, образующих 3—5 и более супружеских пар, объединяющих иногда более 15 человек.

До XVIII века в России большие патриархальные семьи были распространены практически среди всех слоёв общества.

Домохозяйство могло состоять из одной брачной пары, которая включала в себя родителей и неженатых детей, или из двух и более брачных пар, члены которых находились в родственных отношениях (например, женатые дети, жившие вместе с родителями, женатые братья, ведущее совместное хозяйство, и т. д.).

Главным критерием единства нескольких брачных пар являлось наличие общего нераздельного имущества и одного главы, который управлял этим имуществом и вообще всеми делами в хозяйстве. Все члены одного семейства жили одним двором (не обязательно проживая в одной избе), вели одно хозяйство, имели общее имущество. Поэтому слова «хозяйство», «двор» и «семья» были синонимами.

Само понятие «семья» в современном значении не употреблялось вплоть до XVIII века, хотя само слово и существовало. Высшие сословия понятие «семья» подменяли понятием «дом», неслучайно широко известное наставление для глав семей носило название «Домострой». В крестьянстве понятия «семья», «семейство», «двор», «домохозяйство» даже в начале XX века были тождественными, они означали совокупность близких родственников, живших вместе и ведших одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином.

Семья была отражением социального строя государства. Исторически сложилось, что государство накладывает свой отпечаток на «ячейку общества» — семью. В разные исторические эпохи это происходило поразному и по-своему сказывалось на семейном воспитании [5].

Семейная организация горожан и крестьян в XVII веке не могла существенно различаться по той причине, что в это время большинство российских городов были аграрными, то есть главным занятием их жителей являлось сельское хозяйство [11].

Пословицы того времени очень чётко дают представление об отношениях мужа и жены («Не бьёт муж — не любит», «Жене спускать — добра не видать», «Жена не горшок — не расшибёшь» и др.), показывая авторитарность семейных отношений [3]. «Домострой учил мужа, как следует ему жену свою наказывать. За малую провинность — постегать плетью, а за "страшное ослушание" — "побить плетью снявши рубашку"» [4, с. 67].

К концу XVII века порядки смягчились, но незначительно. От побоев мужа жену могла спасти только сильная родня. Были случаи, что родня добивалась защиты у патриарха и властей, но даже в этих редких случаях виновные избегали серьёзного наказания.

Петровские преобразования ускорили историческое развитие России, затронув практически все сферы жизни [10]. Новому времени в связи с переменами (в государственном аппарате, мануфактурной промышленности, регулярной армии, флоте и пр.) нужны были новые люди, однако строй семейной жизни поддавался переменам с трудом. Забота о воспитании и образовании молодого поколения впервые в русской истории была возведена в ранг государственной политики, то есть власти стали прилагать большие усилия к тому, чтобы ввести всеобщее обучение дворянской молодёжи, приобщить её к службе как на военном, так и на гражданском поприще.

Пётр I не ставил целью видоизменить семейные отношения, но в итоге всеобщих преобразований шло формирование человека нового времени и одновременно менялся взгляд на предназначение жизни людей. Таким образом, патриархальные семейные отношения верхних слоев населения под давлением государства разрушились в силу следующих причин:

— резкое повышение образовательного уровня юношества неизбежно сказалось на взаимоотношениях детей и родителей в семье;

— изменились способы заключения брака (раньше родители могли решить вопрос о браке детей без их участия, теперь знакомст-

во молодых людей, вступающих в брак, стало обязательным, родителям также запрещалось приневоливать детей к браку);

— законы позволяли расстригать монашек, насильно отосланных родителями в монастырь;

— дворяне не имели права жениться до тех пор, пока не получат начального образования. При заключении брака они должны были представить «вечную память» — специальную справку об окончании цифровой школы.

Важным и значимым был известный «Указ о дураках» Петра I, опубликованный в 1772 году, смысл которого состоял в том, что тем дворянам, которые не годятся в службу, «отнюдь не женитца». Петром I была сделана приписка в черновике: «И замуж итит не допускать». Этот указ, таким образом, исключал из сферы брачных отношений не только непригодных к службе «дураков», но и слабоумных девиц.

Как свидетельствуют источники, по отношению к девушкам никакой процедуры не было установлено, а для юношей был введён особый порядок освидетельствования в Сенате. Сенат «смотрел» молодых людей, непригодных в науку и службу с тем, чтобы «не допускать их до брака, грозившего дать плохое потомство» и не сулившего «государственной пользы».

Как мы видим, в результате преобразований в стране среди дворян уже к середине XVIII века преобладающими стали малые семьи, чему в немалой степени способствовало введение обязательной службы дворян с 15-летнего возраста и ранний отрыв детей от родителей, хотя сами внутрисемейные отношения всё ещё строились на принципах иерархизма, всевластия главы семьи и т. д., то есть дети подчинялись родителям, жёны — мужьям.

Ещё одной особенностью дворянской семьи стало то, что на протяжение XVIII века дворянство постепенно отказывалось от традиционных русских обрядов и принимало европейские ритуалы семейной жизни.

Преобразования XVIII века затронули в большей степени дворянство, но крестьяне и городские низы в это время приняли на себя основную тяжесть реформ, в целом сохранив устоявшийся семейный строй и быт, — как утверждают историки, их время было ещё впереди.

Внутрисемейные отношения и уклад в Российской империи того времени регулировались законом, в соответствии с которым женщина была зависима от мужа. При выходе замуж женщина принимала звание, сословие и положение мужа. В «Своде законов Российской империи» и «Законов гражданских 1900 года» говорится, что «жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяину дома» [10].

Таким образом, можно сказать, что брачно-семейное законодательство XVIII и даже начала XIX века мало отошло от «Домостроя» и Уложения 1649 года. В России главенствовал принцип иерархизма и всевластия главы семейства, его беспрекословного авторитета для всех членов семьи.

Важно отметить, что уже во второй четверти XIX века в российское дворянство стали проникать идеи просвещения и романтизма, которые стали поднимать значение личности (как женщины, так и детей), чувство любви в жизни человека. Для этого периода характерно появление журналов для женщин, обсуждение русским общественным мнением вопроса женской эмансипации. Следовательно, внутрисемейные отношения в дворянском обществе постепенно начинают гуманизироваться.

В пореформенное время процесс демократизации семейных отношений в высших слоях общества пошёл значительно быстрее, потому что получил поддержку общественного мнения и правительственной политики по женскому вопросу.

Общественный подъем в России в 1850—1860-х гг. способствовал тому, что в прессе развернулась критика семейного права, была предпринята попытка создания нового гражданского кодекса, который предусматривал правовое равенство всех членов семьи, защищал их права, не устранял общих обязанностей перед семьей как единым целым, одним словом, создавал новый морально-юридический порядок. Главное — порядок в семье оставался таким же, как при хозяине-муже.

Как свидетельствуют источники, богатые купцы старались дать образование своим детям: сыновьям — для успешного ведения дела, дочерям — для престижа. Престиж образования в купеческой среде постепенно рос. С каждым последующим купеческим сословием уровень образованности повышался.

Со временем семейные традиции стали принимать и одобрять школьное образование: когда у купцов (которые сами в своё время обучались в учебном заведении) дети достигали школьного возраста, у родителей уже не было предубеждений против школ, и впоследствии выросшие дети сами охотно отдавали своих детей в училища и гимназии. Историк В. А. Скубневский отмечает, что с каждым последующим купеческим поколением уровень образованности повышался, и, как следствие, с образованными детьми приходилось больше считаться.

Следует отметить, что вплоть до начала XIX века среди городского населения (купцов, ремесленников, мещан и крестьян) всё ещё преобладали большие семьи с патриархально-авторитарными внутрисемейными отношениями, а глава семьи — «начальник семейства» — пользовался среди домочадцев практически неограниченной властью, распоряжался единолично семейным имуществом и судьбой каждого из членов семьи: «…женил детей по своей воле, мог отдать их работать на неопределённый срок даже без их желания, его распоряжения должны были выполняться беспрекословно, была использована физическая расправа в случае неповиновения и непослушания». Сыновья жили с отцом, как правило, до его смерти, а если и отделялись, то имущество делилось между братьями поровну, а младший сын (по традиции) оставался с родителями.

• *Жена* подчинялась мужу. В случае смерти хозяина вдова до совершеннолетия детей становилась главой семьи и выполняла все его функции, на неё записывалось хозяйство. Главным оставался порядок в семье, как и при хозяине—мужчине.

• *Дети* находились в полной власти и подчинении родителей. С раннего детства помогали родителям по хозяйству (в зависимости от половой принадлежности делились и обязанности по хозяйству — женские и мужские).

• *Воспитание и образование дети* получали главным образом дома, а когда вырастали, как правило, занимались тем же делом, что и их родители. Важно подчеркнуть, что совершеннолетие наступало в 15—16 лет, и с этого времени дети полностью включались в семейное дело.

• *Нравственные правила* того периода отличались строгостью нравов и жёстким контролем общественного мнения сексуальных отношений. Особенно это касалось женской части населения. Девушка до замужества не могла выйти из дома без разрешения родителей или старших братьев; а если ей надо было куда-нибудь идти, то, отпросившись, она должна была брать с собой вёдра на коромысле, чтобы соседи о ней не подумали как о праздно шатающейся по улице.

Таким образом, можно отметить, что в целом в XVIII — первой половине XIX века не существовало значительных различий во внутрисемейных отношениях между крестьянством, торгово-ремесленным населением и дворянством, хотя абсолютизм семейных отношений в городе был мягче, а женщины и дети более защищены от произвола патриархов (отцов).

«Семейное дело», которым распоряжался глава семьи, всё ещё оставалось приоритетным. Как отмечает В. Я. Лаверычева, в купеческой *среде* того периода патриархальная традиция, цементируемая властью денег, сохранялась и в начале века и являлась иногда источником семейных трагедий.

В городах на протяжении XIX столетия преобладающими были **сословные различия брачно-возрастных особенностей**, семейный уклад и быт различных социальных слоёв города во многом отличался от крестьянской семьи:

— *Дворяне* в 16—18 лет после поступления на государственную службу рано покидали родительский дом;

— *Военные и чиновники* поздно вступали в брак, и на это надо было спрашивать разрешение начальства;

— Дети *купцов, мещан, крестьян*, даже став взрослыми, не всегда могли отделиться, так как были привязаны к месту жительства своего сословия, семьи и профессии и поэтому часто должны были следовать начинаниям, положенным их родителями.

К середине XIX века малая семья среди городского христианского поселения стала уже распространённой формой семейной организации. Эти изменения в семейной структуре городского поселения происходили в связи с превращением аграрных городов в торгово-промышленные и под влиянием изменения законодательства о наследовании (до начала XIX века семейное имущество торгово-промышленного населения городов по закону являлось общим достоянием семьи, им

распоряжался её глава — отец, а дети находились в полной власти отца и не могли требовать раздела имущества при его жизни) [1].

В городах большая семья как форма семейной организации постепенно изживала себя, оставаясь лишь в отдельных группах городского населения (ремесленники, извозчики, купечество, старообрядцы и евреи) в силу их специфических, экономических и мировоззренческих особенностей (необходимо особо отметить сохранение большой семьи среди евреев и старообрядцев, когда семейная кооперация помогала их выживанию при правовых ограничениях).

Город постоянно испытывал приток семей, которые находились в стадии становления и обзаведения детьми, то есть простых семей 1—2 поколения, потому что большая часть переселенцев из деревни относились к молодым, недавно отделившимся семьям.

Что касается ***брачно-возрастных особенностей семей горожан***, то интересны следующие факты:

• уровень брачности в городской среде был ниже, чем у крестьян, — 6,7 и 8,9 браков на 1000 человек соответственно (данные за 1909—1913 гг.);

• в городах мужчины и женщины вступали в брак в более позднем возрасте, чем в сельских районах;

• средний возраст вступления в брак в городе был примерно на 3 года больше, чем у новобрачных в деревне, в крупных городах — больше, чем в городах средних или малых. Как отмечает Б. Н. Миронов, в 1910 году средний возраст вступления в брак у мужчин равнялся в крупных городах 27,7 года, в прочих городах — 26,8 года, в деревне — 24,8 года; у женщин — 24,3; 22,8 и 21,6 года соответственно [9].

Гончаров Ю. М. отмечает, что у купцов, чиновников и военных возраст вступления в брак был особенно высокий при достаточно большой средней разнице в возрасте супругов в 8—10 лет [2].

Купцы, жившие на доходы с капитала и стремившиеся прежде всего упрочить своё экономическое положение, считали, что жениться следует лишь после того, как налажено собственное дело и пущен в оборот наследственный капитал.

У *чиновников и служивого дворянства* брачный возраст отодвигался на более позднее время в связи с необходимостью получения образования и достижения определённого служебного положения, так как доходы низших чинов не позволяли прокормить семью.

Военные вступали в брак позднее всех в связи с трудностями службы.

В среде *мещан* и *городского крестьянства* возраст вступления в брак и возрастная разница супругов были меньше (в среднем 2—4 года), что объяснялось необходимостью иметь хозяйку в доме, а также традициями крестьянской семьи.

Гончаров Ю. М. выделяет два пика распределения браков по возрастам:

• большинство браков заключалось в возрасте от 18 до 25 лет;

• второй пик увеличения числа браков приходился на 30—32 года и был связан с повторными браками, которые заключались после потери брачного партнёра (при этом для мужчины и после 40 лет вероятность заключения брака сохранялась, а вот для девиц после 32 лет вероятность когда-либо выйти замуж падала и к 37 годам становилась малой).

Подавляющее большинство супружеских пар в городах состояло в ***первом браке*** — от 80 до 95 % [2].

Количество ***вторых браков*** было всё же довольно значительным — до 15—20 % от общего числа супружеских пар, что может свидетельствовать о том, что, овдовев, многие горожане довольно быстро женились повторно.

Доля ***третьих браков*** была незначительной и обычно не превышала 5 %.

Четвёртые браки являлись исключением, так как были запрещены православной церковью вне зависимости от каких бы то ни было жизненных обстоятельств. В том же случае, когда человек обманным путём вступал в четвёртый брак, на него налагалось тяжкое церковное наказание — эпитимия.

Важно заметить, что во второй половине XIX — начале XX века в России практически не было разводов, упоминающиеся в источниках случаи немногочисленны. Так, во всей огромной Российской империи в 1897 году было зарегистрировано всего 1132 развода. Причиной небольшого количества разводов было отрицательное отношение к ним православной церкви. Как констатирует G. H. Freeze [14], для получения развода была необходима санкция не иначе как Святейшего Синода — высшей церковной инстанции, при этом сле-

довало иметь очень серьёзную причину для расторжения брака, например: безвестное отсутствие одного из супругов более 5 лет, осуждение одного из супругов, прелюбодеяние. Прошение о расторжении брака подавали также ссыльные, если их супруги не пожелали следовать за ними в ссылку [14].

К концу XIX — началу XX века в стране появляется всё больше возможностей для некоторого экономического освобождения отдельных членов семьи (таких как отходники, солдаты на военной службе, женщины и подростки, работающие на производстве и т. п.), что привело к ослаблению роли главы семьи (отца) и упрощению внутрисемейных отношений. В этот период российское общество медленно, но неуклонно шло по пути защиты интересов женщин и детей, изменяя их социальный статус, что привело к началу кризиса патриархальных ценностей.

Социолог П. Сорокин в статье «Кризис современной семьи» [13] отмечает, что изменения, происходящие в семье с развитием капитализма, действуют так, что семья перестаёт существовать как целостная хозяйственная единица, что ведёт весь «уклад современной жизни к распаду семьи». Он указывает, что «разложение не остановилось, и чем дальше, тем идёт быстрее, и, по-видимому, в таком же направлении пойдёт и в будущем. Конечно, оно не ведёт к гибели семьи вообще. Семья как союз супругов и как союз родителей и детей, вероятно, останется, но формы их будут другими» [13].

Хотя кризис патриархальных семейных ценностей затрагивал только небольшую прослойку дворянства, буржуазии и интеллигенции, патриархально-авторитарные отношения в семьях большинства горожан, тем более у крестьянства, оставались господствующими.

Таким образом, следует отметить, что во второй половине XIX — начале XX века в семьях горожан действовали эволюционные процессы, которые происходили под воздействием урбанизации и развития капитализма.

В течение пореформенного периода семейная организация населения изменялась: малая семья постепенно становилась всё более распространённой среди горожан, сокращались размеры семей, упрощалась их структура, постепенно нивелировались сословные и региональные различия; очень важным моментом было разложение патриархального уклада.

Крестьянская семья была самой традиционной и меньше всего подверженной изменениям. Важно, что вплоть до начала XX века Россия по-прежнему оставалась крестьянской страной. В регулировании семейных отношений и ценностей в крестьянской семье главную роль играл не закон, а обычаи и традиции. Женитьба была моральным долгом каждого крестьянина. Такие взгляды поддерживались и православной церковью. Брачно-семейные отношения находились в поле зрения всего сельского общества и зависели от общественного мнения. Только женатые люди могли быть правомочными на сельских сходах, имели возможность получить в надел землю, завести самостоятельное хозяйство, для нормального существования которого необходимы как мужские, так и женские руки. Все это способствовало сохранению в российской деревне высокого уровня брачности вплоть до XX века.

В русской крестьянской семье, безусловно, преобладала большая отцовская семья, включавшая в большинстве случаев три поколения родственников.

Крестьянская семья не только выполняла семейные функции (брак, воспитание детей, родственная общность), но и, что не менее важно, являлась первичным производственным коллективом, который был основан на половозрастном разделении труда, где главную роль играл большак (глава семьи (отец) или старший мужчина), и семейное имущество находилось в коллективной собственности. Таким образом, отцовская крестьянская семья фактически являлась маленьким абсолютным государством, где большак распоряжался трудом всех членов семьи, разбирал семейные споры, наказывал провинившихся, следил за нравственностью, делал покупки, заключал сделки, платил налоги и являлся ответственным перед деревней, обществом и государством за поведение членов семьи. Только он всегда и везде представлял их интересы. Но под его властью положение членов семьи бывало незавидным, так как насилие признавалось совершенно нормальной и главной формой воздействия. Физически наказывались дети, страдали от побоев женщины, то есть отношения в семье определялись личной властью одних над другими и семейной иерархией, а быт при этом строго регламентировался. Молодые вступали в брак не по любви, а

по родительской воле, которая в данном случае отражала не прихоть старших, а интересы семьи в целом, и брак рассматривался как нечто подобное торговой сделке.

В крестьянской семье главенствовал принцип иерархизма и неравенства во всех семейных отношениях. Все члены семьи были принижены перед главой семьи, женщины — перед мужчинами, младшие — перед старшими, дети — перед взрослыми. И такой порядок казался вполне естественным для всех, и даже более того — единственно возможным.

Миронов Б. Н. отмечает, что «патриархальная крестьянская семья совсем не была идеалом, сосредоточием порядка, мира и благоденствия, которым казалась поверхностным наблюдателям крестьянского быта и до сих пор кажется некоторым ревнителям старины. В ней всегда были источники внутренних противоречий, напряжённости, которые лишь отчасти снимались благодаря веками выработанным нормам семейной жизни и семейного поведения» [8].

Именно такая крестьянская семья в наибольшей степени соответствовала условиям тогдашней жизни крестьян, так как авторитаризм обеспечивал достаточно высокую эффективность членов семьи на основе разделения труда.

Патриархальная семья защищала своих членов, давала приют немощной старости, страховала от болезней. Именно в соответствии такого типа семьи условиям нелёгкой крестьянской жизни был залог её долгого существования, целесообразности той системы семейных отношений, которые сегодня способны вызывать поспешную критику людей, выросших в совсем других условиях [2].

Вероятнее всего, именно в прочности устоев крестьянской семьи заключалась одна из причин скромных успехов всех реформ XIX — начала XX века. Эти реформы, проводившиеся Российским правительством сверху, не были подготовлены внизу, в первичных социальных группах — семьях, и противоречили традиционному укладу их жизни. С помощью реформ правительство пыталось внести в жизнь несвойственные народной крестьянской культуре отношения, а так как крестьянство составляло подавляющее большинство населения России (в 1914 г. — 85 %), это вызвало неприятие реформ. Лишь в городах, да и то по преимуществу в верхних слоях общества, которое успели трансформировать межличностные отношения в семье по европейскому образцу, реформы имели эффект.

Революция смела этот тонкий слой российского общества, и новый политический, социальный и экономический порядок опирался на крестьянство и рабочих, в массе своей ещё не расставшихся с крестьянским мировоззрением. Новый государственный режим в основных своих чертах воспроизводил в масштабе страны устройство русской крестьянской семьи и сельской общины: авторитаризм, демократический центризм, коллективизм, ограничение дифференциации, коллективную форму собственности, равенство прав и обязанностей, уравнительность, право на труд и право на социальную помощь.

Неслучайно, как отмечают исследователи, революционеры попытались сжечь «в пламени» революции и буржуазную семью, то есть одномоментная отмена брачно-семейного законодательства империи, дезорганизация брачно-семейного уклада, целенаправленное ослабление института брака и основанной на нём буржуазной морали были направлены именно против ценности городской семьи, которая укоренилась в Российской империи за предыдущие два столетия.

Хотя, как оказалось, семья в России являлась системообразующим институтом, в том числе и в политической структуре, поэтому в 30-х годах XX века Советское государство берёт курс на укрепление брака и семьи уже командно-административными методами, пытается опереться на семью при установлении тотального контроля над личностью. Лозунг «Крепкая семья — крепкая держава» входит в арсенал официальной идеологии [2, 3].

Гончаров Ю. М. [2] отмечает две специфические черты, которые отличают нашу страну от государства Западной Европы:

— значительная роль государства в семейной сфере;

— слабое развитие частной жизни, общественный характер семейных отношений, свойственный большинству населения дореволюционной России.

В нашей стране даже новые бытовые нормы внедрялись и контролировались сверху. Разложение патриархального семейного уклада также во многом было следствием государственных реформ, «революций сверху», которые правительство постоянно проводило

на протяжении XVIII—XIX вв. Русский человек никогда не мог сказать себе: «Мой дом — моя крепость». Его имущество, семья и даже его собственное тело принадлежало не ему самому, а государству. В соответствии с такими установками строилось семейное и общественное воспитание детей.

Таким образом, говоря об особенностях исторического развития семьи в России в период XVI—XX веков, можно сделать следующие выводы:

1. Само понятие «семья» в современном значении не употреблялось вплоть до XVIII века, хотя само слово и существовало.

2. В основе мировоззрения того времени лежал принцип «вселенской иерархии»: миром правит Бог, государством — царь, семьей — муж.

3. Характер внутрисемейных отношений в Российской империи регулировался законом.

4. Брачно-семейное законодательство XVIII и даже первой половины XIX века мало ушло от «Домостроя» и Уложения 1649 года.

5. «Указ о дураках» Петра I, опубликованный в 1772 году, запрещал дворянам, которые не годятся в службу, жениться.

6. В 1850—1860 годах общественный подъём в стране способствовал тому, что в прессе развернулась критика семейного права. Была предпринята попытка создания нового гражданского кодекса (хотя его проект так и не был принят), в котором было предусмотрено равенство всех членов семьи, защита их прав, одним словом, был создан новый морально-юридический кодекс.

7. При выходе замуж женщина принимала звание, сословие и положение мужа.

С течением времени семья перестает существовать как целостная хозяйственная единица. Но всегда государство и семья были взаимодействующими социальными институтами.

На наш взгляд, необходимо знать историческую, политическую, философскую, социологическую и другие стороны данного вопроса, так как семейное воспитание является основой формирования и развития личности любого человека. Историко-педагогический аспект данной проблемы дает нам возможность проследить за особенностями развития семьи как института, за происходящими в ней изменения, логикой воспитания и меняющимися методами и подходами и в дальнейшем найти обоснование для семейного воспитания современности.

---

1. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. Ростов н/Д, 1995. С. 488—492.
2. *Гончаров, Ю. М.* Историческое развитие семьи в России в XVIII — начале XX века / Ю. М. Гончаров // Преподавание истории в школе. М., 2001. С. 21—32.
3. *Даль, В. И.* Пословицы русского народа / В. И. Даль. М., 1999. С. 232—237.
4. Домострой / под ред. В. Сенина. СПб., 1992. С. 67.
5. *Дюльдина, Ж. Н.* К вопросу формирования семьи и семейных отношений в России в период XVIII—XIX веков / Ж. Н. Дюльдина // Реалии и перспективы образования и развития детей в XIX веке : Материалы Междунар. науч.-практич. конф. (заочн.). Ульяновск : Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2005. С. 269—272.
6. *Желобовский, А. И.* Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народнопоэтического творчества / А. И. Желобовский. Воронеж, 1892. С. 4—5.
7. *Лазовский, Н.* Личные отношения супругов по русскому обычному праву / Н. Лазовский // Юридический вестн. 1883. № 6—7. С. 359.
8. *Миронов, Б. Н.* Семья: Нужно ли оглядываться в прошлое? / Б. Н. Миронов // В человеческом измерении. М., 1989. С. 229.
9. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) / Б. Н. Миронов. Т. 1. СПб., 1999. 256 с.
10. Свод законов Российской империи. Т. IX. Свод законов гражданских. СПб., 1900. Ст. 107. С. 18.
11. *Семёнова, Л. М.* Очерки истории быта и культурная жизнь России (первая половина XVIII в.) / Л. М. Семёнова. Л., 1982. С. 12.
12. *Скубневский, В. А.* Заметки о духовном мире барнаульского купечества / В. А. Скубневский // Образование и социальное развитие региона. 1995. № 2. С. 113.
13. *Сорокин, П.* Кризис современной семьи / П. Сорокин // Ежемесячный журн. литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 3. С. 166.
14. *Freeze, G. H.* Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia / G. H. Freeze // The journal of Modern History. — 1990. Vol. 62, № 4. P. 733—735.

Г. А. Жаркова

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОМОГРАММ

Статья посвящена особенностям подготовки и проведения педагогических экспериментов, математической обработке их результатов. Для статистических гипотез проверки независимости экспериментальных данных, часто встречающихся в педагогических исследованиях, разработаны вычислительные номограммы, позволяющие обойтись без использования таблиц специальных функций.

Ключевые слова: педагогический эксперимент, информационная культура, индикаторы педагогического эксперимента, статистические методы, номограммы специальных функций.

G. A. Zharkova

STATISTICAL ANALYSIS OF PEDAGOGICAL EXPERIMENTAL DATA WITH NOMOGRAMS

This paper deals with the peculiarities of preparation and conducting pedagogic experiments as well as processing their results. We have developed computational nomograms for verification of statistical hypotheses of experimental data independency, which are widely used in pedagogical research. These computational nomograms can be used without tables of special functions.

Key words: pedagogic experiment, informational culture, indicators of pedagogical experiment, statistical methods, nomograms of special functions.

Педагогический эксперимент — основной метод «экспериментальной» педагогики, в ходе которого исследователь получает новые опытные данные, характеризующие изучаемое педагогическое явление, ставит и решает задачи оценки эффективности методов обучения и воспитания [1].

Планируя педагогический эксперимент, педагог определяет объект исследования, педагогические методы воздействия на него, описывает средства измерения результатов эксперимента. Объект измерения в педагогике — человек. В экспериментах это не абстрактное человеческое сообщество, а вполне конкретное множество людей, связанных одним учебным процессом, образованием, возрастом и т. п.

Среди бесконечного множества характеристик этого объекта нас будут интересовать только числовые переменные. Традиционно они подразделяются на индикаторы (их можно измерить непосредственно в ходе эксперимента) и латентные (скрытые, неявные) переменные (их невозможно измерить непосредственно). Математической (иногда метрической) моделью эксперимента называется связь или выражение индикаторов через латентные переменные (см. [2, 3]). Присвоение конкретных значений индикаторам производится в ходе специальной измерительной процедуры, в роли которой выступают тестирование, экзамен, контрольная работа и т. п. При необходимости достичь высокого качества педагогических измерений к подобным процедурам необходимо предъявлять общепринятые требования: объективность, полнота, воспроизводимость, непротиворечивость и многие другие. В данной работе мы не будем на этом останавливаться подробно, подразумевая выполнение всех необходимых требований.

Важно отметить, что числовое значение, присвоенное индикатору, представляет собой отметку на определенной шкале. Широко известны номинальная (наименований), порядковая (ранговая), интервальная (количественная) шкалы, шкала отношений (или пропорциональная шкала). В отдельных случаях приходится конструировать нелинейные шкалы, наиболее подходящие для данного эксперимента.

Сама формулировка цели эксперимента приводит нас к пониманию того факта, что

проверка гипотез будет иметь статистический характер и будет проводиться статистическим методом. В педагогических экспериментах это основной математический метод исследования. Его теоретическая посылка — представление о бесконечной генеральной совокупности. В математической статистике это понятие является абстракцией, отражающей представление, что эксперимент можно повторять бесконечно много раз. При этом предполагается, что относительная частота интересующего нас события обладает свойством статистической устойчивости, более того, при неограниченном возрастании объема выборки эта частота приближается к некоторому «истинному» значению [4, с. 165].

Однако эти предположения именно в педагогических экспериментах вызывают обоснованную критику. Причин здесь несколько: весьма ограниченные объемы выборок, слабая воспроизводимость результатов педагогических экспериментов, имеющая место из-за «человеческой» природы как объекта измерения, так и «прибора» измерения. Указанные обстоятельства иногда приводят исследователя к получению недостоверных результатов обработки данных, слабо обоснованных выводов, а то и к вульгаризации итогов исследования.

Статистический подход приводит к построению эмпирического распределения оценок, выделения интервалов, которым будет присвоена одинаковая итоговая оценка. При этом в исследованиях выдвигаются гипотезы о том или ином теоретическом распределении, которым якобы соответствуют полученные гистограммы, оцениваются параметры, проверяются критерии согласия и однородности, вычисляются доверительные вероятности и т. п. Все это, так или иначе, строится на предположении о статистической однородности результатов эксперимента и нормальности всех используемых распределений. Как уже отмечалось, эти предположения вызывают обоснованную критику и должны проверяться специальными процедурами.

Математические методы обработки данных и проверки статистических гипотез весьма развиты, разнообразны, однако содержат трудоемкие процедуры, включая табличные вычисления специальных функций. Здесь мы предложим алгоритмы, используемые в наиболее часто встречающихся в практике педагогических экспериментов статистических процедурах, но в которых вместо таблиц специальных функций используются вычислительные номограммы. При этом предварительные вычисления сведены к минимуму и могут быть осуществлены на обычном калькуляторе.

Номография — раздел вычислительной математики, в котором «инструментом» вычисления является специальный график (номограмма) и, возможно, геометрическое «устройство» — линейка [5]. Номограмма позволяет не только (и не столько) получить числовой результат, сколько по ходу решения провести минимальное исследование зависимости переменных величин, участвующих в задаче. Точность, достижимая в номограммах (2—3 верных цифры), вполне достаточна для приложений. Тезис «Цель расчетов — понимание, а не числа», безусловно, должен лежать в основе любого исследования педагогических данных.

Многочисленные справочники по математической статистике (см., например, [6]) содержат алгоритмы вычислений и подробные таблицы специальных функций распределений: нормального, Стьюдента, Фишера, хи-квадрат, но в них нет ни одной номограммы. По таблицам трудно даже для специалиста проанализировать соотношение между точностью оценок и их достоверностью. Число, считанное из таблицы или подсчитанное одним из мощных пакетов анализа статистических данных (SPSS, Statistika и пр.), представляется безапелляционной истиной, не подлежащей ни обсуждению, ни уточнению.

Первым алгоритмом статистической обработки педагогических данных часто является процедура проверки гипотезы о принадлежности экспериментальной выборки генеральной совокупности с нормальным распределением. Необходимость проверки этой гипотезы вызвана тем, что большинство статистических методов принятия решений основаны на предположении о нормальности распределений случайных величин. Причиной распространенности нормального распределения в прикладных науках, в том числе в педагогике, является общепринятое предположение о многочисленности и независимости факторов, влияющих на значение случайной величины — результата эксперимента, а также о том, что ни один фактор в отдельности не является определяющим.

Под выборкой будем понимать набор оценок, полученный в результате применения педагогического теста успешности обучения (или уровня формирования качества знаний, например, уровня информационной культуры личности [3] и т. п.) к группе объектов (школьников, студентов, слушателей). Предполагается, что с помощью применения различных методов шкалирования «оценка» обладает значительным числом фиксированных уровней, то есть представляет собой, по существу, количественную (интервальную) оценку, к которой могут быть применены любые математические процедуры.

Итак, в результате эксперимента получена выборка $\{x_i\}$, $(i = 1, \dots, n)$. Требуется проверить гипотезу *H*, что эта выборка извлечена из некоторой нормально распределенной генеральной совокупности. Параметры этой совокупности обычно неизвестны и определяются по выборке

$$a = \frac{1}{n}\sum x_i, \sigma = \sqrt{D},$$

где $D = \frac{1}{n-1}\sum(x_i - a)^2$ — несмещенная выборочная оценка дисперсии.

Вычислим нормированные значения выборки:

$$t_i = (x_i - a)/\sigma.$$

По известным свойствам нормального распределения, если гипотеза *H* верна, то $\{t_i\}$ будет выборкой из стандартной нормальной генеральной совокупности с параметрами $a = 0$, $\sigma = 1$.

Разобьем отрезок $[0;1]$ на k $(k = 2,3,\dots)$ одинаковых по длине промежутков и вычислим

$$z_j = \Phi^{-1}(j/k),\ (j = 1,2,\dots,k-1),$$

где $\Phi^{-1}(j/k)$ — обратная функция к функции стандартного нормального распределения.

Вычисление значений z_j упрощает номограмма, приведенная на рисунке 1. Достаточно нижнюю шкалу на номограмме разбить на *k* одинаковых частей, что легко сделать по специально нанесенным точкам разбиения в том случае, если *k* является делителем числа 24 (то есть *k* = 2, 3, 4, 6, 8, 12, 24). При этом на верхней шкале считываем значения z_j.

Тем самым мы получаем *k* непересекающихся промежутков: $(-\infty; z_1], (z_1; z_2], \dots, (z_{k-1}; +\infty)$.

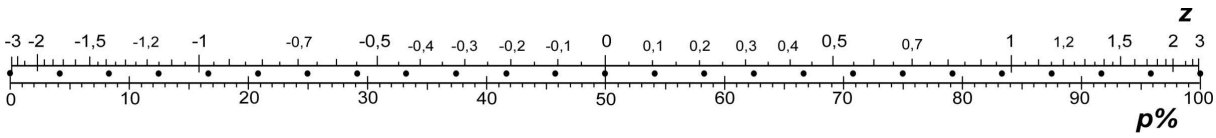


Рис. 1. **Номограмма для вычисления прямой и обратной функций распределения стандартного нормального распределения**

Подсчитаем количество элементов t_i выборки, попавших в каждый из этих интервалов. Пусть это будут числа n_j $(j = 1,2,\dots,k)$.

Очевидно, $\sum_{j=1}^{k} n_j = n$. Подсчитаем число

$$\chi^2 = \frac{k}{n}\sum_{j=1}^{k} n_j^2 - n. \qquad 1)$$

Это и есть величина χ^2 — мера отклонения экспериментального распределения выборки от стандартного нормального распределения.

Поясним этот факт преобразованием величины χ^2 из работы [4, с. 454]:

$$\chi^2 = \sum_{j-1}^{k}\frac{(n_j - np_j)^2}{np_j} = \sum\frac{n_j^2 - 2nn_jp_j + n^2p_j^2}{np_j} = \sum\frac{n_j^2}{np_j} - n = \frac{k}{n}\sum n_j^2 - n,$$

где p_j — вероятность нормальной стандартной случайной величины попасть в *j*-й из указанных промежутков, причем $p_j = \frac{1}{k}$ для всех *j* и $\sum p_j = 1$.

Как известно из работы [4, с. 457], если гипотеза *H* верна, то величина χ^2 должна быть мала, или она отличается от 0 только в силу случайных причин, точнее: большие отклонения χ^2 от 0 маловероятны. Это означает, что если величина χ^2 велика (произошло редкое событие), то гипотезу *H* следует отвергать. Однако следует понимать, что при этом мы можем допустить ошибку: отвергнуть все же верную гипотезу *H*!

Вероятность этой ошибки *p%*, то есть вероятность отвергнуть верную гипотезу о принадлежности рассматриваемой выборки некоторой нормальной генеральной совокупности, может быть подсчитана с помощью специальной номограммы, приведенной на рисунке 2.

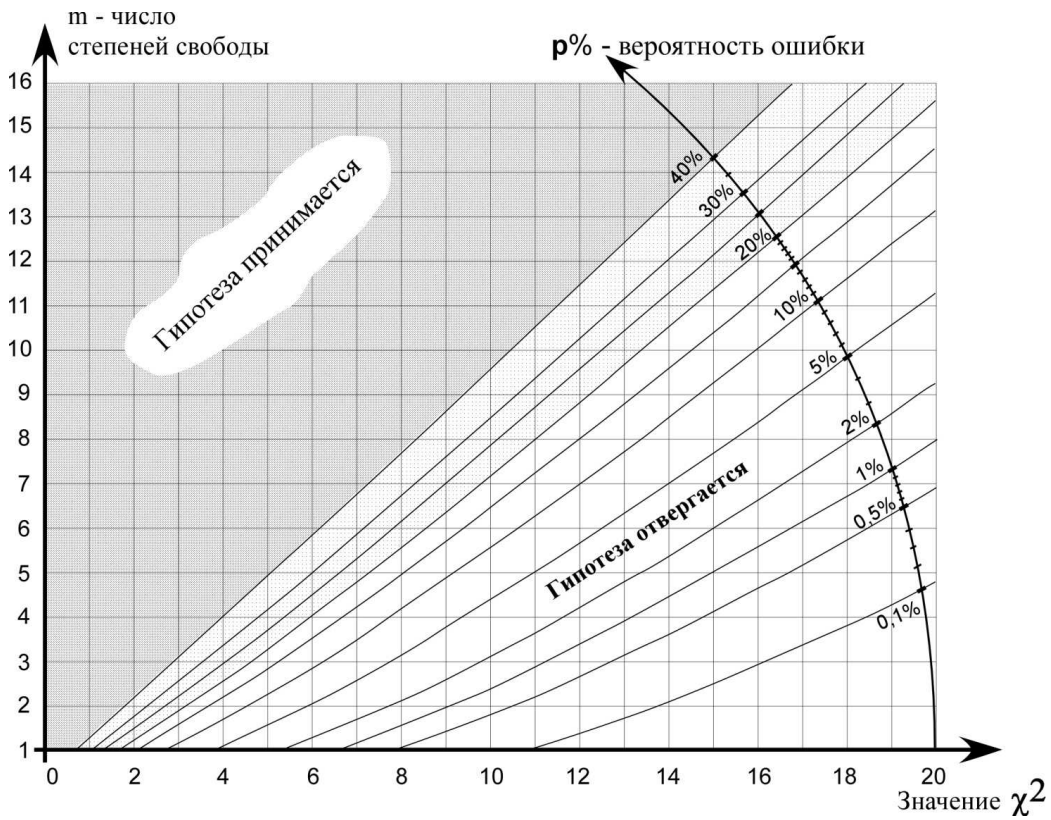


Рис. 2. **Номограмма для вычисления правосторонней функции χ^2-распределения**

Номограмма предназначена для решения уравнения

$$P_m(\xi > \chi^2) = p\%/100,$$

где ξ — случайная величина с χ^2-распределением с m степенями свободы.

При использовании номограммы потребуется указать параметр m — число степеней свободы. В нашем случае он подсчитывается так: $m = k - 3$, если параметры нормального распределения оценивались по выборке, $m = k - 1$ — если параметры нормального распределения были заданы заранее. Кривые на рисунке 2 представляют собой линии одинаковой вероятности ошибки *p%*.

Для «вычисления» достаточно известные два числа из трех (χ^2 и *m* или *p%* и *m*) отложить на соответствующих шкалах номограммы; тогда на третьей шкале можно прочитать значение недостающей переменной.

Если полученная вероятность ошибки *p%* велика (например, более 40 %), то гипотезу *H* можно принимать, то есть признать нормальное распределение рассматриваемой выборки. Более осторожным (но и более надежным) является совет повторить эксперимент, получить новую выборку и еще раз проверить гипотезу.

Если эта вероятность мала (например, 5 % и меньше), то гипотезу о нормальности распределения выборки следует отвергать. В промежуточных случаях исследователь должен принимать решение, опираясь на свой опыт и уровень ответственности за то или иное принятое решение.

Можно следовать рекомендациям справочников по статистической обработке данных: заранее задаться уровнем значимости *p%* (обычно *p* = 0,1; 1 или 5 %); зная число степеней свободы m, вычислить по номограмме значение $\chi^2 = \chi^2_{\text{крит}}$ (оно называется критическим *p*-процентным уровнем значимости). Теперь, если вновь вычисленное по выборке значение $\chi^2 > \chi^2_{\text{крит}}$, то наша выборка обнаруживает значимое отклонение от гипотезы *H* (то есть экспериментальное распределение значимо отличается от нормального распределения), и мы должны гипотезу *H* отвергать на *p%*-м уровне значимости. Вероятность того, что такое положение возникнет в случае, когда гипотеза на самом деле справедлива и, следовательно, была отвергнута ошибочно, равна *p%*. Если вычисленное значение $\chi^2 \leq \chi^2_{\text{крит}}$, то это значение можно считать совместимым с гипотезой *H*.

Для проведения этапа планирования педагогического эксперимента следует отметить, что чем больше число степеней свободы (то есть число k – количество интервалов разбиения), тем надежнее будут результаты. Однако при этом должно быть выполнено условие, чтобы все $n_j > 10$ [4, с. 457].

В качестве примера математического моделирования нами было сгенерировано по алгоритму Марсалье [7, с. 465] 1000 выборок по 1000 значений в каждой, выбранных из генеральной совокупности со стандартным нормальным распределением. Подсчитывая для каждой выборки величину χ^2 по описанной выше методике (для $k = 12$, $m = 11$), получили, что гипотеза о нормальности распределения выборки отвергается на 0,1 %-м уровне значимости ($\chi^2 > \chi^2_{\text{крит}} = 31{,}3$) всего 1 раз, на 1 %-м уровне значимости ($\chi^2 > \chi^2_{\text{крит}} = 24{,}7$) — 7 раз, на 5 %-м уровне значимости ($\chi^2 > \chi^2_{\text{крит}} = 19{,}6$) — 46 раз. Эти данные укладываются в расчетные величины для χ^2-распределения, что подтверждает как справедливость предлагаемой методики, так и хорошие качества использованного алгоритма генерации.

Отметим, что формула (1) подсчета величины χ^2 остается справедливой и для любого другого теоретического распределения генеральной совокупности. Например, для логарифмически-нормального распределения набор промежутков $(z_{j-1}; z_j]$, $(j = 1, 2, \ldots, k)$, вычисляется аналогично, но перед вычислением n_j значения выборки x_i следует прологарифмировать по любому основанию. Для равномерного распределения на отрезке [*a*; *b*] достаточно этот отрезок разделить на k одинаковых частей — это и будут точки z_j. Расчеты по номограмме на рисунке 2 сохраняют свой смысл, только следует учитывать, что величина χ^2 будет иметь необходимое распределение только в асимптотическом смысле $(\text{при } n \to \infty)$.

Часто при статистической обработке педагогических данных возникает необходимость проверки гипотезы о независимости двух выборок. Например, в ходе тестирования слушателей с целью оценки успешности обучения фиксировался возраст слушателя. Вопрос: возраст и оценка коррелируют друг с другом или нет?

Рассмотрим гипотезу о независимости двух случайных величин *X* и *Y*, представленных своими выборками $\{x_i\}$ и $\{y_i\}$. Подсчитаем выборочную ковариацию

$$cov(X,Y) = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n}(x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y}) = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} x_i y_i - \bar{x}\bar{y}$$

и вычислим выборочный коэффициент корреляции Пирсона

$$r = \frac{cov(X,Y)}{\sigma_x \sigma_y}. \qquad (2)$$

Он характеризует характер и силу линейной зависимости случайных величин между собой. Всегда выполнено неравенство $-1 \leq r \leq 1$. Для независимых величин $r = 0$. Если верна гипотеза о независимости случайных величин, то значение r должно быть близко к нулю, то есть отклонение r от 0 вызвано случайными, незначащими причинами. Оказывается [4, с. 438], в этом случае величина $t = \sqrt{n-2}\,r/\sqrt{1-r^2}$ имеет известное распределение Стьюдента с $(n-2)$ степенями свободы. Этот факт можно использовать для оценки вероятности ошибиться, отвергнув истинную гипотезу о независимости.

Подсчитаем в (2) числовое значение абсолютной величины коэффициента корреляции Пирсона $|r|$ для данной выборки. Под-

считаем по номограмме на рисунке 3 величину *p%*. Для этого достаточно обычной линейкой соединить две точки на соответствующих шкалах и на третьей шкале прочитать ответ. Это и будет вероятность ошибки, то есть вероятность отвергнуть верную гипотезу о независимости *X* и *Y*.

Если эта вероятность велика (например, более 40 %), то гипотезу о независимости следует принимать, то есть признать статистическую независимость этих случайных величин. Если эта вероятность мала (например, 5 % и меньше), то гипотезу о независимости следует отвергать, то есть признать статистическую зависимость этих случайных величин. В промежуточных случаях исследователь должен сделать вывод, опираясь на свой опыт и уровень ответственности за свое решение.

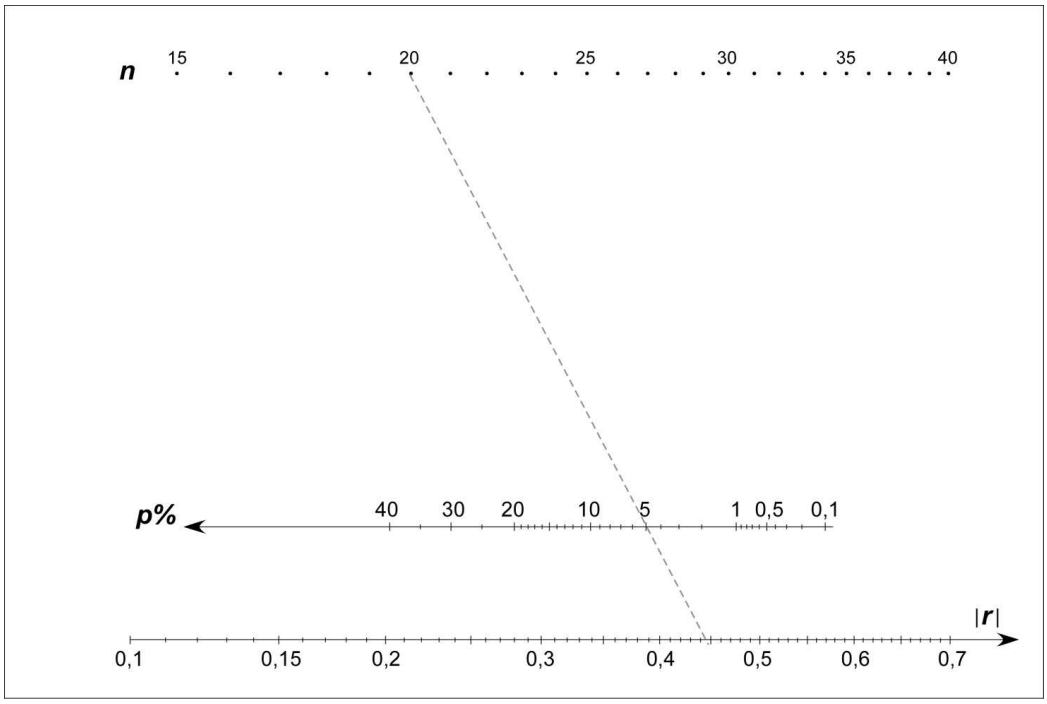


Рис. 3. **Номограмма из выравненных точек для распределения Стьюдента**
(здесь *n* — количество элементов выборки; *p%* — вероятность допустить ошибку, отвергнув верную гипотезу о независимости; r — выборочный коэффициент корреляции Пирсона)

Можно поступить иначе: задаться заранее доверительной вероятностью *p%* (например, p = 10 %) и увеличивать n (если это возможно на стадии планирования эксперимента) или уменьшать n (может быть, за счет отбрасывания недостоверных результатов эксперимента), пересчитывая каждый раз по новой выборке коэффициент корреляции r. Если при этом удается добиться, чтобы стало $|r| > \delta$ (критическое значение δ находится по номограмме на шкале $|r|$), то гипотезу о независимости *X* и *Y* можно отвергать. При этом вероятность ошибиться в случае, если гипотеза все же верна, будет не больше *p%*.

В педагогических экспериментах часто ставится задача статистически проверить влияние или эффективность того или иного педагогического воздействия (новой методики, формы, средства, приема и т. п.). В этом случае формируются две группы испытуемых: группа 1 из испытуемых, подвергнутых изучаемому воздействию, и так называемая «контрольная группа 2», оставшаяся без указанного воздействия. В обеих группах отслеживается одинаковый признак, например, достигнутый уровень информационной культуры личности (или просто успеваемость по рассматриваемому предмету). Признак квантуется на k уровней, которые могут быть выражены как в порядковой, так и в номинальной шкале.

По окончании эксперимента составляется таблица («таблица сопряженности») количества обучающихся в каждой группе, находящихся на каждом из уровней успеваемости (табл. 1).

Таблица 1

Сопряженность признаков

Успеваемость	Группа 1	Группа 2	Всего	Доли
Уровень 1	g_1	h_1	g_1+h_1	ω_1
Уровень 2	g_2	h_2	g_2+h_2	ω_2
…	…	…	…	…
Уровень *k*	g_k	h_k	g_k+h_k	ω_k
Всего	*m*	*n*	*m+n*	ω
			$\chi^2=$	…

Здесь $\omega_i = g_i/(g_i+h_i)$, $\omega = m/(m+n)$. Величину χ^2 теперь можно вычислить по формуле, удобной для практических расчетов [4, с. 485]:

$$\chi^2 = \frac{1}{\omega(1-\omega)}\left(\sum_{i=1}^{k} g_i\omega_i - m\omega\right). \qquad (3)$$

Вычислив в (3) по данным проведенного эксперимента величину χ^2 и сравнивая ее с $\chi^2_{\text{крит}}$, вычисленной по номограмме на рисунке 2 при $m = k - 1$ степенях свободы, принимаем решение о значимости изучаемого педагогического воздействия: если $\chi^2 > \chi^2_{\text{крит}}$, то гипотезу об однородности групп следует отвергать, и при этом вероятность ошибиться в случае, если гипотеза все же верна, будет не больше *p%*. В противном случае гипотезу об однородности групп по данному признаку можно принимать, что трактуется как отсутствие значимого влияния педагогического воздействия. Наоборот, неоднородность распределений трактуется как значимость исследуемого педагогического воздействия. Величину *p%* заранее берут малым числом (обычно 1, 5 или 10 %).

Статистическое обоснование данной процедуры следующее: число χ^2 является случайной величиной (так как зависит от случайной выборки), причем асимптотическое распределение этой величины известно. Если верна гипотеза об однородности двух выборок (то есть они извлечены из одной и той же генеральной совокупности), то значение χ^2 должно быть близко к нулю, и можно считать, что отклонение χ^2 от 0 вызвано случайными, незначащими причинами, причем вероятность этого отклонения может быть подсчитана.

1. *Жаркова, Г. А.* Использование вычислительных номограмм при обработке данных педагогических экспериментов / Г. А. Жаркова // Сибирский педагогический журн. 2012. № 3. С. 13—19.
2. *Аванесов, В. С.* Педагогическое измерение латентных качеств / В. С. Аванесов // Педагогическая диагностика. 2003. № 4. С. 69—78.
3. *Жаркова, Г. А.* Метрическая модель информационной культуры учащихся / Г. А. Жаркова // Сибирский педагогический журн. 2011. № 3. С. 84—92.
4. *Крамер, Г.* Математические методы статистики / Г. Крамер. М. : Мир, 1975. 648 с.
5. *Хованский, Г. С.* Номография и ее возможности / Г. С. Хованский. М. : Гл. ред. физ.-мат. лит-ры изд-ва «Наука», 1977.
6. *Гайдышев, И.* Анализ и обработка данных : спец. справ. / И. Гайдышев. СПб. : Питер, 2001. 752 с.
7. *Каханер, Д.* Численные методы и математическое обеспечение : пер. с англ. / Д. Каханер, К. Моулер, С. Нэш. М. : Мир, 1998. 575 с.

И. О. Новиков

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

В статье дан анализ актуальности патриотического воспитания в России на рубеже веков, на основе исследований общественного мнения показана роль средств массовой информации в этом процессе, дана оценка состояния уровня патриотизма в нашей стране.

Ключевые слова: патриотизм, Россия, молодежь, воспитание, духовность, патриот.

I. O. Novikov

IMPORTANCE OF PATRIOTIC UPBRINGING IN RUSSIA AT THE TURN OF XX—XXI CENTURIES

The article presents the analysis of the importance of patriotic upbringing in Russia at the turn of the centuries. On the basis of public opinion poll the author underlines the role of mass media in this process. He also assesses the level of patriotism in our country.

Key words: patriotism, Russia, youth, upbringing, morality, patriot.

В России происходят крупные позитивные изменения в социальной жизни и в экономике. Вместе с тем в новые условия перекочевала масса недостатков и упущений старой общественно-экономической системы, появились новые серьезные негативные явления, тенденции. Особенно сильной деформации подверглась система патриотического воспитания.

Объявив отжившим и неверным старое, руководство страны не смогло заменить его новой, тщательно обоснованной системой взглядов, духовных ценностей и целей дальнейшего развития страны, способных консолидировать общество, направить его по пути приемлемого для большинства цивилизованного развития.

Возникшая на фоне формационного излома духовная пустота в сознании россиян быстро начала заполняться у многих из них такими не свойственными им ранее качествами, как индивидуализм, эгоизм, национализм, стяжательство, стремление любыми путями и средствами получить выгоду за счет других и нередко в ущерб государству. Значительная часть населения оказалась униженной, оскорбленной, впала в бедность или нищету, потеряла уверенность в завтрашнем дне и веру в справедливость. Растущая преступность, прежде неведомая для россиян массовая наркомания, коррупция, взяточничество, «шоковая терапия» и дикие варианты предпринимательства и «рынка» заставили население страны сузить свои интересы до достижения единственной цели — выжить в создавшейся ситуации.

В результате в начале XXI века общество столкнулось с девальвацией и даже утратой чувства патриотизма, гордости за свою Родину, ее народ, историю и культуру великой страны у значительной части населения бывшего СССР.

О неблагополучном состоянии уровня патриотизма в начале XXI века говорят социологические исследования [1] этих лет. По готовности населения сражаться с оружием в руках за свою страну в случае агрессии Россия, всегда стоявшая впереди других (до 90—95 % взрослого населения в канун и годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.), находилась на 13 месте среди западных государств после Норвегии, Дании, Румынии, Польши, Швеции, Финляндии, Болгарии, Чехии, США, Исландии, Великобритании. В этих странах от 70 до 85 % населения изъявляли готовность с оружием защищаться от агрессора. У нас — всего около 60 %. А к нуждам армии 55—57 % нашего населения относятся равнодушно. Около 60 % выпускников вузов

хотят работать за рубежом. Этого же жаждут около 50 % их родителей. Только немногим более 50 % граждан России испытывают в той или иной степени гордость за страну.

Прежде чем ответить на вопрос, как получилось, что страна, отличавшаяся исторически высоким уровнем патриотического настроя населения, оказалась в таком положении, зададимся вопросом: Что такое патриотизм?

Так, в Толковом словаре Владимира Даля слово «патриотизм» трактуется как «любовь к Отчизне», а патриотом назван любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник… В Словаре русского языка С. И. Ожегова «патриотизм» — преданность и любовь к своему Отечеству, своему народу. Именно эти качества отличали людей исконно русских и тех, кто порой не имел прямой принадлежности к ним, чьи имена всегда будут ассоциироваться с именем Святой Руси и Великой России. Это Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр Великий, Александр Суворов, Александр Пушкин, Петр Багратион… На подпитываемой ими русской идее, на примере самой их жизни воспитывались многие поколения граждан нашего государства.

К сожалению, за последнее время Россия де-юре успела отказаться от системы основополагающих ценностей, закрепив в Конституции положение о том, что ни одна идеология не может быть признана государственной, не предложив ничего взамен. Это позволило развиться спекулятивным воззрениям на почве патриотизма. Многие из них представляли собой формы так называемого лжепатриотизма. У понятия «патриотизм» попытались отнять самостоятельность, сделать его разменной картой в процессе политической борьбы. Политизация патриотизма так же, как и его космополитизация, одинаково разрушительно влияют на понимание нашими соотечественниками смысла служения Отчизне. В первом случае срабатывает формула: «Что хорошо для меня — то хорошо для государства». Во втором, при космополитизации общественного сознания, на первый план выдвигается так называемая любовь ко вселенной, человечеству, а любовь к Родине объявляется практически несостоятельной, ненужной.

Концепция «просвещенного» патриотизма предлагает создавать политические теории на основе элементов различных идеологических концепций политики, например, социализма, капитализма. Это нереально: любовь к Родине не может быть привита искусственно, она всегда самобытна.

Сторонники «стыдливого» патриотизма, забывая великую историю нашего Отечества, как бы раскаиваются от имени государства за все его деяния, якобы причинившие беды и страдания как гражданам государства, так и странам-соседям. Такие мнения, мягко говоря, принижают роль нашей Родины в современном мире и в мировой истории, упрекая ее в том, что она еще жива и самостоятельна. К сторонникам «стыдливого» патриотизма близки поборники «скрытого» патриотизма, утверждающие, что любовь к Отчизне — дело сугубо личное для каждого человека, и она не может существовать как идея в рамках отдельной группы и всего государства.

Но, пожалуй, самая пагубная форма лжепатриотизма — это гиперпатриотизм, представители которого спекулируют на патриотических настроениях ради своих низменных целей и интересов. К типам гиперпатриотизма можно отнести такие воззрения, как национал-социализм, национализм, нацизм, шовинизм, фашизм.

При существовании обилия направлений лжепатриотизма в нашем государстве существует риск кризиса патриотического сознания. Для его преодоления необходимо с детства воспитывать в человеке патриота, объяснять ему, что такое хорошо и что такое плохо. Проблема такого воспитания усложняется и тем, что с середины 80-х годов о воспитании защитника Отечества стали думать только в узкоспециальном плане — в рамках допризывной и призывной подготовки молодежи к службе в Вооруженных Силах России. А в 1996 году в законе «Об образовании» вообще была сделана попытка переложить основной груз воспитания на семью, оставив у государства только гарантии образования человека, что могло констатировать неспособность далее заниматься воспитанием гражданина. Представляется, что патриотизм — понятие очень широкое. Это прежде всего состояние души, которое выражается в неравнодушии к судьбе Отечества, в способности сопереживать не с народом в целом, а с наиболее обездоленными его слоями и с наиболее униженными отдельными представителями, в способности испытывать щемящую боль

и окрыляющую радость от происходящего в стране. Этим состоянием определяются и мысли, и слова, и поступки человека-патриота.

Если исходить из сказанного, то настоящими патриотами в стране остались практически только люди старшего поколения, которые помнят свою страну великой, уважаемой, вся жизнь которых соткана не из личных дат и событий, а из общенародных свершений. И это ни для кого не секрет, так как подтверждается данными социологических опросов, статистических подсчетов и всей российской действительностью.

Как известно, в 90-е годы вследствие обострения кризисных явлений во всех сферах общественной жизни произошел резкий спад в деятельности государства по формированию духовно-нравственных ценностей и патриотическому воспитанию граждан. А ведь в нашей стране еще с давних времен образования централизованного государства общественное сознание россиян всегда отличалось беззаветной преданностью Отечеству, гордостью за принадлежность к великому народу, почитанием национальных святынь.

Особенно трагичным является духовно-нравственное падение в среде немалой части современной молодежи, которое может обернуться разрушительными последствиями в будущем.

Социологические исследования, проведенные в начале XXI века, свидетельствуют о том, что в 90-е годы было выхолощено и в значительной степени деформировано глубоко нравственное чувство любви к Отечеству. Ценности нашей многовековой культуры, как народной, так и классической, нередко вытесняются стереотипами массовой культуры, ориентированными на западные стандарты, прежде всего американский образ жизни. Можно сказать, героем нашего времени и в определенной степени образцом для подражания выставляется некий «негативный лидер» — эгоистичный, циничный, агрессивный, примитивный, но преуспевающий и добивающийся успеха, не считаясь со средствами.

Опыт последних лет показывает, что в попытках ослабления и даже разрушения российской государственности особые усилия предпринимаются в сфере информации и информационных технологий. Внешняя информационная экспансия, распространившаяся и оказывающая активное воздействие на сознание граждан России, самым негативным образом влияет не только на нравственное, но и на психическое здоровье большого количества населения, усиливая нестабильность в обществе в связи с трудностями переходного периода. Социологические опросы свидетельствуют о доминировании негативных психических состояний среди всех категорий россиян: тревоги, беспокойства, неуверенности (около половины респондентов), ощущения незащищенности (более 80 % опрошенных). В последнее время общественное мнение обеспокоено западной социокультурной экспансией. Установлено, что повсеместное господство западных товаров и названий наносит определенный ущерб патриотическому воспитанию. Например, высокоразвитая индустрия кино США делает возможным использование ее и в пропагандистских целях. Известно, что многие американские фильмы продаются прокату, к примеру, в Египте, Сирии, России и многих других странах за символическую цену для завоевания максимально широкого сектора рынка идей и ценностей. СМИ выполняют многообразные функции, в том числе информирования населения о событиях, происходящих в стране и мире; образования и социализации; рекламы; развлечений; научного и культурного просветительства и т. д. С помощью СМИ массовая культура в различных ее вариантах формируется, распространяется и сохраняется. Очевидно, что они играют важную роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания.

Например, в 2002 году Единым научно-методическим центром [2] Комитета по культуре Правительства Москвы совместно с Институтом социально-политических исследований РАН проведено социологическое исследование «Молодежь Москвы о средствах массовой информации». В нем участвовали молодые москвичи в возрасте 14—30 лет: учащиеся школ и колледжей, студенты, рабочие, служащие, представители интеллигенции, военнослужащие, не занятые на производстве, безработные, домохозяйки и др.

На вопрос о том, из каких источников они получают наиболее интересную, полезную информацию о жизни молодежи, ответы распределились следующим образом (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, на первом месте оказалось телевидение. Радио в

последние годы переживает период подъема, оно на втором месте по своим информационным возможностям. В основном это новые радиостанции, ориентированные в своей деятельности на молодежную аудиторию, чьи информационно-музыкальные программы пользуются большой популярностью и отражают как музыкальные пристрастия, так и «околомузыкальную» жизнь, освещают широкий спектр молодежных проблем.

Таблица 1

Источники информации о жизни молодежи
(в % от числа опрошенных)

Источник информации	Число опрошенных
Телепрограммы	27,7
Радиопрограммы	19,1
Газеты	14,3
Журналы	18,2
Сеть Интернет	12,3
Слухи	8,1
Другие источники	0,3

Как видно из приведенных данных, на первом месте оказалось телевидение. Радио в последние годы переживает период подъема, оно на втором месте по своим информационным возможностям. В основном это новые радиостанции, ориентированные в своей деятельности на молодежную аудиторию, чьи информационно-музыкальные программы пользуются большой популярностью и отражают как музыкальные пристрастия, так и «околомузыкальную» жизнь, освещают широкий спектр молодежных проблем.

Потребление информации, особенно молодой частью населения, возрастает в последние годы необычайно стремительными темпами. Количество ее становится все большим, а потребление всеядным. Человеку становится все труднее усвоить, систематизировать и осознать весь объем получаемой информации. В ходе исследования молодым респондентам был задан вопрос, сколько времени они уделяют тем или иным информационно-культурным источникам. Лидирующие места заняли телевидение и радио, а в «арьергарде» оказались книги (табл. 2).

Как известно, информация может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие. К сожалению, приходится констатировать, что на рубеже веков информационное воздействие СМИ носило в значительной степени деструктивный характер, в совокупности с другими факторами оно способствовало тому, что за период, истекший с конца 80-х годов, выросло новое поколение россиян, в духовном отношении значительно отличающееся от предыдущих. Прежде всего, это отличие заключается в падении уровня культуры и образования, утрате стремления к духовному самосовершенствованию, веры в духовные идеалы. На смену этим духовным характеристикам пришли новые ценности, заимствованные из западного общества потребления, такие как стремление к обогащению и карьере, культ силы, денег и власти. В качестве примера такой продукции можно привести телерепертуар только одного дня: «Любовь со смертью» (о похождениях молодой некрофилки), «Колдовская любовь» (сочетание черной магии и «тяжелой» эротики), «Космическая морская пехота» (о «крутых» американских парнях, наводящих «американский порядок» в космических просторах), «Главная цель» (о повадках, приемах и зверствах американской мафии — учебное пособие для доморощенных российских бандитов), «Бандитский Петербург» (поделка уже отечественных мастеров экрана, фильм, изобилующий перестрелками, поножовщиной, трупами и кровью). А чего стоят блоки телевизионных новостей, где все та же кровь и те же трупы и катастрофы!

Таблица 2

Время, уделяемое информационно-культурным источникам (в % от числа опрошенных)

Источник информации	1—2 ч	3—4 ч	Более 4 ч	Не уделяю
Чтение газет и журналов	56,4	20,5	4,7	18,4
Прослушивание аудио- и видеокассет	46,8	22,7	9,3	21,2
Видеофильмы	43,8	24,6	7,3	24,3
Телепередачи	43,6	36,8	14,3	5,3
Изучение специальной литературы, учебников	36,9	12,1	5,1	45,9
Радиопередачи	35,5	26,9	14,9	22,7
Чтение художественной литературы	34,3	15,7	7,5	42,5

Особенно массированному воздействию подвергались подростки и молодежь как наиболее поддающаяся информационно-психологическому влиянию и наиболее перспективная, ориентированная в будущее категория населения, от которой решающим образом

будет зависеть состояние и ценностные ориентации общества будущего.

При подсчете ответов молодых людей на вопрос «Какие каналы телевидения Вы чаще всего смотрите?» рейтинговая таблица сложилась следующим образом.

На первом месте были крупнейшие и самые мощные по составу журналистов телевизионные компании — НТВ, ОРТ и РТР. Каналы ТВЦ (2,6 %), «Культура» (2,2 %), «Столица» (1,5 %) и «Московия» (1,1 %) оказались почти в конце рейтинговой таблицы, в 7—15 раз уступив по популярности телевизионным гигантам. На вопрос «Какие радиостанции Вы чаще всего слушаете?» участники опроса ответили так: «Европа+» (14,4 %), «Русское радио» (13,0 %) и «Наше радио» (9,9 %). Эти радиостанции снискали популярность в молодежной среде благодаря вниманию к актуальным молодежным проблемам, обилию модной музыки и модным («культовым») ведущим (табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг радиостанций среди молодежи
(в % от числа опрошенных)

Название	Количество
Европа+	14,4
Русское радио	13,0
Наше радио	9,9
Maximum	9,0
Лав-радио	8,4
Хит-FM	7,2
Станция-2000	6,9
На семи холмах	4,6
Серебряный дождь	4,0
Динамит-FM	3,7
Радио-рокс	3,4
Радио-ретро	2,7
Ностальжи	2,6
Маяк	2,5
Радио России	2,5
Русский шансон	1,8
Эхо Москвы	1,5
Другие	1,1
Модерн	0,7

Печатной периодике молодежь уделяет значительно меньше внимания. По охвату аудитории печать намного уступает электронным СМИ. Однако в самой среде печатных изданий не прекращается жестокая конкуренция. Не выдерживая ее, многие издания (далеко не самые худшие) прекращают свое существование, другие отдаются во власть крупных компаний, банков, третьи борются за существование, пытаясь изменить свое лицо, четвертые скупаются зарубежными компаниями.

Какие газеты и журналы читает молодежь, можно видеть из таблицы 4.

Таблица 4

Рейтинг печатных изданий
(в % от числа опрошенных)

Название	%	Название	%
Московский Комсомолец	14,3	FUZZ	1,8
Аргументы и факты	12,8	Российская газета	1,7
Комсомольская правда	8,2	Труд	1,5
Афиша	5,4	Штучка	1,5
Коммерсант	5,1	Советская Россия	1,4
ОМ	4,6	Неон	1,4
Независимая газета	3,9	Тусовочка	1,3
Птюч	3,9	Российские вести	1,2
YES!	3,8	Студенческий меридиан	1,2
Молоток	3,6	Сегодня	1,0
Известия	2,7	КТО?	0,9
COOL GIRL	2,6	Завтра	0,8
Криминал	2,4	Башня	0,8
COOL	2,4	Твое время	0,6
Совершенно секретно	2,3	Красная Звезда	0,4
Газеты административных округов	2,2	Правда	0,4
Вечерняя Москва	1,8	Правда Москвы	0,1

Пропагандистское, идеологическое, психологическое воздействие обычно направлено на формирование нового мировоззрения, типа поведения, изменения шкалы ценностей. При этом особенности воздействия состоят в том, чтобы привести получателя сообщения к решению, по тем или иным причинам выгодному для коммуникатора. Например, большинство молодежных СМИ внушают своей аудитории искаженный, негативный характер всего советского периода российской истории, разобщая тем самым поколения «детей» и «отцов», для которых эти «черные страницы» — сама жизнь.

Подобной ситуации не было и нет, пожалуй, ни в одной стране мира. Преемственность исторических, культурных, государственных традиций — основа и гарантия существования и поступательного развития нации, общества и государства. С начала 90-х годов молодежная (в особенности городская!) культура все более отрывается от культуры поколений, национальных традиций, приобретая некий «наднациональный», космополитиче-

ский характер. Это проявляется в моделях поведения, языке, культурных пристрастиях, литературных увлечениях, особенно в популярной молодежной музыке, где национальные традиции все более утрачиваются.

По результатам социологического исследования, оценки молодежи и мнения родителей, старших по вопросам молодежной жизни, музыки и т. п. совпадают «часто» лишь в одном случае из десяти, совпадают «иногда» в 50 % случаев, не совпадают «никогда» в каждой десятой семье. Но наибольшую тревогу вызывает тот факт, что в каждом четвертом случае эти проблемы вообще «не обсуждаются вместе», что свидетельствует о высокой степени разобщенности поколений, не только об отсутствии взаимопонимания, но и об отчужденности подростков и молодежи в семье, в школе, в институте, на производстве. Подрастающие поколения все более утрачивали национальный менталитет, национальную гордость; внушаемый им комплекс некоей «национальной вины» перед всем остальным миром, «национальной неполноценности» толкает их на заискивание перед Западом, культурную мимикрию.

Подавляющее большинство американских фильмов, героизируя и романтизируя образ американского солдата и американской армии, одновременно в гротескно-насмешливом или критическом ракурсе изображает советскую и российскую армию, русского солдата. Большинство проамерикански настроенных молодежных журналов, выходящих в нашей стране, таких, например, как Cool, Cool girl, Yes!, «Птюч», «Ом», открыто или завуалированно внушали (и внушают. — *И. Н.*) антироссийские, проамериканские настроения, пропагандируют бездуховность, культ наживы, сексуальную распущенность, наркоманию.

Таким образом, на рубеже XX—XXI вв. происходила подмена исторически сложившихся морально-ценностных установок, сформировавшихся веками и заложенных в основу образа жизни нашего народа. Не нужно голода, эпидемий, войн, чтобы уничтожить будущее народа. Достаточно отравить сознание подрастающего поколения, заставить его забыть свою историю, навязать чужие взгляды, противные самой природе выживания этноса.

---

1. Информационно-аналитический сб. «Симптон». М., 2003. № 4; Информационно-аналитический сб. М., 2002. № 3; Исследования соискателя, г. Пенза, г. Ульяновск, 2004 и др.
2. Информационно-аналитический сб. «Симптон». 2002. № 3(1121). Исследовательский коллектив: рук. — В. К. Сергеев — директор ЕНМЦ, к. и. н., заслуженный работник культуры России, В. Г. Донской, Е. М. Ковалев, Е. Ю. Ладенкова, д. ф. н. И. А. Сосунова, д. с. н. В. И. Чупров.

Н. Е. Руднева

ЭЛЕМЕНТЫ ИННОВАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ДИСЦИПЛИНЕ «РИСУНОК» КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРОВ

В статье раскрываются способы развития целостного отношения и системного подхода к созданию художественного произведения специалистов-дизайнеров на примере учебного задания по рисунку «Архитектурные образы Симбирска», включающего элементы инновационных способов обучения.

Ключевые слова: профессионально-художественная подготовка, инновационные методы обучения, системный подход к созданию художественного произведения.

N. E. Rudneva

ELEMENTS OF INNOVATIVE TEACHING DURING «DRAWING» CLASSES AS A PART OF DESIGNERS PROFESSIONAL TRAINING

The article describes the ways of development of holistic relationship and systematic approach to creations of designers. As an example the author analyzes a task to draw «Architectural images of Simbirsk», which includes some elements of innovative ways of teaching.

Key words: professional art training, innovative methods of teaching, systematic approach to work of art creation.

Цели и задачи процесса профессиональной подготовки дизайнеров взаимосвязаны с социально-экономическим и культурно-эстетическим развитием общества. На сегодняшний день обществом предъявляются высокие требования к профессиональной подготовке дизайнера, творческим способностям и общему культурному уровню специалистов. Возникает сложность, связанная с невозможностью широко и полно охватить в рамках образовательного процесса достаточно большой объем информации различных областей знаний, накопленных обществом в процессе его развития, например, в науке и технике, истории архитектуры, искусства, развития города и городской инфраструктуры. Проблему формирования профессиональной культуры и компетентности специалистов-дизайнеров невозможно решить в рамках какой-либо одной дисциплины. Это актуальный вопрос не только для профильных дисциплин подготовки специалистов-дизайнеров, но и для дисциплин общехудожественного блока.

В системе профессионально-художественной подготовки следует раскрыть потенциал личности, основанный на ее природных данных, и развивать его в процессе обучения, учитывая специфику деятельности будущего специалиста [1]. Это возможно при ориентации данного процесса на инновационный тип обучения с использованием активных методов, стимулирующих познавательную и исследовательскую деятельность студентов, строящихся на диалоге и свободном обмене мнениями. Целесообразно в данной ситуации научить использовать различные методы работы с информацией, учитывая особенности восприятия и усвоения информации, эстетического мышления творческой личности [2].

Цели учебного рисунка вытекают из целей и задач подготовки специалистов, деятельность которых тесно связана с предметно-пространственной средой и изобразительным искусством, — дизайнеров, художников, архитекторов, скульпторов. Создание объекта дизайна, как и в любом другом случае, связанном с художественной деятельностью, основано на воплощении художественной идеи, что напрямую связано с умением графически выразить её либо на эскизно-поисковом этапе, либо в конечном продукте.

Учебный рисунок развивает у художника-дизайнера художественно-образное отношение, формирует умение передать свой замысел. Существуют проблемы, связанные со слабой профессиональной подготовкой аби-

туриентов и низким общим культурным уровнем. Поэтому возникает необходимость, кроме курса заданий, направленных на репродуктивную работу с натурой, ввести в программу академического рисунка задания, отвечающие требованиям принципов инновационного обучения [2].

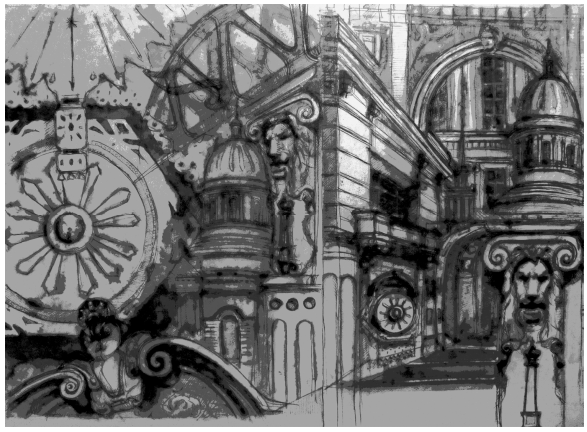
В рамках программы по академическому рисунку на 3—5 курсах специальностей «Дизайн» и «Искусство интерьера» было введено задание — художественная композиция «Архитектурные образы Симбирска». Целью данного задания является воспитание творческого характера восприятия архитектуры, умение формулировать концепцию и точно передать её через визуальный ряд, формирование объёмно-пространственного мышления и навыков художественной композиции, графической стилизации. Задание помогает развить целостное отношение и системный подход к созданию художественного произведения. Задание состоит из нескольких этапов:

— ***сбор материала*** — на данном этапе студентам было предложено выполнить наброски и зарисовки архитектурных сооружений и архитектурных элементов, улиц или общественных интерьеров. После проведённой подготовительной работы совместно со студентами проводился анализ собранного материала и формулировался «проблемный вопрос». Из профессионально необходимых характеристик творческой личности можно обозначить следующие: активный поиск и открытие проблем, требующих решения, умение генерировать идеи, создавать концепцию;

— ***исследование*** — на основе сформулированных на первом этапе вопросов студентами была проведена исследовательская работа с литературными источниками об истории архитектуры города. Результатом работы было написание студентами эссе, которое раскрывает концепцию их работы;

— ***художественное исполнение*** — в творческом процессе которого студентами выполнялись несколько эскизных вариантов художественно-архитектурной композиции по изученной ими теме и графическая работа по лучшему из разработанных эскизов.

Применение этого задания в образовательном процессе профессиональной подготовки дизайнеров позволяет на практике освоить законы художественной композиции, композиционной организации художественного произведения и создания художественного образа, а также формирование навыков воплощения замысла в конкретном материале, что является немаловажной составляющей в профессиональной подготовке дизайнера. В целом, формирование графической культуры в системе профессиональной подготовки будущего художника-дизайнера имеет огромное значение. Изучение графических материалов и их свойств, постоянный творческий эксперимент с различными техниками и приёмами способствуют развитию личных способностей и повышению творческого потенциала в самостоятельной профессиональной и творческой деятельности.



«Калейдоскоп архитектуры» (Решетникова А., 5 курс)

«Гений Августа Шоде» (Нуруллин А., 3 курс)

1. *Вилкова, А. А.* Графическая стилизация : учебно-методическое пособие / А. А. Вилкова, Н. Е. Руднева. Ульяновск : УлГУ, 2009. 96 с.
2. *Грудзинская Е. Ю.* Мастерская активного обучения : методическое пособие. Ч. 1 / Е. Ю. Гудзинская, В. В. Марико. Н. Новгород, 2006. 79 с.
3. *Смирнова, М. А.* Архитектурно-художественный образ в графической композиции : методические разработки / М. А. Смирнова, О. Н. Сокарева. Екатеринбург : Архитектон, 2007. 54 с.

С. А. Савик

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена проблеме подготовки офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь на современном этапе. Автор раскрывает особенности дальнейшего развития созданной к 2007 году системы подготовки офицерских кадров Беларуси.

Ключевые слова: национальная военная школа, военная академия, военные факультеты, военная довузовская подготовка, вооруженные силы, офицерские кадры, военное образование, военно-учебные заведения.

S. A. Savik

OFFICERS' TRAINING FOR THE REPUBLIC OF BELARUS ARMED FORCES

The article is devoted to the problem of officers' training for the Republic of Belarus Armed Forces on the contemporary stage. The author reveals the features of further development of the system of Belarus officers' training which was launched in 2007.

Key words: national military school, Military Academy, military departments, military pre-university training, armed forces, officers, military training, military training school.

Распад СССР и обретение Республикой Беларусь (РБ) в 1991 году реального суверенитета потребовали глубоких и кардинальных преобразований в отечественной военной сфере, в том числе в подготовке национальных военных кадров. В тот сложный для страны период Беларусь испытывала острую нужду не только в национальных офицерских кадрах, но и в финансовых возможностях по их подготовке. В условиях жесточайшего социально-экономического, политического и идеологического кризиса в РБ, вызванного развалом СССР, военно-учебные заведения на ее территории, несмотря на попытки их ликвидации, были не только сохранены, но и стали развиваться[1]. За короткий исторический период (1991—2006 гг.) в Беларуси была создана национальная военная школа по подготовке офицерских кадров (включающая высшую военную школу и военную довузовскую подготовку). Подготовлено и направлено в войска около 11 тысяч молодых офицеров, в том числе более 700 офицеров оперативно-тактического звена (с высшим военным образованием) — выпускников командно-штабного факультета Военной академии Республики Беларусь (ВА РБ) [1, л. 300—318; 2, л. 91—98; 3, л. 3—8]. Ежегодно осуществлялась подготовка около 1100 офицеров запаса.

Венцом реализации реформы системы подготовки офицерских кадров стало создание в 2006 году в структуре ВА РБ факультета Генерального штаба Вооруженных Сил (далее — ФГШ) и начало реализации в образовательном процессе подготовки офицерских кадров по специальности «Государственное и военное управление» в новой группе специальностей — «Управление воинскими формированиями на оперативно-стратегическом и стратегическом уровнях, обеспечение их деятельности».

В дальнейшем (2007—2012 гг.) совершенствование системы военного образования в РБ[2]

[1] После распада Советского Союза на территории Республики Беларусь остались два военных училища, осуществлявших подготовку офицерских кадров: Минское высшее инженерное зенитное ракетное училище ПВО (с 4 мая 1953 г.) и Минское высшее военно-политическое общевойсковое училище (с 10 мая 1980 г.), которые впоследствии явились фундаментом для создания в 1995 году Военной академии Республики Беларусь.

[2] В настоящее время подготовка военных кадров в стране осуществляется в учреждении образования «Военная академия Республики Беларусь», на семи военных факультетах и четырех военных кафедрах в гражданских учреждениях образования. Подготовка офицерских кадров осуществляется также в военных учебных заведениях Российской Федерации.

проводилось по следующим направлениям, обеспечивающим повышение качества подготовки офицерского корпуса для Вооруженных Сил.

1. **Совершенствование нормативной правовой базы в области военного образования** с учетом соответствующих изменений в национальной системе образования. Порядок организации отбора и направления граждан РБ на обучение в учреждения образования РБ и других государств, осуществляющие подготовку офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь (ВС РБ), определило соответствующее Постановление Министерства обороны РБ (МО РБ) от 22 марта 2007 года № 16.

В целях повышения качества подготовки военных кадров был издан приказ министра обороны РБ от 22 декабря 2007 года № 1074 «О совершенствовании системы управления подготовкой военных кадров», в котором определены основные направления деятельности должностных лиц центральных и иных органов военного управления, командиров соединений и воинских частей, начальников военно-учебных заведений и военных комиссаров по подготовке офицерских кадров.

Порядок организации и проведения обучения граждан РБ по программам подготовки младших командиров и офицеров запаса на военных факультетах (военных кафедрах) учреждений высшего и среднего специального образования определяет Инструкция, введенная в действие согласно Постановлению МО РБ от 5 марта 2008 года № 22/21.

На улучшение организации образовательного процесса в военном вузе было направлено Постановление МО РБ, Министерства образования РБ от 5 марта 2008 года № 20/20 «Об утверждении инструкции о порядке организации работы военного учебного заведения».

25 марта 2008 года в соответствии с Постановлением МО РБ № 30 введено в действие Положение о комиссии по проведению окончательного профессионального отбора кандидатов на обучение в качестве курсантов в учреждениях образования РБ и организациях иностранных государств, осуществляющих подготовку офицерских кадров для ВС РБ, которое определило цель, основные задачи, полномочия, порядок создания и работы соответствующей комиссии.

В связи со вступлением в силу с 1 сентября 2011 года Кодекса РБ об образовании было принято Постановление МО РБ, Министерства образования РБ от 31 мая 2011 года № 23/23 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Министерства обороны Республики Беларусь, Министерства образования Республики Беларусь от 5 марта 2008 года № 20/20».

В целом необходимо отметить, что в течение исследуемого периода в вышеперечисленные правовые документы по военному образованию вносились некоторые коррективы, связанные прежде всего с изменениями в национальной системе образования Беларуси.

2. **Повышение эффективности системы управления качеством образования.** В соответствии с приказом министра образования РБ от 24 декабря 2008 года № 1000 «О развитии в высших учебных заведениях Республики Беларусь систем управления качеством образования и приведения их в соответствие с требованиями государственных стандартов Республики Беларусь и международных стандартов» в учреждении образования «Военная академия Республики Беларусь» разработана, документирована, внедрена и поддерживается в рабочем состоянии система менеджмента качества (СМК) проектирования, разработки и предоставления образовательных услуг (довузовская подготовка, подготовка специалистов на I ступени и магистров на II ступени высшего образования, повышение квалификации и переподготовки, подготовка научных кадров высшей квалификации), осуществления научной и инновационной деятельности, идеологической работы.

В Военной академии СМК внедрена приказом начальника академии от 3 ноября 2010 года № 871 и прошла сертификацию Государственного комитета по стандартизации РБ в декабре 2011 года. В начале декабря 2011 года в академии создана группа по управлению качеством образования. Внедрение СМК в академии позволило добиться снижения коммуникационных барьеров, ускорения процессов принятия и реализации решений, всестороннего анализа проблем, полноты передачи информации и документации за счет ликвидации лишних звеньев и минимизации потерь, в целом — повышения гибкости и прозрачности в системе управления Военной академии.

3. **Подготовка научных работников высшей квалификации.** В целях получения новых научных знаний и подготовки научных работников высшей квалификации по приоритетным направлениям строительства и развития ВС РБ в республике в июле 2011 года на заседании военно-научного совета ВС РБ было принято решение о создании в Беларуси двух военно-научных школ, которые официально были зарегистрированы с 28 сентября 2011 года. Первая из них начала функционировать на базе государственного учреждения «Научно-исследовательский институт Вооружённых Сил Республики Беларусь» под руководством доктора технических наук, профессора С. А. Савенко. Данная школа будет разрабатывать проблемы теории и практики обоснования направлений развития вооружения. Вторая школа — «Современные методы и средства математического моделирования военных действий и военно-технических систем» — создана на базе учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» под руководством доктора технических наук, профессора В. М. Булойчика. Одной из основных задач, решение которых возлагается на военно-научные школы, является содействие профессиональному развитию профессорско-преподавательского состава (ППС) и научных работников высшей военной школы, освоение ими методологии научных исследований.

За период 2007—2011 гг. военнослужащими и служащими Военной академии было выполнено и защищено 52 диссертации на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук, из них в 2007 году — 20, в 2008 — 8, в 2009 — 13, 2010 — 10, 2011 — 11.

Укомплектованность кафедр ППС, имеющим ученые степени и звания, в 2007 году составила 32 %, в 2008 году — 33 %, в 2009 — 33 %, в 2010 — 32,85 %, в 2011 — 32,93 % и на 1 июня 2012 года — 33,5 %.

На 1 июня 2012 года в стенах Военной академии на 43 кафедрах трудилось 13 докторов наук, из них 10 профессоров и 3 доцента, 223 кандидата наук, из них 7 профессоров, 180 доцентов и 26 доцентов без ученой степени.

Таким образом, в последние годы наметилась тенденция к процентному росту укомплектованности кафедр ППС, имеющим ученые степени, звания.

4. **Оптимизация организационно-штатной структуры военных учебных заведений.** В мае 2007 года в республике был создан еще один (седьмой по счету) военный факультет в гражданском учреждении образования: Постановлением МО РБ и Министерства транспорта и коммуникаций РБ военная кафедра учреждения образования «Минский государственный высший авиационный колледж» реорганизована в военный факультет [4, с. 116].

С 20 июля 2009 года на основании директивы министра обороны РБ № 15 от 11 июня 2009 года в Военной академии РБ приступили к формированию факультета военной разведки, а 1 сентября 2010 года на факультете прошли первые занятия. В настоящее время на факультете действуют три кафедры: разведки и иностранных армий; радиоэлектронной разведки и радиоэлектронной борьбы; сил специальных операций и войсковой разведки.

Сегодня в Военной академии проводится работа по формированию, а вернее, по воссозданию[1] факультета ракетных войск и артиллерии, на котором будут готовить специалистов соответствующего профиля. Ранее таких специалистов обучали на общевойсковом факультете академии, но, изучая опыт других стран, в Министерстве обороны Республики Беларусь пришли к выводу, что для централизации подготовки наиболее целесообразно создать отдельный факультет. Занятия на факультете ракетных войск и артиллерии начнутся 1 сентября 2012 года.

В 2007 году на командно-штабном факультете Военной академии (факультет по подготовке офицеров оперативно-тактического уровня с высшим военным оперативно-тактическим образованием) была создана новая кафедра — кафедра технического обеспечения (до этого в состав факультета входило две кафедры: военного искусства и управления войсками и службы штабов).

---

[1] Факультет ракетных войск и артиллерии (РВ и А) ранее уже входил в структуру Военной академии с 1995 по 2005 гг. За этот период на факультете было произведено 11 выпусков. В войска для дальнейшего прохождения службы убыло 916 лейтенантов. Однако в связи с изменением организационно-штатной структуры в Военной академии с 1 сентября 2005 года факультет был расформирован, а кафедры боевого применения РВ и А, управления огнем артиллерии, устройства и эксплуатации вошли в состав общевойскового факультета.

В августе 2011 года на военном факультете Минского государственного высшего авиационного колледжа была сформирована кафедра беспилотных авиационных комплексов и боевого управления.

В течение исследуемого периода на отдельных военных факультетах в гражданских вузах вводились новые специальности. Так, с 1 сентября 2009 года на военно-техническом факультете в Белорусском национальном техническом университете появилась специальность «Промышленное и гражданское строительство», на военном факультете в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники — специальность «Радиоэлектронные системы».

В настоящее время проводится работа по оптимизации сроков обучения в высших военных заведениях. Предполагается, что специалисты командного профиля будут обучаться 4 года, специалисты-инженеры — 4,5—5 лет. Подготовка по новым срокам обучения начнется с 2013 года.

5. **Расширение источников комплектования офицерского корпуса.** Начиная с 2007 года наряду с основными источниками комплектования должностей офицеров (Военная академия РБ, военные факультеты в гражданских вузах и военно-учебные заведения Министерства обороны РФ) стали активно использоваться и другие. Так, были организованы трехмесячные курсы по подготовке младших офицеров (за период 2007—2011 гг. 613 выпускников трехмесячных курсов по подготовке младших офицеров пополнили офицерский корпус ВС РБ). Практикуется присвоение первых офицерских званий по итогам сдачи экзаменов по профессионально-должностной подготовке военнослужащим женского пола, проходящим военную службу на офицерских должностях (за период 2007—2011 гг. стали офицерами 254 военнослужащих-женщин, успешно сдавших экзамены)[1]. Осуществляется прием на военную службу по контракту в добровольном порядке офицеров запаса и оставление на военной службе сверх предельного возраста офицеров в воинском звании до подполковника решением министра обороны[2].

6. **Обучение иностранных военнослужащих.** Отрадно отметить, что система подготовки офицерских кадров в Беларуси заслужила высокий авторитет. Сложившиеся методики и уровень обучения востребованы и в других государствах. Свидетельство тому — продолжающаяся в течение исследуемого периода подготовка на факультетах Военной академии военнослужащих иностранных государств. Так, за три года (2007—2009 гг.) в ВА РБ прошел обучение 191 китайский военнослужащий [5, с. 3].

В 2009 году в Военной академии и на военных факультетах в гражданских вузах Беларуси обучалось около 300 иностранных военнослужащих из пяти государств [6, с. 2].

7. **Подготовка офицеров на факультете Генерального штаба ВС РБ.** 30 августа 2006 года в Военной академии состоялась церемония открытия факультета Генерального штаба, а 1 сентября 2006 года прошли первые занятия со слушателями нового факультета. Организационно ФГШ состоит из учебной части, кафедр государственного и военного управления, военной стратегии, оперативного искусства и подразделений слушателей. Срок обучения на факультете по очной форме — 2 года, по заочной — 3 года.

Главной задачей факультета является подготовка офицеров стратегического и оперативно-стратегического уровня. По окончании периода обучения выпускники обладают достаточным объемом знаний и навыков для командования соединениями и объединениями, руководства управлениями Министерства обороны и Генерального штаба. ФГШ осуществляет подготовку научно-педагогических кадров самой высокой квалификации в области государственного и военного управления. В стенах факультета проводятся научные исследования по вопросам обеспечения военной безопасности и обороны государства.

Многие выпускники факультета уже хорошо зарекомендовали себя на высших ступенях управления как в Вооруженных Силах, так и в других органах государственного

[1] По состоянию на 1 мая 2012 года в белорусских Вооруженных Силах проходили службу 464 офицера-женщины. Среди них полковников — 4, подполковников — 38, майоров — 77, капитанов — 82, старших лейтенантов — 148, лейтенантов — 102, младших лейтенантов — 13.

[2] В 2011 году 240 офицеров в воинском звании до подполковника оставлены на военной службе сверх предельного возраста, приняты на военную службу по контракту в добровольном порядке 130 офицеров запаса.

управления. Пятеро из них по праву носят на своих плечах генеральские погоны — это генерал-майоры С. В. Потапенко, В. В. Гнилозуб, О. А. Белоконев, В. И. Киреев, И. В. Голуб.

В программу обучения на ФГШ входят 16 обязательных и 4 факультативные дисциплины, в числе которых государственное и военное управление, национальная безопасность, военная стратегия, информационное противоборство и иные. Преподавание по некоторым дисциплинам впервые началось именно на этом факультете.

Всего за 2006—2011 гг. в стенах факультета подготовлено 114 офицеров: из них для ВС РБ — 93, для МВД РБ — 1, для ВС иностранных государств — 20.

Начальник ФГШ — заместитель начальника ВА РБ генерал-майор В. Г. Шумилов в своей статье «Факультету Генерального штаба — пять лет» утверждает: «ФГШ был создан не без дружеской помощи наших российских коллег, за что им большое спасибо. Но, в отличие от российской академии, мы адаптировали фундаментальные знания классической советской и российской военной школы к условиям нашего государства. Все наши оперативно-стратегические и оперативные задачи привязаны к конкретным операционным направлениям, учитывают реальные военно-политические, геостратегические, экономические, демографические и иные условия» [7, с. 2].

Наличие собственной военной школы по обучению офицеров оперативно-стратегического звена — это прежде всего престиж государства, а также логическое завершение системы высшей военной профессиональной подготовки.

8. **Дальнейшее развитие сотрудничества с Министерством обороны Российской Федерации (МО РФ) в подготовке белорусских военнослужащих.** В соответствии с Программой «Подготовка белорусских военнослужащих в военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации» на период 1998—2008 гг. в РФ прошли обучение 842 белорусских военнослужащих: слушателей военных академий (офицеров) — 435 (в том числе два адъюнкта и два докторанта), курсантов военных училищ — 407. Из них в 2007 году — 39 слушателей (в том числе один адъюнкт) и 57 курсантов, в 2008 году — 41 слушатель (в том числе один адъюнкт и два докторанта) и 45 курсантов [8].

Дальнейшее обучение слушателей и курсантов в высших военно-учебных заведениях (ввузах) МО РФ осуществляется с использованием нормативно-правовой базы государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности. Так, в 2008 году в 24 военных вузах РФ обучалось 204 белорусских военнослужащих, из них 96 офицеров и 108 курсантов. Офицеры обучались в 11, а курсанты — в 13 ввузах.

В 2010 году в 26 ввузах МО РФ по 52 специальностям обучалось 284 белорусских военнослужащих: 128 офицеров в 11 ввузах по 29 специальностям и 156 курсантов в 15 ввузах по 23 специальностям. В 2011 году в ввузах МО РФ обучалось уже 524 белорусских военнослужащих.

Подготовка научных работников высшей квалификации в ввузах МО РФ для ВС РБ осуществляется на контрактной основе по очной и заочной формам обучения. Например, в 2010 году в докторантурах и адъюнктурах обучались 6 белорусских военнослужащих.

9. **Развитие системы военной довузовской подготовки.** До 2008 года в системе военной довузовской подготовки можно было выделить три основных звена:

1. Минское суворовское военное училище.
2. Военно-патриотические классы в средних школах.
3. Кадетские классы в средних школах.

В период 2008—2011 гг. в целях оптимизации системы военной довузовской подготовки в стране были осуществлены некоторые преобразования, которые коснулись прежде всего военно-патриотических и кадетских классов. Так, согласно Декрету Президента РБ от 17 июля 2008 года № 15 «Об отдельных вопросах общего среднего образования», военно-патриотические и кадетские классы были преобразованы в классы, где в часы, свободные от основных учебных занятий, должны были проводиться факультативные занятия военно-патриотической направленности (далее — ФВПН). Изменилась форма, а содержание осталось прежним. Основной целью классов с ФВПН в средних школах (они создаются, как правило, в старших классах) по-прежнему остается подготовка граждан к службе в Вооруженных Силах, воинских формированиях, органах внутренних дел, подразделениях по чрезвычайным ситуациям.

В 2006—2007 учебном году Военная академия сотрудничала с 62 средними учебными заведениями из всех областей (Брестская — 8, Витебская — 11, Гомельская — 12, Гродненская — 9, Минская — 19, Могилевская — 3). В составе школ насчитывалось 112 военно-патриотических классов. В них обучалось 2013 человек, в том числе 941 — в 50 выпускных классах. Несмотря на сокращение количества учащихся в средних школах из-за ухудшения в последние годы демографической ситуации по стране в целом, в 2011—2012 учебном году сотрудничество продолжалось с 58 средними учебными заведениями, где в выпускных классах с ФВПН обучался 641 человек. Из них изъявили желание поступать в 2012 году в Военную академию 193 человека (около 40 %).

Несмотря на достигнутые результаты в профориентационной работе, существует ярко выраженная проблема — процент поступающих и поступивших выпускников ФВПН остается низким. Основная причина, на наш взгляд, связана с понижением в последние годы социального статуса младших офицеров. Количественный анализ состава выпускников ФВПН, подавших документы для поступления и зачисленных в ВА РБ за период с 2008 по 2011 гг., представлен в таблице 1.

Таблица 1

Количественный анализ состава выпускников ФВПН, подавших документы для поступления и зачисленных в ВА РБ за период с 2007 по 2011 гг.*

Показатели	Год				
	2007	2008	2009	2010	2011
Количество выпускников ФВПН	941	1017	898	710	536
Количество участвующих в конкурсе выпускников ФВПН	153	162	113	63	53
Количество поступивших выпускников ФВПН	125	144	80	48	42
Процент поступления выпускников ФВПН	16	14	8	6	8
Процент выпускников ФВПН среди курсантов первых курсов ВА РБ	23	26	15	9	8

*Составлена по: Текущий архив УО «Военная академия Республики Беларусь». Дела отделения военной довузовской подготовки УО «Военная академия Республики Беларусь». 2007—2011 гг.

Важным событием в истории дальнейшего развития военной довузовской подготовки стал Указ Президента Республики Беларусь «О кадетских училищах» от 28 января 2010 года № 54 [9, с. 8—11]. Указ нацелен на создание учреждений образования нового типа, направленных на формирование у подрастающего поколения чувства патриотизма, навыков дисциплинированности, ответственности, способности стойко переносить трудности, а также на обеспечение жизненного устройства детей-сирот и детей военнослужащих, погибших (умерших) при исполнении своих обязанностей. С принятием Указа в Беларуси завершилось создание стройной и целенаправленной системы военной довузовской подготовки (включающей в себя Минское суворовское военное училище (МСВУ), классы с ФВПН в средних школах и кадетские училища). Уже в 2011 году двери перед юношами и девушками открыли Брестское, Гродненское, Могилевское областные, а также Витебское и Минское (№ 2) городские кадетские училища. Их педагогами взят за основу опыт подобных училищ, открытых еще в 2010 году в Минске (№ 1), Слуцке и Полоцке, а также Слонимского кадетского корпуса. В восьми кадетских училищах (функционирующих во всех регионах, кроме Гомельской области) в настоящее время обучаются 1208 человек, в том числе 106 девушек (9 % от общего количества). Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, составляют 16 % учащихся (193 ученика). Срок обучения — 4 года.

В образовательном плане от школ кадетские училища отличаются только факультативами. Подготовка кадетов осуществляется по двум направлениям: первое строится по стандартам общего среднего образования, второе — на основе кадетского компонента. Учащимся предоставляется возможность посещать факультативные занятия военно-патриотической, хореографической, спортивной направленности, а также развивать индивидуальные творческие способности. Дополнительно допризывную подготовку юноши изучают с 8-го класса в факультативном режиме. Кроме того, учебно-полевые сборы будут проводиться не только после 10-го, но и после 8-го класса. Проводятся и другие факультативы военно-патриотической направленности, на которых воспитанники получают знания по истории Вооруженных Сил и других силовых структур, основам военной подготовки, правам и обязанностям гражданина Республики Беларусь.

В Минском суворовском военном училище (в 2013 году МСВУ будет отмечать 60-летие

со дня образования) проходят обучение около 550 воспитанников, срок обучения — 5 лет.

МСВУ, кадетские училища и классы с ФВПН — это центры военно-патриотического воспитания подрастающего поколения Беларуси.

10. **Совершенствование системы профессионального отбора абитуриентов.** С 2012 года изменятся условия профессионально-психологического отбора, который проходит молодежь, желающая получить военную специальность. Теперь при таком отборе, который заключается в медобследовании, зачете по физической подготовке и профессиональном отборе на предмет соответствия избранной специальности, не будут использоваться оценочные показатели. Так, проверка уровня физической подготовки в этом году будет оцениваться на зачет—незачет.

Таким образом, в 2007—2012 гг. подготовка офицерских кадров продолжала оставаться приоритетным направлением строительства Вооруженных Сил Беларуси, была ориентирована на экономически обоснованные затраты с учетом обеспечения необходимого качества образовательного процесса, а также своевременное реагирование на все изменения и появление новых видов вызовов и угроз.

При этом в подготовке офицерских кадров существует ряд серьезных проблем, связанных прежде всего с закреплением молодых офицеров в отечественных Вооруженных Силах по окончании военно-учебных заведений. Так, в течение исследуемого периода по окончании действия первого пятилетнего контракта ежегодно увольняются из Вооруженных Сил около 20 % молодых офицеров. В 2012 году почти у 500 офицеров, несколько лет назад окончивших Военную академию, военные факультеты, действующие в гражданских белорусских вузах, и военно-учебные заведения РФ, завершается первый контракт с МО РБ. Некоторые из них планируют уволиться в запас. По отдельным специальностям эта цифра достигает 25 %. Причины нежелания продлевать контракт офицерами остаются прежними: невысокое денежное довольствие, отсутствие собственного жилья, трудности с получением служебного [10, с. 2].

Несмотря на имеющиеся трудности, созданная национальная военная школа по подготовке офицерских кадров является в Беларуси предметом гордости. Она демонстрирует самодостаточность Республики Беларусь как независимой страны в решении важнейшей государственной задачи — подготовки кадров для всех звеньев управления, пример успешного решения собственными силами стоящих перед Беларусью сложных задач на пути отстаивания своего суверенитета и независимости.

---

1. Центральный архив Министерства обороны Республики Беларусь (ЦА МОРБ). Ф. 55. Оп. 91404. Д. 2. Исторический формуляр Минского высшего инженерного зенитно-ракетного училища, Минского высшего военного инженерного училища за период с января 1973 г. по сентябрь 1995 г. (2 янв. 1973 г. — 28 сент. 1995 г.). Л. 1—318.
2. ЦА МОРБ. Ф. 3886. Оп. 91407. Д. 1. Исторический формуляр (МВВПОУ). 18 февр. 1981 г. — 17 мая 1995 г. Л. 1—98.
3. Текущий архив УО «Военная академия Республики Беларусь». Д. 1. Исторический формуляр Военной академии Республики Беларусь. Разд. I. История организационного строительства части. Л. 1—64.
4. О реорганизации военной кафедры учреждения образования «Минский государственный высший авиационный колледж» в военный факультет : Постановление Министерства обороны Республики Беларусь и Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 25 мая 2007 г. № 38/30 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2007. № 144. 8/16583.
5. *Заровкин, И.* Наша стратегическая цель — обеспеченіе національной безопасности / И. Заровкин // Белорусская военная газета. 2010. 4 июня. С. 3.
6. *Рыжанков, И. А.* У нас созданы все условия для успешной подготовки офицерских кадров / И. А. Рыжанков // Белорусская военная газета. 2009. 15 мая. С. 1—2.
7. *Шумилов, В.* Факультету Генерального штаба — пять лет / В. Шумилов // Белорусская военная газета. 2011. 18 марта. С. 2.
8. О совместной программе «Подготовка белорусских военнослужащих в военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации» : Постановление Исполкома Союза Беларуси и России от 10 июня 1998 г. № 2 // Банк Законов. Беларусь [Электронный ресурс]. 1998. Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd2972.htm (дата обращения: 05.05.2012).
9. О кадетских училищах : Указ Президента Республики Беларусь от 28 января 2010 г. № 54 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2010. № 28. 1/11356.
10. *Макаров, А.* Легко ли стать офицером… / А. Макаров // Белорусская военная газета. 2012. 4 мая. С. 2—3, 6.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

А. Н. Глушко

УГРОЗЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена проблеме нормативно-правового обеспечения военной безопасности РФ.

Ключевые слова: военная угроза, военная безопасность, принципы международного права, национальные интересы.

A. N. Glushko

THREAT OF MILITARY SAFETY OF RUSSIA: A LEGAL ANALYSIS

The article is devoted to the problem of the regulatory-legal provision of the military security in the Russian Federation.

Key words: military threat, military security, principles of international law, national interests.

Международная обстановка, сложившаяся к началу XXI века, потребовала переосмысления общей ситуации вокруг Российской Федерации, приоритетов российской внешней политики и возможностей ее ресурсного обеспечения. Наряду с определенным укреплением международных позиций Российской Федерации проявились и негативные тенденции. Не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром, как это предполагалось в Основных положениях Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденных распоряжением Президента Российской Федерации от 12 июля 2008 года № пр1440, и в других документах.

В ней были сформулированы новые вызовы и угрозы (прежде всего международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность, опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, региональные конфликты, демографические проблемы, глобальная бедность, в том числе энергетическая, а также нелегальная миграция, изменение климата), которые носят глобальный характер и требуют адекватного ответа со стороны всего международного сообщества и солидарных усилий для их преодоления. Однако преобладающими в этом перечне по-прежнему являются военные угрозы.

В зависимости от границ зарождения военных угроз, направленности противодействия им и специальных форм, методов и средств, которые их предотвращают, нейтрализуют и локализуют, условно можно разделить военную безопасность государства на внешнюю (международную) и внутреннюю.

Внешняя (международная) военная безопасность характеризуется таким состоянием международных отношений, при котором исключаются (снижаются) угрозы миру, нарушение мира и акты агрессии в какой бы то ни было форме, а отношения между государствами строятся на нормах и общепризнанных принципах международного права. В современных условиях объективно требуется объединение усилий всех государств для решения проблем международной военной безопасности. Одним из важных способов обеспечения военной безопасности является достижение определенного баланса своих интересов и интересов других стран, определенного компромисса в рамках международной военной безопасности.

Национальная безопасность государства находится в зависимости от международной военной безопасности, обеспечивается поддержанием и упрочением международного мира и безопасности в целом.

Юридическую основу международной военной безопасности составляют такие основные принципы международного права, как принципы неприменения силы или угрозы силой, мирного разрешения международных споров, невмешательства во внутренние дела государств, сотрудничества, охраны окружающей среды, разоружения, а также такие специальные принципы, как принцип неделимости международной безопасности, принцип ненанесения ущерба безопасности государств и др.

В настоящее время можно выделить три вида внешней (международной) военной безопасности, в которых участвует Российская Федерация: глобальную, региональную и коллективную военные безопасности.

Глобальная военная безопасность представляет собой защищенность системы взаимоотношений всего мирового сообщества от военных угроз и дестабилизации обстановки, кризисов, вооруженных конфликтов и войн мирового масштаба.

Региональная военная безопасность — это защищенность системы взаимоотношений государств того или иного региона от военных угроз и дестабилизации обстановки, кризисов, вооруженных конфликтов и войн регионального масштаба.

Коллективная военная безопасность — это защищенность интересов союза (блока) государств от военных угроз, гарантируемая взаимопомощью, сотрудничеством в военной сфере и коллективными действиями по предотвращению и отражению агрессии.

Указанные виды военной безопасности объединены международной военной безопасностью и являются ее производными. В целом, внешняя (международная) военная безопасность Российской Федерации представляет собой составную часть и элемент внешней безопасности государства. Защита страны от любых внешних угроз осуществляется: 1) поддержанием необходимого и достаточного военного потенциала; 2) построением стабильной системы международных отношений во всех областях, включая политику, экономику, военную сферу, экологию, правоохранительную деятельность и др.

Вместе с тем угрозы безопасности Российской Федерации исходят не только извне, они имеют и внутренний характер. В частности, в нормативно-правовых документах выделяют следующие внутренние угрозы безопасности:

— попытки насильственного свержения конституционного строя; противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских, террористических движений, организаций, структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической обстановки в стране;

— планирование, подготовка и осуществление действий, направленных на дезорганизацию функционирования федеральных органов государственной власти, нападения на государственные, хозяйственные, военные объекты жизнеобеспечения и информационной инфраструктуры;

— незаконное распространение (оборот) на территории Российской Федерации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий;

— создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооруженных формирований, организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации.

Исходя из оценки и характера внутренних угроз, «внутренняя безопасность Российской Федерации» означает защищенность национальных интересов, национальных ценностей и образа жизни от угроз, исходящих от процессов, организаций, лиц и объектов, находящихся под управлением Российского государства или на его территории.

Следовательно, военная безопасность как составная часть и элемент внутренней безопасности рассматривается как комплекс мер, направленных на противодействие организованным в военном отношении деструктивным элементам внутри страны, выступающим против ее конституционного строя и территориальной целостности. Кроме того, внутренний аспект военной безопасности охватывает сис-

тему мер по созданию и поддержанию готовности личности, общества и государства к предупреждению и парированию военных угроз путем создания и всестороннего обеспечения стабильного функционирования военной организации, осуществления мобилизационной подготовки экономики и населения страны.

Важными моментами в исследовании проблем обеспечения внутренней и внешней военной безопасности являются методологические аспекты, связанные с определением понятий «военная опасность» и «военная угроза».

Так, в широком плане «военная опасность» — это такое состояние военно-политической обстановки в мире, межгосударственных, межнациональных и других отношений, когда в относительно равной степени присутствуют возможность предотвращения войны (вооруженного конфликта) и вероятность развязывания военных действий, проявляющаяся через объективно существующие причины их возникновения. Присутствие военной опасности становится реальностью лишь при одновременном проявлении признаков воздействия трех факторов: 1) существование или возможное проявление у потенциального агрессора интересов и целей к государству — объекту агрессии, для достижения которых может понадобиться применение военной силы; 2) наличие у агрессора вооруженных сил, способных вести наступательные действия, а также инфраструктуры, обеспечивающей их эффективное применение; 3) убежденность военно-политического руководства (потенциального агрессора) в эффективности вооруженного насилия как средства достижения политических целей.

«Военную опасность» принято различать по уровням (характеру) или степени развития. Поскольку процесс нарастания «военной опасности» объективно растянут по времени, выделяют «потенциальную военную опасность» и «реальную военную опасность», переходящую в военную угрозу. Основными показателями уровня военной опасности являются: 1) политические намерения различных государств по реализации своих национальных интересов; 2) практическая деятельность государств в военной сфере, направленная на реализацию этих интересов.

Под «потенциальной военной опасностью» понимается состояние военно-политической обстановки, при котором существует лишь гипотетическая возможность возникновения военного конфликта. Она характеризуется наличием неразрешенных противоречий между соперничающими сторонами, а также политических намерений и воли хотя бы у одной из них для их разрешения с применением военной силы.

Под «реальной военной опасностью» понимается такое состояние военно-политической обстановки, при котором существует фактическая возможность применения военной силы в условиях возникающего военного конфликта.

Уменьшение степени военной опасности для государства или сохранение ее на минимальном уровне происходит при следующих условиях: государство и его вооруженные силы способны отразить нападение и нанести поражение возможному противнику; сохраняется качественный и определенный количественный паритет сил и средств с возможными противниками на основных стратегических направлениях; мобилизационные возможности и военно-экономический потенциал не ниже, чем у возможного противника.

На основе изложенного военную опасность с правовой позиции можно определить как объективную реальность, проявляющуюся через совокупность внешних и внутренних условий, объективных и субъективных факторов вооруженного характера, способных обусловить посягательство и причинить ущерб конституционному строю, независимости, суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации и требующих для противодействия вооруженной защиты со стороны военной организации государства.

Категория «военная угроза» имеет не меньшее значение в теории правового обеспечения военной безопасности, чем категория «военная опасность». «Военная угроза», в отличие от «военной опасности», представляет собой состояние военно-политической обстановки, при котором существует реальная возможность возникновения военного конфликта. Она характеризуется наличием глубоких противоречий между соперничающими сторонами, политических намерений и воли хотя бы у одной из них для их разрешения с применением военной силы, а также готовностью ее вооруженных сил и других элементов военной организации государства к решению поставленных задач.

Главное качественное отличие «военной угрозы» от «военной опасности» состоит в полной готовности военной организации соперничающего государства к агрессии. В целом, «военная угроза» — это состояние, когда на фоне реальной военной опасности определяется потенциальный противник (государство, коалиция государств, блок государств), со стороны которого возможно развязывание войны (вооруженного конфликта), который имеет определенные притязания и пытается достичь их осуществления угрозой применения военной силы.

По характеристике состояния военной угрозы выделяют непосредственную, потенциальную и реальную военные угрозы. Однако в юридической литературе устоялось лишь определение «непосредственной военной угрозы». К ней относится состояние конкретного вероятного противника, целенаправленно проводящего мероприятия по подготовке к развязыванию военных действий, готового немедленно реализовать свои военные планы.

Вместе с тем при классификации угроз военной безопасности могут быть использованы различные признаки, в том числе:

— по источнику угрозы: внутренняя, внешняя, трансграничная;

— по степени охвата: глобальная, региональная, коллективная;

— по вероятности реализации: реальная и потенциальная;

— по сфере человеческой деятельности: политическая, экономическая, социальная, правовая, военная, экологическая, демографическая, генетическая, научно-техническая, технологическая, идеологическая, психологическая, интеллектуальная, информационная, сырьевая и др.;

— по отношению к человеческой деятельности: объективная, формирующаяся независимо от целенаправленной деятельности; субъективная, создающаяся сознательно, например, разведывательной, подрывной и иной деятельностью, организованной преступностью и др.

Кроме того, возможно деление на прямые угрозы (война, вооруженный конфликт, акции террора и др.) и производные угрозы — это те опасности и угрозы, которые возникают в самой системе обеспечения военной безопасности. Их характер определяется содержанием социальной деятельности, в сферу которой попадает человек, и представляет собой отклонение от установленного порядка такой деятельности (военно-профессиональная безопасность, военно-информационная безопасность, безопасность военной службы и др.).

В сложившихся условиях России необходимо принять меры в целях компенсации возникших военных угроз национальной безопасности. Такими мерами могут быть:

— пересмотр отдельных положений Концепции национальной безопасности Российской Федерации, касающихся применения военной организации государства, в том числе против террористических угроз, усиление ее военной составляющей, изменение методологического подхода к разработке указанной Концепции;

— развитие, помимо обычных средств поражения, таких, как высокоточное, высокоэффективное технологическое оружие; сохранение на должном уровне стратегических ядерных сил, что является необходимым условием стратегического сдерживания;

— перевооружение современным оружием Российской армии и флота, изыскание дополнительных средств для развития оборонно-промышленного комплекса страны.

Помимо угроз и опасностей, военно-политическое руководство Российской Федерации признает растущее значение «факторов неопределенности». Так, под фактором неопределенности понимаются ситуация, конфликт или процесс политического или военно-политического свойства, развитие которого может существенно изменить геополитическую обстановку в приоритетном для интересов России регионе или создать прямую угрозу безопасности Российской Федерации.

Таким образом, исследование проблем и угроз внешней (международной) военной безопасности и внутренней военной безопасности Российской Федерации позволяет сделать вывод о наличии комплексной характеристики военной безопасности, что дает возможность сформулировать ее основные принципы: восприятие военной безопасности как безопасности всех фундаментальных потребностей и жизненно важных интересов человека, общества и государства; взаимность и взаимозависимость всех характеристик внешней (международной) военной и внутренней военной безопаснос-

ти; достижение глобальной военной безопасности посредством сотрудничества, а не конфронтации, на базе суверенного равенства и взаимного уважения; уважение конституционного строя, территориальной целостности, национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела; военная безопасность признает главенствующую роль государства в обеспечении условий ее реализации; сдерживание как результат воздействия военной безопасности будет оставаться приемлемым принципом планирования обороны, однако на первый план выходит защита жизненно важных интересов и ресурсов; уделяя большое внимание невоенным аспектам, внешняя и внутренняя военная безопасность направлена на разумное снижение значимости военных средств и важности военного превосходства.

1. *Гацко, М. Ф.* Правовое обеспечение военной безопасности России (теоретико-правовое исследование) / М. Ф. Гацко. М., 2006.
2. *Евтушенко, С. Г.* Правовое обеспечение военной безопасности России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Г. Евтушенко. М., 2000.
3. *Зателепин, О. К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства : моногр. / О. К. Зателепин. М., 2009.
4. *Золотарев, В. А.* Военная безопасность России: политико-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Золотарев. М., 1999.
5. *Попов, А. В.* Институт военной безопасности: политико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Попов. Ростов н/Д, 2007.
6. *Фатеев, К. В.* Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования / К. В. Фатеев. М., 2005.
7. Экспертиза правовых актов в области обороны и военной безопасности / под общ. ред. А. В. Кудашкина. М., 2011.

О. В. Дамаскин

ЛЕГИТИМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются актуальные теоретико-правовые аспекты легитимации государственной власти в современных условиях.

Ключевые слова: государственное строительство, выборы, право, законность, легитимация.

O. V. Damaskin

LEGITIMATION OF STATE POWER IN MODERN CONDITIONS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

The article is devoted to the current theoretical and legal aspects of state power legitimation in modern conditions.

Key words: state structure, elections, right, legality, legitimation.

В настоящее время российское общество испытывает потребность решения ряда экономических, социальных, политических проблем, связанных с процессом государственно-правового строительства, формирования системы государственной власти и управления. Эксцессы в процессе построения правового государства и гражданского общества актуализируют необходимость осмысления теоретико-правовых аспектов легитимации государственной власти в современных условиях в интересах практики.

Одним из основных назначений государства является обеспечение реализации жизненно важных интересов граждан и в первую очередь создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Решение задачи повышения качества жизни напрямую зависит от органично выстроенной системы власти и ее эффективного функционирования в интересах законопослушного большинства населения, на основе легитимации[1].

Сложившаяся в нашей стране ситуация вынуждает искать такой порядок формирования и организации системы власти, который обеспечил бы ее системность и сбалансированность, приход к власти людей, генерирующих действенные программы социального и экономического развития страны и добивающихся проведения их в жизнь, в целях укрепления российской государственности как механизма обеспечения жизненно важных интересов законопослушного большинства граждан.

При этом все процессы в государственном строительстве — это определенные риски, если отсутствует гарантированный способ (избрание или назначение) прихода к власти достойных лиц. Поэтому необходимо рассматривать легитимность этого процесса в конкретных условиях и на конкретном этапе исторического развития. В настоящее время, когда Европа стремится к интеграции для создания сильного субъекта в целях совместного, устойчивого развития и обеспечения своей национальной безопасности, в ряде субъектов Российской Федерации сохраняются сепаратизм, национализм, локальная суверенизация, культ личности лидеров субъектов, создающие угрозу ее целостности.

Это обусловливает потребность противодействия ослаблению федеральной власти центра, ведущему к утрате управляемости общественными процессами, которые на фоне социальной напряженности могут превратиться в хаотические общественные отноше-

[1] Легитимация (лат. legitimus — законный) — признание или подтверждение законности какого-либо права, полномочия // Слов. иностранных слов. М. : Русский яз., 1982. С. 274.

ния, выгодные в условиях глобализации для государств-конкурентов и транснациональных криминальных структур. При этом актуализируется проблема признания результатов избирательного процесса и формирования органов государственной власти в Российской Федерации на основе международных избирательных стандартов и их реализации в законодательстве о выборах и правоприменительной практике.

Международное сообщество признало одним из основных прав человека право на участие в управлении страной посредством свободных справедливых выборов, проводимых периодически на основе всеобщего равного права при тайном голосовании, и выработало ряд стандартов в этой области [1]. Существенным шагом в развитии международно-правовых норм в области избирательного права и права на управление страной стали рекомендации по анализу законодательной базы выборов [2].

Сравнительный анализ российского законодательства о выборах позволяет констатировать соответствие его норм международным избирательным стандартам. Интенсивность, с которой Россия в последние годы ведет поиск оптимальных моделей различных институтов избирательного права, позволяет утверждать, что она входит в число стран, успешно реализующих избирательные стандарты.

Имплементация международных стандартов в законодательство о выборах и практику избирательного процесса является необходимым условием легитимации избирательного процесса, обеспечения конституционных избирательных прав граждан в Российской Федерации. Понятие легитимности носит оценочный, этический и политический характер, легальность — формально-юридический и этически нейтральный. Государственная власть, даже не популярная, как правило, легальна. В то же время она может быть нелегитимной, то есть не приниматься народом, хотя может издавать законы по своему усмотрению и использовать их как орудие организованного насилия, творить произвол.

Легитимность публичной власти — это социальное признание ее права на руководящую роль в обществе. Государственная власть не может рассчитывать на длительное существование и эффективную деятельность, полагаясь только на принуждение. Необходимо добровольное согласие большинства законопослушного населения. При этом основной предпосылкой добровольного согласия является уверенность народа в том, что представители власти с полным основанием занимают свои посты, что они вырабатывают и претворяют в жизнь свои решения в сфере законных жизненно важных интересов общества. Там, где легитимность власти не бесспорна, воцаряется беззаконие и опасность революционных потрясений [3, с. 113—114].

Нередко понятия «легитимность» и «легальность» рассматриваются как две взаимодополняемые характеристики публичной власти. При этом легитимность — это не только законность данной власти с формально-юридической точки зрения, но и явление социально-психологическое, состоящее в принятии обществом данной политической власти или, как минимум, пассивном повиновении ей. Так, вновь возникающие режимы (вследствие революций, военных переворотов и т. п.) могут стать легитимными, если обеспечат себе поддержку значительной части общества. В связи с этим сама природа легитимности, ее источники и способы обеспечения могут быть весьма различными в зависимости от культурного уровня, традиций, психологии населения [4, с. 639]. Являясь сложным социальным феноменом, легитимность может характеризовать, с одной стороны, авторитет власти, доверительность, признанность, а с другой стороны, преданность этой власти, способность и желание подвластных субъектов идти за ней и выполнять ее требования.

Легитимация государственной власти — сложный социальный процесс, результатом которого является признание власти легитимной. Структура процесса легитимации предполагает наличие таких основных элементов, как субъект, объект, средства, методы, условия, принципы, процедуры. Эти элементы находятся в постоянной взаимосвязи, они взаимодействуют между собой, каждый выполняет свою функцию, чем способствует функционированию всей системы государственной власти.

В современных условиях низкий уровень жизни значительной части населения нашей страны ведет к концентрации усилий людей на их материальном обеспечении и снижению заинтересованности к общегосударственным

вопросам, в том числе государственного строительства.

Низкий уровень правосознания значительной части граждан дает возможность использования выборов для «декоративного» придания формированию органов власти легитимного характера и манипулирования волей избирателей в интересах узкой группы олигархов, национально ориентированных кланов, криминальных структур, что обусловливает потребность адекватного противодействия в правовых рамках избирательного процесса в интересах его безопасности [5].

В настоящее время Россия вырабатывает новое самосознание, пытаясь найти свое место в мире. Это сложный процесс, который ведет к глубоким переменам во внутренней и внешней политике. Он несравним с периодом, когда политической элите страны, тогда еще сплошь либеральной, казалось, что она не нуждается в собственном национальном сознании и мировоззрении, а может положиться на чужой, заимствованный исторический опыт.

Для национальной политики, ориентированной на внутренние проблемы, характерны иные приоритеты, чем для либеральной политики, ориентированной на внешний рынок. Это прежде всего повышение качества жизни населения, восстановление промышленности и обеспечение правопорядка. Однако сейчас наша национальная элита находится в таком состоянии, когда особенно остро ощущается разрыв между стремлением к самостоятельности и готовностью к ней, между желаниями и возможностями, между апломбом и ответственностью. Поэтому возникло противоречие между постановкой цели и способом ее достижения, между стратегией и тактикой как основная проблема современной ситуации.

В правящей элите России сейчас конкурируют две стратегии развития страны. Согласно одной из них, России нужно извлечь максимальную выгоду, наращивая разведку и добычу полезных ископаемых. Сторонники второй стратегии предлагают срочно восстанавливать на сырьевые деньги высокотехнологические и наукоемкие отрасли. В. В. Путин все чаще говорит о проблемах промышленности, в том числе наукоемких производств и прорывных технологий. Очевидно, что дальше выживать за счет нефти уже нельзя. Это обусловливает необходимость организующего участия государства в экономике и поддержке высокотехнологичных отраслей.

Промышленное возрождение осуществляется через формирование российских транснациональных корпораций, так как только мощные международные корпорации способны сегодня быть конкурентоспособными в масштабах мировой экономики. Однако конкурентоспособные предприятия создаются путем образования монополий и сокращения реальной конкуренции на рынке, что в значительной мере девальвирует основной замысел.

Восстановление государственного порядка в широком смысле этого слова, начиная от восстановления единства власти и заканчивая борьбой с произволом олигархических групп, происходит за счет усиления роли государства во всех сферах общественной жизни. Очевидно, это необходимое и оптимальное решение в современных условиях России. Но оно в значительной мере осложняется тем, что приводит к замене произвола частных лиц произволом бюрократии на основе коррупции.

При этом Запад не признает новые цели России, сосредоточив свое внимание преимущественно на критике объективно существующих трудностей формирующейся российской национальной политики, сводит дискуссию к обсуждению отдельных дефектов политики, связывая их с личностью В. В. Путина, представляя его противником демократии и рынка.

Такой подход позволяет Западу уклоняться от глубокой дискуссии о месте России в современном мире, о ее праве на собственную позицию, на собственную культуру и собственную систему ценностей. Анализ направленности содержания международных встреч последнего времени убеждает в том, что позиция Запада сводится к тому, что России надо продемонстрировать, что Европа будет иметь с ней дело только в том случае, если Россия разделит европейские ценности.

Однако дело с Россией придется иметь в любом случае. Очевидно, Запад оказался не готов к такому повороту событий, решив, что Россия перестала быть самостоятельной политической силой. Европа и США переносят на российское руководство свое раздражение неточностью собственных расчетов и прогно-

зов. Поэтому Западу целесообразно задуматься о признании национальных интересов России, поскольку В. В. Путин своей политикой отражает настроения большинства многомиллионного населения нашей огромной страны. С этими настроениями придется считаться, независимо от того, вписываются они в европейские ценности или нет. Вот почему необходим заинтересованный, глубокий и компетентный диалог России и Запада в интересах конструктивного сотрудничества в условиях глобализации.

Преобладающие установки и ориентации граждан нашли свое выражение в итогах состоявшихся 4 декабря 2011 года выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В Государственной Думе шестого созыва оказались четыре партии, декларирующие курс на социально ориентированную политику во внутренних делах и обеспечение суверенитета России во внешних делах: «Единая Россия», «КПРФ», «Справедливая Россия», «ЛДПР». Это должно ориентировать Государственную Думу нового созыва на адекватное отражение в законотворческой деятельности жизненно важных интересов большинства законопослушного населения нашей страны.

Избрание 4 марта 2012 года Президентом Российской Федерации В. В. Путина, поддержанного явным большинством избирателей, вызвало холодную реакцию на Западе и агрессивную критику со стороны прозападно ориентированного слоя граждан. Следует признать, что итоги президентской деятельности Д. А. Медведева во внутренней и внешней политике, реформе Вооруженных Сил и МВД, борьбе с коррупцией явно не соответствуют ожиданиям общества. По данным проведенного в марте 2012 года опроса ФОМ, борьбу с коррупцией считают достижением Д. А. Медведева лишь 2 % опрошенных. По данным Левада-центра, 52 % граждан убеждены: воровства и коррупции в России стало больше, чем было даже в 90-е годы, а 78 % опрошенных уверены, что за годы президентства Д. А. Медведева теневые связи между госаппаратом и бизнесом укрепились [6].

Обеспечение законности избирательного процесса актуализируется в интересах признания всеми слоями населения легитимности власти в условиях возможного нелегитимного давления на избирателей и избирательные комиссии, что обусловливает потребность активизации контроля и надзора за соблюдением законов в интересах безопасности государственного строительства. Достижению этой цели может способствовать решение следующих научно-исследовательских задач в сфере теории права и государства, конституционного и муниципального права:

— исследование состояния и актуальных вопросов укрепления российской государственности в современных условиях в интересах национальной безопасности Российской Федерации;

— анализ концепций государственного суверенитета и оптимизация стратегии его обеспечения, выявление угроз безопасности российской государственности и обеспечение законности избирательного процесса;

— изучение актуальных вопросов развития избирательной системы в механизме формирования системы органов государственной и муниципальной власти;

— изучение правового обеспечения организации и деятельности политических партий как интегрирующего фактора в механизме формирования системы органов власти, мониторинг правосознания и общественного мнения граждан как фактора обеспечения народовластия;

— исследование состояния и выявление тенденции развития системы органов законодательной власти (Федерального Собрания Российской Федерации, законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации);

— мониторинг законодательства о выборах и практики его применения, обоснование организационно-правовых мер по совершенствованию формирования системы органов власти в интересах укрепления российской государственности и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Комплексное научное и организационно-правовое обеспечение легитимации результатов избирательного процесса и оптимизации законодательного обеспечения формирования органов государственной власти в Российской Федерации является необходимым условием устойчивого прогрессивного развития нашей страны в современном мире в обстановке глобализации.

1. Международные избирательные стандарты : сб. док. М., 2004.
2. Рекомендации по анализу законодательной базы выборов // Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Варшава, 2001.
3. *Шаран, П.* Сравнительная политология. Ч. 1 / П. Шаран. М., 1992.
4. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. М., 1990.
5. *Красинский, В. В.* Нормативно-правовое обеспечение национальной безопасности в процессе организации и проведения выборов в Российской Федерации / В. В. Красинский. М., 2005.
6. Аргументы недели. 2012. № 12. 29 марта.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Е. А. Бурдин

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕДУЩИХ ФАКТОРОВ ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВА НА ВОЛГЕ[1]

В статье рассмотрен вклад отдельных представителей властных структур и проектных организаций в становление и развитие основных факторов гидроэнергетики СССР на примере Волжского каскада гидроузлов. Исследован процесс разработки и практической реализации крупномасштабных планов советской политической элиты во главе с И. В. Сталиным по хозяйственному освоению водных ресурсов Волги.

Ключевые слова: Богоявленский К. В., Веденеев Б. Е., Волгострой, гидростроительство, Сталин И. В., Чаплыгин А. В.

E. A. Burdin

ROLE OF A PERSON DURING HYDROBUILDING LEADING FACTORS FORMATION ON THE VOLGA

The article considers the contribution of certain state authorities and design organizations to formation and development of major factors of hydropower engineering in the USSR on an example of the Volga hydroelectric complex cascade. The author investigates the process of development and practical implementation of large-scale plans of the Soviet political elite led by I. V. Stalin on economic exploration of the Volga river water resources.

Key words: Bogojavlensky K. B., Vedeneev B. E., Volgostroy, hydrobuilding, Stalin I. V., Tchaplygin A. V.

Сохранилось множество источников, свидетельствующих о постоянном контроле за принятием и выполнением гидростроительных планов не только со стороны региональных партийно-хозяйственных органов, но и ЦК ВКП(б) (КПСС) и лично генеральных секретарей, особенно И. В. Сталина. В этой связи большой научный интерес представляют доклады председателя Госплана СССР В. И. Межлаука в секретариат И. В. Сталина от 01.04.1935 года о ходе работ по реконструкции Волги [1, л. 1—8]. Они позволили нам сделать вывод об использовании административного ресурса высшей политической элиты для нажима на экспертов с целью принятия нужных решений. И. А. Никулин, работавший в 1950-е годы на строительстве Куйбышевского гидроузла в должности главного энергетика, вспоминал: «…на ночных селекторных совещаниях штаба стройки, которые проходили с 9 ч вечера до 2 ч ночи, довольно часто мы были свидетелями телефонных звонков И. В. Сталина нашему руководителю, начальнику лагеря и Куйбышевгидростроя, генералу И. В. Комзину. Сталин лично контролировал и всячески форсировал стройки ГУЛАГа. Это были последние годы его жизни. Он торопился» [2, с. 289].

В качестве ведущего фактора гидростроительства в нашей стране мы рассматриваем прежде всего интересы развития промышленности, а также сельского хозяйства и транспортного судоходства. Поскольку планы освоения колоссальных водных ресурсов Волги появились в 1910 году в Самарском Поволжье, закономерным представляется анализ вышеуказанного фактора в основном на примере именно этой территории в период с конца 1920-х по 1940-е годы. Специфика экономики региона заключалась в том, что к

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-11-73003 а/В).

1930 году она оставалась преимущественно аграрной, причём удельный вес валовой продукции сельского хозяйства составлял 72,4 % против 60,7 % в среднем по РСФСР [3, с. 16]. Экономика края по многим показателям значительно отставала от общесоюзных показателей.

Предпринятые центральным и местным партийно-хозяйственным руководством меры привели к ускорению экономического развития края. Однако этот процесс шёл недостаточно быстро. Несмотря на опережающий рост тяжёлой промышленности, в 1934 году объём её валовой продукции составлял только 19 % от всей валовой продукции края, отставая от лёгкой и кустарной (21 и 20 %) [4, с. 12]. Главными причинами подобного положения дел считались отсутствие готовых к использованию мощных энергетических ресурсов и запоздание в выявлении запасов полезных ископаемых. Тем не менее в течение 1930-х годов были достигнуты определённые успехи. Валовая продукция государственной промышленности Куйбышевской области за 1932—1937 гг. увеличилась в 2,2 раза, а капитальные вложения — в 1,7 раза [5, с. 531, 544].

Автор первого проекта сооружения Самарского гидроузла инженер К. В. Богоявленский в 1928 году отмечал неустойчивость урожая зерновых культур Средневолжской области и, как следствие этого, низкий уровень экономического развития, сделав вывод о том, что «проблема индустриализации… вплотную упирается в вопрос о дешёвых источниках энергии» [6, с. 1]. Накопленный к этому времени мировой и отечественный опыт, а также нерентабельность использования водных ресурсов малых рек заставляли, по мнению К. В. Богоявленского, обратить внимание на огромные запасы энергии главной водной артерии области Волги [6, с. 2].

Энергию гидроузла намечалось использовать для развития химической и механической промышленности, а также деревообделочного, текстильного и цементного производства. Количество потребляемой предприятиями энергии оценивалось в 180 МВт (30,6 % от всей производимой ГЭС), затраты на их постройку равнялись 115 млн рублям, а производительность — 315 млн рублям, причём стоимость сооружения объектов гидроузла составляла 130 млн рублей (в ценах 1913 г.) [6, с. 14, 19]. Излишки вырабатываемой электроэнергии планировалось передавать на расстояние 200—300 км для новых и старых индустриальных центров, в том числе городов Казани, Пензы и Ульяновска.

Проработка вопроса о перспективах потребления электроэнергии была продолжена проектировщиками самарского Бюро «Волгострой» под руководством А. В. Чаплыгина. В отличие от положений А. В. Богоявленского, теперь больше внимания обращалось на комплексное использование водных ресурсов реки — энергетическое, транспортное и ирригационное. Приоритет отдавался первому направлению.

Как и прежде, индустриальная отсталость края объяснялась дороговизной и дефицитом энергоносителей. В 1930 году основными элементами топливного баланса Среднего Поволжья были дрова — 50 %, нефть и мазут — 16 %, привозной уголь — 14 % [8, л. 26]. Однако из-за недостатка дров (средняя лесистость — 11,8 %), высоких цен на уголь и невыгодности переработки нефти была поставлена задача ввести в хозяйственный оборот два мощных энергетических ресурса: горючие сланцы и энергию гидроузла у Самарской Луки, который при напоре в 20 м даст 8—9 млрд кВт/ч энергии [8, л. 25].

Прогноз потребления гидроэлектроэнергии, рассчитанный в 1930 году сотрудниками Волгостроя, был весьма приблизительным и распространялся на Самаро-Сызранский район, расположенный в непосредственной близости к гидроузлу, за исключением дальних районов орошения. Кроме этого, детально не прорабатывались интересы электрификации водного и железнодорожного транспорта и сельского хозяйства.

В отношении влияния Волгостроя на волжский транспорт предполагалось, что путь транзитных речных грузов уменьшится на 125 км, на протяжении 400 км от гидроузла увеличится глубина фарватера, снизится скорость течения и произойдёт урегулирование расходов воды [7, с. 109]. Негативным следствием гидростроительства признавалось усиленное отложение на дне водохранилища наносов, однако этому факту не придавалось большого значения. Сокращение пути в районе Жигулей и погашение скорости течения могли дать экономию соответственно в 21 и 25 млн рублей [7, с. 111, 115].

Немалый научный интерес представляют результаты исследования экономической це-

лесообразности и эффективности самарского Волгостроя, проведённого сотрудником НИИ энергетики и электрификации Михайловым. В своём докладе от 06.09.1931 года учёный констатировал: «…задача исчисления эффективности сводится… к следующему: в результате постройки комбината Большой Волги мы получим некоторые процессы расширенного воспроизводства, которые будут характеризоваться тем, что возник… целый ряд новых предприятий, существующие предприятия расширятся, т. е. расширенно-воспроизведутся, в результате мы будем иметь, во-первых, количественное увеличение продукции в народном хозяйстве и, во-вторых, рост производительности труда, который выразится в уменьшении стоимости продукции…» [9, л. 60].

С другой стороны, по мнению Михайлова, промышленность увеличится и без Волгостроя, просто у неё будет несколько иная специализация. Если прибыль (отдача) превысит затраты на строительство, то Волгострой экономически выгоден, если нет — то нерентабелен. В любом случае учёный считал, что в СССР эффективность весьма условна и главное в социалистической экономике — физические объёмы производства, то есть количественный, экстенсивный рост. На справедливость такой оценки указывает тот факт, что на практике сооружение Куйбышевского гидроузла было осуществлено только к 1957 году, но и без него шло интенсивное промышленное развитие Среднего Поволжья, особенно Куйбышевской (с 1937 г.) области.

В 1935 году энергетическая секция Госплана СССР пришла к выводу, что мощность и энергия всех гидроэлектростанций Волжского бассейна может быть использована в следующих объединениях энергетических систем: 1) Центральном — Московский, Ивановский и Горьковский районы (энергия ГЭС на Верхней, Средней и Нижней Волге); 2) Уральском — Урал, Башкирия и Орский район (энергия ГЭС на Каме и Нижней Волге); 3) Нижневолжском — Татарская Республика, Самарский, Саратовский и Сталинградский районы (Самарская и Камышинская ГЭС); 4) Южном — районы, примыкающие к Камышинской и Донским ГЭС [10, л. 30 об.].

Самым крупным потребителем энергии по валовому количеству должно было стать Центральное объединение, наименьшим — Поволжское. По авторским подсчетам, по сравнению с 1932 годом, к 1947 году наибольший прирост — в 19,7 раза — намечался на Урале, затем в Поволжье — в 14,6 раза и в Центральном — всего в 7 раз. Тем не менее в промышленном отношении Поволжье существенно отставало от Центрального и Уральского регионов.

Изучение большого массива исторических источников показало, что важным фактором гидростроительства на Волге были потребности обороны страны. Одним из постулатов официальной советской идеологии было положение о том, что после победы Социалистической революции Россия оказалась в кольце враждебных капиталистических стран, поэтому важнейшим направлением внутренней политики стало создание мощного военно-промышленного комплекса и вооружённых сил. И. В. Сталин провозгласил тезис о неизбежности острого противоборства и военного столкновения социалистической и капиталистической систем, в котором победителем будет сильнейший в технико-экономическом отношении [11]. Поэтому ставилась задача ускоренного развития тяжёлой промышленности. Так как одним из важнейших элементов энергетической базы индустрии была гидроэнергетика, то ей придавалось большое военное значение.

Увеличение напряжённости в международной обстановке, связанное с агрессивной политикой гитлеровской Германии, особенно с середины 1930-х годов, вынуждало И. В. Сталина принимать адекватные меры.

Известно, что созданный в 1931—1933 гг. Беломорско-Балтийский канал строился в первую очередь как водный путь, имеющий большое военно-стратегическое значение. Он предусматривал решение ряда вопросов обороны побережья, возможность переброски кораблей Военно-морского флота «…с одного морского или речного театра на другой» и т. д. [12, л. 1]. Уже в июле 1933 года И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и С. М. Киров во время плавания на теплоходе по Беломорско-Балтийскому каналу в районе порта Сорока встретились с эскадрой кораблей Северного флота, совершавшей переход по каналу из Балтийского в Белое море [13, с. 119]. Однако впоследствии оказалось, что из-за мелководности по нему могли плавать только подводные лодки и суда с небольшой осадкой.

Аналогичное объяснение есть и стремлению властей увеличить гарантированные глу-

бины основного русла Волги до 5 м. Полностью подтвердить эту гипотезу документально пока не удалось, так как военные вопросы тщательно засекречивались. Тем не менее в РГАЭ мы обнаружили доклад заместителя главного инженера и заведующего технико-экономическим сектором Бюро «Волгострой» Николаева «ВОЛГРЭС и её значение для плана развития промышленности и сельского хозяйства Средней Волги и для обороны страны», намеченный к слушанию в сектор капитальных работ и районного планирования Госплана на 6 мая 1931 года [14, л. 18—26].

В конце доклада Николаев сделал вывод: «Всё изложенное приводит нас к тому, что намеченный состав комбината стимулирует резкое повышение обороноспособности Союза и выбор места для расположения его является оптимальным как с точки зрения обороны, так и хозяйственных интересов СССР» [14, л. 18].

Аналогичный вопрос поднимался на сессии Академии наук СССР в ноябре 1933 года. Учёные сделали вывод о том, что выгодное для всестороннего и быстрого развития экономики географическое положение Волги, при удалённости от внешних границ, имеет огромное оборонное значение, особенно для создания крупных промышленных центров с электроёмким производством [15, л. 17].

Значительным фактором сооружения Волжского каскада стал удачный опыт отечественного гидростроительства в 1920—1930-е годы, особенно первых крупных гидроузлов — Волховского и Днепровского. Показательно, что в центральном планирующем органе начиная с 1926 года собирались материалы об использовании опыта проектирования и строительства Волховстроя, Днепростроя и других крупных гидротехнических строительств. Постановление секции электрификации Госплана СССР от 12.05.1926 года предписывало «…обратить внимание ВСНХ на необходимость сохранения основного кадра работавших на Волховстрое специалистов путём их использования для работы как на Волховской станции, при возможном развитии работ… и на других аналогичных строительствах» [16, л. 8].

Наиболее важным следствием деятельности Волховстроя было формирование коллектива строителей, получивших богатый практический опыт возведения гидроузлов. Его руководители, в том числе А. В. Винтер и Б. Е. Веденеев, стали соответственно начальником и главным инженером Днепростроя [17, с. 24]. В дальнейшем они внесли огромный вклад в разработку и реализацию схемы «Большая Волга». Отметим, что все гидростанции по плану ГОЭЛРО строились по отечественным проектам, но с привлечением иностранной помощи в виде поставок оборудования, монтаж и наладка которого производились при помощи западных консультантов.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 марта 1932 года «О строительстве электростанций на Волге» предусматривало передачу вновь организованному Управлению «Средволгострой» кадрового аппарата и оборудования Днепростроя, которые должны были последовательно перебрасываться в новый район строительства по мере окончания работ [18, с. 382—383]. Подчеркнём, что в распоряжение Управления передавались не только подготовленные гидротехнические кадры, но и соответствующие технологии и оборудование, причём к концу 1930-х годов оно стало полностью отечественным. В последующем подобная практика утвердилась окончательно. Например, после завершения в 1937 году сооружения канала Москва—Волга освободившиеся кадры и оборудование были направлены на строительство Рыбинского и Угличского гидроузлов, а в октябре 1940 года в связи с консервацией Куйбышевского гидроузла всех заключённых, инженерно-технический и административно-хозяйственный персонал перевели на строительство Верхневолжских гидроузлов, а также Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей [19, с. 10; 20, с. 370].

Крупномасштабное сооружение гидроузлов на Волге было бы невозможно без создания необходимого отечественного научно-технического потенциала, позволившего в течение сравнительно короткого периода времени провести интенсивные разработки сложнейшего комплекса проблем. Ведущая роль в этом процессе отводилась академическим и ведомственным научно-исследовательским учреждениям. Решающий вклад в общее технико-экономическое обоснование схемы «Большая Волга» внёс Энергетический институт АН СССР. В течение 1933—1936 гг. активное участие в решении вопросов, связанных с проектированием волжских гидроузлов, принимали Ботанический, Геоморфологический, Гидроло-

гический, Почвенный и другие академические институты и отдельные учёные [21, л. 25].

Состоявшаяся в ноябре 1933 года сессия АН СССР рассмотрела проекты коренной реконструкции Волги, с небольшими оговорками признав целесообразность и практическую выполнимость схему Гидроэлектропроекта. По авторским подсчётам, в проработке волжской проблемы в этот период участвовало около двухсот научно-исследовательских институтов и свыше трёхсот научно-технических специалистов.

Следует отметить, что Академия наук и в последующем оказывала активную помощь в решении сложных технических проблем, возникавших в процессе проектирования и сооружения гидроузлов. Например, в октябре 1950 года Управление строительства Куйбышевской ГЭС с целью приближения к практическим нуждам внесло дополнения и коррективы в предложенную Казанским филиалом АН СССР тематику [22, л. 11]. В итоге было налажено долгосрочное взаимодействие с Биологическим, Геологическим, Химическим институтами, а также Институтом языка, литературы и истории.

Если академические учреждения занимались преимущественно фундаментальными теоретическими исследованиями, то конкретные проблемы технического проектирования гидроузлов прорабатывали ведомственные научно-исследовательские учреждения.

В начале 1930-х годов резкое увеличение количества и параметров возводимых гидроузлов, а также географическое расширение строительства привело к усложнению инженерных задач и потребовало изменения организационной структуры научно-технических кадров. До этого изучением и освоением гидроэнергетических ресурсов занимались отдельные группы технических специалистов в составе строительных организаций, входивших в состав Главэлектро ВСНХ СССР. Наиболее крупными из них были Гидроэлектрострой, Волховстрой, Днепрострой, Свирьстрой, Северное водное бюро и Энергострой [23, л. 2]. Комплексные водохозяйственные проблемы прорабатывались в Народных комиссариатах земледелия и водного транспорта.

Необходимость объединения усилий разрозненных коллективов исследователей привела к созданию специализированных организаций. Так, 1 января 1931 года на базе гидротехнического бюро Энергостроя был образован трест «Гидроэлектрострой» Главэнерго ВСНХ СССР (в 1932 году переименован в «Гидроэлектропроект» и передан в Наркомтяжпром), главной задачей которого стали проектно-изыскательские работы по всем водным системам страны [23, л. 3]. Параллельно в системе Главэнерго НКТП существовал институт строительного гидроэнергетического проектирования «Гидростройпроект», формально созданный 10 сентября 1934 года на основе бывшей технической части Средволгостроя, работавшей с конца 1932 года [24, л. 31].

Для обеспечения единого авторитетного руководства всей проектно-изыскательской работой в области использования гидроэнергетических ресурсов СССР и повышения её эффективности приказом № 110 от 31.12.1935 г. по Главному управлению Главгидроэнергостроя НКТП с 01.01.1936 г. трест «Гидроэлектропроект» и институт «Гидростройпроект» были объединены в проектно-изыскательский трест «Гидроэнергопроект» (ГИДЭП) [25, л. 155].

В отличие от гражданского треста ГИДЭПа, институт «Гидропроект» до 1953 года принадлежал НКВД—МВД СССР, поэтому располагал большим производственным потенциалом, включая рабочую силу заключённых. Его главной задачей была разработка проектов конкретных объектов строительства. Ядро коллектива будущего Гидропроекта сложилось на базе проектных подразделений Управления строительства канала Москва—Волга, созданных в сентябре 1930 года [26, с. 85]. После успешного завершения проектно-изыскательских и строительных работ в 1937 году объекты канала, в том числе Иваньковский гидроузел, были введены в эксплуатацию.

Строительство канала Москва—Волга и его эксплуатация показали, что советские технические специалисты способны без иностранной помощи решать сложные инженерные задачи. Именно здесь сложился основной состав гидротехников, в 1930—1950-х годах проектировавших гидроузлы Волжского каскада: С. Я. Жук, Б. К. Александров, В. Д. Журин, Г. А. Руссо и др.

В 1935 году из сотрудников Управления канала Москва—Волга был образован проектный отдел Волгостроя НКВД СССР, главной задачей которого было возведение Рыбинского и Угличского гидроузлов [26, с. 90]. Под-

черкнём, что разработанные проектировщиками под руководством Г. А. Чернилова положения легли в основу плана коренной реконструкции Волги, в том числе Верхневолжских сооружений.

Окончательно организационное оформление Гидропроекта произошло в 1940 году приказом НКВД СССР № 978 от 26 октября 1940 года. Проектно-изыскательские и исследовательские работы по гидростроительству в системе Главгидростроя выделялись в специализированные организации: Московское и Ленинградское проектные управления Главгидростроя НКВД СССР (сокращённое название — Гидропроект) [26, с. 98]. Фактически по техническим разработкам института в 1930—1980-е годы были сооружены Иваньковский, Рыбинский, Угличский, Куйбышевский, Сталинградский и Чебоксарский (см. схему 1) гидроузлы на Волге.

Извлечённые из архивов документы позволяют утверждать, что при возведении шести из восьми волжских гидроузлов в 1930—1950-е годы активно применялся принудительный труд заключённых ГУЛАГа. В отличие от удалённых северных исправительно-трудовых лагерей, Дмитровский, Волжский, Самарский, Кунеевский и Ахтубинский ИТЛ и Городецкая ИТК создавались в центральных районах СССР с целью обеспечения рабочей силой строительства Иваньковского, Рыбинского, Угличского, Куйбышевского, Сталинградского и Горьковского гидроузлов. После 1953 года на строительных площадках Горьковской и Сталинградской ГЭС остались только вольнонаёмные рабочие. По нашим подсчётам, в разные периоды заключённые составляли в среднем около 53 % от кадрового состава строителей вышеуказанных гидроузлов.

Преимущество использования труда осуждённых заключалось в мобильности данного вида рабочей силы и низких требованиях к жилищно-бытовым условиям. Кроме этого, их количество в принципе ничем не ограничивалось. Численность заключённых была различной и зависела от масштаба строительных работ. Так, в Волжском ИТЛ (Рыбинский и Угличский гидроузлы) их минимальное количество было зафиксировано 1 мая 1953 года — 9306 осуждённых, максимальное — 15 марта 1941 года — 97 069 [27, л. 25]. В Кунеевском ИТЛ наименьшая численность отмечена 1 декабря 1949 года — 1253 заключённых, наибольшая — 1 января 1954 года — 46 507 [20, с. 308].

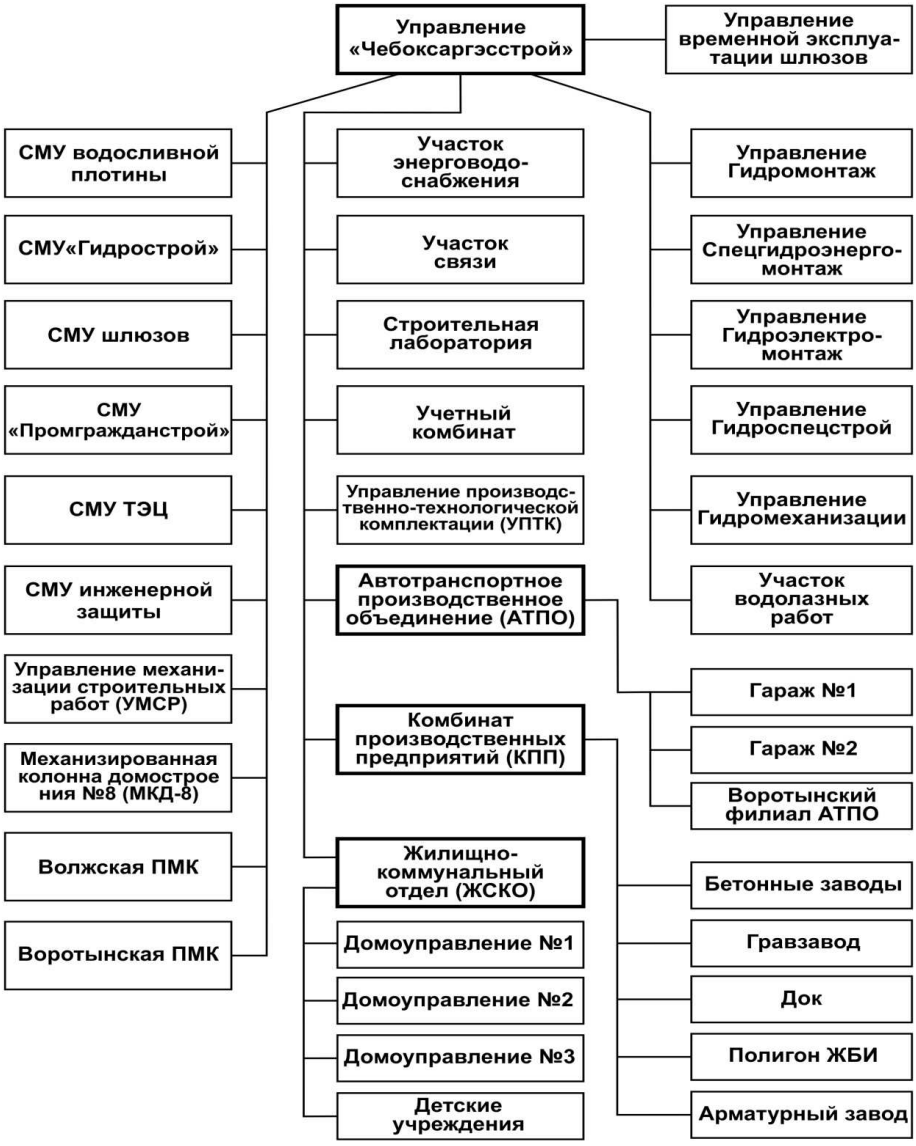
Сложным является вопрос об эффективности труда осуждённых, поскольку нами были выявлены многочисленные случаи приписок в отчётах о выполнении производственных планов и других показателей. В этом аспекте наиболее интересным документом является заключение внутренней комиссии Управления Куйбышевгидростроя по расследованию 28 фактов приписок к государственной отчётности по выполнению плана строительства, обнаруженных в результате проверки трёх стройрайонов в 1951 году [28, л. 1—9]. Руководство Горьковгэсстроя в 1953 году, через 5 лет после начала работ, отказалось от применения рабочей силы заключённых из-за низких производительности и качества труда. Поэтому мы считаем, что экономическая эффективность принудительного труда была по меньшей мере невысокой. Тем не менее использование заключённых способствовало ускоренному решению многих производственных задач.

Тоталитарный характер политической системы и внушительные административные ресурсы властных структур обеспечили создание законодательной базы, необходимой для реализации процесса строительства крупных гидроузлов на Волге, в густонаселённом регионе, за исторически короткий срок. Решения высшей политической элиты оформлялись в основном в виде постановлений, которые являлись строго обязательными для исполнения. Анализ законодательных документов показал, что они отражали принцип государственной собственности на землю и природные ресурсы, что в конечном итоге приводило к экстенсивному подходу в их освоении. Однако во многих случаях они были несовершенными, принимались с опозданием или же отсутствовали.

Итак, основными факторами гидростроительства на Волге являлись: 1) потребности развития промышленности и транспортного судоходства, а также водоснабжения и сельского хозяйства; 2) большое оборонное значение гидроузлов; 3) удачный опыт отечественного сооружения ГЭС в 1920—1930-х годах; 4) высокий научно-технический потенциал; 5) принудительный труд заключённых, активно применявшийся в 1930—1950-х годах при возведении шести из восьми волжских гидроузлов.

Схема 1

Структура Чебоксаргэсстроя в основной период строительства (1976—1981 гг.) [29, с. 158]



В формировании выявленных факторов существенную роль сыграли представители как партийно-хозяйственной элиты, так и научно-технической интеллигенции СССР.

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 31. Д. 182.
2. *Никулин, И. А.* «Экологическое наследие» ГУЛАГа / И. А. Никулин // Политические репрессии в Ставрополе-на-Волге в 1920—1950-е годы: чтобы помнили… / сост. Н. А. Ялымов. Тольятти, 2005. 320 с.
3. *Хонин, В. А.* Проблемы индустриализации Среднего Поволжья / В. А. Хонин. М.—Самара, 1930. 111 с.
4. Средняя Волга. Социально-экономический справ. / под общ. ред. С. Н. Крылова. М.—Самара, 1934. 391 с.
5. *Кузьмина, Т. Н.* Индустриальное развитие Поволжья, 1928 — июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки / Т. Н. Кузьмина, Н. А. Шарошкин. Пенза, 2005. 604 с.
6. *Богоявленский, К. В.* Волжская районная гидроэлектрическая станция (к вопросу о Волгострое) / К. В. Богоявленский. Самара, 1928. 22 с.
7. *Чаплыгин, А. В.* Волгострой / А. В. Чаплыгин. Самара, 1930. 126 с.
8. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 28. Д. 456.
9. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 29. Д. 678.
10. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 212.

11. См., например: *Сталин, И. В.* О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 04.02.1931 г. / И. В. Сталин // Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://1stalin.ru/13-18.htm; *Сталин, И. В.* Политический отчёт ЦК XVI съезду ВКП(б). 27.06.1930 г. / И. В. Сталин // Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://1stalin.ru/12-16.htm.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1806.
13. *Кокурин, А. И.* ГУЛАГ: структура и кадры / А. И. Кокурин, Н. В. Петров // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 109—128.
14. РГАЭ. Ф. 4372. Д. 456.
15. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 209. Оп. 1. Д. 42.
16. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 16. Д. 246.
17. Гидроэнергетика и комплексное использование водных ресурсов СССР / под общ. ред. П. С. Непорожнего. М., 1970. 320 с.
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967) : сб. док. за 50 лет : в 5 т. Т. 2. 1929—1940 гг. / сост. К. У. Черненко. М., 1967. 798 с.
19. Волжский и Камский каскады гидроэлектростанций / под общ. ред. Г. А. Руссо. М.—Л., 1960. 272 с.
20. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923—1960 : справ. / сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. 600 с.
21. АРАН. Ф. 174. Оп. 2. Д. 34.
22. Управление по делам архивов мэрии городского округа Тольятти. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 17.
23. Филиал Российского государственного архива научно-технической документации (филиал РГАНТД). Ф. Р-119. Оп. 2—4. Д. 411.
24. РГАЭ. Ф. 7854. Оп. 1. Д. 23.
25. РГАЭ. Ф. 7854. Оп. 1. Д. 2.
26. История Гидропроекта. 1930—2000 / под ред. В. Д. Новоженина. М. : ООО «Парк Принт», 2000. 544 с.
27. ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1а. Д. 371.
28. Управление по делам архивов мэрии городского округа Тольятти. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 49.
29. Чебоксарская ГЭС на реке Волга. Технический отчёт о проектировании, строительстве и первом периоде эксплуатации : в 2 т. Т. 2. М., 1988. 517 с.

Г. Ф. Варнакова

РАСЧЕТ ПОСОБИЙ ПО БОЛЬНИЧНОМУ ЛИСТУ

В статье рассматривается методика расчета пособий по временной нетрудоспособности.

Ключевые слова: больничный лист, пособие по временной нетрудоспособности, социальное страхование, средний заработок, страховой стаж.

G. F. Varnakova

CALCULATION OF BENEFITS FOR SICK LEAVE

The article considers the method of calculation of benefits for temporary incapacity for work.

Key words: sick leave, benefit for temporary incapacity for work, social insurance, average salary, length of pensionable service.

С первого января 2011 года введен новый порядок расчета пособий по временной нетрудоспособности, в связи с чем денежные суммы по больничному листу у некоторых работников уменьшились.

Основные положения расчета пособий по временной нетрудоспособности определены в Федеральном законе от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством». Основные его положения состоят в следующем.

За первые три дня временной нетрудоспособности пособие начисляется за счет работодателя, а начиная с четвертого дня — за счет средств Фонда социального страхования (ФСС) РФ.

Начисление за счет работодателя отражается бухгалтерской проводкой: Дт сч. 20, 23, 25, 26, 44 Кт сч. 70.

Начисление за счет ФСС отражается в бухгалтерском учете проводкой: Дт сч. 69 Кт сч. 70.

Пособие начисляется за счет ФСС с первого дня только в случаях необходимости осуществления ухода за больным членом семьи, карантина застрахованного лица, а также карантина ребенка в возрасте до семи лет, посещающего дошкольное учреждение, осуществления протезирования по медицинским показаниям в стационарном специализированном учреждении, непосредственно после стационарного лечения.

Пособие по временной нетрудоспособности исчисляется исходя из среднего заработка застрахованного лица, рассчитанного за два календарных года, предшествующих году наступления временной нетрудоспособности, отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком, в том числе за время работы у других страхователей.

Если сотрудник работает на условиях неполного рабочего времени, то средний заработок определяется пропорционально отработанному времени. В расчет нужно принимать все выплаты в пользу работника, взносы с которых были перечислены страхователем в ФСС РФ в соответствии с Законом № 212-ФЗ.

Вместе с тем указанный средний заработок должен учитываться за каждый календарный год в сумме, не превышающей 415 000 руб. за 2010 год и 463 000 руб. за 2011 год. В расчет берется заработок начиная с 1 января по 31 декабря каждого года, то есть независимо от того, когда заболел работник — в марте текущего года либо в мае — для расчета берется заработок двух предыдущих лет.

Пример 1

Старшему специалисту было начислено за 2010 год 470 000 руб., за 2011 год — 520 000 руб. Размер среднего заработка по каждому году превышает предельные значения зарплаты. Следовательно, при назначении пособия в 2010 году следует учитывать средний заработок в пределах 415 000 руб. и 2011 году в пределах лимита (415 000 + 463 000).

Граждане, которые трудятся у работодателей, применяющих специальные налоговые режимы, обеспечиваются пособиями в 2012 году по общим правилам. У них в средний заработок также включаются все виды выплат и иных вознаграждений в пользу работника, на которые начисляются страховые взносы в ФСС РФ. Ограничительными лимитами являются вышеуказанные суммы.

Средний дневной заработок определяется путем деления общего заработка на 730 дней (365 × 2). То есть число календарных дней, приходящихся на период, за который учитывается заработная плата, с 2011 года не будет иметь значения при исчислении пособий.

Новый порядок расчета среднего дневного заработка изложен в постановлении Правительства РФ № 375 от 15.06.2007 г.

Пример 2

Бухгалтер организации заболела 14 апреля 2012 года. За расчетный период (с 1 января по 31 декабря) заработок сотрудницы за 2011 и 2012 гг. составил 348 000 и 360 000 руб. соответственно. Средний дневной заработок составил 969,86 руб. (708 000 : 730 дн.).

На размер пособия влияет страховой стаж работника. Если страховой стаж до 5 лет, начисляется 60 % заработка, если стаж от 5 до 8 лет — 80 % заработка, если стаж выше 8 лет — начисляется 100 % заработка.

Пример 3

Сотрудник фирмы был болен с 6 по 13 июля 2012 года. Средний дневной заработок за предыдущие два года составил 385,35 руб. Страховой стаж работника 7 лет и 4 месяца, в связи с чем пособие должно быть выплачено из расчета 80 %, то есть 308,28 руб.

Пособие исчисляется путем умножения среднего дневного заработка на количество дней по больничному листу, то есть 2466,24 руб. (308,28 руб. × 8 дн.).

Если работник в течение двух лет не имел заработка, то пособие по больничному листу начисляется исходя из МРОТ, установленного на день наступления страхового случая.

Если застрахованное лицо имеет страховой стаж менее 6 месяцев или одно или несколько оснований для снижения пособия по временной нетрудоспособности, пособие выплачивается в размере, не превышающем за полный календарный месяц МРОТ.

Средний дневной заработок определяется следующим образом: МРОТ × 24 : 730 дн.

Пособие составит 151,6 руб. (4611 × 24 : 730).

Данная сумма умножается на процент страхового стажа либо коэффициент, если работа осуществляется на условиях неполного дня. Далее определяется сумма к получению путем умножения количества календарных дней болезни на средний дневной заработок.

Порядок выплаты пособий застрахованным лицам — совместителям, занятым у нескольких страхователей, с 2011 года имеет следующие особенности:

1) пособие назначается и выплачивается по каждому месту работы. Это возможно, если на момент наступления страхового случая застрахованное лицо было занято у нескольких работодателей, а в двух предшествующих календарных годах было занято у них же.

Пособие выплачивается каждым работодателем только по своим данным о доходах работника, заработок у другого работодателя не учитывается. При этом средний заработок за каждый год учитывается каждым страхователем в сумме, не превышающей предельную величину (в 2010 году — 415 000 руб., в 2011 году — 463 000 руб.);

2) пособие назначается и выплачивается по одному из последних мест работы по выбору работника. Это возможно, если на момент наступления страхового случая застрахованное лицо было занято у нескольких работодателей, а в двух предшествующих календарных годах было занято у других работодателей. В случае выплаты пособия по одному из последних мест работы по выбору застрахованного лица ему нужно представить справку с места работы у другого страхователя о том, что назначение и выплата пособий этим страхователем не осуществляются (ФЗ № 255).

Больничные выплачивают бывшим сотрудникам, которые заболели в течение 30 календарных дней с момента увольнения. При этом срок болезни значения не имеет.

Ежемесячное пособие по уходу за ребенком выплачивается только по одному месту работы (как и ранее). Рассчитывается пособие с учетом заработка и при соблюдении ограничений.

Пример 4

Сотрудница организации оформляет пособие по уходу за ребенком с 1 марта 2012 года. В организации работает только с 2012 года, а в 2010 и 2011 гг. в этой организации она не работала. В

данной организации она представила работодателю справки о зарплате, на которую начислялись страховые взносы в ФСС РФ. В предыдущей организации в 2010 году она получила 180 000 руб., в 2011 году — 210 000 руб. Заработок в 2012 году в расчет не берется. Пособие исчисляется на основании представленных справок, но с учетом ограничений, установленных законодательно (415 000 и 463 000 руб.). Средний дневной заработок составит 534,25 руб. (180 000 + 210 000) : 730 дн. Среднемесячный заработок составит 16241,2 руб. Размер пособия — 6496,48 руб. (16241,2 × 40 %). С суммы пособия удерживается НДФЛ 13 %.

Таким образом, новую методику расчётов следует учитывать юридическим лицам при расчете по больничному листу с 2011 года.

---

1. Федеральный закон № 255 от 29.12.2006 г. «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию».
2. Федеральный закон № 343 от 08.12.2010 г. «Порядок выплаты пособий по социальному страхованию в связи с временной нетрудоспособностью и в связи с материнством».

Н. Н. Ломовцева

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) УЧРЕЖДЕНИЯХ РФ

В статье раскрываются особенности законодательного регулирования норм и условий оплаты труда в государственных и муниципальных учреждениях России, а также последние изменения в системе оплаты труда в соответствии с проводимой реформой бюджетного сектора.

Ключевые слова: оплата труда, Трудовой кодекс, базовый оклад, компенсационные и стимулирующие выплаты.

N. N. Lomovtseva

PECULIARITIES OF LABOR REMUNERATION REGULATION IN STATE (MUNICIPAL) INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article reveals the peculiarities of legal regulation of norms and terms of labor remuneration in the state and municipal institutions of Russia, as well as the latest changes in the payment system according to the budget sector reform.

Key words: labour payment, Labour code, basic salary, compensation and incentive payments.

Оплата труда работников бюджетной сферы, к которой относятся такие общественно-социальные направления деятельности, как образование, здравоохранение, наука, культура и другие, определяется особенностями их труда. Это, во-первых, исключительная социальная значимость труда работников этого сектора для воспроизводства трудового потенциала и конкурентоспособности государства. Во-вторых, особая сложность труда, требующая высокой квалификации. В-третьих, трудность измерения итогов или результатов труда.

Для выполнения государственных (муниципальных) функций в отраслях бюджетной сферы органами государственной или муниципальной власти создаются учреждения, которые финансируются за счет соответствующих бюджетов в части выполнения ими государственных или муниципальных услуг. Федеральное законодательство (Закон от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ) определило типы государственных (муниципальных) учреждений как казенные, бюджетные и автономные учреждения [1]. Все эти учреждения относятся к некоммерческим организациям, в которых действуют определенные правила по оплате труда.

Регулирование оплаты труда в России в соответствии с Конституцией РФ осуществляется трудовым законодательством и рядом иных нормативных правовых актов. Конституция РФ устанавливает, что вопросы трудового законодательства являются предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Среди федеральных законов в сфере труда основополагающее место отводится Трудовому кодексу РФ (ТК РФ), который имеет бесспорный приоритет перед иными федеральными законами, содержащими нормы трудового права. Это означает, что нормы трудового права, содержащиеся в иных федеральных законах, должны соответствовать ТК РФ.

Трудовой кодекс регламентирует вопросы по оплате труда работников всех отраслей бюджетной сферы. В данном документе определены такие основы регулирования оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях, как:

- Определение системы оплаты труда (СОТ) соответствующим органом государственной или муниципальной власти;
- Установление СОТ коллективными договорами, соглашениями и локальными нормативными актами учреждения;

• Согласование данных документов с представительными органами учреждения, например, с профсоюзной организацией;

• Наличие в структуре заработной платы работников трех составляющих элементов: базового оклада, компенсационных и стимулирующих выплат;

• Соблюдение основных государственных гарантий по оплате труда работников, например, в части минимального размера оплаты труда.

В статье 144 ТК РФ закреплена норма о том, что системы оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений устанавливаются:

• в федеральных государственных учреждениях — коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

• в государственных учреждениях субъектов Российской Федерации — коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации;

• в муниципальных учреждениях — коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления [2].

Следовательно, независимо от уровня подчиненности учреждения, ***система оплаты труда в нем устанавливается коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с законами и иными нормативными актами государственных органов и органов местного самоуправления***, действующими для соответствующего уровня подчиненности учреждений: федерального, субъектов Федерации, муниципального. Установление системы оплаты труда в учреждении через коллективные договоры, соглашения и локальные нормативные акты происходит с участием представителей интересов работников (например, профсоюзной организации).

В России последние 10 лет к документам, которые регулируют социально-трудовые отношения в бюджетной сфере (в том числе условия оплаты труда), относятся **Единые рекомендации** (Рекомендации), принимаемые ежегодно трехсторонней комиссией, в которую входят работодатели, представители коллективных органов (профсоюзы) и государственные органы. Рекомендации разрабатываются в соответствии со статьей 135 Трудового кодекса в целях обеспечения единых подходов к регулированию заработной платы работников учреждений, финансируемых из бюджетов федерального, регионального или муниципального уровня. На 2012 год приняты Рекомендации, подписанные координаторами сторон Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений и утверждённые соответствующим решением от 27 декабря 2011 года. Рекомендации учитываются Правительством Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при определении размеров и условий финансирования организаций здравоохранения, образования, науки, культуры и других государственных (муниципальных) учреждений. Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на календарный год определяют следующие моменты:

• Принципы формирования федеральной, региональных и муниципальных систем оплаты труда;

• Перечень норм и условий оплаты труда, регламентируемых федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ;

• Системы оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений;

• Системы оплаты труда работников федеральных государственных учреждений и работников государственных учреждений субъектов РФ и муниципальных учреждений;

• Систему оплаты труда руководителей учреждений, их заместителей и главных бухгалтеров;

• Формирование фондов оплаты труда в государственных и муниципальных учреждениях и другие вопросы [3].

На основании вышеизложенного становится понятно, что в настоящее время существует несколько уровней законодательной власти для принятия решений по регулированию систем оплаты труда в государственных и муниципальных учреждениях, а на федеральном уровне определяются только основные условия и принципы оплаты труда данных работников.

Кроме Трудового кодекса и Единых рекомендаций, регулирующих основные параметры оплаты труда бюджетников РФ, к единым нормативным документам в этой области относятся приказы Министерства здравоохранения и социального развития (Минздравсоцразвития), которые определяют принципы формирования заработной платы, основные позиции по формированию базовых окладов в различных отраслях социальной сферы, виды стимулирующих и компенсационных выплат.

Как говорилось выше, заработная плата работников государственных и муниципальных учреждений состоит из трех элементов: базового оклада, компенсационных и стимулирующих выплат.

Основной базовый оклад является гарантированной минимальной заработной платой, которая находит отражение в трудовом договоре с работником учреждения и характеризует уровень его профессионализма и сложности выполняемой работы. Трудовые обязанности по каждой должности и требования к уровню квалификации работников определены в Едином тарифно-квалификационном справочнике работ и профессий рабочих и Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих. Базовый оклад согласно занимаемой должности устанавливается работнику в соответствии с профессионально-квалификационной группой (ПКГ). Для каждой отрасли Минздравсоцразвития были разработаны и утверждены свои профессиональные квалификационные группы: для здравоохранения и культуры — в 2007 году, для сферы образования и науки — в 2008 году.

Кроме этого, были изданы приказы, определяющие общеотраслевые профессиональные группы профессий и должностей:

- Приказ Минздравсоцразвития от 29 мая 2008 года № 247н «Об утверждении профессиональных квалификационных групп общеотраслевых должностей руководителей, специалистов и служащих»;
- Приказ Минздравсоцразвития от 29 мая 2008 года № 248н «Об утверждении профессиональных квалификационных групп общеотраслевых профессий рабочих».

Каждая профессиональная группа в зависимости от квалификации работников подразделяется на несколько квалификационных уровней (ПКУ). Первый квалификационный уровень по каждой группе присваивается работнику с наименьшей квалификацией и определяет базовый минимальный оклад. Все последующие уровни увеличивают сумму базового оклада работников в зависимости от его квалификации, опыта работы и других профессиональных факторов. Например, в здравоохранении 12 уровней, в образовании — 10, в сфере высшего и дополнительного образования — 9. Базовые оклады по каждому уровню утверждаются в локальном акте учреждения в соответствии с нормативными документами учредителей или разрабатываются самостоятельно.

Компенсационные выплаты, перечень которых был утвержден приказом Минздравсоцразвития, носят законодательный характер и отражают условия труда, отличающиеся от нормальных [4]. Нормативными актами на уровне РФ отражены минимальные уровни доплат за данные условия работы. Например, минимальные размеры повышения оплаты труда за работу в ночное время устанавливаются Правительством РФ с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Правительство РФ издало Постановление от 22.07.2008 года № 554 «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время». Согласно данному постановлению, минимальный размер повышения оплаты труда за работу в ночное время (с 22 до 6 часов) составляет 20 % часовой тарифной ставки (оклада, должностного оклада), рассчитанного за каждый час работы в ночное время. Конкретные размеры повышения оплаты труда за работу в ночное время устанавливаются коллективным договором учреждения, локальным нормативным актом.

Перечень стимулирующих выплат также утвержден приказом Минздравсоцразвития и характеризует выплаты, которые должны отражать итоговый результат работы

каждого сотрудника государственного (муниципального) учреждения [5]. Критерии и условия данных выплат разрабатываются учреждением и отражаются в локальном нормативном акте. Объем данных выплат регулируется учредителем и колеблется от 10 до 30 % общего фонда заработной платы учреждения.

Согласно основным федеральным законодательным нормам об оплате труда, учредитель на соответствующем уровне государственного (муниципального) управления в лице исполнительного органа разрабатывает Типовое положение об оплате труда, учитывая отраслевые особенности своих учреждений. Размеры базовых окладов и выплаты компенсационного и стимулирующего характера в государственных (муниципальных) учреждениях сегодня устанавливаются в соответствии с нормативными документами учредителей коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами учреждений с учетом мнения представительного органа работников. Руководителю государственного (муниципального) учреждения дано право устанавливать персональные повышающие коэффициенты к минимальному окладу по соответствующей профессионально-квалификационной группе и размеры стимулирующих выплат конкретному работнику, то есть сегодня права руководителя в части регулирования оплаты труда работникам расширены. При этом заработная плата самого руководителя государственного (муниципального) учреждения устанавливается в кратном размере от среднего уровня заработной платы основного персонала данного учреждения, должности которого по каждой отрасли утверждены Минздравсоцразвития. Конкретный уровень базового оклада и стимулирующих выплат руководителю учреждения оговаривается в типовом положении учредителя и трудовом договоре с руководителем.

Исходя из вышеперечисленного, можно сформулировать основы регулирования оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях следующим образом:

1. Основным законодательным актом в Российской Федерации, отражающим нормы формирования и регулирования оплаты труда в социальной сфере, является Трудовой кодекс РФ, который определил полномочия каждого уровня государственной и муниципальной власти в части формирования системы оплаты труда и ее структуры, а также государственные гарантии по оплате труда.

2. Кроме Трудового кодекса, общим регулирующим документом являются трехсторонние Единые рекомендации, принимаемые на каждом уровне государственной власти и включающие конкретные позиции по оплате труда в государственных учреждениях на календарный год с учетом экономической ситуации в стране и регионах.

3. Обязательными для применения учредителями всех уровней государственной власти являются нормативные и методические документы Министерства здравоохранения и социального развития РФ в области регулирования труда и его оплаты, которые конкретизируют многие отраслевые вопросы в этой области.

4. Согласно статье 144 ТК РФ, на каждом уровне государственной (муниципальной) власти учредитель в соответствии с федеральным трудовым законодательством своим постановлением разрабатывает и утверждает типовые положения об оплате труда, учитывая отраслевые особенности своих учреждений.

5. Данное Типовое положение является основой для государственных (муниципальных) учреждений при разработке и утверждении своих положений об оплате труда, которые в обязательном порядке согласовываются с трудовым коллективом или его представителями. В этом документе находят отражение не только условия, по которым происходит начисление основных выплат за отработанное время, но и критерии компенсационных и стимулирующих доплат, премиальные поощрения, материальная помощь и другие.

Подводя итог, нужно отметить следующие особенности регулирования оплаты труда в государственных и муниципальных учреждениях РФ: роль государства в регулировании условий выплаты заработной платы в государственных и муниципальных учреждениях достаточно высока, но при этом государственные законодательные нормы являются обязательным минимальным уровнем для всех организаций. При возможности оказания дополнительных платных услуг учреждения (бюджетные и автономные) имеют сегодня право направлять эти средства на оплату труда и этот минимум постоянно нара-

щивать. Взаимоотношения работников и работодателей государственных (муниципальных) учреждений строятся в рамках выделенных и дополнительно зарабатываемых средств. Работники оформляют договорные отношения с работодателями, которые выступают от имени государственных (муниципальных) органов. Условия оплаты труда с этими работниками, которые регламентированы соответствующими законодательными актами и приказами вышестоящих организаций, оформляются нормативными локальными документами, такими как Коллективный договор учреждения, Положение об оплате труда и материальном поощрении. Сегодня государство пытается увязать более качественную работу бюджетников с более высоким уровнем заработной платы, вводя в структуру заработной платы такую составляющую, как стимулирующие выплаты по полученным результатам. Эти и другие условия определяют необходимость создания эффективного механизма государственного и коллективно-трудового регулирования заработной платы и в части минимального размера оплаты труда, и в части ее дифференциации, и в части определения критериев стимулирования по итогам работы в государственных и муниципальных учреждениях.

1. Федеральный закон от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ в последней редакции.
3. Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2012 год : утв. решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 27 декабря 2011 года, протокол № 10.
4. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 29.12.2007 года № 822 «Об утверждении перечня видов выплат компенсационного характера в федеральных бюджетных учреждениях и разъяснения о порядке установления выплат компенсационного характера в федеральных бюджетных учреждениях».
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 29.12.2007 года № 818 «Об утверждении перечня видов выплат стимулирующего характера в федеральных учреждениях и разъяснения о порядке установления выплат стимулирующего характера в федеральных бюджетных учреждениях».

Е. В. Муравьева

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Возрастание значимости взаимодействия вузов и предприятий в современных условиях приводит к необходимости более глубокого исследования сущности интеграции. В современных условиях подготовка выпускника-специалиста невозможна только в рамках знаний (образование — наука), умений (наука — практика) и навыков (образование — практика), необходима интеграция науки, образования и практики. Интеграция образования и промышленного производства является одним из путей более быстрого включения нового знания, генерируемого наукой, посредством образования в хозяйственную практику.

Ключевые слова: интеграция, интегрированные структуры, интеграционные объединения, образование.

E. V. Muravjeva

INTEGRATIONAL PRIORITIES OF EDUCATION AND INDUSTRY

Nowadays the importance of educational establishments and industry interaction is increasing. It leads to the necessity of a deeper study of integration essence. In modern conditions training of a graduate is impossible only within the framework of knowledge (education — science), abilities (science — practice) and skills (education — practice). It is necessary to integrate science, education and practice. Educational and industrial production integration is one of ways to introduce new knowledge generated by science in economic practice by means of education.

Key words: integration, integrated structures, integration communities, education.

С превращением образования в доминирующий фактор социально-экономического развития и обеспечения конкурентоспособности национальной экономики прежнее соотношение науки и образования оказывается неприемлемым. Это вызвано многими причинами. Во-первых, кардинальные изменения претерпели роль и место знаний в развитии экономики. Из внешнего фактора развития экономики знания превратились в непосредственную производительную силу, или в эндогенный фактор функционирования экономики. Но последовательная реализация изменившейся ситуации невозможна без интеграции образования и науки. Во-вторых, закономерно произошло ускорение морального износа знаний. Подсчитано, что ежегодно обновляется 5 % теоретических и 20 % прикладных знаний [3]. Интеграция образования и производства является одним из путей более быстрого включения нового знания, генерируемого наукой, посредством образования в хозяйственную практику. В-третьих, интеграция образования и производства превращает их во взаимодополняющие и взаимообогащающие источники развития.

Стремительное развитие наукоемких производств, сокращение циклов обновления промышленного оборудования и переподготовки кадров, ускорение внедрения инновационных научных разработок в массовое производство, информатизация экономики предъявляют новые требования к науке, образованию и промышленности: они не могут больше эффективно развиваться и адаптироваться к изменениям изолированно, независимо друг от друга.

Вузы все чаще сталкиваются с проблемами финансирования фундаментальных исследований, а также коммерциализации научных открытий и разработок. Недостаточное финансирование ведет к ослаблению материально-технической базы, устареванию оборудования и потере высококвалифицированных кадров.

В современных условиях подготовка выпускника-специалиста невозможна только в рамках знаний (образование — наука), уме-

ний (наука — практика) и навыков (образование — практика), необходима интеграция науки, образования и практики.

Образование рассматривается как ключевое звено влияния на процесс интеграции на государственном уровне. Поэтому центральным звеном интеграционных процессов в сфере науки, образования и производства должны выступать вузы.

Возрастание значимости взаимодействия вузов и предприятий в современных условиях приводит к необходимости более глубокого исследования сущности интеграции. В экономическом словаре под интеграцией понимается «объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними» [1, с. 134].

В экономической литературе [2, с. 11] под интеграцией понимается организационно-экономическое объединение двух или более элементов в единое целое, приобретающее по сравнению с арифметическим сложением частей более высокое качество. Объединяющиеся элементы свое существование в прежнем виде, как правило, прекращают полностью или частично. По мнению В. А. Гущина [4, с. 22], интеграция — это заключение на добровольной основе договоров и соглашений, предусматривающих определенное объединение экономических ресурсов путем развития кооперации и специализации производства, исследований, научно-технических разработок. При этом важнейшей отличительной чертой интеграции является повышение эффективности использования производственного потенциала за счет взаимовыгодного объединения усилий и ресурсов [2, с. 11].

По мнению И. О. Сорокиной, интеграция позволяет участникам достичь и удержать определенные позиции на рынке посредством решения следующих задач:

- объединение ресурсов — интеллектуальных, технологических, финансовых, маркетинговых — для достижения синергетического эффекта и диверсификации деятельности;
- оптимизация расходов на НИОКР, организация технологического процесса, корпоративное управление, продвижение и поддержка товара для достижения максимальной экономии и повышения рентабельности бизнеса;
- минимизация коммерческих рисков путем получения гарантированного доступа на целевые рынки. Цель интеграционного объединения как такового, по мнению И. О. Сорокиной, состоит в углублении взаимодействия между участниками для укрепления их связей [5, с. 4].

Под «интеграционными процессами» понимаются процессы объединения субъектами рыночных отношений активов в рамках единого процесса. Интеграционные связи, в свою очередь, призваны установить крепкую взаимосвязь между вузом и предприятиями, создав тем самым интегрированную структуру для укрепления производственного потенциала, определяющего конкурентоспособность отрасли.

Интегрированная структура, в свою очередь, может быть обозначена как устойчивая группа связанных между собой участников, объединенных на основе добровольной передачи им части своих прав одному из участников — центральной (головной) компании и подчинения общим интересам интегрированной структуры в целом [5, с. 4]. Основными признаками интегрированных структур, по мнению С. В. Булярского [2, с. 12], являются объединение материальных и интеллектуальных ресурсов, наличие управляющего центра, достижение синергетических эффектов от интеграции. Далее С. В. Булярский [2, с. 12] отмечает, что интеграция не всегда должна сопровождаться появлением единого юридического лица, достаточно установления договорных отношений.

В российской практике сложились разнообразные виды интегрированных структур, различающиеся по характеру хозяйственных связей между участниками, по степени самостоятельности входящих в объединение предприятий, сочетанию централизации и децентрализации управления, условиям проведения интеграционных процессов, отраслевой принадлежности участников. В частности, можно указать такую классификацию видов интегрированных объединений, которая наиболее часто встречается в экономической литературе [5, с. 3]:

1. Виды интегрированных объединений, сгруппированных по экономическим признакам:

— по направлению интеграции:

а) горизонтальные;

б) вертикальные;

в) конгломеративные (круговые);

г) параллельные;

— по географии деятельности участников интеграционного процесса:

а) местные;

б) региональные;

в) национальные;

г) международные;

д) транснациональные;

— по отраслям экономики, в которых представлены участники интеграции:

а) отраслевые;

б) межотраслевые;

— по степени диверсификации:

а) монопрофильные;

б) многопрофильные;

— по целям образования:

а) для извлечения прибыли;

б) для повышения конкурентоспособности и получения монополии на рынке;

в) для продвижения продукции (товаров, работ или услуг) на соответствующем рынке и др.;

— по степени консолидации:

а) объединения на принципах ассоциации (объединения, участники которых сохраняют свою независимость и права в полном объеме);

б) объединения на принципах агломерации (образуются в результате частичной или полной централизации капиталов субъектов интеграции).

2. Виды интегрированных объединений, сгруппированных по правовым признакам:

— по критерию правосубъектности:

а) не обладающие правосубъектностью;

б) обладающие отдельными элементами правосубъектности (частичной правосубъектностью или квазисубъектностью);

в) обладающие правосубъектностью;

— по признаку регистрации предпринимательской деятельности:

а) подлежащие обязательной регистрации;

б) не подлежащие регистрации;

— по организационно-правовым формам:

а) холдинг;

б) финансово-промышленная группа;

в) объединение, основанное на договоре простого товарищества.

Необходимость создания интеграционных структур, по мнению О. И. Сорокиной, диктуется следующим:

• во-первых, новая технологическая волна, преобразующая производство, опирается прежде всего на междисциплинарные исследования и разработки, которые могут быть реализованы только смешанными коллективами;

• во-вторых, высокая динамика модернизации производства предполагает сокращение цикла освоения технологических производств, а значит, и опережающую подготовку кадров для осуществления инноваций;

• в-третьих, наука и образование во многом приобретают предпринимательский характер, что выражается в создании венчурных научно-производственных организаций, но именно эти задачи наиболее ограничены для учебно-научных центров [6].

В результате интеграции вуза с хозяйствующими субъектами возникнет устойчиво функционирующий образовательный механизм. Данный механизм будет включать современные материально-технические, информативные, учебно-методические, научно-исследовательские, социальные комплексы, обеспечивающие максимально возможную деятельность учреждений профессионального образования в области подготовки квалифицированного работника высокого профессионального уровня, способного производить позитивные изменения в области профессиональной деятельности, экономики и в социальной сфере.

Развитие интеграции даст возможность повышения качества подготовки кадров высшей квалификации в целях повышения конкурентоспособности продукции предприятий. Повышение качества подготовки кадров высшей квалификации будет происходить через обеспечение непрерывного инновационного развития и ресурсного замещения, повышения эффективности использования экономического потенциала промышленного комплекса, что позволит увеличить объемы выпуска, приведет к росту занятости и доходов населения и, как следствие, улучшению качества жизни.

---

1. *Булярский, С. В.* Инновационные организации образовательных и научных учреждений / С. В. Булярский. Ульяновск : УлГУ, 2005. 460 с.
2. Некоммерческие организации в образовании и науке: управление, экономика, право / С. В. Булярский, А. В. Жуков, С. А. Машталова, С. Н. Романов, А. М. Харитончук ; под ред. проф. С. В. Булярского. Ульяновск : УлГУ, 2002. 618 с.
3. Сохранение академической базы университета, развитие фундаментальных исследований

и инновационной деятельности [Электронный ресурс] / В. А. Власов, К. В. Юшицин, В. Л. Клименов, О. С. Коваленко. Режим доступа: http://za-kadry.tpu.ru/article/3111/1222.htm (дата обращения: 05.04.2010).

4. *Гущин, В. А.* Управление интеграционными процессами предприятий машиностроительной отрасли (на примере предприятий автомобильной промышленности Приволжского федерального округа) : автореф. дис. … канд. экон. наук / В. А. Гущин. Саранск, 2001.
5. *Сорокина, И. О.* Теоретические основы понятия «интеграция» и принципы ее осуществления / И. О. Сорокина // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 2. С. 3—6.
6. Технопарки в России. Рейтинговое агентство «Эксперт». Режим доступа: http://www. raexpert.ru/researches/technopark/part3/ (дата обращения: 03.04.2010).

Е. В. Пустынникова, В. В. Подгорнов

РАЗВИТИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРИРОВАННЫХ СИСТЕМ

В статье обосновывается важность информационного пространства с целью создания устойчивых региональных интегрированных систем.

Ключевые слова: интегрированные системы, информационное пространство, инновационные технологии.

E. V. Pustynnikova, V. V. Podgornov

DEVELOPMENT OF COMMON INFORMATION SPACE AS A FACTOR OF FORMATION OF STABLE REGIONAL INTEGRATED SYSTEMS

The article substantiates the importance of the information space in order to establish stable regional integrated systems.

Key words: integrated systems, information space, innovative technologies.

В современных условиях уровень экономического развития любого региона является, пожалуй, одним из важнейших индикаторов его конкурентоспособности. Без развития информационного обеспечения невозможно совершенствование технологий производства, что, в свою очередь, является базовым элементом всего производственного потенциала региона. Существует множество инструментов формирования региональных интегрированных систем. Их количественное и качественное разнообразие обусловлено многими факторами — географическим положением региона, местом во внутригосударственном разделении труда, специализацией производства, наличием отраслевой специфики, системой государственного управления, наличием (отсутствием) административных механизмов управления и т. д. Также к факторам, способствующим развитию региональных интегрированных систем, можно, на наш взгляд, отнести и наличие единого информационного пространства региона. Информационное пространство здесь понимается как устойчивая система прямых и обратных связей между административными, промышленными, образовательными, финансовыми и другими институтами региона, являющимися потенциальными участниками процесса интегрированного развития.

Единое информационное пространство региона призвано, на наш взгляд, отвечать цели обеспечения эффективного взаимодействия между органами власти, образовательными учреждениями, финансовыми и другими субъектами региона по вопросам интеграционного развития и, таким образом, при условии грамотного его использования, обеспечивает решение ряда задач:

1. Внедрение инновационных технологий в производственные процессы региона.
2. Повышение инвестиционной привлекательности региона.
3. Уменьшение (снятие) административных барьеров при создании интегрированных связей.
4. Проведение взаимовыгодной ценовой и логистической политики в соответствии с требованиями законодательной базы.
5. Подготовка высококвалифицированных кадров для нужд региональной экономики: выявление талантливых молодых специалистов в образовательных и научных учреждениях, повышение квалификации через образовательные курсы при вузах, в том числе и дистанционно, стимулирование научно-исследовательской работы.

Таким образом, единое информационное пространство выполняет следующие основные функции:

1. Формирование предпосылок, создание условий для реализации интеграционных проектов.

2. Координация субъектов интеграции.

При создании единого информационного пространства руководство региона должно разрабатывать и использовать различные инструменты, многообразие форм и подходов сотрудничества, постоянно расширяя функциональные возможности.

Профессор Университета города Тампере (Финляндия) Герд Шиенсток считает, что «региональные образования в большей степени, чем национальные государства, подходят для целенаправленного создания инфраструктуры экономики, основанной на знаниях... Регионы представляют собой настоящие сообщества, основанные на экономических интересах, пользующиеся преимуществами наличия устойчивых связей и синергии» [1, с. 83]. По нашему мнению, создание единой информационной системы будет способствовать развитию данных связей, подкрепляя географическую близость и однородность производства информационной составляющей, в процессе накопления и трансляции знаний в области производственного процесса и его технологической составляющей. Региональная экономика, имеющая на вооружении развитую информационную систему, легче адаптируется к быстро меняющимся условиям рынка, способна развивать новые для данной территории технологии, активно привлекать внешних специалистов и инвесторов, поскольку облегчает доступ к информации о производственном потенциале региона, «точках роста», инвестиционным предложениям.

Рассмотрим стратегии развития корпоративных структур, базирующихся в экономических кластерах и вступающих в интегрированные взаимодействия по направлениям ценовой, логистической, кадровой, инвестиционной и инновационной политики.

Управление трудовыми ресурсами в межкорпоративном взаимодействии

Управление трудовыми ресурсами является одним из важнейших аспектов теории и практики управления.

Основополагающая сущность управления трудовыми ресурсами заключается в том, что персонал — один из ресурсов организации, который нужно привлекать, развивать и мотивировать.

Реализация интегрированного подхода к управлению трудовыми ресурсами предполагает организационно-экономические, правовые, социально-психологические и другие подходы к управлению. Интегрированный подход к управлению персоналом в формате корпоративно-кластерной интегрированной системы (ККИС) предполагает создание механизма управления, обеспечивающего комплексное планирование, организацию и координирование трудовых ресурсов.

Рассматривая управление трудовыми ресурсами в формате ККИС, его можно определить не только как процесс по обеспечению организаций необходимым количеством сотрудников требуемой компетенции, но и как процесс создания благоприятных условий для развития личности, что и будет базисом формирования высококвалифицированного персонала. При этом интегрированное управление обеспечит системный подход в формировании трудовых ресурсов в целом и в частности будет способствовать решению ряда важных задач:

— проводить развернутую систему мероприятий по регулированию занятости, планированию рабочих мест, отбору, перестановке и подготовке кадров в соответствии с планируемыми тенденциями развития экономики региона;

— проводить воспитательную работу с трудоспособным населением и членами их семей;

— осуществлять меры по совершенствованию кадровых работ.

Подход к управлению трудовыми ресурсами должен соответствовать стратегическим целям развития бизнеса и одновременно охватывать все основные этапы подготовки персонала: от «школьной скамьи» через «обучение в период всей жизни» и «наставничество».

Управление трудовыми ресурсами связано с развитием всех аспектов организационной среды, поэтому требует интеграционного подхода, который позволяет увязывать взаимодействия между компонентами системы управления: по горизонтали — формирование потенциала навыков, умений, знаний, а по вертикали — использование сформированного потенциала. Таким образом, в сложной интегрированной системе закладывается способность упорядочивать процессы управле-

ния трудовыми ресурсами в межкорпоративном формате через усиление хозяйственных взаимосвязей между субъектами, что в синергетике означает самоорганизацию.

Логистическая политика в межкорпоративном взаимодействии

Основная цель логистической интеграции— повышение конкурентоспособности объединенных в интегрированную систему предприятий по сравнению с локальным положением за счет координируемой снабженческо-сбытовой политики, мониторинга рынка, информационного сопровождения и пр. При этом следует принять во внимание то, что логистические связи могут быть автономными; по характеру взаимосвязи между элементами различают простые и эшелонированные (многоуровневые); по способу организации — построенные на принципах субординации (соподчиненности) и координации (взаимозависимости); по масштабам охвата — макро- и микрологистические [2, с. 142].

Из логики рассуждений следует, что взаимосвязи между экономическими субъектами в формате микросистемы являются соподчиненными, действуют в узком (корпоративном) формате. В свою очередь, в корпоративно-кластерной интегрированной системе устанавливаются взаимозависимые связи между хозяйствующими субъектами в более широком спектре взаимодействий (промышленного, инфраструктурного развития, государственного регулирования и прочих), которые, как следствие, обладают более устойчивым позиционированием.

Интеграция корпоративных структур может происходить на самых разнообразных условиях: от бездокументных, двухсторонних договоренностей (например, при разовом объединении для выполнения какой-либо функции) до многосторонних соглашений между промышленными предприятиями, организациями инфраструктуры, органами власти. Однако при интеграции логистической деятельности принципиально важно формирование координатора, контролера, в роли которого может быть «центр интегрированной системы», ответственный в рамках взаимодействующих предприятий за результаты всей многогранной корпоративной деятельности. В качестве «центра интегрированной системы» целесообразно сформировать совместную *межфирменную логистическую группу* (МЛГ), которая должна находиться в непосредственном контакте с интегрирующимися предприятиями, что обеспечит устойчивое функционирование интегрированных предприятий. Результат логистической интеграции корпоративных структур в той или иной сфере их совместного функционирования следует рассматривать с позиций возможности достижения цели сокращения удельных совокупных издержек производства и обращения, ускорения оборачиваемости активов, гибкого реагирования к требованиям рынка.

Таким образом, при интеграции корпоративных структур закладывается способность согласования логистических интересов, упорядочивания процессов управления материальными потоками, что способствует получению синергетического эффекта.

Особенность ценовой политики в экономических кластерах

Проведение политики ценообразования в формате интеграции корпоративных структур сопровождается следующими дополнительными выигрышами: 1) снижение переменных издержек в рамках трансфертного ценообразования; 2) сокращение транзакционных издержек в результате логистической интеграции; 3) влияние 1 и 2 выигрышей в условиях конкуренции на понижение цены, что стимулирует спрос, вследствие чего субъекты интеграции получают эффект масштаба. Таким образом, интеграционные процессы в данном контексте для корпоративных структур отражаются в получении синергетического эффекта.

Важнейшим аспектом в данном формате выступает регулирование цен, установление ценовых пороговых значений на определенные группы благ, прежде всего на базовые. При этом продажа блага по цене, приближенной к максимуму порогового значения, не должна запрещаться, поскольку в этом случае будут нарушаться принципы рыночной экономики, однако реализация товаров по цене (минимальной) порогового значения должна поощряться. Наиболее действенный стимул — это возможность получения от государства налоговых льгот: например, освобождение (полное или частичное в зависимости от степени поощрения) от уплаты местных налогов и сборов, снижение ставки налога на имущество, исключение из налогооблагаемой базы

при исчислении суммы налога на прибыль той прибыли или части прибыли, которая была получена от реализации товара по цене не выше установленного порогового значения и др. При этом тот или иной вид поощрения должен быть соразмерным (и обязательно не меньшим) той «упущенной выгоде» предприятий, которая могла бы иметь место при реализации товара по прежней, более высокой (выше порогового уровня) цене. Установление пороговых значений цен целесообразно дополнить пороговым значением количества проданных благ в течение отчетного периода. Количественный порог может разграничивать, например, условия для «соразмерного» (равного по сумме «упущенной выгоде») и «прогрессивного» (большего, чем «упущенная выгода») поощрения. Механизм поощрения предприятий должен строиться по принципу: чем больше продукции было реализовано по меньшей цене, тем существеннее предоставляемые льготы. Возможные варианты льготирования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Политика ценообразования в ККИС

Количество / Цена	1. Продано менее порогового значения	2. Продано на уровне порогового значения и более
1. Максимум верхнего порогового уровня	1.1. Льгот нет	1.2. Льгот нет
2. Верхний порог и выше нижнего порога	2.1. Льгота, соразмерная по стоимости «упущенной выгоде»	2.2. Прогрессивная льгота
3. Нижний порог и ниже	3.1. Льгота, соразмерная по стоимости «упущенной выгоде»	3.2. Прогрессивная льгота

В результате интегрированного подхода к управлению ценообразованием в ККИС посредством формирования бюджетно-финансового механизма, координирования и согласования интересов на основе вышерассмотренных ценовых методов будет обнаруживаться объективная целесообразность интеграции предприятий, что обеспечит рост конкурентных преимуществ корпоративных структур и региона в целом. Таким образом, в сложной интегрированной системе закладывается координирование взаимодействий корпоративных структур через гармонизацию их интересов в формате экономических кластеров.

Инвестиционная политика в интегрированных системах

Возможности роста производительности существующих производственных мощностей, в значительной мере устаревших, близки к исчерпанию, что, в свою очередь, требует увеличения капитальных вложений и инновационной активности [3].

Управление предприятиями в формате интеграции затрагивает различные вопросы их инвестирования. Под сутью процесса инвестирования понимается привлечение капитала с целью получения дохода. Инвестиционная деятельность субъектов регулируется законодательством Российской Федерации — Федеральным законом РФ от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Специфику инвестиционной деятельности в корпоративно-кластерной интегрированной системе определяет многоформатность участия: государственного, корпоративного, долевого. Поскольку формат участия будет широкий, то необходимо разработать пакет регламентирующих документов, предусматривающий условия, ответственность, обязательства, гарантии для сторон — участников инвестиционных проектов.

В качестве источников финансирования инвестиционных проектов можно использовать следующие варианты: прямые заимствования — бюджетные ассигнования, инвестиционные ресурсы предприятий, иностранные инвестиции, лизинг, банковское кредитование; финансирование инвестиций на основе выпуска ценных бумаг: акций, государственных долговых обязательств (ГДО) и векселей.

Уточним особенности проведения инвестиционной политики посредством выпуска ценных бумаг. Так, например, при выпуске ГДО в роли эмитентов может выступать государство в лице правительства местных органов власти; в роли кредиторов — бизнес, а также население региона; в роли заказчиков — субъекты, осуществляющие реализацию инвестиционного проекта, в качестве которых могут выступать как корпоративные структуры, для которых создается объект инвестиционной деятельности, так и центр ККИС, координирующий процесс инвестици-

онной деятельности по конкретным программам; подрядчики — исполнители работ.

При выпуске в обращение векселей (товарных, финансовых, процентных, дружеских) эмитентами будут выступать корпоративные структуры, а кредиторами-векселедержателями — предприятия и население.

В данном контексте уточним роль координационного центра интегрированной системы. Поскольку инвестирование будет осуществляться под реальные проекты, то основная роль координационного центра будет сводиться к поручительству на стадии привлечения и контролю на стадии освоения инвестиций с дальнейшим контролем по возмещению обязательств.

Перечень направлений инвестирования: основание проекта, замена, расширение, реинвестирование, рационализация и пр. Состав инвестиционных проектов может включать: реальные (капиталообразующие), нематериальные (НИОКР, программы подготовки персонала, лицензирование), финансовые (вложения в финансовые активы по всем видам платежных и финансовых обязательств и др.) объекты.

В соответствии с участием в инвестиционных проектах интегрированной системы инвесторов их можно классифицировать на:

— стратегических, действующих с целью изменения экономической ситуации и участвующих в контроле над операционной, финансовой деятельностью пользователя;

— портфельных, преследующих цель приобретения ценных бумаг предприятий, в которые инвестируются средства;

— венчурных, вкладывающих средства в уставный капитал вновь создаваемых предприятий.

В данном контексте считаем целесообразным рассмотреть проведение инвестиционной политики, базируясь на стратегических инвесторах, в качестве которых может выступать координирующий центр интегрированной системы. Поскольку данный субъект может координировать действия участников, контролировать операционную и финансовую деятельность субъектов, то это обстоятельство позволит создать устойчивые условия для формирования и развития точек роста бизнеса с дальнейшим привлечением портфельных и венчурных инвесторов.

Поскольку интегрированная система создается добровольно и имеет сетевой характер, то осуществляемые в таких структурах крупномасштабные инвестиционные проекты должны базироваться на корпоративной культуре, репутации, честности при сохранении производственно-хозяйственной самостоятельности корпоративных структур. С позиции сетевого подхода ключом к повышению эффективности является способность заручиться поддержкой организаций, которые могут быть задействованы для решения инвестиционной задачи, что значительно снижает риски и тем самым позволяет сделать инвестиционный процесс более реальным.

Инновационная политика в интегрированных системах

В инновационной экономике важную роль для обеспечения экономического роста играют сетевые организации [4, с. 25].

Именно корпоративно-кластерный интегрированный подход позволит расширить разработку и освоение инновационных продуктов, поскольку содействие в установлении и развитии диагонально-горизонтальных связей между научно-исследовательскими, образовательными учреждениями и промышленными предприятиями со стороны координирующего центра носит «целевой» характер взаимодействия.

Инновационные процессы будут осуществляться в следующем формате:

- стратегический, предусматривающий контакт между центром ККИС с заказчиками и исполнителями инновационных проектов;
- тактический, предусматривающий взаимодействия между менеджерами промышленных предприятий и НИО по разработкам и внедрению конкретных проектов;
- оперативный, предусматривающий внедрение инновационных разработок в производственные процессы посредством взаимодействия между исполнителями инновационных проектов: конструкторами, технологами, инженерами, научными сотрудниками, преподавателями, слушателями и пр. Выполнение в данном формате задач должно осуществляться в соответствии с графиком инвестиционных проектов.

Наиболее значимым аспектом инновационного развития в формате интеграции являются принципы управляемости, поручительства, поддержки.

Для выполнения инновационной политики интегрированные субъекты в формате ККИС должны быть объединены научно-инновационной сетью, что обеспечит реализацию инновационных проектов от генерации идей до их воплощения в конкретном продукте, при этом координация действий со стороны координационного центра интегрированной системы позволит сгладить вариацию и ускорить решение проблем. Взаимосвязи в инновационном формате могут иметь как формальный характер, так и неформальный — реальные и виртуальные взаимодействия между сотрудниками разных организаций со схожим (смежным) профессиональным взглядом. Обмен и расширение применения знаний между субъектами интеграции позволит открыть многосторонние подходы к решению проблем снижения издержек и производства уникальной продукции. В формате интегрированной системы связи между корпоративными структурами позволят поддерживать кооперационные отношения по освоению инновационных разработок. Подобный формат взаимодействия на фоне сохранения самостоятельности позволит решать крупные стратегические задачи по расширению доступа к новым технологиям и рынкам, и тем самым субъекты получат взаимные выгоды.

Поскольку элементы стратегии интегрированной системы представляют собой совокупность признаков, которые сбалансированы в единый механизм и отвечают целям интегрированной системы, это позволит корпоративным структурам комплексно решать задачи управления трудовыми ресурсами, проводить логистическую, ценовую, инвестиционную, инновационную политики в формате экономических кластеров (табл. 2).

Таблица 2

Систематизация подходов к управлению интегрированной системой

Тип подхода	Сущность	Задачи	Участие центра ККИС в достижении задачи	Эффект
1. Управление трудовыми ресурсами	Подготовка персонала, создание благоприятных условий для ротации с целью востребованности трудовых ресурсов	Создание механизма управления, обеспечивающего комплексное планирование, организацию и координирование трудовых ресурсов	Содействие в обеспечении организаций необходимым количеством сотрудников требуемой компетенции. Создание благоприятных условий для развития личности	Рост занятости, уровня жизни, повышение гражданской ответственности, культуры, образованности, снижение преступности
2. Логистическая политика	Создание бесперебойности процессов управления материальными потоками с минимальными издержками в формате ККИС: сбалансированное снабжение, сбыт, управление запасами и пр.	Повышение конкурентоспособности объединенных в интегрированную систему предприятий по сравнению с локальным положением за счет координируемой снабженческо-сбытовой политики, информационного сопровождения	Нахождение в непосредственном контакте с интегрирующимися предприятиями, тем самым содействие в устойчивом функционировании процессов товародвижения	Сокращение удельных совокупных издержек производства и обращения, ускорение оборачиваемости активов, гибкое реагирование в формате интегрированной среды
3. Политика ценообразования	Снижение издержек в результате горизонтальной и вертикальной интеграции, как следствие — снижение цен, рост спроса, эффект масштаба	Координирование взаимодействий субъектов ККИС через гармонизацию их интересов	Стимулирование установления цен в формате ККИС «со скидкой» на основе эффекта масштаба в обмен на «целевое кредитование»: чем больше продукции реализуется по низкой цене, тем существеннее предоставляемые льготы	Формирование политики ценообразования в соответствии с интересами субъектов ККИС
4. Инвестиционная политика	Привлечение капитальных вложений с целью модернизации производственных мощностей и проведения инновационной политики	Разработка пакета регламентирующих документов, предусматривающая условия, ответственность, обязательства, гарантии для сторон — участников инвестиционных проектов	Поручительство на стадии привлечения и контроль на стадии освоения инвестиций с дальнейшим отслеживанием возмещения обязательств	Создание устойчивых условий для формирования и развития точек роста бизнеса, улучшение инвестиционного климата
5. Инновационная политика	Разработка и освоение инновационных продуктов	Реализация инновационных проектов от генерации идей до их воплощения в конкретном продукте	Сглаживание вариаций взаимодействия между промышленными предприятиями и научно-исследовательскими, учебными заведения-	Решение крупных стратегических задач по расширению доступа к новым технологиям и рынкам

			ми	

Важным аспектом в интегрированной среде является формирование эффективной системы коммуникаций, которая позволит координировать производственные связи, финансовые расчеты, будет содействовать кооперации разнопрофильных сфер хозяйственной деятельности.

Взаимодействие в формате интегрированной системы между субъектами предполагает взаимосвязь, взаимозависимость, взаимовлияние, при этом первоочередной задачей является обеспечение сбалансированности интересов интегрированных субъектов, установление эффективных взаимовыгодных смежно-функциональных хозяйственных связей.

Таким образом, рост производительности труда, повышение конкурентоспособности предприятий, модернизация производства невозможна без своевременного, непрерывного информационного обеспечения. Позиция регионального руководства должна выражаться в стимулировании разработок и активном внедрении информационных технологий. Единое информационное пространство, на наш взгляд, является одним из универсальных инструментов, способных решить вышеописанные задачи, а значит, является важным фактором формирования устойчивых региональных интегрированных систем.

1. *Шиенсток, Г.* Региональные инновационные системы: концептуальные вопросы и проблемы создания / Г. Шиенсток // Инновации. 2007. № 11(109). С. 81—83.
2. *Кузьбожев, Э. Н.* Логистика / Э. Н. Кузьбожев, С. А. Тиньков. М. : Кнорус, 2006. 214 с.
3. *Васильев, П. В.* Управление портфелем развития интегрированных экономических систем / П. В. Васильев, Е. А. Афоничкина ; Волжский ун-т им. В. Н. Татищева. Тольятти, 2009. 407 с.
4. *Мильнер, Б.* Инновационное развитие и сетевое управление / Б. Мильнер // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 9.

Г. Ю. Пяткова

ЛЕГКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 ГГ.)

В статье рассматривается работа предприятий легкой промышленности Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны, отмечается героический труд и самоотверженность тружеников тыла.

Ключевые слова: легкая промышленность, Великая Отечественная война, швейная фабрика, шинель.

G. Yu. Pyatkova

CONSUMER GOODS INDUSTRY OF ULYANOVSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941—1945)

The article considers the work of the enterprises of consumer goods industry in Ulyanovsk region during the Great Patriotic war. The author underlines the heroic work and dedication of the home front workers.

Key words: consumer goods industry, Great Patriotic war, clothing factory, overcoat.

Великая Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 года, была навязана Союзу ССР в годы третьей пятилетки (1938—1942 гг.).

Город Ульяновск накануне войны являлся центром Ульяновского района Куйбышевской области. На территории Ульяновского района в это время располагались: одно союзное предприятие легкой промышленности — Дубильно-экстрактный комбинат «Ударник» (пос. Ст. Салаван) — крупнейший в Поволжье, а также областные — крупная швейная фабрика № 5, швейная МИЗ № 12 и МИЗ обуви (все в г. Ульяновске). Областные предприятия входили в систему Куйбышевского Областного управления легкой промышленности (Облегпром).

Накануне войны названные областные предприятия вырабатывали в основном гражданскую продукцию. С началом войны швейная фабрика № 5, так же как и другие швейные предприятия Куйбышевского Облегпрома, была переведена на выполнение государственного задания по пошиву вещевого снабжения Красной Армии [1]. Вместе с тем с июля по сентябрь 1941 года были восстановлены и введены в эксплуатацию две швейные фабрики, эвакуированные из временно занятых захватчиками районов, — швейная фабрика имени Горького и чулочно-трикотажная фабрика имени КИМ [1]. Так, чулочно-трикотажная фабрика имени КИМ с 25 сентября запустила производство по пошиву теплого армейского белья, а с 15 января 1942 года начался выпуск армейских обмоток [2].

Трудовой и патриотический подъем тружеников легкой промышленности области в первые месяцы войны способствовал решению сложных задач перестройки применительно к нуждам фронта. В ходе перестройки коллектив швейной фабрики № 5 пошил в IV квартале 1941 года 141,7 тыс. шинелей, или 19,8 % к общей выработке предприятий Куйбышевского Облегпрома — 814,2 тыс. шинелей, включающей в том числе и выпуск шинелей эвакуированными швейными фабриками: Гурьевской № 4 и имени Горького с соответствующим выполнением 68,4 тыс. шт., или 9,5 % к итоговому выполнению, и 27,7 тыс. шт., или 3,8 % к фактической выработке [3]. Несмотря на то, что мощность производственных цехов, которыми располагали швейные предприятия области, в IV квартале 1941 года возросла, легкая промышленность Куйбышевской области не выполнила государственное задание по военным заказам в этот период. Так, плановый объем выпуска шинелей на IV квартал 1941 года составлял 1231,5 тыс. шт. [1], недодано было 417,3 тыс. шинелей. Трудности военного времени отражались на недополучении сырья и материа-

лов, отсутствии транспорта для вывоза готовых изделий и топлива, отсутствии планового порожняка-вагонов, увеличении пробега вагонов по железной дороге и др. Без своевременного решения этих вопросов не могла быть достигнута главная цель перестройки — бесперебойное снабжение Красной Армии обмундированием и снаряжением.

Важнейшим звеном перестройки народного хозяйства страны на военный лад стала эвакуация основных производительных сил из прифронтовых районов на Восток, который должен был превратиться в основную военно-промышленную базу.

Размещение эвакуированных предприятий легкой промышленности на территории Куйбышевской области ведет свое начало с 18 августа 1941 года, когда особое заседание Исполкома Куйбышевского областного совета депутатов трудящихся впервые решает вопрос в отношении таких предприятий, как [4, с. 298]: 1. Витебская швейная фабрика имени Профинтерна и Гомельская швейная фабрика имени Коминтерна, обустраивающиеся в пос. Гурьевка Барышского района в зданиях суконной фабрики имени Гладышева. Объединенные фабрики получили название Гурьевская швейная фабрика № 4; 2. Витебская трикотажная фабрика имени КИМ и Киевская швейная фабрика имени Горького в г. Ульяновске; 3. Витебская трикотажная фабрика имени Клары Цеткин в г. Мелекессе и др.

Решением СНК СССР намечалось пустить Гурьевскую швейную фабрику № 4 на полную мощность в I квартале 1942 года, фактически же монтаж оборудования первой очереди был проведен и оборудование введено в эксплуатацию до 20 сентября 1941 года. В результате эвакуации предприятий легкой промышленности из прифронтовой полосы в систему Куйбышевского Облегпрома были включены, кроме вышеназванных: 1. Харьковская швейная фабрика имени Тинякова, размещенная в помещении суконной фабрики имени Калинина в пос. Языково Тагайского района, что в 30 км от ст. Чуфарово и в 70 км от г. Ульяновска [5, с. 221]; 2. Ателье мод Главтрикотажа из г. Витебска, размещенное в г. Ульяновске [6]. С момента пуска эвакуированных предприятий в эксплуатацию швейные фабрики № 4 и имени Горького получили задание пошивать шинели для рядового состава (литера «Б»). Фабрику имени Тинякова Куйбышевский Облегпром принял по балансу на 1 января 1942 года [7].

В результате эвакуации предприятий легкой индустрии, размещенных на будущей территории Ульяновской области, удалось сохранить, несмотря на потери, их производственные мощности, костяк кадровых рабочих, потенциал которых был направлен прежде всего на выпуск оборонной продукции, необходимой фронту. Швейные предприятия, размещенные на площадях текстильных фабрик, были приближены к источникам получения сырья, что должно было отвечать ассортименту, размеру и объему швейного производства. Город Ульяновск же из типичного провинциального города превратился в крупный промышленный центр Поволжья, в котором только количество швейно-трикотажного оборудования увеличилось в 5 раз [8, с. 7].

В начале 1942 года из системы местной промышленности в структуру союзных предприятий легкой промышленности был переведен завод № 8 имени Ворошилова, который в 1942 году проработал 305 дней [9]. Главнейшим видом выпускаемой продукции для завода № 8 в 1942—1944 гг. были парашюты. Так, только в 1942 году завод № 8 выработал САБ-15 в количестве 24 773 шт. и САБ-55 — 2200 шт. и др. [10]. С IV квартала 1942 года по 1 июля 1943 года завод № 8 являлся смежником НКБ по поставке парашютов для световых авиабомб для ВВС и ВМФ [11]. За этот период времени коллектив завода неоднократно получал благодарности и денежные премии от Наркомата боеприпасов [12]. В 1944 году завод № 8 этих же видов парашютов выпустил: САБ-15 — 4557 шт. и САБ-55 — 3236 шт. [13]. Необходимо заметить, что, действуя в военные годы в кооперации с РУ № 1, парашютный завод № 8 получил от него 17 501 коуш к осветительно-взрывным парашютам [14, с. 48].

В 1942 году все предприятия многоотраслевой легкой промышленности Куйбышевской области, в т. ч. и на территории Ульяновского района, испытывали острый недостаток сырья, вспомогательных материалов, фурнитуры (пуговиц, крючков, петель), запасных частей для ремонта машин и оборудования, транспорта, электроэнергии и квалифицированных рабочих кадров. Так, за I квартал 1942 года трикотажная фабрика имени КИМ не выполнила производственный план из-за

простоев ввиду нехватки сырья и недоснабжения электроэнергией [15]. В сентябре 1942 года на швейной фабрике имени Горького из-за отсутствия петель скопилось 22,5 тыс. шинелей, в цехе № 1 — 23,9 тыс. шинелей, 3,4 тыс. гимнастерок и шаровар, которые не вывозились [16]. На швейной фабрике № 5 случались длительные простои потому, что в швейных машинах из-за большой скорости ломалась втулка челнока и скапливались непригодные челноки [17].

Однако сложные задачи по перестройке легкой промышленности на военный лад приходилось решать и в условиях острой нехватки квалифицированных кадров. Так, в 1942 году только на трикотажную фабрику имени Клары Цеткин принято было на работу 374 человека, а уволено 142 человека [18]. Организовать же школу ФЗУ с отрывом от производства в этот период времени фабрика не имела возможности. И по всем квалификациям фабрика организовала производственно-техническую учебу. Обучение проходило в формах: техминимум, индивидуально-бригадное обучение, передача опыта лучшими стахановцами без отрыва от производства. Индивидуально-бригадное обучение проводилось лучшими стахановцами и квалифицированными инструкторами. Трикотажная фабрика имени Клары Цеткин, имея фактическое среднесписочное число рабочих в 1942 году 316 чел. [18], подготовила: насадчиц — 104 чел., кеттелевщиц — 65 чел., швей — 53 чел., вязальщиц трикотажа — 15 чел. и поммастеров — 8 чел. Кроме того, курс техминимума окончили 30 насадчиц и 30 швей-мотористок [19]. Так, упорная подготовка кадров, ежеквартальный рост числа стахановцев привели к трудовому подъему, вылившемуся в организацию фронтовых бригад, которых в декабре 1942 года на фабрике было 8 [20]. По итогам 1942 года коллектив трикотажной фабрики имени Клары Цеткин выпустил 130,9 тыс. пар мужских носков и 267,9 тыс. штук бельевых изделий. Однако производственный план 1942 года фабрика не выполнила [21].

Трудовой героизм был массовым, и этому способствовало Всесоюзное социалистическое соревнование помощи фронту, начавшееся в мае 1942 года, охватившее все отрасли экономики, поставленные на обеспечение нужд фронта, в том числе и легкую промышленность. Инициаторами его явились трудящиеся Куйбышевской области. На предприятиях легкой промышленности области, а коллективы их в основном были женскими, такие новаторы обеспечивали прежде всего высокий уровень производительности труда: на швейных — многооперационисты; на швейных, трикотажных и комбинате «Ударник» — освоившие несколько специальностей; дававшие полторы-две нормы — на всех предприятиях и др. Так, на швейной фабрике имени Горького многие стахановцы, выполняющие норму от 120 до 300 %, владели 7—8 операциями. Агрегаты Кучменко, Гуменюк, Рабинович в часы полной загрузки всегда перевыполняли задания [22]. На швейной фабрике № 5 размеловщицы Аверьянова, Астафьева, Камардина освоили смежную профессию резака, считавшуюся тяжелой мужской профессией [23, с. 203]. На чулочно-трикотажной фабрике имени КИМ по полторы-две нормы ежедневно давали работницы Синельникова, Коган, Любимова, Кривошеина и др. [24, с. 73]. Однако в тяжелый период перестройки, отражающийся на организации производственного процесса, на подготовке кадров, на всех предприятиях легкой промышленности были рабочие, которые не выполняли норму выработки. Так, в декабре 1942 года на швейной фабрике имени Горького 12 % рабочих не выполняли нормы выработки [22].

Коллектив швейной фабрики № 5 по итогам 1942 года выполнил программу по выпуску шинелей на 100,1 % [25], выработав 475,3 тыс. шинелей [26]. Технорук фабрики № 5 Никитин отмечал, что оплотом обеспечения выполнения задания являлись люди с высокой производительностью труда, которые составляли 60 % [27]. Самоотверженный труд работников швейной фабрики № 4 привел к выработке в 1942 году 409,0 тыс. шинелей, а швейной фабрики имени Горького — 239,3 тыс. шинелей [26].

В результате развернувшегося в 1942 году соревнования за переходящее Красное Знамя Куйбышевского обкома ВКП(б) и Куйбышевского исполкома Облсовета депутатов трудящихся лучшим предприятием легкой промышленности области на основании выполнения плана валовой продукции и плана производительности труда была признана швейная фабрика имени Тинякова, выполнив-

шая их соответственно на 120,4 и 134,5 %. Эта же фабрика стала лучшим предприятием за октябрь и в предоктябрьском соревновании за выполнение вышеуказанных показателей соответственно на 115,4 и 128 % [5, с. 223—224]. Ордена Трудового Красного Знамени швейная фабрика имени Тинякова в 1942 году выпустила 306,5 тыс. шинелей [26].

В Ульяновскую область, образованную Указом Президиума Верховного Совета СССР 19 января 1943 года, отошли 6 предприятий легкой промышленности из Куйбышевского ОУЛП и 5 предприятий союзного подчинения. А первая сессия Ульяновского облсовета депутатов трудящихся, состоявшаяся 13—14 июля 1943 года, вынесла решение об образовании Управления легкой промышленности и утвердила начальником М. М. Копылова [28].

Во второй и третий периоды Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.) работа предприятий легкой промышленности качественно отличалась от начального ее периода. К основной задаче тружеников легкой индустрии — бесперебойного снабжения фронта продукцией, необходимой для обороны страны, прибавлялась еще одна — увеличить выпуск гражданской продукции. Так, в 1943 году началось расширение (реконструкция) производственных мощностей трикотажной фабрики имени Клары Цеткин в г. Мелекессе [29]. Темпы же данной реконструкции были медленными, так как реконструкцию фабрики лимитировал недостаток строительных материалов и транспорта. В 1943 году было положено начало большой и малой механизации на фабриках легкой промышленности. Так, с целью повышения производительности труда на швейной фабрике № 5 в 1943 году был установлен конвейер [30]. Переход же на конвейерный метод организации производства в целом в условиях военного времени становился основным средством высвобождения рабочей силы и оборудования, увеличения мощности производства.

В соответствии с распоряжением СНК РСФСР от 22 сентября 1943 года в IV квартале 1943 года были произведены проектно-изыскательные работы по строительству стекольного завода в Ульяновской области. Однако строительство стекольного завода в военные годы не было завершено. В 1943 году в соответствии с решением бюро обкома ВКП(б) от 10 марта и от 30 сентября «Об увеличении выпуска товаров широкого потребления предприятиями легкой промышленности» швейная МИЗ № 12 увеличила свою производственную площадь и производственную мощность. Работа МИЗ № 12 стала осуществляться в две смены, количество рабочих возросло с 65 до 181 человека. При заводе имени Володарского был открыт филиал швейной МИЗ № 12. МИЗ обуви также увеличила и производственную площадь, и производственную мощность. Эти мероприятия позволили увеличить выпуск товаров широкого потребления по гражданским швейным изделиям до 824 тыс. рублей (в ценах 1926—1927 гг.) и по обувным изделиям — до 185 тыс. рублей [31].

Старо-Салаванский комбинат «Ударник» НКЛП СССР по итогам 1943 года имел следующую годовую производственную мощность выпуска продукции: 2000 тонн экстракта, 250 тонн картона и 5 миллионов пар задников (по валовой продукции на 3272 тыс. рублей). Комбинат «Ударник» в это время осуществлял выработку дубильного экстракта для кожевенной промышленности и производил картонные изделия для обувной промышленности, предприятий Наркомата боеприпасов и Автозаводов имени Сталина [32]. В 1943 году коллектив, испытывая большие затруднения с сырьем (дубовые дрова), рабочей силой, транспортом, выработал: задников спецкартонных в 4,7 раза больше, чем в 1942 году; экстракта — почти в 2 раза больше, чем в 1942 году; и картона калиброванного — более чем в 1,6 раза больше. И если в 1942 году ни по одному из перечисленных видов продукции комбинат производственного плана не выполнил, то в 1943 году план был выполнен по задникам спецкартонным, в которых очень нуждалась обувная промышленность [33].

Все военные годы труженики легкой промышленности Ульяновской области принимали самое активное участие в патриотических начинаниях по оказанию помощи фронту. Так, только к апрелю 1943 года ими были собраны следующие средства на вооружение Красной Армии: коллектив фабрики № 5 на эскадрилью имени В. Куйбышева внес деньгами 16 тыс. рублей, на эскадрилью «Родина Ильича» — 300 рублей деньгами; коллектив завода № 8 — на эскадрилью «Родина Ильича» — 51 740 рублей облигациями [34]. За 1943 год коллектив комбината «Ударник» от-

числил для Красной Армии денежные средства в сумме 6715 рублей, а ко Дню Красной Армии — 8599 рублей [35].

В первом полугодии 1943 года швейная фабрика имени Тинякова имела значительные простои в связи с перебоями поставки топлива на суконную фабрику имени Калинина. Но, получая от суконной фабрики электроэнергию, коллектив швейной фабрики часть рабочих временно перебросил с основного производства на дровозаготовки, а созданный запас топлива дал возможность фабрике в последующие месяцы работать бесперебойно [36]. Так работники фабрики создали, в том числе и для собственной производственной работы, одно из важнейших условий выполнения государственного заказа на выпуск шинелей для воинов Красной Армии. Другим не менее значимым условием выполнения госзаказа в 1943 году являлось то, что руководство швейной фабрики имени Тинякова, как и других швейных предприятий Ульяновской области, придавало большое значение подготовке рабочих-операционистов (которых кадровые производственники фабрики имени Тинякова подготовили в количестве 400 человек), освоивших от 2 до 15 операций. Большинство рабочих, ставших стахановцами в 1943 году, были из числа подготовленных новичков производства. И в период производственного подъема на фабрике во второй половине 1943 года невыполнение нормы выработки рабочими стало редким явлением [37]. Производительность труда на одного списочного рабочего в 1943 году составила 104,1 %, а средний заработок одного списочного рабочего — 4499 рублей при плане 3585 рублей, или 125,5 % [36]. Коллектив швейной фабрики имени Тинякова в 1943 году выполнил план по госзаказу на 101,7 %, а общее выполнение по видам ассортимента (ширпотреб, индпошив) составило 102,34 % [38].

С образованием Ульяновской области награждение переходящими Красными Знаменами предприятий оборонного комплекса по итогам областного социалистического соревнования производилось Ульяновским обкомом ВКП(б) и Ульяновским исполкомом Областного совета депутатов трудящихся. В 1943 году переходящее Красное Знамя Ульяновский обком ВКП(б) и Ульяновский исполком Облсовета депутатов трудящихся вручили следующим предприятиям легкой промышленности, признанным лучшими в выполнении производственного плана: чулочно-трикотажной фабрике имени Клары Цеткин — за июнь [39] и июль [40]; швейной фабрике имени Тинякова — за август [41], октябрь [42] и ноябрь [43].

С 1943 года на швейной фабрике имени Горького обозначилась тенденция, связанная с текучестью кадров, следствием которой явилось сокращение работающих агрегатов на предприятии. Так, если в первом квартале 1943 года на фабрике работало 10 агрегатов и в них насчитывалось 432 человека, то на 1 октября 1943 года работало 6 агрегатов, которые не имели необходимого количества рабочих. С фабрики за период с 1 января по 1 октября 1943 года только пошивочных рабочих ушло 135 человек, в то время как принято было 24 человека [44].

В тяжелых условиях перестройки деятельности на военный лад, а также в дальнейшем с целью обеспечения воинов и трудящихся тыла продукцией легкой промышленности сложно было гибко, оперативно и одновременно решать производственные, кадровые, социально-бытовые вопросы. В целом же швейные фабрики области в 1943 году недодали Красной Армии 423 тыс. шинелей при выполнении плана на 76,3 % [45].

С 15 апреля 1944 года на швейной фабрике имени Горького для покрытия недостатка в квалифицированной рабочей силе была организована школа ФЗО на 65 человек [46]. А в начале 1945 года швейная фабрика имени Горького и швейная фабрика № 5 уже были слиты в объединенную фабрику имени Горького [47].

В 1944 году только из-за отсутствия электроэнергии на швейных фабриках простои составили 24 % рабочего времени, а в переводе на шинели — 400 тыс. штук. Простои по организационным и техническим причинам составили в пересчете на шинели 56,0 тыс. штук. По итогам 1944 года в архивных документах можно прочитать и о тяжелом положении с оборудованием швейных предприятий. Так, состояние оборудования на указанное время имело износ от 20 до 40 % [48]. За первое полугодие 1944 года швейные фабрики Ульяновской области выпустили 445 тыс. шинелей [49].

По результатам перевыполнения государственных планов и выполнения социалисти-

ческого соревнования в 1944 году лучшими предприятиями легкой промышленности области с вручением им переходящего Красного Знамени Ульяновского обкома ВКП(б) и Ульяновского исполкома Облсовета депутатов трудящихся были названы: трикотажная фабрика имени Клары Цеткин — за январь [50], май [54], июнь [55], ноябрь [60] и декабрь [61]; трикотажная фабрика имени КИМ — за февраль [51], март [52], июль [56], август [57], сентябрь [58] и октябрь [59]; завод № 8 — за апрель [53].

В военные месяцы 1945 года победителями областного социалистического соревнования среди предприятий легкой промышленности признавались: завод № 8 — за январь [62] и февраль [63]; трикотажная фабрика имени Клары Цеткин — за март [64]; швейная фабрика имени Горького — за апрель [65]; трикотажная фабрика имени КИМ — за май [66].

Труженики легкой промышленности Ульяновской области не только обеспечивали воинов Красной Армии выработанным на производстве вещевым имуществом и снаряжением, но и вступали в ополчение, вносили в дело Победы личные трудовые сбережения, отправляли подарки и письма на фронт, производили стирку и ремонт вещевого имущества, присланного с фронта, оказывали помощь освобожденным от захватчиков районам страны и семьям военнослужащих и многое другое.

---

1. Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (ГБУСО «ЦГАСО»). Ф. Р-3859. Оп. 5. Д. 29. Л. 54.
2. Ульяновская газета. 1994. 12 июля.
3. ГБУСО «ЦГАСО». Ф. Р-3859. Оп. 5. Д. 29. Л. 75.
4. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1977.
5. *Пяткова, Г. Ю.* «Все для фронта, все для победы над врагом!» — основной девиз деятельности тружеников легкой промышленности Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). / Г. Ю. Пяткова // Изв. Самарского научного центра РАН. Спец. вып. Самара, 2006.
6. ГБУСО «ЦГАСО». Ф. Р-2521. Оп. 7. Д. 154. Л. 5 об.
7. О трудностях в процессе восстановления эвакуированных предприятий см.: *Пяткова, Г. Ю.* «Все для фронта, все для победы над врагом!» — основной девиз деятельности тружеников легкой промышленности Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). / Г. Ю. Пяткова // Изв. Самарского научного центра РАН. Спец. вып. Самара, 2006. С. 221—222.
8. Ульяновцы — великой Победе // Краеведческие зап. Вып. 11. Ульяновск, 2005.
9. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-1548. Оп. 2. Д. 44. Л. 20.
10. Там же. Л. 16 об.
11. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 2086. Л. 48—49.
12. Там же. Л. 48.
13. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 321. Л. 20.
14. *Саранцев, И. П.* Трудовые резервы Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / И. П. Саранцев. Ульяновск : УИПКПРО, 2005.
15. Пролетарский путь. 1942. 13 сент.
16. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1968. Л. 20.
17. Пролетарский путь. 1942. 10 сент.
18. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.
19. Там же. Л. 58—58 об.
20. Там же. Л. 57.
21. ГАУО. Ф. Р-3144. Оп. 1. Д. 1. Л. 54 об.
22. Пролетарский путь. 1942. 11 дек.
23. Краеведческие записки. Вып. VI. Приволжское книжное изд-во, Ульяновское отделение, 1984.
24. Край Ильича за 50 советских лет. Саратов, 1967.
25. ГАУО. Ф. Р-2974. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
26. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 312. Л. 55.
27. Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической истории» (ГБУСО «СОГАСПИ»). Ф. 656. Оп. 34. Д. 176. Л. 84 об.—85.
28. ГАУО. Ф. Р-3038. Оп. 4. Д. 23. Л. 16.
29. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 369. Л. 96—96 об.
30. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 310. Л. 72.
31. Там же. Л. 16 об.—17.
32. Там же. Л. 10.
33. Там же. Л. 62 (*подсчет автора*).
34. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2082. Л. 32.
35. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 322. Л. 15.
36. ГАУО. Ф. Р-3312. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.
37. ГАУО. Ф. Р-2974. Оп. 1. Д. 3. Л. 21; Ульяновская правда. 1943. 17 сент.
38. Там же. Л. 22 об.
39. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 65. Л. 2, 7—7 об.
40. Там же. Д. 75. Л. 3.
41. Там же. Д. 83. Л. 1 об.
42. Там же. Д. 100. Л. 4 об.
43. Там же. Д. 108. Л. 2—2 об.
44. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 252. Л. 279 об.

45. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 36. Л. 11 об.—12.
46. ГАУО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.
47. Ульяновская правда. 1945. 14 февр.
48. ГАУО. Ф. Р-2974. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.
49. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 310. Л. 73.
50. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 28. Л. 64, 66 об.—67.
51. Там же. Д. 36. Л. 25.
52. Там же. Д. 40. Л. 29 об.
53. Там же. Л. 4 об.
54. Там же. Д. 50. Л. 34.
55. Там же. Д. 58. Л. 6.
56. Там же. Д. 63. Л. 22.
57. Там же. Д. 68. Л. 4.
58. Там же. Д. 75. Л. 10.
59. Там же. Д. 82. Л. 24.
60. Там же. Д. 94. Л. 82—83.
61. Там же. Оп. 3. Д. 21. Л. 44.
62. Там же. Д. 30. Л. 9.
63. Там же. Д. 39. Л. 12.
64. Там же. Д. 50. Л. 25.
65. Там же. Д. 62. Л. 6.
66. Там же. Д. 74. Л. 3.

И. Б. Романова, О. Ф. Ермишина

УЧЕТНАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

В статье поднимаются вопросы формирования учетной политики для налогового учета и оценки ее эффективности в целях минимизации налоговых платежей.

Ключевые слова: учетная политика, учетная политика для целей налогообложения, налоговая экономия, минимизация налоговых платежей.

I. B. Romanova, O. F. Ermishina

ACCOUNTING POLICY FOR TAXATION PURPOSES AS AN INSTRUMENT OF TAX PAYMENT OPTIMIZATION

The article touches upon the issues of accounting policy formation for tax accounting and evaluation of its efficiency in order to minimize tax payments.

Key words: accounting policy, accounting policy for purposes of taxation, tax savings, minimization of tax payments.

В настоящее время предприятия уделяют большое внимание стратегии развития, основное содержание которой учитывается при формировании учетной политики.

Учетная политика является одним из основных документов, устанавливающих правила ведения бухгалтерского учета.

Этот документ ежегодно составляется главным бухгалтером и утверждается руководителем учреждения, и его формирование следует рассматривать как один из важнейших элементов оптимизации деятельности организации любой организационно-правовой формы.

Квалифицированная проработка приказа об учетной политике позволит организации выбрать оптимальный вариант учета, эффективный как с точки зрения бухгалтерского учета, так и с точки зрения режима налогообложения.

Учетная политика является документом для внутреннего использования, практическим руководством для всех сотрудников бухгалтерии. Таким образом, учетная политика имеет очень важное значение как для самой организации, так и для внешних пользователей (в лице государства). Четко и грамотно составленная учетная политика считается показателем высокой бухгалтерской квалификации. Учетную политику следует рассматривать как в узком, так и в широком смысле слова.

Учетная политика в узком смысле — документ системы ведения бухгалтерского учета, отражающий специфические и вариантные способы бухгалтерского учета, применяемые конкретной организацией.

Учетная политика в широком смысле — система ведения бухгалтерского учета в конкретной организации. Учетная политика в широком смысле охватывает систему внутренних документов, регламентирующих бухгалтерский учет в организации, которая шире, чем только приказ по учетной политике.

Традиционное мнение о том, что предприятия обязаны составлять приказ по учетной политике для целей бухгалтерского учета и для целей налогообложения, является дискуссионным.

В действительности существует ряд факторов, позволяющих утверждать, что такой подход к учетной политике изжил себя, что связано с большими затратами на ее формирование.

Поэтому целесообразней сформировать единую учетную политику, охватив и затронув все виды учета: финансовый, налоговый, управленческий, международный. Более того,

такой документ даст возможность применить на предприятии систему диагностики финансового состояния.

Как известно, на многих российских предприятиях до сих пор к формированию учетной политики относятся как к повинности, требуемой законодательством, как к формально необходимому документу.

В этой связи следует выделить два вида учетной политики: формальную и эффективную.

Эффективную учетную политику необходимо определить как закрепленную внутренней документацией совокупность принципов, приемов и правил ведения учета, которая должна соответствовать стратегии развития предприятия и способствовать получению максимального эффекта от функционирования системы учета в рамках действующего законодательства.

По нашему мнению, на предприятии должны действовать две учетные политики: одна — для бухгалтерского учета, вторая — для налогового учета, предназначенного для определения налогооблагаемой прибыли.

Формирование учетной политики для целей налогообложения является центральным по значимости документом системы налогового учета, который представляет возможность выбрать и обосновать вариант исчисления налогооблагаемой базы, а следовательно, минимизировать свои налоговые риски, выраженные в возможных доначислениях налогов, штрафов, пеней.

Учетная политика для целей налогообложения должна быть сформирована исходя из принципа последовательности применения норм и правил налогового учета (ст. 313 НК РФ).

Изменение порядка отдельных операций и объектов в целях налогообложения осуществляется в случае изменения законодательства о налогах и сборах или применяемых методов учета. Внесение изменений в учетную политику при изменении применяемых методов учета возможно только с начала налогового периода (года).

В случае, если налогоплательщик начал осуществлять новые виды деятельности, он также обязан определить и отразить в учетной политике для целей налогообложения принципы и порядок отражения для целей налогообложения всех видов деятельности.

Налоговая база по налогу на прибыль исчисляется на основании данных налогового учета. Для ведения налогового учета экономические субъекты должны самостоятельно разработать формы регистров налогового учета и порядок в них данных налогового учета как приложения к учетной политике.

Учетная политика в целях налогообложения формируется предприятием в конце года и применяется начиная с 1 января следующего года.

Можно разрабатывать учетную политику для каждого налога отдельно (отдельно для НДС, отдельно для налога на прибыль и т. д.), утверждая каждую из них отдельным приказом руководителя, можно оформить единый документ, в котором будут закреплены правила для всех налогов, уплачиваемых организацией.

Налоговые органы имеют право потребовать учетную политику для целей налогообложения лишь при проведении налоговой проверки.

Профессионально сформированная учетная политика для целей налогообложения позволит решить следующие задачи:

— оптимизация налогообложения — на законном основании снижает налоговую нагрузку;

— оптимизация трудозатрат — упрощает работу бухгалтерии при ведении налогового учета по правилам, аналогичным правилам бухгалтерского учета;

— снижение рисковых моментов в спорах, возникающих с налоговыми органами, — возможно при закреплении в учетной политике правил, не противоречащих нормам действующего законодательства.

Приказ об учетной политике предприятия, являясь основным регулятором процесса организации налогового планирования, содержит некоторое количество способов оптимизации налогового портфеля предприятия посредством закрепления различных вариантов отражения в бухгалтерском учете хозяйственных операций в краткосрочной перспективе.

Несомненно, в приказе об учетной политике должна содержаться информация по следующим обоснованиям:

— выбранные организацией способы формирования налоговой базы, предусмотренные законодательством о налогах и сборах;

— способы формирования налоговой базы, не предусмотренные законодательством о налогах и сборах;

— способы формирования налоговой базы, вариантность которых обусловлена противоречивостью законодательства о налогах и сборах.

Например, влиять на финансовые результаты в рамках учетной политики можно следующими способами:

— регулирование оценок активов;

— распределение доходов и расходов между смежными отчетными периодами.

«Налоговая экономия» на предприятии может складываться за счет уменьшения величины налоговых платежей и за счет их уплаты в последние дни установленного срока.

Благодаря этой экономии сокращается потребность в оборотных средствах, несколько дополнительных дней денежные средства находятся в обороте и работают на увеличение доходов организации.

Однако не все аспекты варьирования в бухгалтерском учете могут быть учтены при налогообложении.

Доходы и расходы для целей налогообложения согласно ст. 271—273 главы 25 НК РФ могут быть определены двумя методами: методом начислений и кассовым, в то время как для целей бухгалтерского учета — только методом начислений согласно ПБУ 9/99 «Доходы организации».

В случае определения доходов от реализации для целей налогообложения кассовым методом у организации оборотные средства в виде налоговых платежей не взимаются, в то время как при методе начислений налоговые обязательства возникают до завершения оборота средств организации.

Ключевым моментом при формировании налоговой базы по налогу на прибыль является выбор налогоплательщиком метода признания доходов и расходов. В налоговом учете доходы и расходы учитываются методом начисления или кассовым методом.

В соответствии со ст. 271 НК РФ при методе начисления доходы и расходы для целей налогообложения будут признаваться в том отчетном (налоговом) периоде, в котором они имели место, независимо от фактического поступления денежных средств.

Кассовый метод признания доходов и расходов могут применять только те организации, у которых в среднем за предыдущие четыре квартала выручка от реализации товаров (работ, услуг) не превысила 1 000 000 руб. за квартал (ст. 273 НК РФ). Но если в течение года выручка окажется больше этого показателя, организация будет вынуждена перейти на метод начисления.

В этом случае все доходы и расходы нужно пересчитать с начала года в соответствии с этим методом. Поэтому, если у налогоплательщика размер выручки близок к уровню, при котором использование кассового метода невозможно, в учетной политике лучше изначально утвердить метод начисления.

Если же в учетной политике не будет указан метод учета доходов и расходов, то доходы и расходы в налоговом учете учитываются методом начисления и использование данного метода позволит данные налогового учета максимально приблизить к показателям бухгалтерского учета.

Основные предпосылки оптимизации налогообложения можно представить в следующих аспектах, которые рассмотрены в таблице 1.

Таблица 1

Варианты учетной политики для целей налогового учета

Показатели	Варианты учетной политики	
1. Доходы от реализации товаров (работ, услуг)	Метод начислений	Кассовый метод
2. Расходы, связанные с производством и реализацией товаров (работ, услуг)	Метод начислений	Кассовый метод
3. Лимит отнесения приобретенных средств к основным фондам	Максимально установленный законодательством	Ниже максимально установленного законодательством
4. Начисление амортизации основных средств	Линейный метод начисления амортизации	Нелинейный метод начисления амортизации
5. Отпуск материально-производственных запасов	По себестоимости каждой единицы	По средней себестоимости

Начисление различных видов резервов (на предстоящие отпуска, на ремонт основных средств) при имеющихся суммах отклонений в структуре себестоимости позволяет равномерно распределить налоговые платежи во времени их уплаты.

На основании изложенного можно констатировать тот факт, что варьирование ме-

тодами учета различных объектов влияет прежде всего на величину налога на прибыль и налога на имущество организаций.

Возможности минимизации налоговых платежей не могут ограничиваться какими-то конкретными методами и моделями. Этих возможностей достаточное количество, и при использовании различных сочетаний вариантов организации учета могут формироваться десятки комбинаций.

Таким образом, при формировании учетной политики организации для целей налогообложения предоставляется возможность аргументированно обосновывать выбранный вариант исчисления налоговой базы и таким образом минимизировать свои налоговые риски.

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Гл. 25 (в ред. Федерального закона от 25.11.2009 № 281-ФЗ).
2. Российская Федерация. Приказ Министерства финансов «Об утверждении положения по бухгалтерскому учету ПБУ 9/99 «Доходы организации» (приказ Минфина РФ от 06.05.1999 № 32н (ред. от 8 ноября 2010 г.)).
3. *Гогина, Г. Н.* О влиянии учетной политики на эффективность деятельности предприятия / Г. Н. Гогина, Н. С. Сахчинская // Вестн. профессионального бухгалтера. 2005. № 3(54). С. 4—11.
4. *Макарова, Н. Н.* Налоговый учет и учетная политика для целей налогообложения : моногр. / Н. Н. Макарова. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2009. 182 с.
5. *Кондраков, Н. П.* Учетная политика организаций на 2012 год / Н. П. Кондраков. М. : Изд-во «Эксмо», 2012. (Сер. «Настольная книга главного бухгалтера»).

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. Г. Баранец, Е. В. Кудряшова

КОНФЛИКТЫ И ФИЛОСОФСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ[1]

В статье представлены результаты исследования функций коммуникации в разрешении конфликтов в философском сообществе. Описана дискуссия механистов и диалектиков, проанализированы концептуальные и статусные причины их конфликта.

Ключевые слова: эпистемическое сообщество, конфликт, функции коммуникации, нормативно-ценностная система.

N. G. Baranets, E. V. Kudryashova

CONFLICTS AND PHILOSOPHICAL COMMUNICATION

The article presents the results of study on functions of communication in resolving conflicts in a philosophical community. It describes mechanists' and dialecticians' debate, analyzes conceptual and status causes of their conflict.

Key words: epistemic community, conflict, functions of communication, regulatory value system.

Мы хотим показать значение коммуникации в разрешении конфликтов в философском сообществе. Это исследование является первой частью проекта, направленного на изучение эпистемических конфликтов в научном, философском и религиозном сообществах, на выявление их специфики, возможной типологизации и описание способов их разрешения.

ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ВИДЫ КОНФЛИКТОВ В НЁМ

В 80-е годы в эпистемологии было введено понятие «эпистемическое сообщество», которое указывало на некую общность мыслителей отдельной эпохи или континента [1, с. 5]. Понятия научного и эпистемического сообщества оказались востребованными в исследованиях динамики общественного развития, координируемого определённым видом знания. Исследования в данной области посвящены выяснению вопросов о том, каким образом специализированные области знания влияют на запросы общества и как формируется социальный заказ.

В рамках таких исследований эпистемическое сообщество выступает в роли посредника между определённой областью знания и обществом в целом: для общества эпистемические сообщества определяют ожидания и требования, для области знания — направление исследований [2, p. 3]. Один из специалистов в этой области П. Хаас предваряет свои исследования подробной разработкой понятия «эпистемическое сообщество».

П. Хаас пишет: «Эпистемическое сообщество — это группа профессионалов с формально закрепленной квалификацией в определенной сфере, формирующая нормы знания в пределах данной области или поля исследования. Эпистемическое сообщество могут составлять специалисты разных дисциплин и областей знания, однако для всех эпистемических сообществ будет важным, что все его члены: (1) разделяют одни нормативные убеждения и принципы, которые обеспечивают социальным действиям членов сообщества ценностно-значимые основания; (2) разделяют одни каузальные убеждения, формирующиеся в практическом следовании

[1] Работа поддерживалась грантами РГНФ № 11-13-73003а/В, 10-03-00540.

или содействии решению центральных проблем области знания, служащие также основанием объяснения множества взаимосвязей между возможными установками и ожидаемыми результатами; (3) разделяют одни представления об обоснованности — то есть об интерсубъективном, внутренне определенном критерии оценки или обоснования знания в пределах области их квалификации; и (4) общие установки деятельности…» [2, p. 3]. Такое определение оказывается довольно удачным, поскольку позволяет зафиксировать универсальные характеристики сообществ специалистов в любой области знания.

Разработки понятия философского сообщества были изначально ориентированы на понятие «научное сообщество». Показательна в этом отношении статья М. А. Розова «Философия без сообщества?». Анализируя проблему нарушения норм профессиональной деятельности специалистов по философии, автор проводит параллели между научным и философским сообществом [3, с. 23—36]. Наличие таких параллелей указывает, по всей видимости, на факт отождествления основных параметров научного и философского сообщества.

Вопрос о том, насколько близки понятия научного и философского сообщества, насколько возможно представить понятие научного сообщества в качестве родового для понятия философского сообщества, упирается в вопрос о том, насколько близки наука и философия. И. Г. Тимошенко, сближая научную и философскую систему знания, стремится установить критерии научности философии и указывает среди них верность методам научной рациональности и единство с ее содержанием и достижениями; полноту использования фундаментальных философских, научных и социально-исторических фактов, относящихся к поднимаемым проблемам; естественность трактовки объектов оснований и производных решений [4, с. 6]. Однако автор отмечает: «В философском мышлении логический порядок научного мышления сплошь и рядом ломается и заслоняется хаосом, беспорядком индивидуального мышления» [4, с. 10]. Формализовать эти индивидуализированные элементы философии не удается, однако в большинстве философских систем они являются обязательной, сущностной составляющей.

Философия представляет собой совокупность независимых и несводимых друг к другу философских традиций. На этом основании можно утверждать, что понятие *дисциплинарного сообщества специалистов в области философии является условным, использующимся для фиксации совокупности локальных философских сообществ, каждое из которых организовано той или иной философской традицией*. Поскольку философские традиции содержательно отличны друг от друга, концептуальные элементы, транслируемые соответствующими локальными философскими сообществами, также различны. При этом модель организации локальных философских сообществ едина.

Следуя методологии анализа познавательных сообществ, выработанной в философии науки, *в построении идеальной модели локального философского сообщества необходимо учитывать два типа единства — концептуальное и социальное*, где концептуальное связано с идейно-методологическим единством познавательных программ, а социальное — со скрытой или актуальной демонстрацией этого единства.

Регуляция локального философского сообщества возможна прежде всего на уровне единства концептуального содержания: философ, поддерживая общую познавательную программу, удерживается в статусе члена сообщества. Причастность к локальному философскому сообществу обнаруживает себя в нескольких моментах.

Прежде всего, важным оказывается *способность говорить на одном философском языке*, использовать такой категориальный аппарат, в котором каждая категория обозначает такое явление или признак или отношение, значимое для всех членов философского сообщества вне зависимости от того, как отдельный философ к нему относится и как часто использует. Разница в значениях философских понятий и категорий особенно заметна, когда речь идет о «национальных» философских традициях, что четко прослеживается в переводах. Другим важным элементом концептуального единства локального философского сообщества являются представления о наиболее *значимых философских системах и философских текстах.* В. В. Бибихин отмечает: «Философия не состоялась бы без философских школ, без преданной готов-

ности последователей воплотить в себе чужое слово. На верности мудрой системе, возвышенной мысли всегда стояла община философов. Без людей, преданных букве Книги, у нас бы не было книги» [5, с. 100]. Таким образом, философское сообщество всегда связано с представлением о «классических», образцовых философских системах и философских текстах.

Анализируя особенности деятельности «языковой личности», Ю. Н. Караулов указывает, что для каждой личности существует определенная группа так называемых «прецедентных» текстов. «Прецедентным» можно назвать текст, который (1) значим для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении; (2) хорошо известен окружению данной личности, включая её предшественников и современников; и такой (3), обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности [6, с. 216]. Следуя методологии автора в отношении локального философского сообщества, можно также указать класс «прецедентных» философских текстов. «Прецедентный» философский текст (1) значим для определенного локального философского сообщества, имеет статус «классического», образцового; (2) хорошо известен каждому из членов сообщества; (3) требует постоянного обращения в дискурсе данной философской традиции.

«Прецедентные» тексты могут выступать в качестве «третейского» судьи в разного рода спорах в качестве авторитета, обращение к которым гарантирует подтверждение или опровержение идей; могут быть методологическими образцами познавательной деятельности; отправными точками познания, отталкиваясь от которых философы создают свои философские системы и пр.

Опора на определенные философские системы и «прецедентные» философские тексты определяет еще одну важную концептуальную составляющую, позволяющую локальному философскому сообществу сохранять свое единство, — *совокупность норм познания, основанных на принципиально важных идеях и принципах и представлении о способах философствования.*

Для локального философского сообщества определённые философские системы и философские тексты выступают в качестве идеала познавательной деятельности. Члены локального философского сообщества ориентируют свои исследования на эти идеалы и тем самым нормативируют философствование, вводят его в определённые рамки, в которых предзаданы возможные и невозможные «творческие» шаги.

Локальное философское сообщество, ориентирующееся на «классические», образцовые философские системы и «прецедентные» философские тексты, проявляет к ним особый интерес. В частности, особое внимание уделяется выявлению основных идей и принципов этих философских систем и текстов, служащих для членов сообщества предпосылками собственных исследований. Подобно аксиомам в математике, эти идеи и принципы воспринимаются нерефлексивно, определяя то, что будет очевидным для познающего. Например, для религиозной философии не существует выбора между материалистической и идеалистической позицией, поскольку принципиально важная идея для нее заранее предопределена.

Не менее важно для локального философского сообщества перенять из «классической», образцовой философской системы или «прецедентного» философского текста методологию получения познавательного результата. В данном случае интерес представляют не столько идеи и принципы, сколько способы их получения (выведения), которые становятся образцами познавательной деятельности.

Появление нормы, связанное с ориентацией на идеалы, не ограничивает возможности познавательной деятельности, а регулирует их. Кроме того, следование нормам в значительной степени гарантирует приемлемость результата познавательной деятельности всеми членами сообщества: общепринятость норм предписывает локальному философскому сообществу принять результат познавательной операции, регулируемой этой нормой.

Нормативность в деятельности локальных философских сообществ хорошо просматривается в функционировании чётко оформленных сообществ, например в советском, которое поддерживало марксистскую программу познания. Историки указывают, что в советской философии были прецеденты «отклонения» от общей идеологической программы марксизма, но это не были прецеденты отклонения от марксизма как такового.

Поскольку локальное философское сообщество существует внутри дисциплинарного сообщества, в ситуации сосуществования с другими локальными философскими сообществами, оно вынуждено вырабатывать *способы противопоставления себя другим*. Источниками противостояния и конфликтов в философском сообществе могут быть борьба за вознаграждение и обретение статуса, концептуальные и личностные причины. Полагаем, что целесообразно разделять концептуальные, статусные и личностные конфликты.

Концептуальные конфликты могут быть теоретическими и догматическими. Теоретические конфликты возникают из-за концептуальных расхождений в рамках сложившихся дисциплинарных матриц. Они редко носят деструктивный характер, способствуя плодотворной конкуренции идей. Доктринальные конфликты происходят из-за доктринальных противоречий внутри дисциплинарного сообщества. Статусные конфликты подразумевают борьбу за ресурсы, престиж и социальное положение. В философском сообществе они не являются явно выраженными. Участвующие в таком конфликте философы стремятся представить ситуацию как борьбу за истину и справедливость. Статусные конфликты особенно деструктивны в недемократических обществах, поскольку здесь ограничено действие саморегуляции, а доминирующая группа часто прибегает к административной поддержке.

В качестве примера переплетения мотивов конфликта и возможности их саморазрешения в нормально функционирующей коммуникации в эпистемическом сообществе приведем дискуссию между механистами и диалектиками. Обе стороны известной дискуссии — и механицисты, и диалектики — были ревизионистами в отношении ортодоксального марксизма. Расхождение позиций между механицистами (И. В. Скворцов-Степанов, Л. И. Аксельрод, А. Варьяш, А. К. Тимирязев) и диалектиками (А. М. Деборин, Г. К. Бамель, Б. М. Гессен, Н. А. Кареев, С. Г. Левит, И. П. Разумовский, Я. Э. Стэн) по некоторым непринципиальным вопросам наметилось еще в 1923 году.

Поводом для начала открытой дискуссии была публикация в 1924 году книги голландского социал-демократа Г. Гортера «Исторический материализм», в которой был сделан акцент на качественном отличии исторического материализма от материализма философского, не исключалась возможность соединения исторического материализма и некоторых положений из идеалистических философий. И. И. Степанов, переводивший книгу Г. Гортера, написал послесловие (1924) и специальную статью «Исторический материализм и современное естествознание» (1925). В них он поставил задачу выяснить отношение исторического материализма к философскому материализму и естествознанию. По его мнению, исторический материализм продолжает то дело, которое в одной своей части выполнено современным естествознанием, ибо «для марксизма не существует области какого-то философствования», отдельной и обособленной от науки.

В журнале «Большевик» в 1924 году Я. Стэн напечатал статью «Об ошибках Гортера и тов. Степанова», в которой указал, что И. В. Скворцов-Степанов, во-первых, принизил роль диалектического метода по отношению к естествознанию, во-вторых, регрессировал от диалектического материализма к материализму механистическому. Действительно, И. В. Скворцов-Степанов доказывал, что наука выяснила так много из превращения форм энергии, что нигде не остается места для «жизненной силы» живых организмов, которая в своем действии есть изъятие из закона сохранения энергии. Нигде нет таинственных форм энергии, поэтому «…марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает это так называемое механистическое воззрение на природу, механистическое понимание её. Недостойно марксиста приходить в трепет перед попами или давать грубые формулировки этого понимания и затем отмежевываться вообще от механистической точки зрения на процессы природы» [7, с. 166].

Я. Стэн, апеллируя к авторитету Ф. Энгельса, отмечает, что тот был против смешения органических и химических процессов. Он высказывает требование качественно-конкретного исследования, так как диалектический материализм выступает против перенесения специфических закономерностей данного вида процесса на другие формы процессов. Я. Стэн дает совет И. В. Скворцову-Степанову: «…не выдавать того, что является его «личным», «индивидуальным» взглядом, за марксистскую философию, за ортодоксальный марксизм» [8, с. 89].

И. В. Скворцов-Степанов опубликовал ответ на статью Я. Стэна «О моих ошибках, «открытых и исправленных» тов. Стэном», в которой утверждал, что между его концепцией и механистическим материализмом XVIII века нельзя проводить аналогии. Он доказывал, ссылаясь на К. А. Тимирязева, что все достижения современной физиологии приобретены только благодаря приложению к жизненным явлениям физических и химических методов исследования, благодаря распространению на них физических и химических законов. Не всякое распространение законов развития более низких форм движения материи на более высокие их формы есть механицизм в том смысле, который был раскритикован Марксом, Энгельсом и Лениным. И. В. Скворцов-Степанов предлагал философски осмыслить ситуацию, сложившуюся в современной физиологии, когда результаты получают благодаря распространению физических законов на явления жизни, а не навешивать ярлыки «механицизма».

В дальнейшем дискуссия перешла на страницы журнала «Под знаменем марксизма». После выхода в 1925 году книги И. В. Скворцова-Степанова «Современное естествознание и исторический материализм» был организовано её обсуждение в Государственном Тимирязевском научно-исследовательском институте. Большая часть участников поддержала позицию автора и приветствовала появление книги. Тем не менее И. В. Скворцов-Степанов в заключительном слове выразил опасение, что науке угрожает опасность со стороны возрождающихся философских систем.

Обсуждалась книга И. В. Скворцова-Степанова и в Первом Московском университете. Основными оппонентами были И. В. Скворцов-Степанов и А. К. Тимирязев, с одной стороны, Я. Э. Стэн и Н. А. Кареев — с другой. Она имела большой резонанс, но принципиального изменения в аргументах противников не было.

Следующая фаза противостояния была связана с дискуссией в Институте научной философии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук весной 1926 года. Дискуссия возникла в связи с докладом аспиранта по философии Бергсона, который стал поводом для обсуждения проблем истории философии. Л. Аксельрод, А. Богданов, А. Варьяш, А. К. Тимирязев в своих выступлениях указали на свои расхождения с трактовкой А. М. Деборина некоторых историко-философских проблем. Они обвинили А. М. Деборина в «неогегельянстве» и «схоластике». В свою очередь, А. М. Деборин назвал их выступление «ревизионистским», направленным на борьбу с марксизмом. Дискуссия длилась с марта по май 1926 года в виде ежедневных собраний продолжительностью по 4 часа. Но опубликовано было только заключительное слово А. М. Деборина, произнесенное 18 мая 1926 года во второй книге «Летописи марксизма». Так как статья «Наши разногласия» была ответом на речь механицистов, но опубликована без самих выступлений, это вызвало возмущение. Л. И. Аксельрод, А. К. Тимирязев в журнале «Красная новь» и сборнике «Диалектика в природе» опубликовали статьи с изложением своих позиций, что было остро необходимо после заявления А. М. Деборина, «…что группировка, возглавляемая тов. Аксельрод и Тимирязевым, носит определенно ревизионистский характер».

Пользуясь административным ресурсом, деборинцы 7 января 1927 года на собрании Общества воинствующих материалистов (ОВМ) приняли резолюцию, проводящую их позицию. В ней говорилось, что ОВМ считает своей задачей основное внимание в ближайший период времени обратить на борьбу за материалистическую диалектику против отвергающего её ревизионизма. Для осуществления этой цели общество считает необходимым, согласно завету Ленина, рассматривать себя как «общество материалистических друзей гегелевской диалектики». И. В. Скворцов-Степанов опубликовал открытое письмо Обществу воинствующих материалистов, где выдвинул протест против обвинений, который вызвал сочувственные отклики. Поэтому деборинцы провели решение Президиума Общества воинствующих материалистов, в котором заявили, что тов. Степанов и его сторонники «ревизуют диалектический материализм, т. е. марксизм-ленинизм».

Механицисты организовали публичный диспут, как противовес официальным собраниям, 19 декабря 1927 года в московском театре им. Мейерхольда на тему «Коренные вопросы диалектического материализма». В диспуте участвовали от механицистов Л. И. Ак-

сельрод, А. Варьяш, А. К. Тимирязев, В. Сарбьянов и др., от деборинцев — Н. А. Кареев, С. Г. Левит, И. П. Подволоцкий. Журнал «Под знаменем марксизма» отчет о диспуте дал своеобразно: в кратком изложении выступление Л. И. Аксельрод и полные выступления деборинцев. Это не могло не вызвать возмущение механицистов.

Напряжение в отношениях между деборинцами и механицистами достигло апогея в 1928 году, когда из Общества воинствующих материалистов ушли механицисты. Поэтому деборинцы организовали Общество воинствующих материалистов-диалектиков, в котором имели возможность реализовать свою позицию. Но механицисты ответили, по определению Г. К. Баммеля, «двумя геростратовскими книгами»: И. Скворцов-Степанов — «Диалектический материализм и деборинская школа» и Л. И. Аксельрод — «В защиту диалектического материализма». «Переполненная сверх всякой меры ругательствами книга И. Степанова не вносит ничего нового в дискуссию. Книга Л. Аксельрод — откровенная защита стыдливого позитивизма под прикрытием марксистской терминологии» [9, с. 105].

Теоретически дискуссия больше не двигалась. Чтобы положить ей конец, деборинцы предприняли организационные меры. В Москве с 8 по 13 апреля 1929 года в Коммунистической академии была созвана Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений. В ней приняли участие 229 делегатов, представлявших научно-исследовательские учреждения Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева и других городов. На конференции был подведен итог многолетней дискуссии между механицистами и диалектиками по основным вопросам естествознания [10, с. 65].

Пленарные доклады были сделаны А. М. Дебориным — «Современные проблемы философии марксизма» и О. Ю. Шмидтом — «Задачи марксистов в области естествознания». Прения имели обличительный характер. Механицисты чувствовали свое поражение и больше оправдывались, чем нападали. Группа А. М. Деборина победила, её назвали «школой ортодоксального марксизма», но торжество её было недолгим. Изменения, происходившие в организации партии большевиков, имели непосредственное влияние на дальнейшее состояние философского сообщества.

Теоретический итог дискуссии между механицистами и диалектиками исследователи советской философии считают незначительным. В фокус обсуждения попали следующие проблемы: о предмете марксистской философии, о взаимоотношении «простых» и «сложных» форм движения материи, о необходимости и случайности, о количественных и качественных изменениях, о значении гегелевской диалектики, о принципе партийности в философии.

Если оценивать характер дискуссий в философском сообществе 20-х годов, то стоит согласиться с мнением И. Яхота, считавшего, что «она носила относительно свободный характер». Об этом свидетельствует, во-первых, то, что появление работ высших партийных деятелей подвергалось критическому рецензированию (на книгу Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма» В. Сарабьянов и С. Гоникман написали довольно резкие рецензии). Во-вторых, фактически не использовался административный ресурс — деборинцы не покушались на изгнание с должностей своих оппонентов, хотя их выступления могли давать в урезанном виде или задерживать публикацию в журнале «Под знаменем марксизма». В-третьих, кажущиеся в исторической перспективе ужасающими обвинения в «ревизионизме», неправильной трактовке марксизма были, в сущности, нормой, установленной еще в спорах В. И. Ленина с Г. В. Плехановым и Л. И. Аксельрод, они не имели «убийственных» последствий в 20-е годы.

Тон личных нападок, ругательств и резкостей создавал специфический стиль, отражавший дух революционной эпохи и накал страстей. Свободным был обмен мнениями по принципиальным для марксизма проблемам, и имелась возможность отстаивать свою позицию как публично в дискуссиях, так и на страницах прессы. Мнение партийной печати не было определяющим. Но с лета 1930 года ситуация резко стала меняться.

---

1. *Баранец, Н. Г.* Метаморфозы этоса российского философского сообщества в XIX — начале XX веков : в 2 ч. Ч. 1 / Н. Г. Баранец. Ульяновск : УлГУ, 2007.
2. *Haas, P. M.* Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination / P. M. Haas // International Organization. Vol. 46. 1992. № 1.

3. *Розов, М. А.* Философия без сообщества? / М. А. Розов // Вопр. философии. 1988. № 8.
4. *Тимошенко, И. Г.* Философское познание и мышление : учеб. пособие / И. Г. Тимошенко. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2001.
5. *Бибихин, В. В.* Язык философии / В. В. Бибихин. 3-е изд., стер. СПб. : Наука, 2007.
6. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. М. : Наука, 1987.
7. *Степанов, И.* Послесловие / *И. Степанов* // Гортер Г. Исторический материализм. 1924.
8. *Стэн, Я.* Об ошибках Гортера и тов. Степанова / *Я. Стэн* // Большевик. 1924. № 11.
9. *Баммель, Г.* На философском фронте после октября / *Г. Баммель*. М., 1929.
10. *Яхот, И.* Подавление философии в СССР (20—30-е годы) / *И. Яхот* // Вопр. философии. 1991. № 9—11.

Н. А. Мазилина

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ

В статье раскрываются педагогические условия формирования ценностных ориентаций в подготовке специалистов гуманитарного профиля средствами учебной дисциплины «Естественно-научная картина мира». Основным методом формирования ценностных ориентаций у студентов являются методы убеждения, ориентирующие обучаемых на саморазвитие, самоопределение и самоидентификацию личности, обладающей четкой гражданской позицией, нравственной культурой, понимающей научную картину мира, основанную на рациональных способах его объяснения.

Ключевые слова: ценностные ориентации, окружающий мир, нравственная культура, гражданское сознание молодежи, профессионально компетентный специалист, синтез гуманитарного и естественно-научного знания, целостное мировосприятие, убеждения.

N. A. Mazilina

VALUE ORIENTATION FORMATION WHILE TRAINING A MODERN SPECIALIST IN HUMANITIES

The article reveals the pedagogical conditions of value orientations formation while training modern specialists in Humanities by means of academic discipline «Scientific worldview». The main methods of value orientations formation among students are the methods of persuasion. They concentrate students on self-development, self-determination and self-identification of a personality with a well-defined citizenship and moral culture. Such a person understands the scientific worldview based on logic ways of explanation.

Key words: value orientations, outworld, moral culture, civil consciousness of youth, qualified expert, synthesis of humanitarian and scientific knowledge, holistic worldview, persuasion.

Глобальные социально-экономические изменения, происходящие в современном мире, и возникающие проблемы, которые необходимо будет решать человеку XXI века, предполагают дальнейшее совершенствование факторов, оказывающих особое влияние на становление и развитие отдельной личности, его ценностных ориентаций, определяющих жизненные цели. К таковым факторам, безусловно, относится система образования в целом и профессионального образования в частности. Профессиональное образование является одним из фундаментальных прав личности, закрепленных в Конституции РФ, Законе «Об образовании», Декларации прав человека. Оно должно обеспечивать каждому индивиду «реальное право на труд, профессиональные возможности участвовать в общественной жизни, способствующие улучшению качества жизни» [4, с. 223].

В системе профессионального образования России сегодня происходят серьезные перемены, обусловленные в первую очередь потребностями рынка труда. Закономерно вытекающими из этого являются идеи пересмотра места и роли профессионального образования в образовательной системе страны, идеи оптимизации структуры и управления системой, совершенствования содержания (государственных образовательных стандартов), методов, форм и технологий педагогического процесса.

Современная система высшего профессионального образования должна решить задачу подготовки высококвалифицированных специалистов, обладающих разносторонними и фундаментальными знаниями о самых различных процессах и явлениях окружающего мира. Сегодня стало очевидным, что от содержания и характера направленности личности зависит решение социальных и экономических проблем, безопасность человека и даже существование всего человечества. На рынке труда востребованы специалисты, ори-

ентированные не на решение узкоутилитарных задач, а обладающие широким кругозором, навыками самостоятельного приобретения новых знаний и их критического осмысления. Социальный заказ ориентирует современное образование на подготовку социально активной, сознательной, творческой личности, способной и готовой к выполнению своего общественного долга, обладающей четкой гражданской позицией. Однако кризисные явления в духовной сфере привели сегодня к общему снижению уровня нравственной культуры, гражданского сознания молодежи.

В связи с этим возникает потребность в том, чтобы образовательные приоритеты были соотнесены с социально-гражданским, духовно-нравственным воспитанием. В Законе Российской Федерации «Об образовании» (ст. 14) подчеркивается необходимость обеспечения самоопределения личности, создания условий для ее самореализации, «…формирования человека-гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества». Данные положения нашли отражение в «Программе развития воспитания в системе образования России на 2011—2015 годы», в которой отмечается, что стержнем воспитания является формирование социально необходимых знаний и навыков, профессиональных интересов, гражданской позиции обучающихся. Одним из основных направлений (принципов) современного воспитания, учитывающего природу воспитательного процесса, является ориентация личности обучающегося на ценности и ценностные отношения к человеку, природе, обществу, труду, познанию и т. д. В связи с этим из приоритетных направлений современного профессионального образования следует выделить ориентацию образовательного процесса на формирование профессионально-компетентного специалиста и формирование у него ценностного отношения к миру. Так, выпускники современного вуза должны иметь представление об основных научных концепциях, объясняющих пространственно-временные отношения объективного мира, процессы самоорганизации в сложных системах, каковыми являются живая и неживая природа, взаимоотношения человека с окружающей природной средой и место человека во Вселенной. В содержании высшего образования формирование у студентов широких мировоззренческих ориентаций, овладение ими научной картиной мира обеспечивается путем изучения большей части учебных дисциплин, но в первую очередь такие возможности появляются при изучении дисциплины «Естественно-научная картина мира».

Целью курса «Естественно-научная картина мира» является ознакомление студентов гуманитарных специальностей вузов с неотъемлемым компонентом человеческой культуры — естествознанием. При этом основное внимание уделено рассмотрению тех концепций современного естествознания, которые имеют наиболее важное мировоззренческое и методологическое значение для понимания и анализа социальных явлений.

Учебный курс «Естественно-научная картина мира» по своему содержанию является междисциплинарным комплексом на основе историко-философского, культурологического и эволюционно-синергетического подходов к современному естествознанию. Современная тенденция к гармоничному синтезу гуманитарного и естественно-научного знания обусловлена потребностями общества в целостном мировосприятии и подчеркивает актуальность данной дисциплины.

Потребность в изучении данного курса обусловлена еще и тем обстоятельством, что на протяжении двух последних десятилетий в нашем обществе все более широкое распространение получают различные виды иррационального знания — мистицизм, астрология, оккультизм, магия, спиритизм и т. п. Постепенно и последовательно они пытаются вытеснить из общественного сознания научную картину мира, основанную на рациональных способах его объяснения. В создавшихся условиях особую значимость приобретают утверждение научно-рационального отношения к действительности, целостное представление о живой и неживой природе, понимание содержания и возможностей современных методов научного познания, а также умение их применять в профессиональной деятельности.

В связи с этим при обучении этой дисциплине основное внимание сосредотачивается на тех важнейших концепциях современного естествознания, которые составляют фундамент современной научной картины мира и наиболее важны в мировоззренческом аспекте.

Согласно ФГОС ВПО, учебный курс «Естественно-научная картина мира» состоит из комплекса модулей, освещающих современные методы научного познания мира. Наиболее значимыми из модулей являются те, содержание которых раскрывает основы естествознания, физическую картину мира, современные концепции физики, химии и космологии, структурные уровни жизни, происхождение и сущность жизни, теорию эволюции органического мира, феномен человека в современной науке, рассматривает взаимосвязь человека и биосферы.

Философско-педагогические исследования проблемы ценностей занимают особое место в системе наук, где человек провозглашается высшей ценностью общества. Представления о современных методах научного познания способствуют формированию ценностных ориентаций, определяющих жизненные цели человека, и выражают то, что является для него наиболее важным и обладает личностным смыслом. По мнению большинства ученых (М. Рокич, Ш. Шварц и У. Билски и др.), ценностные ориентации представляют собой особые психологические образования, всегда составляющие иерархическую систему и существующие в структуре личности только в качестве ее элементов. Так, М. Рокич определяет ценности как устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, либо конечная цель существования [5]. По его мнению, ценности личности характеризуются следующими признаками:

1. Истоки ценностей прослеживаются в культуре, обществе и личности;
2. Влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения;
3. Общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико;
4. Все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени;
5. Ценности организованы в системы.

Ш. Шварц и У. Билски дают аналогичное концептуальное определение ценностей, включающее следующие формальные признаки:

— ценности — это понятия или убеждения;

— ценности имеют отношение к желательным конечным состояниям или поведению;

— ценности имеют надситуативный характер;

— ценности управляют выбором или оценкой поведения и событий;

— ценности упорядочены по относительной важности [5].

Невозможно представить себе ориентацию личности на ту или иную ценность как некое изолированное образование, не учитывающее ее приоритетность, субъективную важность относительно других ценностей, то есть не включенное в систему. Формирование ценностных ориентаций у обучаемых в профессиональных учебных заведениях приобретает ещё более глубокий смысл в условиях, когда происходят изменения человеческого фактора в новом информационном обществе. Информационное общество — это настоящее и будущее человечества. Обладание информацией в любой сфере жизнедеятельности позволяет не только открывать для человека новые перспективы, но и с уверенностью смотреть на всё происходящее, а умение прогнозировать и анализировать информацию способствует формированию адаптационных возможностей человека, в том числе в профессиональной деятельности.

Таким образом, ценностные ориентации представляют собой особые психологические образования, всегда составляющие иерархическую систему и существующие в структуре личности только в качестве ее элементов.

Ценностные ориентации, определяющие жизненные цели человека, выражают, соответственно, то, что является для него наиболее важным и обладает личностным смыслом. К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский описывают роль смысловых представлений в организации системы ценностных ориентаций, которая проявляется в следующих функциях: принятии (или отрицании) и реализации определенных ценностей; усилении (или снижении) их значимости; удержании (или потере) этих ценностей во времени [1, с. 232]. Т. В. Корнилова также подчеркивает, что «личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект определился» [3, с. 99], акцентируя внимание на необходимости не только осознания смыслов, но и решения об их принятии или непринятии. Внутреннее принятие осоз-

нанных личностью смыслов выступает, таким образом, необходимым условием образования личностных ценностей.

В то же время ряд авторов полагают, что ценностные образования, напротив, являются базой для формирования системы личностных смыслов. Смысл, как целостная совокупность жизненных отношений, у Ф. Е. Василюка является своего рода продуктом ценностной системы личности.

Г. Е. Залесский связывает личностные ценности и смыслы через понятие «убеждение». Убеждение, являясь интегрирующим элементом механизма регуляции активности человека, представляет, по его мнению, «осознанные ценности, субъективно готовые к реализации путем их использования в социально-ориентировочной деятельности» [2]. По словам Г. Е. Залесского, убеждению присущи одновременно и побуждающая, и когнитивная функции. Убеждение, выступая в качестве эталона, оценивает конкурирующие мотивы с точки зрения их соответствия содержанию той ценности, которую оно призвано реализовать, и выбирает соответствующий способ ее практической реализации. Как пишет Г. Е. Залесский, «убеждение носит как бы двойной характер: принятые личностью социальные ценности «запускают» его, а будучи актуализированным, уже само убеждение вносит личностный смысл, пристрастность в реализацию усвоенной общественной ценности, участвует в актах выбора мотива, цели, поступка» [2]. При этом чем выше в субъективной иерархии находится убеждение, соответствующее той или иной ценности, тем более глубокий смысл придается его реализации, следовательно, и выделенному с его участием мотиву. Путем формирования способа мировоззренческой ориентировки удается сформировать у обучаемых не только устойчивое умение применять знания в регулирующей функции, но и готовность ими руководствоваться ради получения возможности выбирать цели и способы поведения, отвечающие внутренним требованиям личности, её оценкам, нормам, идеалам, а не только согласующиеся с характером ситуации. Основным методом формирования ценностных ориентаций у студентов в ходе процесса обучения их дисциплине «Естественно-научная картина мира» является метод убеждения. Педагог воздействует на отношение, корректирует, инициирует отношения к окружающей действительности (например, к физической картине мира, взаимосвязи человека и биосферы и др.).

Учитывая междисциплинарный характер содержания дисциплины «Естественно-научная картина мира», следует заключить, что основным результатом при изучении студентами данной дисциплины является овладение ими ключевыми, предметными и междисциплинарными компетенциями. Ключевые компетентности включают интеллектуальные, коммуникационные, информационные. Овладение студентами этими компетенциями способствует приобретению ими социального опыта. Междисциплинарный характер содержания учебной дисциплины «Естественно-научная картина мира» позволяет нам выделить содержание таких компонентов формирования ценностных ориентаций, как когнитивный компонент, эмоционально-оценочный компонент и поведенческий. Уровни сформированности ценностных ориентаций можно представить тремя видами:

— высокий — студенты имеют убеждения о значимости содержания изучаемых ценностей, собственную оценку общественных явлений;

— средний — студенты умеют руководствоваться знаниями в поведении при определенной ситуации;

— низкий — студенты имеют к формируемым ценностям негативное или нейтральное отношение.

Представим некоторые результаты нашей экспериментальной работы по формированию ценностных ориентаций у студентов в процессе обучения дисциплине «Естественно-научная картина мира». Одним из основных модулей в этой дисциплине является модуль «Человек и биосфера». Рассмотрение взаимосвязи человека и биосферы направлено на формирование у студентов ценностного отношения к окружающему миру, к среде, в которой они пребывают, к культуре и ее образцам, которые они оценивают или, напротив, не замечают. Анализ результатов уровня сформированности ценностных ориентаций студентов позволил нам выявить особенности развития когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов. Основными методами данного этапа эксперимента были анкетирование, групповые и индивидуальные собеседования, обсуждение реферативных материалов, учебные конференции, участие во

внеаудиторных мероприятиях и др. Обобщение результатов эксперимента выявило уровни сформированности ценностных ориентаций у студентов, характеризующих процесс саморазвития и самореализации личности; систему проявления личностных свойств, отношений студента к рассматриваемой проблеме (содержанию учебного модуля). При этом достаточно четко определились в иерархической последовательности уровни сформированности ценностных ориентаций у студента:

— уровень исходных знаний, которые выступают стартовой позицией для организации процесса совместной деятельности педагога и студента;

— уровень осознания ценностных ориентаций;

— уровень понимания, субъективной интерпретации, рефлексии, коррекции, субъективных оценок и перевод их в объективное.

Каждый уровень выводит студента на новый этап формирования ценностных ориентаций, который можно рассматривать с позиции критериальной результативности: исходные знания, формирование готовности к восприятию новых ценностей; владение методологическими междисциплинарными знаниями; проявление аксиологической информативности; обеспечение субъектной интерпретации, осуществление рефлексии. Изложенное выше позволяет определить структурную модель формирования содержания ценностных ориентаций у студента. Системное построение модели, согласно теорий разработки педагогических моделей обучения, направлено на реализацию свойственных данной конкретной модели (по содержанию обучения) ряда функций:

— ориентировочной, позволяющей сформировать ориентированную основу деятельности, целевые установки;

— смыслообразующей, направленной на формирование умений студентов выделять смысл, связанный с содержанием модуля, осознание ценностных ориентаций; формирование ценностных потребностей как мотивов и стимулов деятельности и личностной значимости ценностных ориентаций;

— мировоззренческой, которая способствует развитию ценностных ориентаций, формированию умений анализировать, сопоставлять, высказывать свое суждение, адекватно оценивать явления.

Содержание учебных дисциплин, включающих обучение множеству модулей (как в нашем случае дисциплина «Естественно-научная картина мира»), требует от педагога дидактически верного отбора содержания учебного материала и проектируемого способа формирования мировоззренческой ориентировки у обучаемых в ходе изучения данного учебного модуля.

Умения педагога конструировать модель педагогического процесса по формированию ценностных ориентаций у студентов позволят ему системно, а не спонтанно решать эти проблемы и отразить характер и содержание тех ценностей, которые ориентируют на саморазвитие творческой индивидуальности, самоопределение и самоидентификацию личности. Все это не только способствует успешной реализации дидактических целей обучения каждому модулю, но и в совокупности решает проблемы формирования ценностных ориентаций у обучаемых.

На основе сказанного мы можем определить ценностно-смысловые направления отбора содержания обучения. К ним можно отнести нравственное воспитание, нравственное просвещение, бережное отношение к духовным ценностям, преемственность отечественных и мировых культурных традиций, приоритет человеческих ориентаций, гармонизацию духовного и материального бытия.

1. *Абульханова-Славская, К. А.* Деятельность и психология личности / К. А. Абульханова-Славская. М., 1980. 299 с.
2. *Залесский, Г. Е.* Психология мировоззрения и убеждений личности / Г. Е. Залесский. М., 1994. 142 с.
3. *Корнилова, Т. В.* Методологические основы психологии / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. СПб., 2007. 320 с.
4. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М., 2002.
5. Практическая психология для менеджеров / под ред. М. К. Тутушкиной. М., 1996. 368 с.

А. П. Мальцева, П. А. Синикина

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ИСТИНЫ

В статье исследуются повседневные практики познания и свидетельства и рассматриваются аргументы в поддержку утверждения об использовании повседневными агентами оператора истины.

Ключевые слова: социальная эпистемология, логика повседневного познания и свидетельства, оператор истины, эпистемически детерминированные высказывания.

A. P. Maltseva, P. A. Sinikina

DAILY MANIFESTATION OF THE TRUTH

Daily experience of cognition and reveal are investigated in the article. The authors prove that the daily agents use the truth operator.

Key words: social epistemology, logic of individual cognition and reveal, truth operator, epistemically determined statements.

В данной статье мы намеренно отвлекаемся от всех споров о том, чем является или не является истина. Исследовательский интерес сконцентрирован здесь на поиске ответа на другой вопрос: «*Каким образом истина становится доступной для человека*?». Объектом исследования станут повседневные практики свидетельства.

Во всех многочисленных теориях познания, как правило, признается, что истина так или иначе дана сознанию. Идея истины как очевидности присутствует в работах М. Шлика. Основой построения научного языка, по его мнению, должны служить «предложения наблюдения», состоящие из слов, значения которых напрямую связаны с чувственным восприятием внешнего мира, ими описываемого. Р. Карнап говорит о «протокольных предложениях», которые в силу своей самоочевидности не требуют подтверждения и потому могут стать фундаментом для всех научных предложений.

Анализируя процесс научного познания, гносеология имеет в виду познавательную активность «чистого» *субъекта* познания. Все «человеческое» в этой активности «выносится за скобки». Повседневность (в лице своих агентов), напротив, осознает, что познающий всегда — *человек* со всеми врожденными и приобретенными слабостями и недостатками, человек, который может заблуждаться по целому ряду причин. Поэтому в практиках свидетельствования всегда учитывается вероятность ошибки.

Исследование показало, что повседневные деятели относятся к своим свидетельствованиям более строго, чем считалось до сих пор. Практический деятель повседневности всегда предполагает вероятность (и может интуитивно определять степень) искажений чувственных восприятий внешнего мира в конкретных жизненных ситуациях, он также критически относится к самоочевидности, требуя подтверждений в любой нестандартной ситуации. В этих смыслах обнаружение *предложений наблюдения* и *протокольных предложений* в нестандартных жизненных ситуациях проблематично.

Мы утверждаем, что повседневность в некоторых своих аспектах и сферах эпистемически детерминирована. Эпистемическая (ориентированная на поиск истины / соответствие истине) потенциальность наших утверждений о мире, в котором мы живем, повышает их ценность в наших глазах. Если тщательно собрать, внимательно рассмотреть и проанализировать характеристики высказываний, наиболее ценимых повседневными деятелями, то обнаружится, что в первую очередь нами ценятся именно эпистемические свойства утверждений о мире, способность высказываний содержать «маркеры» соответствия или несоответствия истине.

Так, повседневные агенты всегда ценят:

— утверждения, максимально соответствующие действительности;

— утверждения, согласованные между собой;

— утверждения, за которые поручились эксперты (авторитетные люди, старейшины и т. п.);

— утверждения, следование которым делает нашу жизнь лучше (практически значимые, «полезные» утверждения);

— утверждения, подтвержденные практикой совместной жизни людей, социально значимые утверждения.

Напротив, непроверенные утверждения, информация, за которую никто не может или не желает поручиться, сведения, которые просто передаются, недобросовестные свидетельства, случаи «небрежной памяти», искажения смысла по субъективным причинам — все это ценится много меньше или не ценится вовсе.

Все вышеперечисленные «ценные» свойства утверждений свидетельствуют об их эпистемической значимости, поскольку они сходны с отличительными особенностями истины, которая определяется философами либо как соответствие утверждений действительности, либо как согласованность утверждений, или же как источник убеждений и решимости действовать. Это очень интересный момент, который указывает на сходство обыденного и «профессионального» процессов познания.

Рассмотрим кратко подходы к определению понятия истины в среде профессиональных интеллектуалов. Сразу заметим, что вопрос об истине является одним из центральных в философии, в том числе и наиболее обсуждаемым. В течение сотен лет истина являлась предметом многочисленных дискуссий, огромное количество проблем в современной философии также связано именно с феноменом истины и критериями её постижения. В последнем случае обращает на себя внимание тот факт, что сколь ни многочисленны работы современных философов истины, все они посвящены развитию идей, связанных с классическими концепциями истины — корреспондентской, когерентной и прагматической.

Напомним, что базовая идея теории корреспонденции состоит в том, что под истиной следует понимать соответствие наших представлений о вещах тому, чем они являются на самом деле. Главная идея корреспондентской теории истины может быть представлена в виде онтологического тезиса: убеждение истинно, если существует соответствующее ему бытие — факт, которому оно соответствует. При отсутствии бытия — факта, мы будем считать убеждение ложным. Под фактами в неоклассической теории корреспонденции понимают нечто, что реально существует, например, существа, организмы, организации («вещи в их собственном праве»). Это форма более старой идеи о том, что истинные знания свидетельствуют о схожести между убеждениями и миром.

Один из аспектов когерентной теории истины являет собой своего рода холизм содержания, который подразумевает, что любое отдельное знание или суждение получает свое содержание только в силу того, что является *частью системы* суждений. Согласно теории корреспонденции, знание (или уверенность в чем-либо) истинно тогда и только тогда, когда оно является частью последовательной системы знаний (или уверенностей). Можно добавить к этому, что утверждение истинно тогда и только тогда, когда оно является содержанием уверенности, включенной в систему, или частью системы знаний. Условие «связности» здесь важнее «последовательности как непротиворечивости». Истина далека от того, чтобы отражать окружающий мир, она лишь отвечает на вопрос: «Как знания связаны друг с другом?». Согласно этой теории, обоснованными считаются только те знания, которые стали частью согласованной системы. Считающие так исходят из убеждения, что, во-первых, знания могут согласовываться лишь со знаниями (а не с реальностью), и, во-вторых, только *качества системы* знаний могут быть доказательствами их (знаний) обоснованности.

У прагматической теории есть определенный лозунг: «Истина — это конец расследования / наведения справок» (в том смысле, что истинные знания завершают процесс длительного поиска лучшего выбора / решения) или «Истина — это достаточное знание» (иными словами, это то, что удовлетворяет требованиям возникновения убеждений). Истинно то, что практически значимо. Таким образом, гарантируется, что истинные знания не будут противоречить последующему опыту.

Даже беглый экскурс в историю философии истины позволяет увидеть, что наиболее

ценимыми в практической жизни обычных людей оказываются те свойства высказываний, которые делают их потенциальными носителями истины, вне зависимости от того, в каком смысле («когерентном», «корреспондентском» или «прагматическом») мы используем понятие истины.

Итак, в самом общем смысле мы полагаем, что истина неизменно присутствует в нашей жизни. Понятно, что тема эта очень обширна и для ее освоения потребуются многочисленные междисциплинарные исследования. В настоящей работе мы хотим найти подтверждение гипотезе, относящейся к узкому аспекту проблемы присутствия истины в повседневности. Мы утверждаем, что, как минимум, **истина используется в практиках повседневной жизни в качестве оператора, который переводит речевые высказывания свидетельства из эпистемологически недетерминированных в полностью детерминированные положения, при этом понятие истины как оператора выражает формула: «Истинно, что *x*».** Нам представляется очень важным понять, как конкретно это происходит, а также почему, говоря просто, истина сопровождает нас если и не повсюду, то, по крайней мере, в практиках свидетельства, без которого просто невозможно познание окружающего мира (см. нашу статью о феномене свидетельства: Симбирский научный вестник. 2012. № 1(7). С. 167—174).

Исследование показало, что утверждения, значения которых детерминированы жизненным миром / повседневностью, воспринимаются повседневными деятелями как неполноценные, если они не прошли процедуру проверки на соответствие истине. Особенно это касается ситуаций, в которых нужно принимать практически значимые решения. Маркерами неполноценности или признания утверждения неполноценным служат при этом «переспрашивания», когда передача сведений о том, что *x*, от А к В происходит по следующей схеме: А: «*x*». В: «*x*?». А: «Да, *x*».

Почему же практически значимые утверждения нуждаются в такой, «окончательной», определенности? Первый, «очевидный» и тривиальный ответ: от этих утверждений, составляющих рассуждения, зависят «правильные» решения, а затем и действия, влияющие на качество нашей жизни. «Правильно рассуждая, я приму правильное решение», — считает обыденный деятель и проверяет свои суждения «на прочность», исследуя их на предмет истинности / ложности.

Другой ответ (на вопрос о практически значимых утверждениях) не столь очевиден: нам необходимо понимать, *что* мы делаем. При этом заметим, что указанная необходимость не обусловлена лишь социальной традицией и не является целиком индивидуальной прихотью. Необходимость и требование «понимать, что сейчас происходит» — не культурная установка и не групповая привычка. Кроме того, нужно сказать, что зависимость между выполнением действия и пониманием его цели и смысла — не только сознательная.

В последнем случае речь идет о том, что непонятное для нас действие или действие, цель которого нам не известна, *физически* невыполнимо. Доказательством этому служат известные всем нам (или, по крайней мере, очень многим людям) курьезные моменты жизни, когда, занимаясь каким-либо делом, направляясь куда-то, мы внезапно и непроизвольно останавливаемся, поскольку неожиданно для себя обнаруживаем, что не знаем / забыли, куда и зачем идем. Очень важно обратить внимание на первое, что происходит, когда агент не может ответить себе на вопрос: «Что я сейчас делаю?», — *непроизвольная и не контролируемая сознанием остановка*. Замерев, человек пребывает в этом положении до тех пор, пока не вспомнит, что намеревался осуществить, или до тех пор, пока не сформулирует новые цель и задачи.

Возникает вопрос: почему бы этому агенту не продолжать идти, вспоминая о пункте назначения или о цели движения по ходу действия? Но человек не может двигаться, если не знает *зачем*. Весьма вероятно, что здесь включается механизм, сформировавшийся в ходе эволюции. Если мы разгадаем работу этого механизма, то получим еще одно подтверждение тому, что разум человека является достоянием длительного эволюционного развития, что сознание связано не только с работой мозга, но и всего тела. Если мы сможем доказать эволюционную природу данного механизма, то получим подтверждение мысли о том, что резоны, коими оперирует рациональный субъект, — универсальны или, иными словами, что всякий разумный

человек в сходных ситуациях рассуждает и действует одинаково.

Если даже поход на кухню за спичками, о которых мы почему-то забыли по дороге, контролируется сложным защитным механизмом, не позволяющим нам продолжать движение до тех пор, пока мы не вспомним, зачем начали действовать, то что говорить о сложных практических задачах, от решения которых зависит жизнь человека?! *Создаваемая практическим контекстом особая важность ситуаций требует высокой определенности смыслов предпринимаемых действий.*

Искомая определенность появляется лишь после исследования суждений (о будущих действиях) на предмет истинности. (Интересно, что эпистемическая (порождающая уверенности и знания) и практическая (порождающая готовность действовать) значимость суждений становится при этом неразличимой.) Такие исследования мы проводим постоянно на протяжении каждого дня нашей жизни, часто неосознанно и по инерции.

Рассмотрим далее, как конкретно происходит экспертиза утверждений в повседневной жизни людей. Прежде всего, наш взор должен быть обращен на практику свидетельствования, где наиболее часто производятся исследования утверждений на предмет их истинности или ложности.

Для начала учтем, что практика свидетельствования подчинена нормам. Нормы соблюдаются нами потому и до тех пор, пока мы уверены, что и все другие люди обычно поступают так же. Нормы свидетельствования предписывают нам проверять то, что нам сообщают, на соответствие действительности, следить за согласованностью утверждений между собой, испытывать информацию на практическую исполнимость / вероятность.

Рассмотрим случай встречи с «чудом». Если мы были свидетелем чего-то «из ряда вон выходящего», мы знаем, что нам *обязательно не поверят*, *если мы обладаем невысоким социальным статусом, или *если мы не можем представить еще одного свидетеля «невероятного события», или *если другой свидетель является не авторитетным человеком, или *если мы до этого хотя бы раз были обличены во лжи, или *если слушатели знают, что нам в той или иной степени, в том или ином отношении выгодно, чтобы нам поверили. Все перечисленные условия доверия свидетельству доказывают существование процедур проверок утверждений на истинность согласно совершенно четким критериям, некоторые из которых, как можно предположить, универсальны в историческом, социологическом и культурологическом смыслах.

Пойдем дальше. Если обыденный деятель / агент повседневности обнаруживает, что говорящий предъявил ложное свидетельство, он считает себя *обязанным* осудить лжеца. Вне зависимости от того, сколько времени прошло с момента свидетельства, о факте его ложности необходимо сообщить другим людям, а при встрече с лжецом обязательно объявить ему о недобросовестности его свидетельства. Обвиняемый во лжи должен показать, что он испытывает вину, извиниться за свой поступок, предложить ему какое-то оправдание или же доказать, что он говорил правду.

Протокол «выведения на чистую воду» свидетельствует о ценности истинных суждений и высоком статусе истины в повседневной жизни. Даже оправдавшийся свидетель теряет в социальном статусе. Мы знаем поэтому, что лучше не заставлять людей сомневаться в правоте наших слов. Встреча с «чудесами» пугает социального агента еще и потому, что он знает, что не сможет об этом рассказать *без того, чтобы* избежать проверки своих утверждений на истинность, потенциально угрожающей его социальному статусу.

Чтобы получить право на признание истинности передаваемых сообщений, агент должен обладать определенной «квалификацией». Конечно, квалификационные требования варьируются от эпохи к эпохе и от культуры к культуре. В европейской культуре для обретения права на «эпистемическую экспертизу» повседневный деятель должен: иметь репутацию добросовестного свидетеля, не находиться на низшем уровне социальной стратификации («низший низший класс»), не быть маргиналом, не считаться умалишенным. «Откровенная», «бессовестная» ложь всегда служила здесь основанием для сомнений в здравом уме свидетеля.

Можно сказать, что мы всегда оцениваем вероятность того, о чем сообщает свидетель, вовлекаясь в ежедневную рутину поиска оснований для принятия или непринятия многочисленных и разнообразных свидетельств. Если следствия из свидетельства или сам

факт, о котором сообщается, необычны, невероятны и т. п., повседневные деятели обязательно исполняют процедуру проверки утверждений при помощи оператора истины.

Рассмотрим указанную процедуру проверки.

(1) Допустим, свидетель сообщает: «Я видел сегодня А с В».

(2) «Правда?» — спрашивает слушатель, который знает, что пребывание А с В сегодня или вообще в любой день маловероятно.

(3) «Да. Я видел А с В», — следует подтверждение.

(4) «Надо же!» — следует ответ, что означает: свидетельство принято.

Кажущаяся простота переспрашивания (если речь, конечно, не идет о плохом слухе или посторонних шумах, мешающих расслышать то, что говорит свидетель) представляет собой маркер недоверия, запускающий механизм испытания сообщения на соответствие истине. Понятно, что первым эпистемический экспресс-тест проводит слушатель, обязанный решить, принимает он сообщение или нет.

Итак, этап (2) — запрос на эпистемическую экспертизу утверждения. Этап (3) — действие оператора истины: «Истинно, что…».

Когда мы спрашиваем: «Правда?», или «Ты уверен?», или восклицаем: «Не может быть!», — это служит сигналом для свидетеля, что он обязан подтвердить только что сказанное. Но что стоит за этим, казалось бы, столь тривиальным и «простым» повторением того, что сказано? Оказывается, что сообщить, *что x*, и сообщить, *что действительно x,* требует разных психологических и когнитивных усилий. Свидетельствовать в обычных обстоятельствах и свидетельствовать перед лицом требования доказать правоту своих слов — разные ментальные и физические состояния.

Верное заключение о том, что происходит или что нужно делать, предполагает адекватное описание агентом ситуации. Но каким по характеру является это описание — теоретическим (рассуждение о фактах) или практическим (рассуждение о ценностях)? Анализ процедуры свидетельствования показывает, что **описания повседневности имеют синтетический характер**.

Обратим еще раз внимание на этот важнейший момент свидетельствования, когда слушатель, усомнившись в вероятности вещи, переспрашивает говорящего: «Верно ли, *что x*?». Мы думаем, что, переспрашивая, слушатель — конечно, не отдавая себе в этом отчета и даже не подозревая об этом — требует перевести *практические* предложения, с помощью которых говорится истина или ложь, в *теоретические* предложения, которые *сами по себе* являются либо истинными, либо не истинными. В случае практических утверждений свидетель просто сообщает о том, что видел или слышал. В случае теоретических утверждений он должен убедиться в том, что его способности ощущения, памяти и сознания были в порядке, и что он, следовательно, не мог ошибиться, что ему не показалось, что *x*. Здесь **проверяется адекватность интеллекта вещи, о которой свидетельствуют**. Но если данное предположение верно, то это доказывает, что уже *у самой повседневности в лице ее агентов имеется интуитивная и имплицитная способность различать практический и теоретический уровни свидетельствования*.

Нельзя не сказать при этом о «тупиках», «парадоксах» или «ловушках» свидетельствования, когда доказательства правоты свидетельства, предъявляемые *без* или *до* требования их предъявить, становятся основанием для сомнения в истинности утверждений. Когда человек говорит, что *y*, мы склонны верить ему больше, чем в случае, когда, едва сообщив, что *y*, он начинает приводить доказательства истинности *y.* Опасаясь предстоящей проверки информации и из уважения к порядку свидетельствования, свидетель заблаговременно знакомит слушателя с доказательствами истины высказывания, заставляя тем самым сомневаться в своих словах. Нарушение *протокола свидетельствования* становится следствием признания свидетелем его высочайшего авторитета, но парадокс в том, что, нарушая протокол, излишне старательный свидетель рискует быть записанным в лжецы.

Возникает вопрос, почему в обычной жизни это работает совершенно противоположным образом, чем в специальных (прежде всего регулируемых правом) практиках, где свидетельство без предъявления доказательств менее авторитетно, чем свидетельство с доказательствами?

Пример: Если на вопрос о том, действительно ли чей-то сын не убивал человека, он сразу же после отрицания своей вины просит вспомнить, что он в это время был дома и по-

тому не мог убить, ему *скорее* не поверят, чем в случае, когда он просто говорит, что не убивал и не предлагает (или не пытается найти) подкрепления истинности своего утверждения.

Закон доверия гласит: «*Вероятность y находится в обратно пропорциональной зависимости от необходимости привлечения оператора истины*». Причем речь идет скорее не об объективной возможности *y*, а о социальной интерпретации вероятности *y* (см. о феномене доверия статью А. П. Мальцевой в Симбирском научном вестнике (2011. № 3(5). С. 158—169).

В обычных ситуациях обладание истиной создает особую уверенность свидетеля. Подтвердить, *что действительно x,* — значит, актуализировать авторитет истины. В подтверждении скрыт отчет об уже проделанной свидетелем работе:

— по оценке собственного состояния в момент бытия очевидцем события, о котором он свидетельствует (я не был болен, пьян, не находился под воздействием сильных лекарств, наркотиков, я не спал…);

— по оценке возможности вмешательства сторонних сил (меня никто не мог разыграть, никому не выгодно все это подстроить, мной не манипулировали);

— по оценке совместимости увиденного / услышанного и объективных условий существования вещей, людей и животных на земле (о слишком невероятном не свидетельствуют).

Практические предложения просто оповещают о том, что имеет место быть. Свидетель просто сообщает истину. Он уверен / знает, *что x*. Сами эти предложения ни истинны и ни ложны, поскольку с их помощью утверждается истинность *x*. Тот, кто соглашается или не соглашается с тем, что *x*, тем самым признает или не признает неистинность предложения о том, что *x*, а то, что *x* действительно имеет место.

Зачем же слушатель переспрашивает, произнося «Действительно ли *x*?», «Правда ли, что *x*?», «Не может быть!», «Невероятно!»? И почему он удовлетворяется, казалось бы, одним лишь простым повторением того, что *x* в ответ? Все дело в том, что в промежутке между этапами (2) и (3) происходит работа переведения практических предложений свидетельства в теоретические. В ходе этой работы свидетель по требованию слушателя подвергает критической проверке свои когнитивные способности на момент встречи с *x*. Поскольку это происходит *перед* слушателем, свидетель обретает *объективную перспективу* оценивания своих способностей адекватного восприятия действительности на момент, когда имело место *x*. Очень часто после перемены перспективы с субъективной на объективную свидетель отказывается от утверждения, что *x* имело место, или начинает сомневаться в собственных показаниях. С обретением объективной перспективы свидетель часто приходит к выводу, что ему, возможно, почудилось, поскольку он был в момент, когда *x*, нездоров, пьян, обманут и т. п., и он от своих слов отказывается.

Таким образом, можно утверждать, что теоретические предложения являются достоянием не только сферы науки, что в повседневности широко представлены практики «приближения к истине». Переспрашивать при возникновении любого сомнения — не простой повседневный автоматизм. Механизм сохранения «чистых вод» свидетельства особенно ярко подтверждает ценность истины в повседневной жизни людей.

Некоторые выводы. Повседневность разумна и рациональна. Рациональность как упорядоченность, согласованность норм и правил свидетельствования прослеживается в целеориентированной деятельности повседневного деятеля, она присуща внутренне целостному опыту агента практического рассуждения. Рассуждения практических деятелей и повседневные практики свидетельствования предполагают активное использование оператора истины для определения истинности утверждаемого и элиминации ложных суждений. Общим правилом повседневности является привлечение оператора истины в ситуациях необычных. Так повседневность, как однообразие дел и событий, гарантирует покой ее членам, эффективно защищая их от всего потенциально опасного. Именно ложь, неточность, преувеличение и т. п. маркируются как потенциальные угрозы спокойному существованию людей; все неистинное лишается ценности. Парадоксально, но объективность, трезвость, ясность, корректность утверждений гарантируются практиками повседневной жизни не меньше, а может, даже и больше, чем в науке, поскольку здесь изначально принимается в расчет и контролируется всеми участниками процедуры свидетельствования способность человека и намеренно лгать, и невольно ошибаться.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Н. В. Дергунова

ГРАЖДАНСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются причины и факторы низкой гражданской и общественно-политической активности населения Ульяновской области. Анализируются причины слабости третьего сектора, гражданского общества, региональных НКО, позитивного отношения населения к протестным акциям, причины низкого уровня доверия к органам государственной власти.
На примере электорального поведения и развития форм политического участия обосновываются задачи реформирования политической системы региона.

Ключевые слова: некоммерческие общественные организации, политическое участие, акции протеста, реформа политической системы.

N. V. Dergunova

CIVIL AND POLITICAL ACTIVITY OF POPULATION AS A FACTOR OF RUSSIAN POLITICAL SYSTEM REFORM (REGIONAL ASPECT)

The article examines the causes and factors of low civil and social-political activity of the population of Ulyanovsk region. The author analyzes the reasons for the third sector weakness, civil society, regional non-profit organizations, positive attitude of population to protests and the reasons for the low level of confidence to the authorities. As an example of the electoral behavior and the development of political participation forms the task of reforming of region political system is justified.

Key words: non-profit public organizations, political participation, protests, reform of the political system.

Своеобразие Ульяновской области состоит прежде всего в глубокой противоречивости всех сфер жизнедеятельности региона как социокультурного сообщества, которая побуждает к системной демократической его модернизации [1].

Вместе с тем регион имеет неплохие предпосылки для быстрого завершения реиндустриализации и перехода к демократической модернизации на основе развития информационного уклада и гражданского общества. Такая модернизация отвечает вызовам времени, но для этого региональные органы власти должны одновременно осуществить демократическую модернизацию своих структур, норм, регламентов; добиться убедительного для населения повышения спроса с чиновников и служащих за злоупотребления властью и произвол в отношениях с гражданами. Ответом станет значительный рост доверия населения к институтам власти и общее повышение его участия в формировании гражданского общества.

Гражданское общество — очень сложный социальный феномен, описать его состояние и тенденции развития — непростая задача. Цель данной публикации — обозначить некоторые тенденции в развитии региональных институтов гражданского общества и проблемы функционирования системы отношений с властью.

На 10 января 2012 года в Ульяновской области осуществляют свою уставную деятельность 1368 некоммерческих организаций

(далее — НКО), обеспечивающих выполнение общественно значимых функций в различных сферах деятельности [2]. Рост количества НКО произошёл по отношению к 2010 году за счет таких правовых форм, как религиозные организации, органы территориального общественного самоуправления (ТОСы) и общественные объединения. Распределение некоммерческих организаций на территории области очень неоднородно. Офисы подавляющего большинства НКО находятся в областном центре, небольшая их часть — в Димитровграде. Количество НКО в муниципальных образованиях составляет всего 8,2 % от всего количества зарегистрированных НКО на территории Ульяновской области. Эти данные говорят о низком уровне институализации общественной активности в муниципальных образованиях.

Сформировавшийся в Ульяновской области за последние 10 лет общественный сектор характеризуется следующими основными свойствами:

во-первых, он *мал* — и по числу занятых в нем граждан, и по числу организаций и объединений, и по объему производимой продукции и услуг;

во-вторых, он *слаб* и *невлиятелен*, имеет слабый административно-правовой и незначительный материальный ресурсы;

в-третьих, он имеет весьма незначительные социальный и символический капиталы — общественную поддержку и доверие граждан, оставаясь во многом без серьезной кадровой подпитки и сильных и компетентных лидеров;

в-четвертых, очень велика внутренняя дифференциация и неоднородность сектора, имеются серьезные различия по географическому признаку, по тематической ориентации, по экономической активности, по уровню отстаивания интересов и взаимодействия с заинтересованными сторонами и т. п., что затрудняет консолидацию и выработку позиции на развитие сектора.

Вышеназванные характеристики в развитии некоммерческого сектора подтверждают данные пилотного исследования [3] общественных объединений региона.

100 % опрошенных НКО в качестве проблем, с которыми им приходится сталкиваться, отмечают финансовые проблемы, и по 1/3 организаций отмечают отсутствие организаций-партнеров, отсутствие поддержки со стороны органов власти и несовершенство законодательной базы.

Абсолютное большинство НКО задумывается о повышении квалификации своих сотрудников: при этом около 3/4 НКО участвуют в образовательных мероприятиях на уровне региона и только 1/4 часть имеет редкую возможность обучаться в других регионах. Большинство организаций пытается выстраивать отношения с органами власти. При этом в качестве трудностей руководители НКО отмечают заформализованность деятельности органов власти и государственных бюджетных учреждений и преобладание в их деятельности демонстративно-показательного подхода без оценки социального эффекта.

Наблюдаются слабые, но устойчивые положительные тенденции в развитии сектора, связанные с увеличением количества добровольцев, увеличение количества социальных проектов, количество публикаций о деятельности НКО в СМИ. При этом практически не расширяются партнерские отношения и коалиции по решению тех или иных проблем в некоммерческом секторе.

Стоп-факторы развития сектора

Со стороны органов власти:

— Противоречивость, неустойчивость и непоследовательность политики в отношениях с сектором в целом;

— Недооценка квалификации работников сектора и переоценка риска некачественного исполнения социальных услуг НКО при передаче им части полномочий.

В чем это конкретно проявляется? В области, за исключением конкурсов молодежных проектов, в прошлом году так и не было выделено средств на субсидии (по конкурсу) социально ориентированным организациям, в результате регион не смог принять участие и в федеральном конкурсе; часть НКО получают государственную поддержку без конкурса, что не стимулирует их эффективное функционирование; министерства Правительства, действующие в социальной сфере, не практикуют передачу части своих функций НКО на конкурсной основе; отсутствуют как социальный региональный, так и муниципальный заказ для НКО. Результат — нединамичное развитие институтов гражданского общества, особенно в кризисное время, из-за отсутствия ресурсов. Очень мало используются современные методы деятельности гражданского

сектора — социальное предпринимательство и формирование целевых капиталов.

Со стороны граждан:

— Приоритетность решения индивидуальных проблем, сильная атомизация общества;

— Неверие и отсутствие понимания, каким образом можно повлиять на принятие властных решений и их реализацию;

— Низкое доверие к разного рода институтам, в том числе общественным структурам, и недостаток информации о них.

Со стороны организаций и самодеятельных объединений граждан:

— Недостаток и нестабильность источников финансирования деятельности;

— Недостаточный / неравномерный профессионализм и недостаточный уровень качества экспертной деятельности внутри самого сектора;

— Отсутствие ресурсов гражданского контроля, отсутствие нормативной базы (наблюдение);

— Активность населения носит конфликтный характер, когда власть не выполняет своих функций или функционирует директивно, а порой и с угрозами санкций.

Отдельно несколько слов необходимо сказать о роли СМИ как одного из самых публичных институтов гражданского общества. Актуальной тенденцией, определявшей в 2011 году деятельность большинства средств массовой информации в Ульяновской области, оставалось смещение их функций с постепенным утверждением приоритета развлекательной и рекламно-справочной информации, а также увеличением доли заказных материалов в контенте. Самоустранение журналистов от участия в выявлении, изучении и разрешении самых острых противоречий, возникающих между властью и обществом, властью и бизнесом, а также различными социальными группами, ослабляет социальное воздействие СМИ как одного из основных институтов гражданского общества. Отказ брать на себя традиционную роль посредников при разрешении всего многообразия конфликтов интересов, ежедневно возникающих в регионе, способствует снижению авторитета СМИ и падению престижа профессии журналиста. Результатом сформировавшегося недоверия к материалам СМИ становится низкая оценка аудиторией собственной информированности по различным аспектам государственной и общественной жизни.

По-прежнему остро проявляется негативная тенденция несоответствия представленной в СМИ информации общественному запросу. Еще более значимой проблемой является недостаточное внимание СМИ к освещению такого масштабного направления развития гражданского общества, как деятельность некоммерческого сектора.

Следствием недостаточной заинтересованности традиционных средств массовой информации в распространении информационных материалов, посвященных вопросам развития гражданского общества, является все более явное предпочтение молодой и социально активной части аудитории использовать новостные интернет-порталы, сайты органов государственной власти и иных учреждений в качестве основного источника информации. Данные социологических исследований свидетельствуют, что за прошедший год в целом по региону число респондентов, пользующихся Интернетом для получения информации о происходящих событиях, возросло с 32 до 40 %, а в период с июня 2009 года — на 17 %, при этом городское население пользуется Интернетом чаще, чем сельское [4].

Политические предпочтения и гражданская активность жителей области

Активное участие населения в политической жизни возможно через членство в политических партиях и различных общественных организациях (табл. 1). Включённость населения в активную общественно-политическую жизнь находится на низком уровне. Почти 100 % опрошенных не являются членами политических партий и общественных организаций [5]. Однако за прошедшие 4 года несколько возрос процент участников исследования — членов профсоюзной организации (с 5 до 9 %).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?» (%)

Принадлежность	2007 г.		2011 г.	
	Да	Нет	Да	Нет
Политическая партия	3	97	2	98
Профсоюз	5	95	9,5	90,5
Религиозная организация	0,1	99,9	0,2	99,8
Другая общественная организация	1	99	1	99

Причинами такой низкой общественной активности 70 % участников исследования считают отсутствие личной пользы от участия в общественных организациях и местном самоуправлении (табл. 2). Это последствия рационального отношения граждан к политической активности.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, почему многие не участвуют в общественных организациях и формах местного самоуправления (собрание, сход граждан, самоорганизация по месту жительства, публичные слушания и др.)?» (%)

Причины неучастия в общественных организациях и формах местного самоуправления	%
Не видят пользы для себя от такого участия	70
Опасаются быть вовлеченными в неприглядные дела	5
Встречают противодействие тех, кто там участвует	1
Не знают, как это сделать	5
Затрудняюсь ответить	18
Отказ от ответа	1

Таким образом, количество активных участников политического процесса за два года увеличилось, по данным опросов, более чем на 6 % и составляет более 12 % согласно ответам респондентов. Если оценивать данные ответы с точки зрения кумулятивной пирамиды Д. Мемми, то активный слой политических акторов, демонстрирующих свою принадлежность к политическим партиям и организациям и ориентированным на коллективные действия, пока явно недостаточен. Согласно Д. Мемми, их должно быть от 10 до 30 %. Ульяновское сообщество подошло к нижней границе демократической политической активности.

Население региона отличается инновационной пассивностью [5]. Так, 98 % респондентов за последний год не участвовали в создании каких-либо новшеств (новая фирма, новый продукт, новая технология, новая услуга) (табл. 3). Причём за прошедшие 4 года этот показатель снизился.

Проведённое исследование показывает рост потенциальной протестной активности в регионе. В настоящее время 41 % опрошенных в той или иной степени готовы к участию в акциях протеста, не готовы — 49 % (табл. 4).

Реально, по данным управления МВД РФ по Ульяновской области, в 2011 году на территории области состоялось 327 митингов, демонстраций, шествий, пикетирований, собраний. В них приняли участие 36 480 человек, или около 3 % от общего числа жителей области.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Участвовали ли Вы в последние 12 месяцев в создании каких-либо новшеств?» (%)

Участие в создании каких-либо новшеств	2007 г.	2011 г.			
		Новая фирма	Новый продукт	Новая технология	Новая услуга
Участвовал как организатор	4	1	0	1	1
Участвовал наравне с другими	7	1	2	1	2
Не участвовал	79	98	98	98	98
Затрудняюсь ответить	4	0	0	0	0
Отказ от ответа	6	0	0	0	0

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?» (%)

Готовность принять участие в акциях протеста	2007 г.	2011 г.
Готов	18	26
Пожалуй, готов	17	15
Пожалуй, не готов	13	14
Не готов	43	35
Затрудняюсь ответить	6	10
Отказ от ответа	2	0

Акции гражданского неповиновения возникают по двум причинам: либо ущемлены права личности (индивидуальные и коллективные), либо решения органов власти были подготовлены недемократически, без обсуждения альтернатив, без привлечения всех заинтересованных сторон к подготовке решений важных для населения проблем [6].

Более 60 % респондентов считают протестные акции нормальным явлением современной социально-политической жизни страны, более 50 % относится к данным акциям пассивно-одобрительно, и только 6—7 % респондентов принимали участие и готовы активно участвовать в акциях протеста, причем в пик кризиса количество людей, готовых принять в них участие, увеличилось в 2 раза за счет сельского населения. На наш взгляд, такая ситуация может объясняться несколькими причинами:

• Нежеланием населения переходить к активным акциям протеста, ментальным отторжением форм активного противостояния с властью;

• Надеждой на решение проблем, доверием к власти, особенно федерального уров-

ня (президент, премьер-министр) и исполнительной власти регионального уровня;

• Переходом к точечным акциям протеста по конкретным проблемам или по конкретным решениям в виде акций гражданского неповиновения (дольщики, противники точечной застройки, оптимизации—закрытия школ).

Таким образом, независимо от состояния экономики, стабильности или кризиса в российском обществе происходит формирование элементов гражданской политической культуры. Большинство населения положительно относится к акциям протеста в защиту прав личности или демократических завоеваний, но при этом в своей жизни ориентируется на институциональные формы гражданской и политической активности. При невыполнении органами власти своих функций или нарушении демократических процедур принятия решений отдельные заинтересованные группы населения переходят к активным акциям протеста и давления на власть при пассивно-одобрительном отношении большинства граждан. Характерным признаком протестных акций является широкое привлечение СМИ и общественных организаций.

На основе формирующихся элементов гражданской культуры в условиях дальнейшей демократизации политической системы общества возрастает надежда на развитие партнерских отношений власти и институтов гражданского общества, укрепление ресурсной базы и доверия НКО.

Рассмотренные выше показатели включенности в политический процесс подтверждаются оценкой тех способов воздействия населения на власть, которые респонденты считают эффективными (табл. 5) и какие использовали за последние годы [7].

Похожую картину можно наблюдать, исходя из данных показателей. В 2003 году самыми эффективными способами воздействия на власть являлись участие в выборах, референдумах, участие в митингах и забастовках, а также личные связи и знакомства, обращение в СМИ. А вот обращение в государственные органы власти имело довольно низкий процент. Это говорит о том, что жители предпочитают воздействовать на власть активными методами, не доверяя органам власти. В 2005 году эти показатели изменились: теперь в приоритете оказалось как раз обращение в органы государственной власти, в суд, к Президенту, в СМИ, а процент участия в выборах и референдумах упал.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Какие из следующих способов воздействия населения на власть Вы считаете эффективными?» (%)

Способы воздействия	Годы		
	2003	2005	2011
Обращение в суд		29	
Обращение в государственные органы власти с конкретной проблемой	15,8	28	12,4
Обращение в СМИ	24	24	34,5
Обращение к Президенту РФ		23	
Самостоятельные действия через свои личные связи и знакомства	25,2	17	6,0
Участие в митингах, демонстрациях, забастовках	37,5	16	40,8
Участие в выборах и референдумах	38,6	16	35,3
Обращение в правоохранительные органы (милиция, прокуратура)	15,8	16	6,9
Участие в деятельности общественных организаций	12,9	6	11,8
Участие в деятельности политических партий	11,7	5	16,7
Эффективных способов не существует	35,2	17	11,8
Затрудняюсь ответить		8	

В 2011 году картина становится похожей на 2003 год. Неадекватное применение административного ресурса в избирательных циклах 2007—2009 годов привело к осознанию того, что и последняя, наиболее значимая и доступная форма влияния на власть — выборы — не работает, что и стимулировало возрастание активности населения и недоверия власти на выборах в Государственную Думу в декабре 2011 года.

На практике граждане все-таки предпочитают традиционный способ воздействия на власть — участие в выборах и референдумах. Такое расхождение в оценке эффективности и реальном применении может говорить о том, что в сознании граждан формируются различные механизмы воздействия на власть, они понимают значимость этих механизмов, но в реальной практике предпочитают не усложнять себе жизнь, а использовать наиболее простой и доступный способ.

Итак, по участию населения в политической жизни можно сказать следующее:

1. В целом, население Ульяновской области относится к пассивным типам, предпочитая роль «зрителей». Это видно из самооценки самих граждан и из показателей предпочтительных форм участия. Однако существует тенденция понимания важности других форм участия, причем она может меняться в зависимости от политической об-

становки.
В реальности граждане все-таки предпочитают традиционные формы участия.

2. То же касается протестной активности. Потенциальная протестная активность может возрастать на фоне меняющихся политических и социально-экономических реалий, однако реальная готовность к участию в акциях протеста остается низкой.

3. Созданная законодательно и организационно политическая система страны не работает эффективно. Политическая система — ветви и уровни власти, партийная система, СМИ, общественные движения и НКО — не выполняет своей основной функции — коммуникации и выработки компромисса интересов. Сигналы идут в основном сверху, от власти. Сигналы «снизу», от населения, НКО воспринимаются с трудом. Элита страны в целом оказалась не готова к конкурентной политической борьбе. Продолжается череда законных и незаконных ограничений политической конкуренции, действий оппозиции и протестных социальных акций, безнаказанное применение административного ресурса во всех его проявлениях (давление на избирателя в целях выбора нужных кандидатов и партий). Сначала мы получили резкое снижение интереса к политике, потом рост патерналистских требований. Выборы 2007—2008 гг. показали, что последняя доступная форма влияния на власть — выборы — оказались под угрозой, других институциональных форм воздействия не осталось, за исключением неконвенциональных (протестных). Поэтому запрос на честные выборы был сформирован действиями самой власти: непродуманными по последствиям запретами, либерально-демократическими реформами (ведущими к самостоятельности и рациональности выбора), применением административного ресурса.

4. Финансово-экономический кризис, который продемонстрировал марксистские тенденции социально-экономического развития (богатые богатеют, а бедные беднеют), встряхнул население и вывел протест наружу.

5. НКО уходят от официальной регистрации, если нет поддержки их деятельности (гранты, субсидии) — не хотят контактировать с властью.

Что делать? Начатая в 2012 году реформа политической системы свидетельствует о созревании политического кризиса, с одной стороны, с другой — о понимании политической элитой страны неизбежности дальнейшей демократизации политической системы. Для НКО в рамках курса на демократизацию необходима максимальная программа конкурсов субсидий по разным направлениям: политически здесь главное — не деньги: тематику определяет власть, работают над выполнением с властью, проверяет и контролирует выполнение власть. Идет совместная работа, необходимо развивать новые формы поддержки: социальное предпринимательство (организующая роль государства), целевой капитал.

Для всех субъектов общественно-политической жизни страны необходимо реальное взаимодействие с властью, без грубого диктата государственной исполнительной власти, без имитации взаимодействия, на партнерских основаниях. Пока различные общественные советы, Общественные палаты скорее являются декоративно-демократическими институтами, поскольку отсутствуют ресурсы для экспертной и законотворческой деятельности, для гражданского контроля.

---

1. *Лапин, Н. И.* Своеобразие и смыслы уровней социокультурного развития российских регионов / Н. И. Лапин // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса : Сб. материалов VI Всерос. науч.-практич. конф. Ульяновск : УлГУ, 2010.
2. Ежегодный доклад Общественной палаты Ульяновской области. 2011 г.
3. Экспертный опрос Общественной палаты области. 2012 г., февраль.
4. Областной опрос. 2009 г. (выборка 1500 респондентов, репрезентативна по полу и возрасту) / Центр социологических исследований при Правительстве Ульяновской обл. Ульяновск, 2009.
5. Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области / под ред. Н. В. Дергуновой, А. В. Волкова. Ульяновск : УлГУ, 2008 (при поддержке РГНФ, грант № 07-03-18005е; выборочный областной опрос 1000 респондентов по области, май 2011 г., Центр социологических исследований Ульяновской области).
6. *Коэн, Дж. Л.* Гражданское общество и политическая теория / Дж. Л. Коэн, Э. Арато. М. : Изд-во «Весь мир», 2003. С. 727.
7. Областные выборочные опросы ЦСИ при Правительстве области 2003, 2005, 2011 гг. (выборка от 1000 до 1500 респондентов, репрезентативна по полу и возрасту).

И. Г. Калантарян

«НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ»: ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЙ

В статье проанализирована связь концептов «нация» и «национальная идея». Рассмотрены идеологические и идентификационные функции национальной идеи.

Ключевые слова: национальная идея, национализм, государственная идеология.

I. G. Kalantaryan

«NATION» AND «NATIONAL IDEA»: INTERDEPENDENCE OF CONCEPTS

The article analyses the interdependence of concepts «nation» and «national idea». It considers the ideological and identification functions of the national idea.

Key words: national idea, nationalism, ideology of the state.

Подобно многим концептам, повсеместно использующимся в гуманитарных науках, а также в политическом, общественном сознании, понятие «нация» отличается многозначностью и вариативностью формулировок. В современной науке нет общепризнанной дефиниции «нации», а её содержательная сущность варьируется в зависимости от исторического контекста, методологии и идеологических предпочтений исследователя. Как отмечает К. Калхун, «идеи нации, национальности «спорны по своей сути» потому, что каждое конкретное определение предоставляет привилегии одним общностям, интересам и идентичностям и дискредитирует требования других» [1, с. 197]. Вероятно, ввиду явной политизированности данного понятия ожидать установления единогласия в его трактовке в ближайшее время не приходится.

Интерес к феномену нации достиг своего апогея в XX веке и привел к формированию разнородных, взаимоисключающих концепций его трактовки, породив обширную библиографию, посвящённую анализу «нации» в контексте её возникновения, развития и взаимодействия с государством, этничностью и религией. Сформировалось три основных методологических подхода к её исследованию: примордиалистский, конструктивистский и инструменталистский, дискуссии между которыми, посвящённые поиску дефиниции «нации», могут быть сведены к определенным дихотомическим, диалектически соотнесённым позициям, а именно: естественность — искусственность, этничность — гражданственность. Нация либо рассматривается как природная данность, имеющая в качестве источника собственного существования этнический фактор, либо как социальный конструкт, являющийся продуктом национального сознания, получающего материальную форму вследствие распространения идеи нации, культивируемой доступными государству средствами и нацеленной на сплочение граждан и установление легитимности государственной власти. Причем если конструктивисты делают акцент на роли государства и индустриализации, приведшей к трансформации социальной реальности, то инструменталисты акцентируют внимание на роли интеллигенции в конструировании дискурса национализма, основывающегося на идее нации, выступающей в качестве:

1) когнитивной формы, в которую люди облекают свои субъективные, варьирующиеся в зависимости от множества обстоятельств, случайные по своей природе представления о социальном мире;

2) инструмента артикуляции и удовлетворения интересов властвующей элиты.

В сущности, дискуссии, проводимые между данными парадигмами, могут быть соотнесены со спорами, протекающими в Средневековье между реалистами и номиналистами по поводу статуса универсалий. Первые настаивали на том, что общие понятия существуют сами по

себе, независимо от человеческого разума, вторые, напротив, отводили подлинность существования лишь единичным вещам, — универсалии, таким образом, не имеют онтологического статуса и являются лишь «ноуменами» (именами). Исходя из этого, примордиализм является, в сущности, разновидностью философского реализма, конструктивизм и инструментализм — философского номинализма. Первый приписывает подлинное существование нации как природной реальности, надындивидуальной и предписывающей каждому своему члену определенный стереотип поведения. Вторые — конкретным индивидам, которые ввиду неких обстоятельств объединяются в «воображаемые сообщества» — нации, становящиеся реальностью по мере приобщения масс к идее подобной общности, приобретающей в итоге статус реальной политической силы. Конструктивистов обвиняют, в частности, в том, что они утверждают возможность постепенного уничтожения национальных сообществ посредством правильной идеологической политики, однако в действительности, в их понимании, переход от национального государства к иным способам социальной организации людей возможен только вследствие наличия ряда социальных, экономических и иных условий. Посредством насаждения альтернативных идее нации консолидационных принципов невозможно искоренить то, что стало реальностью для обширных социальных образований. Эра наций и национальных государств ещё не подошла к концу, и даже действия профессиональных «идеологов» не способны перекроить сознание всего человечества и искоренить из него национальную составляющую, это и не является необходимым — подобная трансформация должна протекать стихийно и не только под действием новой альтернативной идеологии.

Следует отметить, что каждый из этих подходов внес определенный теоретический вклад, способствовавший улучшению понимания специфики феномена нации, в частности, примордиализм указал на его этнические корни и культурную основу (Э. Смит), а также роль интеллигенции в оформлении и распространении националистического дискурса (М. Хрох). Конструктивизм обосновывал социально-экономические основы возникновения наций и зарождения национализма, а также приоритетную роль государства в их формировании. Вклад инструментализма заключается в рассмотрении данных феноменов с точки зрения их значимости в артикуляции и удовлетворении интересов тех, кто опирается на их дискурсивный характер, отмечая вариативность их проявлений и вкладываемого в них смысла. Исходя из этого, можно сделать вывод, что факторы, влияющие на процесс формирований наций и актуализацию национализма, многообразны, а характер проявлений последнего варьируется в зависимости от культурной, исторической и политической специфики страны, а также от личных предпочтений индивида, участвующего в националистическом дискурсе. Влияние идеологии национализма предполагает тем самым также и личностный уровень, на котором он может принять различные формы. Исходя из этого, решение всех националистических конфликтов посредством инвариантного способа невозможно. Необходим индивидуальный подход к каждой отдельной стране, находящейся в процессе постоянных исторических трансформаций, вследствие которых производится и изменение содержания идеологии и практики националистических выступлений, а в рамках неё — к каждой отдельной социальной группе, имеющей собственную специфику идеологии и практики национализма, остро реагирующей на общий фон социальных трансформаций. Каждый участник националистического дискурса, понимаемого как закрепленный в языке способ упорядочивания окружающего мира посредством использования символа нации, вступает в борьбу «за право контроля над этим символом и его значениями» [2, с. 299], при этом стремясь достичь с его помощью различных целей: либерального или консервативного, тоталитарного или иного характера.

Национализм разнообразен и по содержанию, и по постановке и решению задач, и по форме проявления, а также причинам собственной актуализации и затухания. Не сводящийся исключительно к узкому шовинистическому сознанию и изоляционистской практике он, напротив, может быть направлен вовне, в сферу международных отношений. Национализм — совокупность теоретических (идеологических) построений, предполагающих особый дискурс и практику их воплощения посредством ориентации на мнимые или

истинные интересы нации. Следует отметить, что принятие той или иной интерпретации националистической идеологии на личностном уровне зависит не только от общего социокультурного контекста (кризисного состояния общества, межэтнических конфликтов), а также интенсивности идеологической политики государства, но и от субъективных факторов (уровня образования, воспитания, эмоциональной возбудимости реципиента). Ведущая же роль в конструировании и насаждении националистической идеологии принадлежит интеллектуальной элите, которая, опираясь на превалирующие в национальном сообществе тенденции, настроения и чаяния, создаёт соответствующие «ориентирующие проекты». Последние постепенно обретают статус объективной реальности для членов общности, реализуясь, в частности, в форме национальной идеи, искусственный характер которой подменяется утверждением о её имплицитном содержании в самом «духе народа».

Таким образом, национальная идея выступает в качестве теоретической (идеологической), обладающей особым дискурсом, основы националистической практики. В ней присутствует когнитивное и прагматическое измерение: «образ (идея) нации» и «проект нации».

«Идея нации» призвана обосновать сущностные характеристики нации (её характер, «душу», рассматриваемые в гиперболизированном контексте), отличающие её от других подобных социальных образований. Ёе интерпретация зависит от того содержания, которое вкладывается в само понятие «нация», что предполагает либо:

1) редукцию от национального к этническому и акцент на интересах конкретной этнической группы. Следует отметить, что если речь идет о превалирующей в рамках того или иного государственного образования нации, её национальная идея может трактоваться в качестве государственной идеологии, включая или исключая интересы иных этнических групп;

2) её интерпретацию в качестве гражданской категории, тем самым делается акцент на интересах всех граждан, проживающих в рамках данного политического образования, вне зависимости от их этнической принадлежности. Исходя из этого, национальная идея в данном контексте выступает в качестве синонима государственной идеологии.

Идея нации устанавливает оптимальную систему взаимоотношений как внутри группы (порядок коллективной жизни, систему коммуникации), так и с членами иных подобных социальных образований. При этом следует отметить, что взаимодействие с иными нациями может выступить катализатором для актуализации и оформления национальной идеи. Как отмечает А. Г. Здравомыслов, национальное самосознание формируется лишь при соприкосновении с представителями иных наций, «само существование данной нации, данного национального самосознания становится возможным благодаря существованию других наций» [3, с. 117].

«Идея нации», отсылающая к общему коммуникационному коду, к тем жизненным перипетиям, в которых оказывалась нация, крайне остро реагирует также на изменения социокультурной реальности и находится в процессе постоянной трансформации в зависимости от тех новых вызовов истории, перед которыми становится национальное сообщество. Она призвана обеспечить внутреннюю консолидацию и поддержку жизнеспособности посредством ретроспективного обращения к совместному прошлому, к общим мифам и ценностям, а также молниеносной фиксации угрожающих существованию нации социальных и политических реалий.

Прагматический компонент национальной идеи — «проект» — предписывает нации определенную миссию, т. е. исторические цели, которые могут быть ориентируемы не только на её собственные интересы, но также на интересы мирового сообщества. Она может выступить в качестве «спасителя» всего человечества или конкретной страны от духовной, культурной и иной деградации. «Проект» предписывает определенную судьбу и предполагает наличие необходимого для её осуществления потенциала. Он раскрывает (предписывает) смысл жизни данного национального образования, обосновывая необходимость его существования в рамках всего человечества.

Содержание национальной идеи, сконструированное тем или иным мыслительным коллективом, проходит процедуру интерпретации на личностном уровне конкретного индивида, приобретая новый, подчас противо-

положный исходной идее смысл. В зависимости от стиля мышления интерпретатора национальная идея может быть использована в религиозном, либеральном, консервативном или ином контексте.

Подводя итог вышесказанному, следует выделить четыре основополагающие функции, которые исполняет национальная идея:

Во-первых, она приводит к консолидации всех членов нации посредством утверждения «идеи нации», выступающей в качестве символа единства и уникальности;

Во-вторых, обосновывает необходимость существования нации, наделяя последнюю определенным «смыслом жизни», задавая не всегда посильную миссию. Встраивание нации в общую канву мировой истории происходит посредством конструирования вокруг неё мифологического сюжета, обосновывающего смысл её существования, а как следствие — смысл существования индивида и его значимости в космических масштабах. Личностная потребность идентификации с коллективом в данном контексте связана с экзистенциальной необходимостью утверждения собственной значимости, вытекающей из мессианского характера социальной общности, к которой причисляет себя индивид;

В-третьих, устанавливает определенную систему ценностей, алгоритм поведения и коммуникационный код, оптимальный для поддержания жизнеспособности сообщества. Она упорядочивает социальную реальность, интегрируя в неё каждого члена национального сообщества;

В-четвертых (на наш взгляд, это является главным), возымевшая в обществе популярность национальная идея, ввиду своей способности быстрого реагирования на изменяющиеся общественные условия, может выступить в качестве зеркала, отражающего общее настроение данного социального образования, и основой для его коррекции.

Следует отметить, что и «идеал», и «проект» нации всегда конкретно историчны и ориентированы на определенный культурный базис. Национальная идея не является константой, окаменевшей и не реагирующей на социальные трансформации. Она всегда остроактуальна и может быть задействована как на уровне личного сознания, так и политической практики.

---

1. *Калхун, К.* Национализм / К. Калхун ; пер. А. Смирнова. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006.
2. *Вердери, К.* Куда идут «нация» и «национализм»? / К. Вердери // Нации и национализм. М., 2002.
3. *Здравомыслов, А. Г.* Релятивистская теория наций и рефлексивная политика / А. Г. Здравомыслов // Общественные науки и современность. 1997. № 4.

Р. В. Кулешов

ОПЕРАТИВНО-БОЕВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ И УРОКИ

Статья посвящена изучению отечественного опыта и выявлению уроков организации оперативно-боевого противодействия террористической деятельности на территории бывшего СССР. Особое внимание уделено вопросам ликвидации диверсионных банд, а также организации борьбы с внутренним политическим бандитизмом и контрреволюционными вооруженными выступлениями.

Ключевые слова: терроризм, политический бандитизм, противодействие, контрреволюционное вооруженное выступление, оперативно-боевая деятельность, бандитизм.

R. V. Kuleshov

COUNTER-TERRORIST ACTIVITIES: EXPERIENCE AND LESSONS

The article summarizes home experience and identifies examples of counter-terrorist activities on the territory of the former USSR. Special attention is paid to the problems of subversive groups' liquidation. It also considers actions against the internal political banditry and counter-revolutionary armed protests.

Key words: terrorism, political banditry, counteraction, counter-revolutionary armed protest, counter-terrorist activity, banditry.

В период 20-х годов XX века для спецорганов СССР наиболее актуальной проблемой была борьба с террористической деятельностью противников советского режима, особое внимание уделялось противодействию политическому бандитизму. В наставлениях по оперативно-боевой деятельности (ОБД) того времени давалось определение политического бандитизма как одной из наиболее активных форм открытой, вооруженной борьбы внутренней и зарубежной контрреволюции против советской власти. Политический бандитизм разделялся на диверсионный и внутренний.

Под диверсионным бандитизмом понималась также и деятельность банд, имеющих базу на территории сопредельного государства и совершающих систематические налеты на территорию СССР с материальными целями (угон скота, ограбления и т. п.). Этот вид бандитизма был распространен на восточных границах Союза ССР (Афганистан, Китай).

Внутренний бандитизм являлся одной из наиболее активных форм открытой вооруженной борьбы противников советской власти в период наибольшего обострения классовой борьбы на селе, когда контрреволюционное кулачество от методов противодействия мероприятиям советской власти и партии переходило к открытой вооруженной борьбе с конечной целью — свержения советской власти.

Деятельность внутренних банд на известных этапах принимала «профессиональный» характер (грабежи, налеты, убийства с целью мести, террора и «самоснабжения»). Внутренний политический бандитизм имел тенденции к перерастанию в контрреволюционные повстанческие действия, с одной стороны; в уголовный бандитизм — с другой.

Под внутренним политическим бандитизмом понимали также деятельность вооруженных отрядов контрреволюционных организаций в период подготовки контрреволюционного выступления и в период после его разгрома.

В значительном большинстве случаев внутренние банды имели органические связи и руководились контрреволюционными организациями и группировками своего района. Если же этих связей и руководства не было, то банды сами их искали. В равной степени и контрреволюционные организации, и группировки, со своей стороны, искали связи с бандитами с целью использования их как готовых вооруженных кадров вооруженной контрреволюционной деятельности против советской власти.

Агентурная работа являлась основной в борьбе с бандитизмом. Цель этой работы за-

ключалась в современном получении точных, определенных и проверенных данных о состоянии района, пораженного бандитизмом; выявлении базы банды; определении численности, социального состава, вооружения, политической окраски, целей, лозунгов и намерений банды; определении прямого или косвенного участия в бандитизме контрреволюционных элементов (учета); установлении всех действий банды и ее местонахождения ежедневно.

Агентурная работа была организована в банде и в местных контрреволюционных организациях, а в районе действий банды — среди контрреволюционных кулацко-белогвардейских элементов.

Агентурная работа в банде полностью выявляла силы, средства, состав, намерения и планы банды (имела сведения об объектах действия банды), устанавливала точные пункты ее нахождения, помогала раскрытию подполья банды, дезорганизовывала ее работу, дезинформировала банду.

Оперативная работа в контрреволюционных организациях выявляла совместный план действий данных организаций с бандой, местные контрреволюционные силы, связанные с бандой, активно помогающие банде, места явок бандитов, склады оружия и боеприпасов.

Оперативная работа в районе действий банды давала сведения общего порядка о состоянии района, о контрреволюционных элементах и их отношении к банде.

Задача оперативного начальника органа госбезопасности или внутренних дел заключалась в выделении из всей совокупности данных таких, которые необходимы непосредственно для борьбы с бандой и соответствующем использовании их.

На основе изучения оперативных материалов, обстановки, имеющихся сил и средств применялось решение о методах ликвидации банды.

Выбор комбинации методов ликвидации банды зависел от данной конкретной обстановки.

Как правило, ликвидация банды проводилась путем комбинации мероприятий — сочетания оперативной работы, политической и войсковой.

Успех действия органов госбезопасности и внутренних дел по отражению попытки банды прорваться в тыл охраняемой территории в значительной мере зависел от успешности оперативной работы в погранполосе.

Ликвидация диверсионной банды протекала при условии наличия достаточно точных и полных оперативных сведений о пункте сосредоточения, задачах, участке и времени прорыва банды через границу или в условиях отсутствия вышеуказанных полных данных.

В первом случае старший начальник (начальник погранотряда) заблаговременно принимал определенное решение, которое и ложилось в основу плана организации ликвидации диверсионной банды.

Во втором случае основой для принятия решения являлся момент прорыва банды через границу, обстановка, которая складывалась к этому времени, как непосредственно на границе, так и в тылу.

Выбор решения по ликвидации диверсионной банды обусловливался конкретными выгодами, оперативными и политическими соображениями.

Организация ликвидации диверсионной банды строилась исходя из расчета ликвидации банды в непосредственной близости от границы, ликвидации банды в ближайшем тылу охраняемой полосы или с целью не допустить перехода банды за линию границы.

Первый и третий варианты в большинстве случаев имели место при наличии точных данных о готовящемся прорыве; второй вариант — в условиях отсутствия необходимой ясности в обстановке, неполноты сведений о готовящемся прорыве или же при неудачной работе войсковых подразделений, действующих по первому и третьему вариантам.

Чем своевременнее и достовернее были данные о задачах банды, избранных ею участке и времени прорыва, тем тщательнее была разработана система расположения на местности отрядов, выделенных для ликвидации банды.

При недостаточной полноте и достоверности полученных сведений система распределения сил и средств была максимально гибкой и допускала наибольшую быстроту переброски отрядов к пункту прорыва банды или к тому месту, где она была обнаружена.

Проведение операции по отражению или ликвидации диверсионной банды возглавлялось начальником отряда на специальное лицо (помощник начальника отряда по оперативной части, коменданта, уполномоченного

и т. п.), которое, являясь старшим начальником, несло ответственность за успех операции в целом и объединяло под своим управлением все выделенные в его распоряжение отряды.

При ликвидации банды непосредственно вблизи границы распределение сил и средств производилось по такой схеме: увеличивалось количество часовых, дозоров и разъездов по освещению местности; закладывались засады и организовывались истребительные группы.

Соотношение количества людей на обходах, в дозорах, засадах, разъездах и истребительных группах соответствовало конкретной обстановке, в которой решалась задача. Расстановка сил производилась по условиям местности — непосредственно на линии границы или вблизи нее.

Боевая работа и взаимодействие частей, выделенных для ликвидации диверсионной банды, заключались в следующем.

Часовые на обходах (при расположении наряда, непосредственно на границе) обязаны были своевременно устанавливать подход банды или ее отдельных членов к границе и в случае перехода открывать огонь на поражение (даже без предупреждения, если на этот счет не имелось указаний). К пункту тревоги должны были подойти дозоры, которые немедленно ввязывались в перестрелку (на сближенных с бандой дистанциях) или начинали преследование банды в случае прорыва ее в тыл. Если на обходах имелись парные посты, то старшие (часовые) соседних обходов высылали на место тревоги своих помощников для оказания поддержки и последующих действий против банды.

После прорыва банды служба часовых на обходах продолжалась за исключением того обхода, на котором был произведен прорыв.

Высылка нового часового (часовых) на этот обход входила в обязанности ближайшего начальника воинской части ОГПУ.

Движение на поддержку производилось в направлении перестрелки (движение на выстрелы). Направление часовых парных постов к пункту тревоги обусловливалось заблаговременным распоряжением, исходя из расчета не ослаблять охраны границы.

Засады закладывались на вероятных путях движения банды с задачей внезапного на нее нападения и захвата.

Истребительные группы той или иной численности и состава организовывались из маневренных групп пограничного отряда, из резерва застав или формировались из числа имеющихся в распоряжении управления отряда или комендатуры оперативных работников и свободных красноармейцев.

Истребительные группы предназначались для преследования и ликвидации банды и вводились в действие по распоряжению старшего начальника, руководящего операцией.

Истребительные группы располагались с расчетом охвата путей вероятного движения банды.

Если банда прорвалась в тыл, то дальнейшие действия по ее ликвидации велись следующим образом: расставлялись силы таким образом, чтобы пропустить банду до того рубежа или района, где намечено ее уничтожение.

Операция по ликвидации строилась главным образом на работе истребительных отрядов, занимающих в глубине охраняемой полосы охватывающее расположение по отношению к вероятному направлению движения банды.

Действия всех истребительных отрядов объединялись старшим начальником, на которого возложено проведение операции.

Численность и состав истребительного отряда зависели от обстановки, задач и местности. Основное требование, предъявляемое к истребительному отряду, — максимальная подвижность и маневренность, способность двигаться без дорог в условиях длительного отрыва от населенных пунктов.

Истребительный отряд не должен иметь при себе излишнего груза, могущего в какой-либо степени стеснить его подвижность. Это положение относилось не только к предметам довольствия и обмундирования, но и к оружию и боеприпасам. Виды оружия и количество боеприпасов определялись старшим начальником в зависимости от конкретных условий обстановки.

Никаких обозов отряд не имел. Продовольствие на 1—2 дня и боеприпасы находились на людях. Пополнение предметов продовольствия происходило по мере необходимости за счет местных средств.

Раненых и больных отряд по оказании первой помощи оставлял на месте, не дожидаясь отставших или своевременно не возвратившихся дозоров, разъездов и связных.

Банда, прорвавшаяся в тыл, обычно стремилась непосредственно после перехода границы получить необходимую ей оперативную свободу действий, избегала столкновений с войсковыми частями, всемерно уклоняясь от ввязывания в длительный бой.

Поэтому преследующие части, не останавливаясь перед перенапряжением своих сил, стремились не выпускать банду из-под удара, изматывая ее силы; постоянно вынуждали банду ввязываться в бой, невзирая на невыгодное соотношение сил и даже недостаток боеприпасов; препятствовали распылению банды, и тотчас при прорыве преследование банды принимали на себя ближайшие истребительные отряды. Все другие истребительные отряды также нацеливались на банду и двигались на нее по кратчайшим направлениям.

Общая задача истребительных отрядов — не выпуская банду из узкого района, завершить тактическое ее окружение и уничтожить.

Характерные особенности были присущи организации мероприятий по ликвидации диверсионных банд на Ближнем Востоке и в азиатской части СССР. Действия частей пограничной охраны на Ближнем Востоке (Закавказье — границы с Турцией и Персией) и в азиатской части СССР (границы с Афганистаном, Монголией, Китаем) протекали в особых условиях обстановки, которая характеризовалась в основном борьбой (в степях, пустынях и горах).

Отдельные группы населения пограничной полосы СССР и сопредельных государств находились или в тесных родовых связях (единые племена, разделенные госграницей), или в состоянии вражды (кровная родовая вражда, национальная и религиозная вражда); в пограничной полосе сопредельных государств (особенно Персии и Китая) были сосредоточены группы национальной контрреволюции, инспирируемые и вдохновляемые капиталистическими державами. В равной степени погранполоса сопредельных государств была насыщена бежавшими с территории СССР контрреволюционными элементами, контрреволюционными авторитетами и бандами, причем последние имели свое историческое контрреволюционное прошлое, определенную боевую практику и большой опыт диверсионной работы. Банды эти имели вблизи границы СССР легальные и полулегальные базы. В отличие от диверсионных банд, оперирующих через западные границы СССР, банды Ближнего Востока и Азии (особенно Персии и Афганистана) были многочисленны, хорошо организованы, имели подготовленные опытные руководящие кадры и оружие иностранных образцов — до ручных пулеметов включительно. Банды отличались боевой активностью, относительной стойкостью и упорством в бою, тактически грамотными действиями и большой подвижностью (банды в большинстве случаев были конными).

Банды вторгались на территорию закавказских или среднеазиатских советских республик с целью угона скота, конвоирования (переброски) за кордон контрреволюционных элементов, организации контрреволюционных вооруженных действий, по заданиям зарубежных контрреволюционных центров, для диверсионной и бандитской деятельности.

Характер местности, особенности горных, степных или пустынных районов в большинстве случаев предопределяли ряд пунктов или направлений возможных прорывов банд через госграницу (караванные пути, колодцы, тропы в торах и т. п.). В то же время трудность организации агентурной работы в малонаселенных районах осложняла заблаговременное и достоверное выявление времени и точного пункта или направления прорыва. Положение усугублялось в значительной мере меньшей плотностью насыщения погранполосы частями пограничной охраны и значительной протяженностью участков застав и комендатур, что, в свою очередь, затрудняло организацию взаимодействия между частями, выделяемыми для ликвидации банд.

Успех борьбы с диверсионным бандитизмом в данных условиях в значительной мере зависел от качества оперативной работы в погранполосе и степени гибкости всей системы мероприятий по ликвидации диверсионных банд.

Операция по ликвидации банд строилась из расчета охвата вероятного направления движения банды. Сторожевой наряд и части мангрупп (истребительные отряды) рассредоточивались вследствие этого в глубине полосы предполагаемого прорыва, в оперативном взаимодействии друг с другом.

Вследствие значительной протяженности промежутков между истребительными отрядами и невозможности оказания боевой поддержки в кратчайший срок каждый истреби-

тельный отряд был готов выполнить задачу по ликвидации банды самостоятельно.

Истребительные отряды составлялись из конных подразделений или моторизованных частей.

Сила и вооружение отряда зависели каждый раз от общей обстановки, численности банды и степени ее боеспособности.

При действиях в пустынных районах на материальное обеспечение операции (продовольствие, вода, фураж) обращалось особенное внимание.

Система ликвидации диверсионной банды слагалась из находящихся в оперативном или боевом взаимодействии истребительных отрядов, из засад на путях вероятного движения банды и из резерва застав.

Районы расположения указанных выше войсковых подразделений перехватывали в полосе вероятного движения банды тропы, горные проходы и ущелья в горах, колодцы, населенные пункты и дороги в степях и пустынях.

Истребительные отряды располагались на местности с таким расчетом, чтобы в кратчайший срок вступить в боевое соприкосновение с бандой и начать ее преследование с целью уничтожения. Для этого каждый истребительный отряд получал ответственную полосу или район, в котором и вел непрерывную оперативную работу и войсковую разведку. Нащупав движение банды, истребительный отряд информировал об этом соседние истребительные отряды и по кратчайшему направлению двигался на банду с задачей тактического ее окружения.

Начальник истребительного отряда, обнаруживший движение банды, сообщал своим соседям время и пункт обнаружения банды, маршрут своего движения, план действий и время начала его выполнения, условные знаки обозначения своего движения на местности.

Соседние истребительные отряды, получив сообщение о начавшемся преследовании банды, в свою очередь, двигались на нее по кратчайшим направлениям, связываясь одновременно с преследующим банду отрядом.

Каждый начальник истребительного отряда, как правило, искал связь с соседними истребительными отрядами и тесно с ними взаимодействовал.

Истребительные отряды, подходящие к месту боя, завершали тактическое окружение банды с целью ее захвата или уничтожения.

Засады, составленные из мелких стрелковых или конных подразделений, усиленных огневыми средствами (пулеметы, автоматы, ружейные и ручные гранаты), располагались на путях вероятного движения банды. На засады возлагались задачи нанесения банде наибольших потерь огнем и ударом; задержки движения банды до подхода истребительных отрядов и воспрепятствования обратному прорыву банды за кордон.

Резерв заставы составлялся из группы пограничников, предназначенных для закрытия границы с целью недопущения обратного прорыва банды, и из группы пограничников, имеющих назначением оборонять заставу в случае нападения на нее банды.

Соотношение сил и средств обеих групп зависело от данной конкретной обстановки.

На группу пограничников, обороняющих заставу, возлагалась задача — упорным, затяжным боем связывать банду с целью выигрыша времени для подхода подкрепления.

Вопросы организации, управления и связи приобретали особое значение. Неясность обстановки, рассредоточенность сил, отсутствие иногда технических средств связи предъявляли к начальнику, руководящему операцией, требования полного учета всех особенностей обстановки, правильного и целесообразного распределения сил и средств, постановки точных конкретных задач с целью направления отдельных усилий каждого истребительного отряда к выполнению общей задачи — ликвидации банды.

К начальникам всех степеней предъявлялись требования максимальной решительности и инициативы.

Наиболее действенным средством управления в тех условиях являлись радиотелеграф и телефон, позволяющие координировать действия всех частей, выделенных для ликвидации банды.

Особое внимание в названный период времени уделялось организации борьбы с внутренним политическим бандитизмом в СССР.

Внутренняя политическая банда, укомплектованная по территориальному признаку и питаемая (во всех отношениях) контрреволюционными элементами определенных населенных пунктов, действовала главным образом в пределах своей базы, т. е. в сравнительно узком ограниченном районе.

Методы действий внутренних банд отличались большим разнообразием, начиная от пассивного отсиживания в глухих местах в ожидании благоприятных для нападения условий и кончая значительной боевой активностью, направленной к физическому и имущественному террору по отношению к представителям советской власти и партии, советским учреждениям, колхозам и т. п., к агитации за вооруженное контрреволюционное выступление.

Методы боевой работы банды в основном сводились к внезапным налетам, засадам; рейдированию (непрерывному перемещению в соединении с налетами); распылению с последующим сбором для нового налета или продолжения активной деятельности после разгрома.

Внутренние политические банды Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии отличались достаточно хорошей организованностью и вооруженностью, боевой выучкой, упорством в боях и метким огнем, который вели с коротких дистанций.

Операции по ликвидации внутренних банд строились главным образом на системе оперативных мероприятий в различных их комбинациях.

Эти мероприятия сводились в основном к разложению банды с использованием оперативных сил и средств; склонению бандитов и главаря банды к добровольной явке или легализации; применению методов физического террора по отношению к главарям банды и наиболее влиятельным авторитетным участникам; карательным мерам по отношению к близким связям и имуществу бандитов (высылка, конфискация имущества) и по отношению к контрреволюционному, кулацко-белогвардейскому элементу, особенно в той или иной мере связанному с бандой; изъятию и соответствующему оперативному использованию всех лиц, причастных к деятельности банды; организации наводки и завлечения банды в засаду; организации «среды сопротивления» банде и политической ее изоляции.

Основные удары при ликвидации внутренней банды направлялись на ее разложение путем отторжения от основного ядра банды обрастания, особенно примкнувших к банде в результате террора, угроз, провокаций и обмана лиц; ликвидации базы и связей банды; захвата или физического уничтожения основного ядра, банды и ее главаря.

Части войск свои задачи по ликвидации внутренней банды выполняли путем узкотактического окружения банды (с целью ее захвата или уничтожения) вне населенных пунктов (кварталы, отдельные дома, чердаки погреба и т. п.); преследования банды по следам с комбинированием этого преследования со службой заслонов и засад; изъятия отдельных участников банды в населенных пунктах.

В целях политической изоляции банды среди местного населения района, пораженного бандитизмом, развертывалась широкая разъяснительная работа. Последняя велась как партийными организациями коммунистической партии, так и советскими организациями, а также органами и войсковыми частями ОГПУ и направлялась к достижению такого положения, при котором население противодействовало бандитизму и оказывало всяческое содействие мероприятиям по его ликвидации.

Анализируя опыт и уроки оперативно-боевого противодействия террористической деятельности, нельзя обойти вниманием и проблему организации мероприятий по ликвидации контрреволюционных вооруженных выступлений на территории СССР.

В документах того времени вооруженные контрреволюционные выступления кулацких, белогвардейских и бандитских элементов определялись как открытая вооруженная борьба, контрнаступление классового врага с целью свержения советской власти — таково было определение контрреволюционных выступлений в то время. Вооруженные выступления возникали в результате более или менее длительной подпольной подготовительной работы контрреволюционных организаций, ставящих целью свержение советской власти.

Контрреволюционные вооруженные выступления в деревне характеризовались охватом определенной территории и вовлечением в движение всех или большинства контрреволюционных сил района, иногда с втягиванием деклассированных, мещанско-обывательских элементов (по терминологии того времени), а также относительной четкостью организационной структуры, четко оформившимся руководством, ясно выраженными политическими лозунгами, программными установками и целями.

Эти силы характеризовались стремлением к разрушению аппаратов советской власти и

созданию органов «новой власти», а также наличием вооруженных отрядов с достаточно четкой военной структурой и укомплектованием этих отрядов, вплоть до насильственных «мобилизаций». Вооруженные выступления в деревне характеризовались активными наступательными и оборонительными действиями, попытками захвата и удержания населенных пунктов.

Основное ядро контрреволюционного вооруженного выступления, его руководящие кадры составляли контрреволюционные организации, активные контрреволюционные кулацкие и белогвардейские элементы, внутренние и диверсионные банды.

Контрреволюционное ядро в процессе выступления (а иногда и в период его подготовки) обрастало за счет контрреволюционного кулачества, скрывающихся участников ликвидированных контрреволюционных организаций, группировок и банд, уголовных, деклассированных элементов, отдельных лиц репрессиями, угрозами, провокацией вовлекаемых в выступление.

Размах контрреволюционного вооруженного выступления ограничивался определенным районом, в котором элементам контрреволюции удалось организоваться и вовлечь в свои действия сочувствующие им силы и подготовить базу для открытой вооруженной деятельности. Отсюда и зависимость выступивших от определенной территории, от питающих в материальном и моральном отношении баз. Подобная зависимость предопределяла в основном и формы борьбы выступивших, которые сводились обычно к маневренной обороне определенной территории.

Контрреволюционные вооруженные выступления во внешнем их проявлении представляли собой боевые действия банд, оперирующих на более расширенной идеологической, материальной и людской базе. Поэтому чекистско-войсковые методы ликвидации контрреволюционных вооруженных выступлений активных контрреволюционеров всех мастей и их соучастников аналогичны методам для ликвидации бандитизма. Однако при ликвидации контрреволюционных вооруженных выступлений войсковые методы приобретают большее значение, а политическая и чекистская изоляция района выступления осуществлялась в более широких и глубоких размерах.

Организация первоначальных мероприятий по ликвидации контрреволюционного выступления ложилась на органы местной власти и низовые органы ОГПУ, использующие имеющиеся в районе вооруженные силы.

Подводя итоги, следует отметить, что важнейшими задачами при ликвидации контрреволюционных выступлений были: во-первых, развертывание широкой политической работы, направленной к вскрытию перед массами классовой сущности выступления, вовлечению основных масс населения в борьбу с контрреволюцией, отторжению от выступления втянутых в него угрозами и провокацией отдельных малосознательных лиц; во-вторых, осуществление программы разложения и решительной ликвидации основного руководящего ядра и активных кадров контрреволюционного выступления; в-третьих, организация политической и чекистско-войсковой изоляции района выступления и создание «среды сопротивления» террористам.

---

1. *Селиверстов, С. А.* Наставление по оперативно-боевой деятельности органов внутренних дел МВД России : учеб. пособие / С. А. Селиверстов, В. В. Ракитин. М., 2006.
2. Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. / В. П. Ямпольский, И. К. Белик, Виноградов [и др.]. М., 1995.
3. *Селиверстов, С. А.* Оперативно-боевая деятельность органов внутренних дел : моногр. / С. А. Селиверстов ; под ред. Ю. М. Антоняна. М., 2007.

ФИЛОЛОГИЯ

С. А. Борисова, Э. Н. Гилазиева

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

В статье анализируются результаты влияния социально-экономических трансформаций на развитие образовательного дискурса в России, рассматривается феномен виртуального образовательного пространства, выявляются основные составляющие успешной коммуникации вуза со своими партнерами в условиях коммерциализации рынка образовательных услуг. В статье указывается на возрастающую значимость виртуального коммуникативного пространства для развития образовательного дискурса, потенциал которого еще недостаточно изучен.

Ключевые слова: образовательный дискурс, межличностная коммуникация, виртуальное коммуникативное пространство, коммуникативные стратегии, дискурсивные стратегии, коммуникативная система, коммуникативный успех, интеракция.

S. A. Borisova, E. N. Gilazieva

CURRENT TRENDS IN EDUCATIONAL DISCOURSE DEVELOPMENT

In the article the authors analyze the results of economic changes in Russia as a factor of influence on educational discourse development at higher school. Also the phenomenon of virtual educational discourse with some specific features is revealed. The authors show the role of main components of the educational discourse leading the university to communicative success with all the interaction partners. The significant role of Internet as a global communicative space which influences the educational discourse is stated.

Key words: educational discourse, interpersonal communication, virtual communicative space, educational discourse strategies, communicative strategies, communicative system, communicative success.

Образовательный дискурс как лингвистический феномен в России еще не получил достаточного внимания исследователей. Одной из основных причин выступает факт «одинаковости» образовательных программ в советский период, что, впрочем, само по себе не являлось гарантией качественной подготовки специалистов. Структуры советской системы образования лишь предоставляли право субъектам образовательного дискурса на равные возможности как в материальном, так и в статусном и социальных планах.

Известно, что образовательную деятельность, то есть учебную интеракцию / коммуникацию, всегда совершают вполне конкретные люди со своими индивидуальными знаниями, квалификацией и педагогическими способностями. Кроме того, разные вузы всегда имели разные возможности реализации педагогической интеракции, поскольку даже в условиях советской системы вузы подразделялись на ведущие, «столичные», и остальные — «провинциальные», каких и было большинство.

Ситуация в образовательном пространстве России изменилась в связи с экономическими новациями, которые детерминировали все сферы социума, включая образование. Изменения эти невозможно оценить однозначно, поскольку, с одной стороны, вузы получили относительную самостоятельность и менее жесткую централизацию, а с другой стороны, они были «брошены» в жестокую рыночную реальность, в которой им приходится выживать всеми доступными легальными, а иногда, к сожалению, и не совсем легальными способами.

В этих сложившихся условиях успеха добивается то образовательное учреждение,

которое правильно формирует профессиональную коммуникативную деятельность со своими потенциальными партнерами — абитуриентами, школьной администрацией, родителями, чиновниками всех уровней в сфере образования, работодателями и др. Деятельность вуза по формированию образовательного дискурса должна опираться на научно выверенные исследования, и только их использование приведет образовательное учреждение к успеху — образовательному и социальному.

В данной статье мы фокусируем внимание на формировании и функционировании образовательного дискурса в рамках отдельно взятого университета (института). Современные условия успешной деятельности вуза, помимо его основной функции — научно-образовательной — заставляют искать новые формы коммуникации с потенциальными клиентами в различных системах: «вуз — школа», «преподаватель вуза — школьник (абитуриент)», «ректор вуза — директор школы», «факультет — родители», «вуз — работодатели» и др. Все эти коммуникативные системы имеют свои специфические компоненты и особенности функционирования, которые нуждаются в дополнительных исследованиях.

Кроме того, вузам для формирования образовательного дискурса приходится заниматься и ранее не свойственными функциями продвижения «образовательной услуги» и «товара — конечного продукта» на рынок. С лингвистической точки зрения называть образование услугой, а студента-выпускника — «продуктом», наверное, не совсем корректно, но экономические законы и указы чиновников имеют свою словообразовательную логику. Таким образом, для обеспечения успешной и устойчивой деятельности коммуникативной системы «вуз — социум» создаются специальные службы — агенты общения, задача которых — формировать положительный имидж вуза, разрабатывать его рекламную и маркетинговую политику и пр.

В настоящее время нет единого понимания и дефиниции понятия «образовательная услуга», что позволяет разным ведомствам трактовать его по-разному. Часто под образовательной услугой понимается система знаний, умений и навыков, которые приобретаются в процессе обучения, а затем используются для удовлетворения человека, социума и государства [4]. Однако образовательная услуга есть совершенно специфическая форма услуг. Она одновременно представляется и потребляется; она неотделима от своего источника. Крайне трудным представляется определение ее денежного эквивалента, так как это не объект купли-продажи. Кроме того, положительный эффект образовательной услуги, как правило, проявляется спустя некоторое время.

По нашему мнению, образовательная услуга может рассматриваться как процесс интеракции в системе «вуз (преподаватель) — студент» и имеет свои специфические характеристики. В рамках такого подхода выпускник есть продукт этой коммуникативной системы, также имеющий свои характеристики — учебные, социальные, гендерные и пр. В рамках указанной системы адресантом услуги выступает образовательное учреждение. А кто же получатель, адресат этого «коммуникативного продукта»? Понятно, что в системе «вуз — студент» потребителем образовательной услуги является студент. Но если он обучается за счет конкретного работодателя или родителей, являются ли они со-потребителями образовательной услуги и компонентами образовательного дискурса? И является ли таким со-компонентом государство, если студент обучается за счет средств госбюджета, или в этом случае мы имеем дело с другой коммуникативной системой, несколько расширенной, — «государство (адресант) — вуз (посредник) — студент (адресат)»? Все эти вопросы требуют тщательного исследования в рамках теории коммуникации и психологии общения.

В настоящий момент не приходится говорить о разнообразии эффективных технологий в развитии рынка образовательных услуг в России, поскольку в основном это аудио- и видеорекламные или печатные тексты, а также интернет-сайты, которые, впрочем, создаются скорее как дань моде, чем для реального общения со своими социальными партнерами. В рамках образовательного дискурса вузам необходимо коммуницировать с потенциальными абитуриентами, их родителями, студентами, преподавателями, учеными, работодателями, экономическим сектором, органами исполнительной власти и т. д. Соответственно, эти сайты должны удовлетворять всех вышеобозначенных коммуникантов

для успешного осуществления своей деятельности. Следовательно, можно говорить о функционировании виртуального образовательного дискурса наряду с реальным. В таком случае вопрос выявления и изучения эффективных и неэффективных стратегий и тактик в данном аспекте становится крайне актуальным.

В образовательном дискурсе ключевую роль играет хорошо налаженная система коммуникации между вузом и внешними агентами (субъектами). Неслучайно интернет-сайты вузов — один из жанров реализации образовательного дискурса. Естественно, чтобы оказать определенный эффект на адресата / потребителя, создатели электронных сайтов многих вузов прибегают к разным средствам, как лингвистическим (лексическим, синтаксическим, графическим), так и паралингвистическим (рисунки, фотографии, параграфика). Совокупность всех этих средств позволяет создать определенный коммуникативный продукт — имидж вуза (университета).

При условии высокой информативной составляющей многие вузы позиционируют себя как учебные заведения, где при соблюдении прав и свобод гражданина ему предоставляются широкие возможности и открываются такие горизонты, которые в другом вузе казались бы недостаточными. С целью поддержания и укрепления авторитета вуза, формирования положительного мнения о его деятельности авторы сайтов апеллируют к хорошей репутации и высокому академическому статусу данного вуза. Идея о том, что в том или ином вузе созданы все условия для сотрудничества и взаимодействия с потенциальными потребителями, также значительно дополняет положительный образ вуза у потенциальных коммуникантов — потребителей образовательных услуг, членов образовательного дискурса.

Ни для кого не секрет, что одна из главных целей любого вуза — привлечь неординарных, способных и талантливых абитуриентов. Для этого используются определенные стратегии воздействия на потребителей, то есть применяется целенаправленный отбор языковых и неязыковых средств для создания крайне положительного имиджа вуза и закрепления данной ассоциации в сознании людей. Однако ознакомление с сайтами многих вузов показывает, что для виртуального образовательного дискурса характерна асимметрия, т. е. существуют некие различия внутри самого виртуального образовательного пространства («сильные» и «слабые» сайты, различия по национальным и территориальным признакам и т. д.).

В связи с наличием явной конкуренции и процессом коммерциализации в образовательной сфере немаловажным представляется и успешное создание прочного имиджа того или иного вуза. В этом плане значительную роль играет и имидж руководителя вуза, и постоянное проведение PR-кампаний данного вуза в различных целевых аудиториях, составляющих образовательный дискурс. Работодатели регионального и российского уровней также являются неотъемлемой и важной составляющей образовательного дискурса, в том числе и его виртуального варианта, поскольку их наличие предполагает успешную реализацию вузом своего «коммуникативного продукта» — трудоустройство молодого специалиста.

Присутствие рекламы того или иного вуза в популярных социальных сетях удваивает положительный эффект профориентационной деятельности вуза. Не стоит забывать и об интерактивном характере виртуального образовательного дискурса. Почти на всех сайтах университетов есть раздел «Форум», где каждый может оставить свой комментарий.

В плане развития виртуального образовательного пространства приоритетным, на наш взгляд, представляется его обращение в сторону прагмалингвистики и малоизученному презентационному потенциалу киберпространства образовательного дискурса.

Одной из ключевых тенденций в образовательном дискурсе (в том числе и в виртуальном) является позиционирование того или иного вуза в русле философии успеха. Поскольку реклама, часто на уровне подсознания, утверждает в сознании потенциального коммуниканта мысль о том, что получение образования именно в этом вузе приведет его к успеху, который зачастую ассоциируется с внешними показателями жизни: материальное благополучие, социальный статус, слава / власть. Впрочем, с другой стороны, успех — это и внутреннее человеческое самоощущение удовлетворенности, интерес к жизни, нравственно-духовное состояние.

Несомненно, образование способствует обретению гармонии человека с самим собой и с социумом, и роль образовательных учреждений в этом процессе очень значима. В рамках образовательного дискурса коммуникативная политика вузов должна быть направлена на сотрудничество как со своими потенциальными коммуникантами, так и с коллегами, но в то же время быть активной, наступательной, представляющей и защищающей интересы своего вуза, и в то же время корректной, не допускающей вербального и невербального уничижения конкурентов, в качестве которых, к сожалению, сейчас выступают все вузы относительно друг друга в условиях приема абитуриентов по результатам ЕГЭ. Коммуникативная политика вузов, общение их с абитуриентами и родителями в период приемной кампании может быть темой отдельного, довольно интересного исследования, которое дополнит результаты исследования образовательного дискурса.

1. *Борисова, С. А.* Текст. Пространство. Коммуникация / С. А. Борисова. Ульяновск : УлГУ, 2003. 396 с.
2. *Дьякова, Е. Ю.* Дискурсивные стратегии образовательного дискурса (на материале анализа интернет-сайта Оксфордского университета) / Е. Ю. Дьякова // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. науч. тр. / под ред. проф. В. Б. Кашкина. Вып. 4. Воронеж : ВГУ, 2006.
3. *Добренькова, Е. В.* Образование как социальный институт и дискурс / Е. В. Добренькова // Социология власти: Вестн. социологического центра РАГС. 2006. № 5. М. : Изд-во РАГС, 2006.
4. *Сенашенко, В. С.* О тенденциях реформирования российской высшей школы / В. С. Сенашенко, Г. Ф. Ткач // Высш. образование в России. 2010. № 10. С. 29—41.

Э. В. Егорова

ЖАНР «ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХ ОТ СССР ДО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье представлены жанровые характеристики политического анекдота. Отдельное внимание уделено анекдотам об общественных политических лидерах XX—XXI вв.

Ключевые слова: политический анекдот, политический лидер, советский политический анекдот, современный российский политический анекдот.

E. V. Egorova

GENRE «POLITICAL ANECDOTE» AS A REFLECTION OF EPOCHS FROM THE USSR TO MODERN RUSSIA

The article provides genre characteristics of a political anecdote. Special attention is paid to anecdotes about national political leaders of XX—XXI centuries.

Key words: political anecdote, political leader, Soviet political anecdote, contemporary Russian political anecdote.

«Анекдоты — это неофициальная, устная история, и только взаимопроверка официальных документов и неофициальных преданий даёт объёмное и точное видение истории» [1]. Анекдот — один из наиболее плодотворных жанров современного городского фольклора. Он постоянно воспроизводится устно, публикуется массовыми изданиями, появляется в Интернете. Анекдот откликается на актуальные проблемы общества, охватывая практически все сферы социальной жизни — политику, бизнес, производство, образование, религию, армию, семью и т. д. — и отражает мировоззрение людей, сигнализирует о насущных социокультурных проблемах, смене общественных целей, приоритетов, настроений, являясь, таким образом, своеобразным зеркалом общественного сознания. Вместе с тем, если анекдот и является «зеркалом» умонастроений части общества, не стоит упускать из вида, что зеркало это своеобразное, показывающее реалии и отношение к ним преломлёнными сквозь призму смехового мировидения.

Под современным анекдотом традиционно понимают «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям языка» [5]. Как текст, анекдот наделен стереотипной структурой, состоящей из двух частей — интродукции (зачина) и развязки. Начало, или интродукция, посвящает слушателя в содержание, задает тему и интригу. Развязка анекдота содержит основную идею анекдота и, независимо от продолжительности целого текста, в идеале кратка, неожиданна, остроумна, часто парадоксальна. Обыкновенно анекдот повествует, используя настоящее время, что позволяет представить вымышленное событие в тексте анекдота актуальным.

С позиции жанроведения филологи А. Д. Шмелев и Е. Я. Шмелева [5] сфокусировали свое внимание на языковой специфике анекдота и предложили следующие жанровые характеристики:

1. Воспроизводимость анекдота. Рассказчик никогда не претендует на авторство текста анекдота, однако рассчитывает, что анекдот неизвестен собеседнику. В противном случае его постигнет коммуникативная неудача. Если говорящий считает, что анекдот известен слушателям, он может прибегнуть к другому речевому жанру, который можно было бы назвать «напоминание анекдота». Многократная репродуцированность текста анекдота сближает анекдот с такими речевыми жанрами, как исторический анек-

дот и «рассказ-пластинка». Однако указанные жанры различаются по целому ряду признаков. В частности, это касается набора действующих лиц и способов их представления. Современный городской анекдот характеризуется относительно постоянным набором возможных персонажей (около четырех—пяти десятков), имеющих стабильные речевые и поведенческие характеристики, известные всем носителям русского языка и потому не нуждающиеся в представлении, такие как политические деятели Сталин, Хрущев и др.

2. «Изобразительность» при рассказывании анекдотов. Рассказывание анекдота — это не повествование, а своего рода представление, производимое единственным актером.

3. Анекдот — это короткий связный текст (причем соответствующий критерию как грамматической и синтаксической, так и смысловой связанности), произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему (впрочем, понимание анекдота требует иногда от слушающего некоторого усилия), произносимый в определенной ситуации, в которой уместно рассказывание анекдота, и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и стереотипами анекдотического пространства.

Что касается сочетания *политический анекдот*, то под ним понимается анекдот, так или иначе касающийся политических тем. Это письменный текст, в котором высмеивается действующий режим, идеологические установки, также бытовые условия и межличностные отношения в данный период времени, в качестве главного действующего лица выступает отечественный государственный лидер либо он упоминается косвенно: Сталин, Ленин, Хрущев, Ельцин, Путин. Однако мы считаем, что определение политического анекдота является неоднозначным. Так, некоторые анекдоты про Вовочку можно считать политическими по двум причинам: во-первых, во многих из них выражена явная критика советского общества и, во-вторых, «Вовочка» является уменьшительной формой имени «Владимир» и вполне может указывать не только на простого ребёнка, но и на самого Владимира Ильича Ленина. Что касается анекдотов про Вовочку, то Е. Курганов рисует явную триаду между Лениным, Вовочкой и Путиным [3].

На протяжении десятков лет отечественный политический анекдот видоизменялся, таким образом, основными разновидностями жанра следует считать: 1) анекдоты о российских государях — «свидетельства очевидцев о быте и нравах, поступках и высказываниях, привычках и наклонностях исторических лиц» [4]; 2) анекдоты об отечественных политических лидерах XX—XXI веков — анекдоты, созданные в XX веке после изменения российского политического строя в 1917 году.

Также следует учитывать, что на формирование жанровых разновидностей влияли не только изменения анекдотического образа политического деятеля, но и комплекс причин: время и место создания, социальная среда и т. д.

В данной статье остановимся подробнее на следующей разновидности жанра: *анекдоты об отечественных политических деятелях*. Данная разновидность жанра просуществовала около семидесяти лет советской, а затем сменившей ее российской действительности. Поэтому за столь длительный период существования анекдотов об отечественных политических деятелях можно выделить три более частных жанровых вида:

1) интеллигентский политический анекдот;

2) советский народный политический анекдот;

3) современный российский политический анекдот.

По определению Ю. Борева, *интеллигентские политические анекдоты* представляют собой «короткие остросюжетные, часто смешные рассказы о реальных исторических деятелях и знаменитых событиях, а также устные воспоминания известных и бывалых людей» [1]. Ю. Борев считает советские анекдоты одной формой интеллигентского фольклора, то есть культурно-исторической формой воплощения социального опыта интеллигенции. Субъектом новой разновидности анекдота стала интеллигенция, что, возможно, обусловило такие специфические черты анекдота, как установка на критику власти, оппозиционность в отношении современности и рефлексивность. Анекдот превратился в одну из форм рефлексии состояния современного общества и его культуры. Интеллигентский фольклор кажется странным сочетанием слов — ведь традиционно интеллигенция всегда выражала себя письменно. Однако в тоталитарных ус-

ловиях интеллигенция была вынуждена приспосабливаться к новым условиям и прибегать к устному творчеству — народной форме передачи своего опыта. Итак, анекдоты стали важным, неподцензурным, трудноконтролируемым и гибким способом сохранения и передачи информации всех слоев народа.

Интеллигентские анекдоты подробно описывают внешность и поведение политических деятелей, государственных лидеров: Н. С. Хрущева, И. В. Сталина, В. И. Ленина и других. В них дается более подробная характеристика политиков и их деятельности, сообщаются сведения, скрываемые официальными источниками.

Фактическое установление цензуры в СССР, сокрытие объективной информации о действительности, отсутствие свободы слова повлияли на жанр анекдота, способствовали появлению изменений — резкому усилению злободневности, политизации, переходу от легкого юмористического жанра к жанру сатирическому.

Советский народный политический анекдот по своей форме, структуре текста, способам осуществления комического эффекта сформировался в XX веке. По данным исследований, понятие «советский анекдот» изобрели русские эмигранты, которые знакомились с анекдотами, услышанными от визитеров из большевистской России. К 1920-м годам возникло слово «анекдотчик», обозначавшее рассказчика анекдотов.

Советский политический анекдот демонстрирует наличие свойств, присущих смеховой народной культуре. Во-первых, одна из основных функций анекдота — пародирование всех проявлений современной культуры, то есть сознательное снижение ее норм, ценностей, идеалов, представление реалий в абсурдном, нелепом виде. Во-вторых, смех анекдота универсален, не исключает никаких феноменов реальности, в том числе самих смеющихся. В-третьих, анекдот театрален, происходит рассказывание анекдота в виде мини-представления. В-четвертых, новой чертой политического анекдота является критика и высмеивание пороков представителя власти, а также отмена иерархий, перерождение участников смехового события для новых отношений без учета рангов, постов и чинов. Так, политический анекдот, обличая власть, упразднял всяческие отличия между рассказчиком / слушателем анекдота и обычно недосягаемой властью. Рассказывая анекдот, по тематике связанный с властью, советские люди смело критиковали последнюю, разоблачали пороки, изъяны, просчеты, обходились с властью на равных, утрачивая благоговение и страх:

Едет Брежнев на черной машине с N 00-01. Вдруг его машину обгоняет такая же с N 00-00.

— Догнать нахала! — командует Брежнев.

Догоняют. Выходит прилично одетый мужчина.

— Ты кто такой? — спрашивает Леонид Ильич.

— Директор мясокомбината.

— А знаешь, кто я?

— Не знаю. Но, судя по номеру машины, тоже неплохо устроился.

Также для советского народного политического анекдота характерно явление, которое А. Д. Шмелев и Е. Я. Шмелева называют «языковой маской» [5], где образ политического деятеля представляется при помощи обобщения и типизации индивидуальных черт. Так, маской глупца обладают В. И. Ленин, Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущев, Б. Н. Ельцин. Глупость в советском политическом анекдоте показана через остроумную характеристику личных качеств, интеллектуальных способностей, а также через неумелые политические преобразования. И. В. Сталин наделен маской тирана: личность и деятельность Сталина вызывала страх среди народа.

Дал Хрущев указание выпустить почтовую марку со своим изображением. Через некоторое время он запрашивает Министерство связи, пользуются ли советские граждане этой маркой.

— Совсем не берут, — отвечают.

— А почему же?

— Говорят, что не приклеивается.

— Почему же не приклеивается?

— Видно, плюют не на ту сторону.

Сталин сообщил Берии, что у него пропала трубка. Назавтра Сталин сказал Берии, что трубка нашлась.

— А я уже арестовал 25 человек по этому делу, и все признались! — сказал Берия.

Таким образом, советские политические анекдоты создавали пародийные смеховые образы главных лиц государства, язвили по поводу внутренней и внешней политики, выстраивая альтернативный образ политики Советского государства.

Что касается жанра *современного политического анекдота,* то существует мнение,

что на современном этапе данная разновидность жанра переживает кризис. Так, А. Вознесенский видит причину непопулярности политических анекдотов в том, что анекдот перестал быть орудием политической борьбы [2]. Анекдоты постсоветского общества говорят в основном о том, что демократизация и переход к рыночным отношениям не принесли улучшения жизненного уровня народа, а хаос и неуверенность в завтрашнем дне продолжаются. Кроме того, полная перемена общества вызвала растерянность у многих граждан, которые во время советской власти привыкли к определенной стабильности и предсказуемости.

На красном митинге вещает оратор:

— Были коммунисты — была дешевая колбаса. Пришли демократы — пропала дешевая колбаса. Но вернутся коммунисты — опять будет дешевая колбаса!!!

Один слегка поддатый мужичок спрашивает соседа:

— Я че-то не понял. Они ее туда-сюда с собой носят, что ли?

Однако рано говорить о смерти политического анекдота. По сравнению с 1990-ми годами наблюдается оживление жанра, особенно в свете последних событий — митингов, выборов. Происходит очередная трансформация политического анекдота. Так, жанр современного политического анекдота в настоящее время осваивает медиапространства: появляется в Интернете, транслируется через телеканалы в различных юмористических программах, звучит в публичных и массовых коммуникациях. В настоящее время в эстрадном представлении анекдотов можно увидеть авторские пародийные монологи от лица политического деятеля, что является изменением репрезентации образа политика. При этом вот уже 12 лет как не меняется главный герой политических анекдотов — абсолютное лидерство принадлежит президенту Владимиру Владимировичу Путину. В основном почти все 2000-е годы анекдоты про Путина носили прославляющий характер. Однако начиная с 2010 года отношение к В. В. Путину в стране начинает меняться, причем достаточно явно, что находит отражение в тоне и направленности анекдотов, особенно острой является тема несменяемости власти.

А у вас есть пропуск на инаугурацию Путина? — Да у меня абонемент.

Однако, несмотря на лидерство Путина в политических анекдотах, встречаются также тексты о Ленине, Сталине, Хрущеве. Данные тексты политических анекдотов отличаются от текстов советского народного политического анекдота тем, что в них характерные черты одного героя могут быть приписаны и другому герою, что показывает обращение к прошлому данных текстов. Так, анекдоты про Б. Ельцина в период его второго срока очень часто переделывались из историй про Брежнева. А сюжеты путинских анекдотов появляются из сталинских и андроповских.

...Воскресший Сталин пришел на заседание ЦК.

— Товарищи, предлагаю принять постановление: расстрелять Хрущева и покрасить Кремль в зеленый цвет.

— Но почему в зеленый?

— Я так и знал, что по первому пункту возражений не будет.

Аналогичный анекдот про В. Путина:

Спит Владимир Владимирович, и снится ему Иосиф Виссарионович. Спрашивает Путина Сталин:

— Могу я тебе как-нибудь помочь, а?

— Почему у нас все плохо, экономика разваливается и т. п.? Что мне делать?

Сталин, не задумываясь, отвечает:

— Расстрелять все правительство и покрасить стены Кремля в голубой цвет.

— Но почему именно в голубой?

— Я так и предполагал, что дискуссия будет только по второму вопросу!

Таким образом, жанровая специфика политического анекдота позволяет рассматривать его не только как языковое, но и как социолингвистическое явление, обладающее эстетическими, лингвистическими и психологическими характеристиками. Социокультурная специфика политических анекдотов происходит из своеобразных условий существования, распространения и эволюционирования данной разновидности анекдотического жанра.

В интеллигентских анекдотах, посвящённых главам государства, каждый вождь получает свою оценку, характерную ему, т. е. происходит обличение представителя власти.

В советских политических анекдотах выражено то, о чём официальное советское информирование предпочитало молчать, — в них зафиксированы строгий контроль органов власти над гражданами, система доноса, произвольные аресты, двойственность, парадок-

сальность и неравенство советской жизни. Советский политический анекдот обладает следующими характеристиками: наличие комического эффекта, а также критика и высмеивание. Также советский политический анекдот имеет культурно-историческую специфику: устность, спонтанность появления и свободу распространения, локализацию в пространстве повседневности, четко выраженный протест против власти и официальной сферы культуры советского общества, повышенную злободневность. В анекдотах, связанных с постсоветским обществом, выделяются такие явления, как инфляция, нестабильность.

Что касается современного российского политического анекдота, то наблюдается оживление и трансформация данного жанра по сравнению с кризисом данного жанра 1990 года. Это еще раз убеждает нас в том, что политические анекдоты являются живой частью нашей истории.

1. *Борев, Ю.* История государства советского в преданиях и анекдотах / Ю. Борев. М., 1995.
2. *Вознесенский, А. В.* О современном анекдотопечатании / А. В. Вознесенский // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 393—399.
3. *Курганов, Е.* Похвальное слово анекдоту / Е. Курганов. СПб. : Изд-во журн. «Звезда», 2001.
4. Примечательные истории и анекдоты о российских государях. М., 1994.
5. *Шмелева, Е. Я.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. М. : Языки славянской культуры, 2002.

Е. А. Миронова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ УЛЬЯНОВСКОГО РЕГИОНА

В статье рассматривается языковой союз и языковая ситуация Ульяновского региона.

Ключевые слова: языковой союз, языковая ситуация, языковые контакты, языковая семья.

E. A. Mironova

LINGUISTIC BACKGROUND OF ULYANOVSK REGION

The article dwells upon the problem of the language union and linguistic situation in Ulyanovsk region.

Key words: language union, linguistic situation, language contacts, language family.

Культурная политика всегда была и будет важнейшей составляющей жизни всего российского общества, многонационального по своему составу. Проблемы межнациональных отношений постоянно обсуждаются на федеральном и региональном уровнях. Ульяновский регион исторически сложился как место совместного проживания различных народов, говорящих на своих национальных языках. Таким образом, мультикультурность и плюрилингвизм — основное историческое наследие Симбирского / Ульяновского края. Однако при рассмотрении межнациональных вопросов в приоритете — обсуждение межкультурных отношений, а лингвистические проблемы остаются без должного внимания.

Лингвистическая ситуация — содержательный базис жизни языка в социуме. Суть ее — в проявлении языкового функционирования. Функционирование языка в социуме не только ситуационно определено, но и ситуационно оформлено. Разнообразие частных ситуаций, в которые вовлекаются компоненты состояния языка в социуме, создают всю полноту бытия данного языка. Типы ситуаций исторически меняются. Для донационального периода характерна ситуация, участниками которой являются территориальные диалекты; для национального периода — отношения между диалектами, с одной стороны, и диалектами и единым литературным языком — с другой. Между этими основными типами ситуаций располагаются менее типичные, характеризующиеся комбинацией языков, вариантов, диалектов и иносистемных языков в одном лингвосоциуме. Отдельная языковая ситуация — это лингвогеографическое (ареальное) единство языков и подъязыков, которые действительно соседствуют в границах социума, соприкасаются и взаимодействуют между собой. Больше всего в мире ситуаций, в которых соседствуют два языка, а Ульяновская область уникальна своей многонациональностью, сложившейся исторически.

Языковая ситуация — это совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований [5, с. 266].

По воле исторических судеб Поволжье стало общим домом для некоторых тюркских и финно-угорских народов. В течение последнего тысячелетия эти народы развивались в схожих социально-политических и хозяйственно-экономических условиях, что привело к интеграции и в области этнокультурных связей, и в области языка. Длительное взаимодействие и многовековое соседство тюркских (башкирского, татарского и чувашского) и финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовского) народов Урало-Поволжья сформировали волго-камский языковой союз как результат этнических и языковых контактов и как результат взаимоотношений и соприкосновений различных материальных и духовных культур. Отдельные фундаментальные проблемы формирования волго-камского языкового союза и частные

вопросы взаимовлияния и взаимодействия языков в Волго-Камско-Уральском этнолингвистическом регионе невозможно решать в отрыве от исследования проблем участия в данном этнолингвистическом процессе славянского (русского) компонента.

Общим результатом языковых контактов в Волго-Камье является образование волго-камского языкового союза (ВКЯС). Идея существования ВКЯС была выдвинута и развита Б. А. Серебренниковым, впоследствии накопленные научные факты позволили более решительно высказаться о существовании, особенностях и границах ВКЯС. Таким образом, ВКЯС как термин, служащий для обозначения языкового союза тюркских (башкирского, татарского, чувашского) и финно-угорских (марийского, мордовского, удмуртского) языков в Среднем Поволжье и Приуралье, стал общепринятым в лингвистической литературе [3, с. 14].

Языковой союз — особый тип ареально-исторической общности неродственных языков, характеризующийся определенным количеством сходных структурных и материальных признаков, приобретенных в результате длительного интенсивного контактного и конвергентного развития в пределах единого географического пространства [5, с. 277].

Национальный состав населения Ульяновского региона и исторические традиции бытования языков на территории Симбирского края позволяют, на наш взгляд, рассмотреть языковую ситуацию в регионе как важный компонент ВКЯС. Языковой союз Ульяновского региона можно определить как ареальную общность многих языков, которая сложилась в давнем прошлом и продолжает функционировать сегодня на основе длительных и интенсивных контактов этих языков на основе разнопрестижного многоязычия и конвергентного развития.

Известный симбирянин Н. М. Карамзин во «Введении» своего знаменитого труда «История государства Российского» пишет: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [6, с. 237]. Поэтому для понимания современной языковой ситуации региона необходимо проследить, хотя бы в общих чертах, историю заселения региона различными этносами, с которыми происходило и лингвистическое освоение края:

- *эпоха палеолита* — первые следы жизни людей на территории Симбирского Поволжья;
- *эпоха мезолита* — поселяются ***финно-угорские племена***, потомки которых в лице мордовского населения и сегодня составляют одну из многочисленных групп коренного населения Поволжья;
- *II тыс. до н. э. и до середины I тыс. н. э.* — в Среднем и Нижнем Поволжье появились ***ираноязычные племена***;
- *начало I тыс. н. э.* — ***славянские племена***, образовавшие именьковскую культуру, приходят на Среднюю Волгу;
- *середина VIII века* — появляются ***тюркоязычные кочевые племена булгар***, основавшие здесь государство Волжской Булгарии;
- *середина XIII века* — территория Среднего Поволжья оказывается под властью ***монголов***;
- после присоединения к Московской Руси Казанского и Астраханского царств разворачивается и активная колонизация Среднего Поволжья;
- после строительства Симбирской черты (*1648—1654 гг.*) — территория начинает приобретать признаки оседлой жизни [1, с. 13—15].

Вот как пишет об этом периоде И. Пушкарев в своей книге «Историческо-географическое описание городов Симбирской губернии»: ‹…Так точно и первобытное состояние Симбирска совершенно неизвестно. Предание говорит, что Черемисы и Мордва, обитавшие на луговой стороне, ежегодно осенью перебирались на западный берег Волги, для рыбной ловли…› ‹…добытую рыбу отправляли зимним путем по селениям, отдаленным от Волги…› ‹…окружные люди спешили подражать примеру рыбаков, и число переселенцев значительно увеличилось, так, что в 1642 году, боярин и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово, посетив эту сторону, нашел тут довольно многолюдное и богатое селение…› ‹…Число переселенцев в новый городок, в первые пятьдесят лет от основания, было весьма незначительно…› ‹…Резкими, привлекательными чертами лица, высоким стройным ростом, русыми волосами, приветливостью, радушием и деятельностью, коренные жители

Симбирска напоминают древних славян…› ‹…Наречие горожан общепринятое, разве только слова *базар, шабр, айда* и проч. отзываются еще Татарским владычеством. В глаголах действительных и средних, оканчивающихся настоящего времени в третьем лице на *есть*, с предыдущею гласною буквою, буква *е* обыкновенно скрадывается. — Однако ж в произношении слов вы не услышите ни тяжелого ударения Нижегородца на *о*, ни смешного и странного изменения Вятчанином буквы *а* в *я*…› [1, с. 225—230].

На характер и содержание, а в последующем — и на результаты языковых контактов в Волго-Камском регионе существенное влияние оказывали исторические условия взаимодействия этих языков. Можно допустить, что не всегда и не везде (на всей территории взаимодействия) эти контакты были такими и что языковая ситуация в разные периоды развития взаимоотношений этих народов была различной.

По данным последней Всероссийской переписи населения 2010 года, национальный состав Ульяновской области в процентном соотношении выглядит следующим образом [7].

Население Ульяновской области по национальности, в %:

- *русские* — **72,65**; *татары* — **12,21**; *чуваши* — **8,05**; *мордва* — **3,63**; *украинцы* — **1,13**;
- *азербайджанцы* — **0,36**; *армяне* — **0,34**;
- *белорусы* — **0,28**; *немцы* — **0,22**; *цыгане* — **0,16**;
- *узбеки, башкиры* — **0,09**; *таджики* — **0,08**; *молдаване* — **0,07**;
- *евреи, марийцы* — **0,06**;
- *грузины, казахи, удмурты, чеченцы* — **0,04**;
- *лезгины, осетины, поляки* — **0,03**;
- *аварцы, вьетнамцы, греки, коми, корейцы, латыши, туркмены, эстонцы* — **0,02**;
- *болгары, даргинцы, езиды, ингуши, киргизы, лакцы, литовцы, табасараны, турки* — **0,01**.

Сопоставив этносы с национальными языками, можно представить языковую палитру нашего региона. Национальные языки, которыми пользуются в различных ситуациях общения представители этносов, проживающих на территории Ульяновской области, относятся к следующим языковым семьям: *индоевропейская* (14 языков / 1 диалект), *алтайская* (9 языков), *северокавказская* (7 языков), *уральская* (6 языков), *австроазиатская* (1 язык), *картвельская* (1 язык), *афразийская* (1 язык) и *изолированный язык* — корейский [4].

Индоевропейская семья

ГРУППЫ

СЛАВЯНСКАЯ: русские (*русский язык*), украинцы (*украинский язык*), белорусы (*белорусский язык*), поляки (*польский язык*), болгары (*болгарский язык*).

ИРАНСКАЯ: таджики (*таджикский язык*), осетины (*осетинский язык*), езиды (*диалект курдского языка*).

БАЛТИЙСКАЯ: латыши (*латышский язык*), литовцы (*литовский язык*).

ИНДОАРИЙСКАЯ: цыгане (*цыганский язык*).

ГЕРМАНСКАЯ: немцы (*немецкий язык*).

РОМАНСКАЯ: молдаване (*молдавский язык*).

ОТДЕЛЬНЫЕ: армяне (*армянский язык*) / греки (*новогреческий язык*).

Алтайская семья

ГРУППА

ТЮРКСКАЯ: татары (*татарский язык*), чуваши (*чувашский язык*), азербайджанцы (*азербайджанский язык*), узбеки (*узбекский язык*), башкиры (*башкирский язык*), казахи (*казахский язык*), туркмены (*туркменский язык*), киргизы (*киргизский язык*), турки (*турецкий язык*).

Северокавказская семья

ГРУППА

НАХСКО-ДАГЕСТАНСКАЯ: чеченцы (*чеченский язык*), лезгины (*лезгинский язык*), аварцы (*аварский язык*), даргинцы (*даргинский язык*), ингуши (*ингушский язык*), лакцы (*лакский язык*), табасараны (*табасаранский язык*).

Уральская семья

ГРУППА

ФИННО-УГОРСКАЯ: мордва (*мокшанский и эрзянский языки*), марийцы (*марийский язык*), удмурты (*удмуртский язык*), коми (*коми-зырянский язык*), эстонцы (*эстонский язык*).

Австроазиатская семья: вьетнамцы (*вьетнамский язык*).

Картвельская семья: грузины (*грузинский язык*).

АФРАЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ: евреи (*иврит / идиш*).

Изолированный язык: корейцы (*корейский язык*).

Среди семей только индоевропейская семья представлена семью группами, а языки всех остальных семей относятся к одной группе.

Современную языковую ситуацию Ульяновского региона характеризуют следующие моменты: 1) доминирование русского языка; 2) наличие местных автохтонных языков, чувашский и мордовский из которых входят в четыре доминирующих языка; 3) существование множества иных языков, ввозимых иммигрантами из разных регионов земного шара.

Языковая ситуация — явление многоаспектное и многопризнаковое, при этом типологически значимые признаки разнонаправлены и не иерархичны. Н. Б. Мечковская, выделяя типологические признаки языковой ситуации, отмечает при этом, что «едва ли возможна единая и при этом многопризнаковая классификация всего разнообразия языковых ситуаций в мире. Однако возможны типологические характеристики ситуаций на основе ряда значимых различительных признаков» [2, с. 181].

На наш взгляд, 1) основными компонентами и 2) основными типологическими признаками языковой ситуации Ульяновского региона являются:

1. Классификация языковой ситуации

1. *Экзоглоссная* (совокупность разных языков)
2. *Гетерогенная* (неродственные языки)
3. *Гетероморфная* (типологически различные языки)
4. *Неравновесная* (языки, не равные по уровню функциональной и демографической мощности)
5. *Несбалансированная* (языки имеют различную функциональную нагрузку в пределах данной социально-коммуникативной системы)

2. Типологический признак и его социолингвистический смысл

1. Степень языкового разнообразия — *многокомпонентная*
2. Степень этноязыкового разнообразия — *многокомпонентная*
3. Демографический вес языков — *неравновесный*
4. Коммуникативная мощность языков — *коммуникативно несбалансированная*
5. Юридический статус языков — *различный статус*
6. Степень генетической близости языков — *неродственная*
7. Оценки социумом престижа сосуществующих языков: *диглоссия*

В современных условиях глобализации для поиска широких возможностей развития, условий приспособления на различных территориях мира факты развития каждого отдельного языка на территории Ульяновского региона следует интерпретировать: 1) как результат автономной эволюции унаследованной субстанции; 2) как результат развития целостной структуры, в которой эти факты реализуются; 3) в связи с процессами, обусловленными вхождением данного языка в языковой союз. С точки зрения языкового союза приобретенные элементы субстанции (если они не малочисленны) обычно способствуют более полной характеристике общих черт языков, образующих языковой союз. Одним из существенных признаков, который следует учитывать при описании вариантно-языковой ситуации, является социальный статус данной разновидности языка в обществе.

Диахроническое и синхроническое изучение межъязыковых контактов Ульяновского региона может помочь в разработке проблем языкового взаимодействия; выявить особенности лингвистических контактов народов Урало-Поволжья в контексте ВКЯС; определить типы языковых контактов; глубже и надежнее раскрыть этнические и языковые процессы, происходившие в Волго-Камско-Уральском этнолингвистическом регионе и сыгравшие важную роль в истории формирования тюркских, финно-угорских и славянских народов Урало-Поволжья в контексте судеб народов Урала и Евразии.

1. *Гуркин, В. А.* На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья / В. А. Гуркин. М., 2005. 248 с. : ил.
2. *Мечковская, Н. Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. Минск : Амалфея, 2000. 368 с.
3. *Насипов, И. С.* Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия : автореф. дис. … д-ра филол. наук / И. С. Насипов. Казань, 2010. 44 с.
4. Народы мира : историко-этнографический справ. М. : Сов. энцикл., 1988. 624 с.
5. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.
6. *Эйдельман, Н. Я.* Последний летописец / Н. Я. Эйдельман. М. : Вагриус, 2004. 254 с.

7. Национальный состав населения Ульяновской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Режим доступа: http://uln.gks.ru/perepis2010/perepis_itogi.

Т. В. Морозкина

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕФЛЕКСИВНОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В данной статье с позиции когнитивного подхода к изучению языковых явлений рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия культуры и языка в ситуации межкультурного общения, определяются возможные варианты инкультурации субъектов речи и коммуникативные параметры субъекта речи, необходимые для успешной инокультурной адаптации.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, вербальный способ передачи рефлексии реципиента, активизация знаний коммуниканта, взаимодействие языка и культуры, адаптация к иноязычной среде.

T. V. Morozkina

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF REFLEXIVE DISCOURSE IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL INTERACTION

The article considers current issues of culture and language interaction in the context of intercultural communication from the point of view of cognitive approach to linguistic phenomena study, reveals possible ways of enculturation and communicative parameters of the speaker leading to successful adaptation to other culture.

Key words: intercultural interaction, verbal way of transmitting recipient's reflection, activation of communicant's knowledge, adaptation to foreign language environment.

Когнитивный подход к исследованию языковых явлений и изучению дискурса, имеющий статус универсального в современной лингвистике в силу широты горизонтов исследования, позволяет проводить интересные наблюдения с активным использованием знаний перекрестных дисциплин: философии, психологии, нейрофизиологии и др., тем самым глубже раскрывая проблемы взаимодействия мышления и речи. Как свидетельствуют научные разработки последних десятилетий, с позиции когнитивного подхода разрешены вопросы изучения процесса понимания (Г. И. Богин, 1982; В. З. Демьянков, 1994), вопросы взаимоотношения сознания и коммуникативного взаимодействия (Н. Д. Арутюнова, 1990; Е. С. Кубрякова, 1997; В. В. Петров, 1988; О. Л. Каменская, 1990; В. Я. Шабес, 1989; О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина, 1997; И. А. Стернин, 2003), а также проведены когнитивные исследования дискурса (А. Е. Кибрик, 1994; В. В. Красных, 1998; В. Г. Борботько, 1998; К. Я. Сигал, 2000). Посредством привлечения научных сведений с позиции когнитивного подхода рассматриваются наиболее интересные вопросы межкультурной коммуникации в научных разработках С. Г. Тер-Минасовой, О. Л. Леонтович и др.

Обозначенная Деллом Х. Хаймсом проблема соотношения языка и культуры, положившая начало развитию в будущем межкультурной коммуникации, разрешалась также с привлечением знаний когнитивной лингвистики в научных разработках зарубежных и отечественных исследователей. Предопределяя необходимость качественно нового подхода к решению данной проблемы, Делл Х. Хаймс отмечал, что неверно соотносить язык, описываемый в основном как изолированный формальный объект, и культуру, описываемую почти без всякой связи с речью. В таком случае лингвистика представлялась Деллу Х. Хаймсу каналом, по которому в антропологию проникает качественная математика (Хаймс, 1975:87).

По прошествии нескольких десятилетий с момента изучения аспекта этнографии речи Делла Х. Хаймса оформились такие научные

направления в разделе этнолингвистики, ориентированные на изучение вопросов взаимодействия и взаимообусловленности культуры и языка, как этногерменевтика, этнориторика, лингвострановедение. В отечественной лингвистике многие исследователи рассматривают актуальные вопросы межкультурной коммуникации и коммуникативного взаимодействия сквозь призму когнитивных исследований. Примером вышесказанного может послужить изучение механизмов межкультурной коммуникации и способов кодирования информации в исследовании О. А. Леонтович (Леонтович, 2007). С другой стороны, согласно научным представлениям К. А. Филиппова, изучение когнитивных аспектов текста в начале нового тысячелетия позволяет перейти от констатации о роли факта общего фонда знаний в общении людей к систематическому описанию различных когнитивных систем индивида, обеспечивающих правильную коммуникацию (Филиппов, 2007:293).

При объяснении многих языковых явлений в дискурсивной практике А. Е. Кибрик указывал на то, что функциональный подход к языку недостаточен, так как его рамки ограничивают глубинное исследование природы человеческого сознания, неизбежен выход в «экстралингвистические» сферы и поиск когнитивных, культурных, социальных объяснений. При этом необходимо учесть, что культурные и социальные факторы влияют на дискурс через посредство когнитивной системы говорящего (Кибрик, 1994:128).

В настоящее время развитие международных контактов в условиях интеграции современного общества является причиной повышенного интереса к актуальным вопросам межкультурного взаимодействия, а именно: осознание собственного коммуникативного «Я» в координатах измерения иноязычной сферы; интерпретация как способ вербальной передачи рефлексии в процессе ассимиляции к иноязычной культуре; активизация знаний и речевого опыта в ситуации межкультурного взаимодействия, факторы успешной адаптации в иноязычной среде. Нет сомнения в том, что обозначенный круг вопросов напрямую связан с когнитивными исследованиями, поскольку в фокус исследования помещена коммуникативная фигура субъекта речи как носителя когниции. По справедливому замечанию Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой, процесс аккультурации когнитивно загружает человека, активизируя все механизмы обработки сведений о мире; при этом прежде всего максимально задействованными оказываются мыслительные операции по анализу и сопоставлению поступающей извне информации (Гришаева, Цурикова, 2005:365).

Как показывают наши наблюдения, оказываясь в иноязычной среде, коммуникант в ситуации межкультурного взаимодействия опирается на следующие виды знаний, составляющих когнитивную базу:

— **языковые** (знание фонетических норм, лексического запаса, грамматического строя языка и синтаксического оформления);

— **фоновые** (знания об условиях ситуации речевого общения, о речевом партнере, о вероятностном ходе ситуации коммуникативного взаимодействия);

— **ассоциативные** (в данном случае знания-помощники, накопленные знания, прошлые сведения в форме клеше, закрепленные в памяти субъекта речи и активизирующиеся в данной коммуникативной ситуации);

— **процедуральные** (знания-генераторы, или знания оперирования знаниями: когнитивные процедуры восприятия речи и обработки информации, формирование умозаключений, интерпретации своего понимания или непонимания).

Активизируя вышеперечисленные блоки знаний, образующих фрейм ситуации межкультурного взаимодействия, субъект речи адаптируется к лингвокультурологическим условиям. По мере дальнейшего наблюдения, построенного на основе метода логической интерпретации и когнитивно-дискурсивного анализа письменных сообщений коммуникантов в форме внутреннего диалога, монолога о собственных межкультурных контактах, удалось определить типы инкультурации, а также выявить причины успешной и неуспешной ассимиляции коммуниканта в иноязычной среде. Следует отметить, что в данном случае наблюдение основывается на речевом материале коммуникантов, профессионально владеющих иностранным языком и знающих культурные обычаи и традиции стран изучаемого языка.

Адаптация в иноязычной среде — достаточно сложный психологический процесс, отражающий внутренние переживания субъекта речи в форме внутреннего диалога или моно-

лога. Выраженные во внутренней коммуникации переживания представляют собой информативный материал для изучения данной проблематики, поскольку передают рефлексию субъекта речи в «чистом» виде.

Обратимся к конкретным речевым высказываниям участников межкультурного взаимодействия с целью наблюдения процесса инкультурации. Прежде всего, необходимо отметить, что внедрение в среду иноязычной культуры отражается на психоэмоциональном фоне коммуниканта. Это событие по своей сути способствует возникновению стрессовой ситуации, что автоматически запускает механизм рефлексии и выводит реципиента в режим автокоммуникации. Проиллюстрируем данное положение следующим фрагментом рефлексивного дискурса:

"**Ich musste feststellen**, dass ich diesen Schritt nicht erfolgreich bewältigt hatte. Ich erntete wütende Blicke, gar Flüche. Ich habe nicht **durchschaut**, was ich falsch machte. Ich kann nur **vermuten,** dass ich das Mass überschritt… **Nach dem aufmerksamen Beobachten, Mitmachen und Reflektieren** gilt es abzuwägen, was ich beibehalten und was ich ablegen will…" (J. Siebert).

В анализируемом фрагменте открывается внутренняя коммуникация субъекта речи, по мере развития которой «Я» рефлектирующее интерпретирует коммуникативные действия «Я» реального.

В ходе исследования и наблюдения сюжетов межкультурных контактов субъекта речи были определены следующие типы инкультурации в ситуации межкультурного взаимодействия:

1) Успешная инкультурация вследствие состоявшейся адаптации

"Fragte man mich in Deutschland oder Kanada: bist du Deutscher oder Kanadier?, so antwortete ich: Deutschkanadier. **Meine Identität hatte sich also durch die Interaktion in meinem neuen Wirkungsfeld insofern geändert**, als ich die Welt nicht mehr mit binnendeutschen, sondern mit auslandsdeutschen Augen ansah" (H. Fröschle).

В данном случае мы констатируем завершенную рефлексию реципиента, отражающую на завершающем этапе состоявшуюся инкультурацию: "Allmählich wurde das alltägliche Leben, vor allem dank der Beiträge **ideenfreudiger, initiativreicher Europäier, leichter und vertrauter: die Ess-und Trinksitten verbesserten sich, das Kulturleben wurde reicher**…" (H. Fröschle).

Как показывают результаты проведенного наблюдения, успешная инкультурация наиболее вероятна при условии, что субъект речи обладает следующими когнитивно-коммуникативными параметрами:

— межкультурная компетенция;
— развитый речевой опыт;
— коммуникативная гибкость;
— межкультурная толерантность;
— когнитивная мобильность;

2) Инкультурация, основанная на контрасте «свое» — «чужое»

"Manche herkömmlichen Klischees über Deutschland kann ich **aus der fremden Perspektive beipflichten**. Dann ist Deutschland für mich schnell (die Strassenbahn "fliegt"), geordnet (es existieren Fahrpläne, die eingehalten werden), geregelt… So ist mir, **denk** ich an Deutschland" (K. Rothammel).

"In meinem russischen Alltag **entdecke ich mein eigenes Deutsch-Sein**" (J. Siebert).

Рефлексивные маркеры, выраженные в форме ментальных предикатов **(denken, entdecken, beipflichten)**, являются достоверным доказательством того, что процесс инкультурации протекает при сложном лингвокультурологическом сопоставлении «своего» — «чужого». Можно предположить, что этот межкультурный контраст обусловлен так называемым этнолингвистическим столкновением блока фоновых и языковых знаний собственной лингвокультурологической системы и иноязычной.

Положительным моментом рассматриваемого межкультурного рассогласования можно считать более глубокое осознание собственной идентичности "**…entdecke ich mein eigenes Deutsch-Sein**". По справедливому замечанию академика Д. С. Лихачева, «каждая из культур прошлого или иной страны становится для интеллигентного человека «своей культурой», своей глубоко личной и своей в национальном аспекте, ибо познание своего сопряжено с познанием чужого» (Лихачев, 1989:231);

3) Несостоявшаяся инкультурация

"Doch nach zwei Monaten **fühlte ich mich** plötzlich fremd. **Ich merkte**: Ich war anders als alle anderen und würde es nie schaffen. Es war wie eine Schwelle, über die ich in einen anderen

Raum getreten war, von dem aus alles anders aussah… Jedenfalls **spürte ich jetzt** die Überforderung durch all das Neue und **erkannte,** wie wenig ich von dem **verstand**, was um mich herum geschah und gesprochen wurde. Irgendwann **wurde mir bewusst**: Ich hatte Heimweh" (Супрун, 2008:232).

Подобный тип инкультурации, как правило, не способствует рефлексивому сбросу, т. е. выходу из рефлексивного состояния. В данном случае нереализованная рефлексия переходит в посткоммуникативную рефлексию и завершается логическим выводом «Я» рефлексивного: "Irgendwann **wurde mir bewusst**: Ich hatte Heimweh".

Согласно нашим наблюдениям, крайней формой несостоявшейся инкультурации является так называемый культурный шок, определенный американским антропологом Карлом Обергом. Культурный шок возникает вследствие болезненного процесса адаптации к новой культурной и языковой среде. Согласно исследованиям профессиональной межкультурной коммуникации Н. В. Барышникова, главной причиной культурного шока является различие культур. В трактовке Н. В. Барышникова, находясь в условиях новой культуры, привычная система ориентации оказывается неадекватной, поскольку она основывается совсем на других представлениях о мире, иных формах и ценностях, стереотипах поведения и восприятия. В процессе рефлектирования мы осознаем наличие скрытой системы, контролирующей наше поведение, норму и ценности лишь тогда, когда попадаем в иную культуру, основным средством познания которой является интерпретация увиденного, услышанного (Барышников, 2010:127).

Вновь обратимся к речевому материалу и приведем примеры, которые в полной мере отражают состояние культурного шока реципиента:

"Obwohl ich passabel Englisch und Französisch sprach und vage Vorstellungen von der kanadischer Geographie und Geschichte hatte, **erlebte ich meine erste Zeit in Kanada als Kulturschock**" (H. Fröschle).

"Es hat lange gedauert, bis ich erfuhr, dass es ein Kulturschock war" (Супрун, 2008:231).

В рассматриваемых рефлективных актах в обоих случаях в сознании рефлектирующих субъектов прокручивается сценарий межкультурного взаимодействия в прошлом, но оно актуально для коммуниканта в настоящем, поскольку отражает неудачный опыт и, как следствие — прогрессирующую рефлексию. Согласно теории внутреннего диалога М. М. Бахтина, в подобной ситуации речевой партнер может подразумеваться, способствовать дальнейшему развитию рефлексии (Бахтин, 1986:477). Рефлектирующий субъект как бы апеллирует к сознанию воображаемого собеседника. К вербализации рефлексии во внутренней коммуникации без выражения во внешней коммуникации субъект речи прибегает для того, чтобы выговориться, пережить заново события, сделать определенные выводы.

Результаты проведенных наблюдений позволяют сделать выводы о том, что именно в рефлективных актах в режиме автокоммуникации между Я и суб-Я субъект речи «переживает» процесс адаптации к новой лингвокультурологической среде. При этом он осознает свою идентичность, выявляет языковые и культурные различия, выбирает определенную речевую стратегию с целью успешного межкультурного взаимодействия. В этом заключается межкультурный аспект рефлексивного дискурса.

1. *Барышников, Н. В.* Профессиональная межкультурная коммуникация : моногр. / Н. В. Барышников. Пятигорск : ПГЛУ, 2010. 264 с.
2. *Бахтин, М. М.* Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. М. : Худож. лит., 1986. 531 с.
3. *Гришаева, Л. И.* Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2005. 391 с.
4. *Кибрик, А. Е.* Когнитивные исследования по дискурсу / А. Е. Кибрик // Вопр. языкознания. 1994. № 5. С. 126—139.
5. *Леонтович, О. А.* Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие / О. А. Леонтович. М. : Гнозис, 2007. 368 с.
6. *Супрун, Н. И.* Немецкий язык : пособие по межкультурной коммуникации / Н. И. Супрун, В. Шмальтц. М. : Высш. шк., 2008. 253 с.
7. *Филиппов, К. А.* Лингвистика текста : курс лекций / К. А. Филиппов. 2-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. 331 с.
8. *Хаймс, Х. Делл.* Этнография речи / Х. Хаймс Делл // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М. : Изд-во «Прогресс», 1975.

№ 3(9) 2012 СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ИНФОРМАЦИЯ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ, ЮБИЛЕИ

Поздравляем!

УЛЬЯНОВСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА — 80 ЛЕТ

ULYANOVSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY NAMED AFTER I. N. ULYANOV IS 80 YEARS OLD

1 октября 1932 года начались занятия в Ульяновском педагогическом институте. Появление вуза было определено историей развития страны. В это время развернулась невиданная по масштабам индустриализация. Завершалась не менее масштабная программа ликвидации безграмотности. Созданная система начального и среднего образования требовала массового притока квалифицированных учителей, опытных воспитателей молодёжи. В числе других вузов, призванных решать эту государственную задачу, был создан и Ульяновский педагогический институт. Первоначально набор студентов производился всего на три отделения: историко-экономическое, химико-биологическое и физико-техническое. Пройдет не так много времени, и вуз обретёт славу настоящей кузницы учительских кадров по главным направлениям школьного образования.

Университет развивался на благодатной почве лучших традиций российской педагогической науки и практики. Опираясь на достижения педагогической теории, на лучшие образцы народного просветительского творчества, вуз всегда стремился пестовать такого учителя, который бы органично сочетал задачи качественного образования и достойного воспитания.

За 80 лет вузом подготовлено свыше 60 тысяч выпускников. Большинство из них связали свою жизнь и судьбу со школой, другими образовательными и просветительскими учреждениями. Среди выпускников — четыре народных учителя: Ю. И. Латышев, П. П. Головин, Герой Советского Союза Н. Н. Вербин, Герой Социалистического труда Н. Н. Кузьмина. Более 400 наших воспитанников удостоены звания «Заслуженный учитель Российской Федерации», многие отмечены другими правительственными и государственными наградами. Два года подряд (2005 и 2006 гг.) выпускники вуза — Е. В. Уба и И. В. Ломакина — становились победителями Всероссийского конкурса «Учитель года».

Высокий уровень выпускников университета обеспечивает профессорско-преподавательский состав, насчитывающий 59 докторов наук, профессоров и свыше 250 кандидатов наук, доцентов. Гордостью университета и всей педагогической науки являются профессора А. В. Штраус, В. В. Благовещенский, Н. Н. Благовещенская, Н. В. Алексеева, Е. И. Никитина, М. П. Чередникова, Л. Л. Каталымов, Н. Г. Левинтов, А. М. Сохор, В. Ф. Барашков, Л. П. Шабалина, З. А. Ефремова. Большую роль в поддержании высокой творческой научной атмосферы вуза сыграл выдающийся биолог и философ Александр Любищев, который в 1950-е годы возглавлял в Ульяновском педагогическом институте кафедру зоологии.

В июне 1994 года Ульяновский педагогический институт получил статус университета. Открылась новая славная страница его истории. Анализируя путь, пройденный высшим педагогическим заведением за 80 лет, можно с уверенностью утверждать: со дня основания и до сегодняшнего дня Ульяновский государственный педагогический университет развивался по восходящей линии, вбирая в себя всё лучшее из отечественной практики высшего образования и в то же время внося свою лепту в педагогическую науку. УлГПУ, своевременно откликаясь на изменяющиеся требования подготовки педагогических кадров, всегда стремился к высоким образовательным стандартам. Он по праву носит статус старейшего педагогического вуза Поволжья, сочетающего традиции классического высшего образования с инновационной составляющей современного обучения.

Е. Ф. Сенчева,
директор Центра по связям с общественностью Ульяновского государственного педагогического университета

НОВОСТИ АРХИВОВ

В. В. Романов, Г. В. Романова, А. В. Романова

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИЮ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ КОНТРРАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Публикация содержит архивные документальные источники — ведомственные нормативные акты Генерального штаба, Министерства юстиции, Департамента полиции МВД, Отдельного корпуса жандармов, регламентирующие организацию и деятельность их подразделений в сфере противодействия иностранным разведкам на территории Российской империи начала XX века.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность, государственная измена, шпионаж, органы контрразведки, наблюдательный агент, Генеральный штаб, Министерство юстиции, Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов, Казанский военный округ, Государственный архив Ульяновской области.

V. V. Romanov, G. V. Romanova, A. V. Romanova

REGULATORY LEGAL ACTS CONTROLLING THE ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF SECURITY AGENCIES IN RUSSIAN EMPIRE (EARLY XX CENTURY)

The publication contains archival documents — departmental regulatory acts of the General Staff, Ministry of Justice, the Police Department of Ministry of Internal Affairs, Gendarme corps, which regulate the organization and activity of their departments in the sphere of countermeasures to foreign intelligence on the territory of Russian Empire in the beginning of the XX century.

Key words: national security, public security, public treason, espionage, counter-intelligence bodies, informer, General Staff, Ministry of Justice, Police Department, Independent Gendarme corps, Kazan military district, State archive of Ulyanovsk region.

Важной функцией любого по своей социальной сущности государства выступает обеспечение его безопасности, как исторически сложилось в первую очередь в военно-политической сфере. Данная функция зарождается одновременно со становлением государства и первоначально реализуется в функционировании ряда его институтов посредством разведывательных и контрразведывательных мероприятий. Со временем, благодаря процессу дифференциации общественных отношений и как следствие уточнения целей и задач функционирования государства, корректируется компетенция и состав элементов государственного механизма, появляются специализированные органы противодействия разведывательной деятельности иностранных государств на территории другой страны — контрразведывательные. В Российской империи начала XX века они закономерно зародились и существовали в рамках оборонного ведомства. Первым специальным органом контрразведки в России стало «Разведочное отделение Главного штаба», окончательно оформленное к июню 1903 года. Штат отделения состоял из 9 человек: 1 начальника отделения, 1 старшего наблюдательного агента, 6 агентов наружного наблюдения, 1 агента-посыльного. Начальником отделения был назначен ротмистр Лавров.

В период Русско-японской войны функции контрразведки были возложены на разведы-

вательные отделения армий, корпусов и отдельных отрядов, а в тылу русской армии и за границей эти функции выполнял Департамент полиции Министерства внутренних дел через свою заграничную агентуру.

После окончания Русско-японской войны специальные органы военной разведки и контрразведки были ликвидированы. Функции борьбы с иностранным шпионажем в основном снова перешли в ведение подразделений политической полиции.

В декабре 1908 года из представителей Генерального штаба и Департамента полиции была создана межведомственная комиссия по организации контрразведывательной службы в России.

Рост иностранного шпионажа против России заставил Министерство внутренних дел серьезно заняться этим вопросом. По распоряжению министра был проведен ряд совещаний по выработке мероприятий для борьбы с иностранным шпионажем и единого положения о контрразведке. 8 июня 1911 года военным министром Сухомлиновым были утверждены положение о контрразведывательных отделениях военных округов, их штаты и инструкция начальникам контрразведывательных отделений. Такие отделения были созданы в Петербургском, Московском, Виленском, Варшавском, Киевском, Одесском, Кавказском, Туркестанском, Иркутском и Приамурском военных округах. В Казанском и Омском военных округах контрразведывательные отделения созданы не были. Агентурно-оперативное обслуживание Казанского военного округа было возложено на Московское контрразведывательное отделение, а Омского военного округа — на Иркутское отделение.

Для общего руководства работой всех контрразведывательных отделений округов при отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба было создано особое делопроизводство. В оперативном же отношении начальники контрразведывательных отделений подчинялись непосредственно генерал-квартирмейстеру соответствующего военного округа.

В положении о контрразведывательных отделениях впервые были отчетливо сформулированы задачи русской контрразведки: «Контрразведывательные отделения учреждаются для борьбы с военным шпионством и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам обороны Империи».

С началом Первой мировой войны было значительно реорганизовано и укреплено контрразведывательное отделение Главного управления Генерального штаба, которое по отношению к местным органам контрразведки являлось высшим регистрационным и отчетным учреждением. В начале войны контрразведывательные отделения не имели однообразных и четких положений и инструкций, определяющих их задачи и цели по борьбе с иностранным шпионажем. Только 6 июня 1915 года Верховным главнокомандующим было утверждено «Наставление по контрразведке в военное время». Наставление четко определяло цели и задачи контрразведывательных органов империи, пути и методы достижения этих целей: «Общая цель контрразведки заключается в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации в кратчайший срок как в районе, занятом нашими войсками и в их ближайшем тылу, так и вообще на всей территории государства всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших вооруженных силах и вообще всякого рода сведения военного характера, дабы воспрепятствовать этим организациям и агентам действовать нам во вред».

Таким образом, организация и функционирование контрразведывательных органов в Российской империи, как и аналогичных специальных служб других государств, в сфере защиты национальной безопасности требовали нормативно-правового регулирования, которое, однако, не стесняло их деятельность и имело правовой режим секретности.

Одновременно органам отечественной контрразведки в начале XX века необходима была нормативно-правовая база, нормы которой были направлены на уголовно-правовую охрану национальной безопасности, которую в указанное время законодатель обозначал термином «государственная безопасность», а также на регламентацию особенностей уголовно-процессуальных отношений, связанных с оперативно-розыскной и следственной деятельностью по данным составам преступлений. Зарождение уголовно-правовой охраны национальной безопасности впервые в русском законодательстве нашло отражение в норме о «перевете» в «Псковской судной

грамоте». Дальнейшее развитие указанных составов содержит «Судебник 1497 г.» в статье о «крамоле». На усиление внимания законодателя к «государственной измене» указывает то, что данные составы преступлений нашли отражение в отдельной второй главе «Соборного Уложения 1649 г.». Принципиально новый уровень регламентации уголовно-правовой охраны «государственной безопасности» был изложен законодателем в третьем разделе «О преступлениях государственных» главы второй «О бунте против верховной власти и о государственной измене» отделения второго «О государственной измене и о преступлениях против народного права» в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В ст. 275—280 законодатель сформулировал ряд составов преступлений, направленных на защиту интересов Российской империи в сфере «национальной безопасности», в частности, ст. 275, 276 регламентируют состав преступления «государственная измена» в форме «шпионажа». Указанный уголовный кодекс сохранял свое действие в многочисленных редакциях XIX века до введения в действие Уголовного Уложения 1903 г. К концу XIX века состав преступления по Уложению 1845 г. (в ред. 1885 г.) о государственной измене путем шпионажа в России устарел в связи с развитием общественных отношений, двигателем чего выступали достижения научно-технического прогресса, получившие применение в деятельности разведывательных служб иностранных государств.

Все эти обстоятельства заставили в начале 1911 года Министерство юстиции и Военное министерство приступить к пересмотру действующего законодательства о государственной измене путем шпионства. Для разработки нового закона была создана особая комиссия. 6 июня 1912 года Государственная Дума одобрила проект закона, 25 июня закон получил одобрение Государственного совета, а 5 июля был утвержден Николаем II.

Законодатель в главе IV «О государственной измене» Уголовного Уложения 1903 г. уточнил признаки имеющихся составов преступлений, криминализировал новые деяния, направленные против государственной безопасности, в ст. 111^1, 111^2, 111^3, 112^1, 113^1, 118^1, 118^2. Это позволило законодателю подойти более дифференцированно к вопросу о санкциях по перечисленным составам преступлений. Пределы их колебались от высшей меры наказания и бессрочной каторги до заключения в исправительном доме на срок не свыше трех лет. В условиях подготовки европейских держав к войне законодатель сформулировал специальную норму в ст. 118^2, в диспозиции которой указал условия войны, что имело следствием ужесточение ответственности по ряду новых составов преступлений (п. 2 ст. 111^1, п. 2, 3 ст. 111^3 — бессрочной каторгой; ст. 111, п. 1 ст. 111^1, ст. 111^2, п. 1, 4 ст. 111^3, ст. 111^4, ст. 112^1, ст. 118, п. 1 ст. 118 — срочной (4—15 лет) каторгой; 112, 113, 113^1, п. 2 ст. 118 — заключением в исправительном доме). В частности, санкция ст. 111 в мирное время предусматривала заключение в исправительном доме (до 6 лет), а в условиях военного времени — бессрочную каторгу. Санкции по уже существовавшим составам преступлений в мирное время не изменились (так называемая ст. 112 — заключение в тюрьму от двух недель до одного года аналогично ст. 113, 119). Увеличивается количество составов преступлений, покушение на которые стало наказуемым (к ст. 115 добавляются ст. 111, 112). На основании ст. 118^1 участник противозаконного сообщества с целью государственной измены, донесший о существовании общества прежде его обнаружения, на основании ст. 53 освобождался от наказания или оно ему смягчалось.

Закон от 5 июля 1912 года «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» в значительной мере ликвидировал отсталость русского законодательства в области борьбы со шпионажем и дал серьезное оружие в руки контрразведывательных и судебных органов Российской империи.

Подготовленные к публикации документы (№ 1—16) представляют ведомственные нормативные акты. Четыре документа (№ 10, 14, 15, 16) были ранее опубликованы в сборнике Главного архивного управления МВД СССР, представляющем в настоящее время библиографическую редкость, практически недоступную исследователям. Основная часть документов была выявлена в фондах Государственного архива Ульяновской области: Симбирское губернское жандармское управление (Ф. 855), Канцелярия симбирского губернатора (Ф. 76), Председатель Симбирского окруж-

ного суда (Ф. 454) и впервые вводится в научный оборот. Источниковедческий анализ указанных архивных документов позволяет сделать бесспорный вывод об их подлинности. К сожалению, объем данной публикации не позволяет включить в нее весь выявленный нами круг источников, поэтому мы ограничились наиболее значимыми из них.

Данное исследование осуществлялось в рамках плана научно-исследовательской работы Государственного архива Ульяновской области и кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета по публикации архивных документов и посвящено 100-летию принятия закона от 5 июля 1912 г. «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» [1].

Документ № 1 [17]

Циркуляр Департамента полиции по Особому отделу начальникам губернских и областных, железнодорожных полицейских управлений и охранных отделений

№ 107398 *18 сентября 1911 г.*
Совершенно секретно
Циркулярно

Циркуляром от 25 декабря 1910 г. за № 119955 Департамент полиции, указывая на особое широкое развитие военно-шпионской деятельности в России и придавая активной борьбе с этим злом особо важное значение, обращал самое серьезное внимание всех офицеров Отдельного корпуса жандармов на необходимость усиления наблюдения за иностранными военными разведчиками и приобретения в этой области секретной агентуры в целях надлежащей разработки получаемых военно-окружными штабами данных, своевременного обнаружения лиц, занимающихся шпионством для иностранных государств, разоблачения условий и приемов их деятельности и, наконец, вообще пресечения военного шпионства; независимо сего означенным циркуляром, между прочим, предлагалось начальникам жандармских управлений и охранных отделений в этой области сведения сообщать военно-окружным штабам и районным охранным отделениям.

Между тем ныне, с учреждением при Главном управлении Генерального штаба и при окружных штабах специально для борьбы с военным шпионством особенных контрразведывательных отделений, с командированными офицерами Отдельного корпуса жандармов во главе — пресечение вредной деятельности иностранных шпионов в России и вообще вся организация контрразведки отходит всецело к названным отделениям.

Сообщая об изложенном Вам, Милостивый государь, для руководства на будущее время, Департамент полиции присовокупляет, что ныне все поступающие в Ваше распоряжение, касающиеся военного шпионства всякого рода сведения и данные должны быть Вами сообщаемы в собственные руки соответствующим окружным генерал-квартирмейстерам, которые и будут таковые уже от себя передавать начальникам вышеозначенных контрразведывательных отделений.

Директор *Зуев* [2]

Документ № 2 [18]

Циркуляр Департамента полиции губернаторам и градоначальникам

№ 11188 *29 марта 1911 г.*
Совершенно секретно

Блестящие успехи, достигнутые в недавнее время в области авиатики*, пробудили вновь интерес к оставленным было совсем полетам на неуправляемых шарах, между которыми происходят теперь нередко состязания на дальность и продолжительность полета, а также на высоту подъема.

Наряду с такими чисто спортивными полетами и под видом таковых иностранными аэроклубами и другими воздухоплавательными учреждениями, стали устраиваться за последнее время довольно часто полеты шаров в соседние государства в целях военных разведок для ознакомления с такими районами, куда доступ иностранцам воспрещен и изучение которых оказывается поэтому весьма затруднительным, а между тем в военном отношении представляет существенный для них интерес.

Вследствие сего и озабочиваясь пресечением возможности появления в пределах Империи иностранных воздухоплавателей, ставящих себе задачей достижение указанных целей, имею честь покорнейше просить Ваше

превосходительство принять за правило, что при спуске иностранного воздушного шара в пределах вверенной Вам местности последний подлежит тщательному осмотру, а от прибывших воздухоплавателей должны быть потребованы документы, удостоверяющие их личность, каковыми могут считаться достаточными удостоверения о принадлежности аэронавтов к воздухоплавательным учреждениям, обществам или кружкам, засвидетельствованных подлежащею местною заграничною властью. Вместе с тем подлежат тщательному рассмотрению и все прочие, могущие оказаться у воздухоплавателей документы, записки, планы, чертежи и фотографические снимки и одновременно должна быть выяснена, насколько это окажется возможным, истинная цель полета. Засим об опустившемся шаре, с обозначением места его спуска и с переименованием воздухоплавателей, а также найденных при них и в шаре документов, равно как с изложением полученных лично от воздухоплавателей и добытых исследованием сведений о цели их полета, Ваше превосходительство, имеете сообщать немедленно командующему войсками округа, от усмотрения которого будет зависеть, предоставить ли воздухоплавателям через посредство Вашего превосходительства свободный выезд за границу или же произвести дальнейшее расследование обстоятельств спуска шара путем командирования на место спуска особо назначенного офицера, до представления которым командующему войсками о результатах расследования и окончательного решения последним вопроса о дальнейшей судьбе воздухоплавателей таковые подлежат задержанию.

Подписал: за министра внутренних дел товарищ министра, шталмейстер генерал-лейтенант *П. Курлов* [3]

Скрепил: за Директора *С. Белецкий* [4]

Резолюция: «Копии препровождены помощникам в уездах при надписях 26 ноября сего года за № 224».

* Так в документе.

Документ № 3 [19]

Отношение подполковника Отдельного Корпуса жандармов Туркестанова начальнику Симбирского губернского жандармского управления С. П. Шабельскому

№ 26 *октября* 1911 г.*
Совершенно конфиденциально

Милостивый государь, Сергей Петрович! [5]

Согласно предписания Штаба Отдельного Корпуса жандармов от 12 июля с. г. за № 421 я назначен начальником контрразведывательного отделения Штаба Московского военного округа, причем район деятельности этого отделения распространяется и на Казанский военный округ.

Из циркуляра Департамента полиции от 18 минувшего сентября за № 107398 видна цель учреждения названного отделения и задачи, на них возложенные.

Успешное выполнение мною своих новых обязанностей возможно, несомненно, лишь при поддержке и содействии со стороны местных жандармских управлений, о чем и имею честь почтительнейше ходатайствовать пред Вашим Высокоблагородием.

Наиболее интересным для меня являются:

1) всякого рода негласные сведения о лицах, заподозренных в военном шпионаже;

2) сведения о прибытии иностранных подданных, особенно в места стоянок войск, нахождения военных складов, заводов, выделывающих предметы для военного ведомства и т. п. места, могущие служить объектом иностранной военной разведки;

3) особенно интересно было бы установление наблюдения за корреспонденцией лиц, заподозренных в сношениях с иностранными военными шпионами;

4) если бы в архиве дел вверенного вам Управления имелись сведения о лицах, уже ранее замеченных в прикосновении к военному шпионству, и если выборка таковых сведений не очень затруднительна, то благоволите Ваше Высокоблагородие препроводить мне хотя бы самые краткие сведения о таких лицах.

Если бы Ваше Высокоблагородие признали, что кто-либо из подведомственных Вам чинов или чинов общей полиции заслуживают особого поощрения за содействие в данном случае, то, быть может, найдете нужным

сообщить о том мне для доклада генерал-квартирмейстеру округа или непосредственно уведомить Его Превосходительство.

Нижеследующие адреса могут служить для сношений со мной:

1) Штаб Московского военного округа, управление генерал-квартирмейстера, для подполковника князя Туркестанова;

2) Московское губернское жандармское управление, для подполковника князя Туркестанова;

3) Москва, Арбат, Малый Успенский пер., д. № 4, кв. 2, подполковнику князю Туркестанову.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности

Ваш покорный слуга князь *Туркестанов* [6]

*Дата отсутствует из-за утраты части бумажной основы документа.

Документ № 4 [20]

Отношение начальника Симбирского губернского жандармского управления С. П. Шабельского начальнику Казанского отделения Московского жандармского управления железной дороги В. И. Ахматову

№ 31 *9 марта 1912 г.*
Совершенно секретно

Милостивый государь, Владимир Иванович! [7]

Проживание в пределах вверенной наблюдению моему губернии иностранных подданных может повлечь в предмобилизационный период времени [обнаружение] ими наших военных тайн и данных по мобилизации, почему является настоятельная необходимость иметь их на виду и иметь также готовый список всех иностранных подданных, проживающих в районе губернии.

В зависимости от их подданства, положения и степени ожидаемого от них вреда в смысле обнаружения наших военных тайн и данных по мобилизации будет, конечно, различаться и принятые против них меры, как то взятие под стражу, выселение в другие местности, высылка за границу, надзор полиции. Посему я обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою препроводить мне список всех проживающих в районе вверенного Вам отделения иностранных подданных (в районе Симбирской губернии) с означением в нем подданства, рода занятий, времени нахождения их в губернии, а также семейное положение, т. е. имеется ли при них жена, дети и прочие родственники.

Список этот я прошу препроводить мне в возможно скорейшее время.

С уверением в моем уважении *С. Шабельский*

Документ № 5 [21]

Циркуляр Главного управления Генерального штаба по отделу генерал-квартирмейстера окружным генерал-квартирмейстерам штабов военных округов, при которых имеются контрразведывательные управления

№ 3308/65 *15 февраля 1912 г.*
Секретно

Исп[олняющий] обяз[анности] вице-директора Департамента полиции письмом от 5 февраля за № 112134 сообщил об имевшем недавно место случае принятия одним из начальников контрразведывательного отделения на службу секретного сотрудника губернского жандармского управления без ведома и согласия начальника последнего.

Сообщая об изложенном, Главное управление генерального штаба просит ваше Превосходительство в предупреждение нежелательных явлений приведенного выше рода не отказать преподать начальнику контрразведывательного отделения Штаба округа к неуклонному руководству нижеследующее:

1) Принятие начальником контрразведывательного отделения на службу секретных сотрудников губернских и железнодорожных жандармских управлений и охранных отделений допускается лищь с согласия последних, и

2) О каждом случае принятия упомянутых секретных сотрудников на службу в контрразведывательное отделение надлежит через Штаб округа доносить отделу генерал-квартирмейстера Главного управления.

Генерал Штаба (по особому делопроизводству)

Подписал: за генерал-квартирмейстера генерал-майор *Монкевиц* [8]

Скрепил: вр. и. д. делопроизводителя подполковник *Энкель*

С подлинным верно: за заведующего Особым отделом Департамента полиции

Подполковник (*подпись*)

Документ № 6 [22]

Циркуляр Департамента полиции по особому отделу начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений

№ 104171 *22 июля 1912 г.*
Совершенно секретно

Ввиду встреченных на местах недоразумений при установлении по требованиям чинов контрразведывательных отделений наружного наблюдения, Департамент полиции считает необходимым разъяснить, что содействие, оказываемое чинам упомянутых отделений, отнюдь не должно отражаться на успешном выполнении прямых своих обязанностей по ведению политического розыска и потому наружное наблюдение должно устанавливаться лишь в экстренной надобности, до прибытия на место чинов отделений и при том в местах постоянного квартирования филеров. Прибегать же к иногородним командировкам филеров надлежит лишь в случаях особо важных, причем расходы по иногородним командировкам филерам должны покрываться, согласно отзыва генерал-квартирмейстера Генерального штаба от 14 февраля за № 293, контрразведывательными отделениями из ассигнуемых в их распоряжение особых сумм.

Об изложенном Департамент полиции сообщает вам для руководства.

Подписал: и. о. Директора *С. Белецкий*

Скрепил: заведующий особым отделом полковник *Еремин* [9]

Документ № 7 [23]

Циркуляр Департамента полиции по особому отделу начальникам губернских и областных жандармских и железнодорожных полицейских управлений и охранных отделений

№ 105824 *3 сентября 1912 г.*
Совершенно секретно

Департаменту полиции известно несколько случаев получения местными жандармскими управлениями и охранными отделениями исходивших от учрежденных при Генеральном штабе и военно-окружных штабах специально для борьбы с иностранным военным шпионством особых контрразведывательных отделений недостаточно по существу обоснованных требований о производстве обысков у заподозренных в шпионстве лиц: при исполнении жандармскими управлениями и охранными отделениями этих требований, предъявляемых при том же иногда изустно, вся ответственность за необоснованность этих обысков ложится тем самым всецело на розыскные органы.

Признав вследствие сего необходимым в устранении создаваемых вышеизложенными обстоятельствами нежелательных осложнений, установить на будущее время такой порядок, чтобы контрразведывательные отделения предъявляли чинам Корпуса требования о производстве обысков по делу о военном шпионстве не иначе как письменно, а в экстренных случаях по телеграфу, Департамент полиции, согласно приказанию господина министра внутренних дел, снесясь по этому поводу с начальником Генерального штаба. Об изложенном сообщает Вашему Высокоблагородию для сведения и руководства на будущее время в дополнение к циркулярам от 25 декабря 1910 г., 18 сентября 1911 г. и 22 июня 1912 г. за №№ 119955, 104171 и 107398.

Подписал: и. д. Директора *С. Белецкий*

Скрепил: заведующий особым отделом полковник *Еремин*

Документ № 8 [24]

Циркуляр Департамента полиции начальникам губернских, областных и городских жандармских управлений и начальникам охранных отделений

№ 84562 *4 октября 1912 г.*
Секретно

При задержании лиц, подозреваемых в военном шпионстве в пользу иностранных держав, нередко отбираются у арестованных секретные документы военного ведомства, которые приобщаются в качестве вещественных доказательств к возбуждаемым жандармскими властями расследованиям и по принятому порядку хранятся при соответствующих делах.

Принимая во внимание, что упомянутые документы, часто представляющие по харак-

теру своему важность, должны в силу установленных военным ведомством правил храниться у определенных начальников воинских частей. Военное министерство просило о согласовании принятого порядка хранения вышеназванных вещественных доказательств с правилами о хранении секретных документов, существующих в военном ведомстве.

Ввиду сего Департамент полиции предлагает Вашему ……., в случае обнаружения при обысках секретных документов военного ведомства, немедленно составлять протокол осмотра их, а сами документы беззамедлительно передавать для хранения начальникам местных гарнизонов (коменданту крепости, начальнику войсковой части) или, при отсутствии таковых в данном пункте, начальнику ближайшей войсковой части, которые в случае надобности будут высылать упомянутые документы лицам, производящим расследование, по получении соответствующего требования и при условии немедленного возвращения их для хранения по миновании надобности в них.

Подписал: и. д. Директора *С. Белецкий*
Скрепил: делопроизводитель *Губонин*

Документ № 9 [25]

Циркуляр Министерства Юстиции по Первому департаменту Старшим председателям судебных палат

№ 54943 *30 октября 1912 г.*
Секретно

Из сообщения Военного Министерства усматривается, что порядок производства экспертизы по делам о государственной измене путем шпионства был предметом особого обсуждения в означенном Министерстве, причем было признано необходимым в интересах достижения наибольшей точности и единства заключений по вопросам о секретности и значении для внешней безопасности России тех или других данных, являющихся предметом экспертизы, возложить обязанность дачи таковых заключений не на местные штабы военных округов, а на Главное Управление Генерального Штаба.

Соответственно сему Высочайшим повелением от 17 июня 1912 г. «Об условиях производства военными следователями отдельных следственных действий, об изменении установленного военно-судебным уставом порядка производства публикаций о розыске обвиняемых и свидетелей и об обнаружении личности умерших и о составе военно-окружного суда по делам о государственной измене» (Собр. узак. 1912 г. ст. 1777)* устав военно-судебный (С. В. П. 1869 г., XXIV изд. 3 по св. и прод. 1907 г.)* дополнен следующим постановлением: «По делам о преступных деяниях, предусмотренных статьями 108 (п. 6) и 111—113 уголовного уложения, следственное производство отсылается военным прокурором в Главное Управление Генерального Штаба для разрешения вопроса о значении для внешней безопасности России тех сведений, в опубликовании, сообщении, собирании или получении которых обвиняются привлеченные по делу лица, а также о значении укрепленного места или военного сооружения, в которые эти лица противозаконно проникли».

Находя со своей стороны вышеприведенные соображения Военного министерства о желательности сосредоточения экспертизы по делам указанного рода в Главном Управлении Генерального Штаба вполне применимым и к делам, производящимся в судебных установлениях гражданского ведомства, считаю нужным просить Г.г. Старших Председателей судебных палат принять меры к тому, чтобы во всех случаях, когда при рассмотрении судебными установлениями дел о государственной измене путем шпионства скажется необходимым иметь заключение эксперта о значении для внешней безопасности России сведений в опубликовании, сообщении, сообщении или получении которых изобличаются обвиняемые, а также о значении укрепленного места или военного сооружения, в которые они проникли, — требованиями о даче таковых судебные места обращались в Главное управление Генерального Штаба.

С подлинным верно: за Секретаря Казанской судебной палаты *А. фон Бранке*

*Так в документе.

Документ № 10 [26]

Журнал совещания Генерального штаба генерал-майора Монкевица и полковника Никольского [10] **по урегулированию некоторых вопросов, по службе состоящих в контрразведывательных отделениях офицеров Отдельного корпуса жандармов и взаимоотношений их к начальникам губернских жандармских управлений***

1913 г.
Секретно

Обсуждению были подвергнуты следующие вопросы:

1. О порядке назначения офицеров Отдельного корпуса жандармов начальниками контрразведывательных отделений и их помощниками

Признано желательным, чтобы начальники контрразведывательных отделений преимущественно назначались из помощников начальников этих отделений, числящихся в Отдельном корпусе жандармов; в случае неимения соответствующих кандидатов из числа последних начальники контрразведывательных отделений избираются начальником Генерального штаба из числа рекомендованных командиром Отдельного корпуса жандармов офицеров этого корпуса. Помощники начальников контрразведывательных отделений могут быть назначаемы начальниками таковых лишь в случае, если они по Отдельному корпусу жандармов не стоят в линии адъютантов жандармских управлений. Помощники начальников контрразведывательных отделений из офицеров Отдельного корпуса жандармов также избираются начальником Генерального штаба из числа рекомендованных командиром Отдельного корпуса жандармов обер-офицеров этого корпуса.

2. О порядке аттестования начальников контрразведывательных отделений и их помощников из офицеров Отдельного корпуса жандармов

Порядок аттестования полагался бы наиболее желательным нижеследующий:

Аттестации составляются: на помощников начальников контрразведывательных отделений — начальниками этих отделений, коими аттестации затем представляются окружным генерал-квартирмейстерам. Аттестации на начальников контрразведывательных отделений составляются окружными генерал-квартирмейстерами и представляются, вместе с их заключениями, на аттестации помощников начальников контрразведывательных отделений, начальникам окружных штабов, которые все аттестации на чинов подведомственных им контрразведывательных отделений из офицеров Отдельного корпуса жандармов представляют с своими заключениями начальнику Генерального штаба.

Аттестация на помощника начальника Петербургского городского контрразведывательного отделения представляется начальником последнего тому из ближайших помощников генерал-квартирмейстера Генерального штаба, на которого возложено заведывание этим отделением; это же лицо составляет аттестацию на начальника названного контрразведывательного отделения, каковую аттестацию, вместе с своим заключением на аттестацию помощника начальника Петербургского городского контрразведывательного отделения, представляет генерал-квартирмейстеру Генерального штаба, который все аттестации на чинов подведомственных ему чинов Отдельного корпуса жандармов представляет с своими заключениями начальнику Генерального штаба.

От начальника Генерального штаба копии всех аттестаций на чинов контрразведывательных отделений из офицеров Отдельного корпуса жандармов препровождаются вместе с заключениями начальника Генерального штаба об удостоверении их к занесению в соответствующие кандидатские списки командиру Отдельного корпуса жандармов.

3. О награждении начальников контрразведывательных отделений и их помощников

Признано желательным испросить Главному управлению Генерального штаба особую норму наград для чинов контрразведывательных отделений, с тем, чтобы все представления о награждении этих чинов сосредоточивались в Главном управлении Генерального штаба. Наградные списки офицеров Отдельного корпуса жандармов, удостоенных награждения начальником Генерального штаба, препровождаются затем командиру Отдельного корпуса жандармов, распоряжением которого, в случае неимения со стороны последнего препятствий, награды испрашиваются одновременно с остальными наградами по Отдельному корпусу жандармов.

4. О перемещении состоящих в контрразведывательных отделениях офицеров Отдельного корпуса жандармов на должности по Корпусу жандармов

Состоявшие в контрразведывательных отделениях офицеры Отдельного корпуса жандармов зачисляются в кандидаты на высшие должности наравне со всеми прочими офицерами названного корпуса. При переходе на должности по Отдельному корпусу жандармов состоявшие в контрразведывательных отделениях офицеры этого корпуса назначаются: числящиеся кандидатами на должности начальников губернских жандармских управлений или начальников жандармских полицейских управлений железных дорог — в случае дошедшей до них очереди — начальниками этих управлений, а прочие — помощниками начальников губернских жандармских управлений или начальниками отделений жандармских полицейских управлений железных дорог, за исключением однако тех случаев, когда состоящие в контрразведывательных отделениях офицеры Отдельного корпуса жандармов состоят по корпусу в линии адъютантов управлений; в этом случае они назначаются на последние должности.

5. О предоставлении начальникам контрразведывательных отделений права производства ликвидаций и обысков

Признано желательным для предоставления вышеизложенного права зачислять начальников контрразведывательных отделений на должности помощников начальников губернских жандармских управлений, для каковой цели полагалось бы войти с представлением в Военный совет об учреждении 11 должностей помощников начальников губернских жандармских управлений (по числу начальников контрразведывательных отделений) с отнесением вызываемого этой мерою расхода на остатки по смете Военного министерства, причем этим вновь учреждаемым должностям полагалось бы производить по интендантской смете лишь жалованье по чину и квартирные деньги и на наем прислуги, а прочие оклады, как и в настоящее время — из сметы Главного управления Генерального штаба (на секретные расходы).

6. Об издаваемых Главным управлением Генерального штаба и штабами военных округов частных инструкциях по борьбе с шпионством

Признано соответственным, чтобы таковые инструкции сообщались для сведения начальникам жандармских управлений не иначе, как через штаб Отдельного корпуса жандармов, куда они направляются исключительно через Главное управление Генерального штаба.

Сверх того совещанием было признано соответственным:

1. Чтобы все просьбы и обращения округов в Отдельный корпус жандармов относительно назначений, перемещений и награждений офицеров корпуса, по части контрразведки, направлялись исключительно через Главное управление Генерального штаба.

2. Чтобы состоящие в контрразведывательных отделениях офицеры Отдельного корпуса жандармов носили бы форму, присвоенную чинам штабов военных округов.

3. Выработать особые указания о порядке подчиненности состоящих в контрразведывательных отделениях офицерам Отдельного корпуса жандармов'

---

*Решение совещания одобрено 10 декабря 1913 года командиром Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковским и 9 января 1914 года начальником Генерального штаба Я. Г. Жилинским.

Документ № 11 [27]

Рапорт сенгилеевского уездного исправника Бухлотовского симбирскому губернатору*

№ 107 *30 июля 1913 г.*
Секретно

Его превосходительству
господину Симбирскому
губернатору

сенгилеевского уездного
исправника

Рапорт

Вчерашнего числа утром, я от полицейского урядника с. Новодевичья получил телеграмму, что какой-то германский подданный производит фотографические снимки видов Волги. В телеграмме этой подробностей не указывалось и даже не было фамилии фотографа. Ввиду этого я командировал с первым отходящим пароходом полицейского надзирателя гор. Сенгилея коллежского регистратора Шишкина, дав ему указания проверить лич-

ность фотографа, установить цель съемок, и если у него не окажется разрешения на производство фотографических работ, то составить протокол, отобрав негативы. В этом случае я полагал возможным фотографический аппарат приравнять к ручному печатному станку, о каковом говорится в 163 ст. Уст. о ценз. и печ. по продолжению 1906 года. Кроме этого я телеграфировал Вашему Превосходительству, прося телеграфных указаний и разъяснил надзирателю, что по получении разъяснения я ему телеграфирую. Ответную телеграмму Вашего Превосходительства я получил в двенадцатом часу ночи, со служебной отметкой: «Замедлена ошибочным направлением». Рано утром прибыл надзиратель, представил протокол, из которого видно, что фотограф — германский подданный Людвиг Фордермейер 45 лет, по занятию художник, живет постоянно в Берлине, имеет национальный паспорт, явленный в Императорском Российском Генеральном Консульстве в Берлине 18 июня 1913 г. под № 7932. Ему сопутствует 16-летний мальчик — прусский подданный Зигфрид Геншке, проживающий постоянно в г. Нижнем Новгороде и обучающийся в 5 Нижегородском высшем начальном училище. Документа у мальчика этого не оказалось. Парусная лодка, на которой они плывут принадлежит нижегородскому агенту общества «Русь» Рябову, который снабдил едущих письмом на имя агентов общества «Русь» с просьбой оказывать содействие. Из этого письма видно, что с ним ехал еще сын Рябова, который вернулся по объяснению едущих из села Богородска. Надзиратель доложил, что он вынес убеждение, что туристы эти никаких политических целей не преследуют, так как среди карандашных набросков не видно стремления к снятию берегов, а лишь отдельных характерных построек и живописных видов. Фордермейер не похож на военного, а довольно типичный художник. В лодке имеются все принадлежности для кухни, и, видно, он любит выпить. Надзиратель представил 12 непроявленных негативов и 23 карандашных наброска. Сего числа я послал нижегородскому полицмейстеру телеграмму с просьбой телеграфировать, значится ли Геншке среди учеников, благонадежен ли, кто родители его и где находятся, и, кроме того, шифрованные телеграммы ставропольскому исправнику и самарскому полицмейстеру следующего содержания: «Сегодня Новодевичьяго выехали лодке два германских подданных называющих себя художником и переводчиком Фордермейером и Геншке необходимо наблюдение для выяснения цели поездки». Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству.

Исправник *Бухлотовский* [11]

---

* С 28 февраля 1911 г. по 26 октября 1916 г. в должности симбирского губернатора состоял тайный советник Александр Степанович Ключарев.

Документ № 12 [28]

Уведомление вице-директора Департамента полиции начальнику Симбирского губернского жандармского управления

№ 190881 *10 ноября 1914 г.*
Совершенно секретно

В Департаменте полиции получены из совершенно секретного источника указания на намерение воюющих с Россией держав, и в частности захвативших власть в Турции немцев, организовать через посредство особо командированных эмиссаров взрыв имеющих важное стратегическое значение сооружений, в том числе Сызранского моста через реку Волгу.

Уведомляя об изложенном Ваше Высокоблагородие, Департамент полиции просит Вас предупредить о сем совершенно доверительно подлежащие военные власти, без всякого указания на то, что сведения исходят из Департамента полиции.

Исп. об. Вице-директор *Васильев* [12]

Документ № 13 [29]

Циркулярное письмо Департамента полиции губернаторам, градоначальникам и Варшавскому обер-полицмейстеру

№ 178275 *1 декабря 1914 г.*

По имеющимся в Генеральном штабе из многочисленных источников сведениям, злонамеренные лица стремятся всемерно использовать переживаемый нашим Отечеством тяжелый момент для своих преступных целей.

Так, установлено, что лица эти, преимущественно женщины, посещая раненых и больных воинов, находящихся в госпиталях, лазаретах и вообще лечебных заведениях, как частных, так и всероссийского земского союза, такого же общегородского союза и, то выступая в качестве чтиц и составительниц писем, то стремясь будто бы облегчить досуг раненых и вообще предлагая те или иные услуги как врачебному персоналу, так и особенно больным и раненым, вступают с ними в беседы. Во время этих бесед посетительницы этой категории, под видом забот о воинах, незаметно собирают данные разведочного характера о расположении войск, составе крупных боевых единиц, об убыли офицеров и т. п. или стараются, посредством всякого рода вымыслов, рассказов о гуманности немцев, о превосходстве их во всех отношениях над русскими, о постоянном якобы неуспехе русского оружия, тщательно будто бы скрываемом прессою, внушить нижним чинам вредные идеи или прямо ведут в среде их пацифическую или, наконец даже, революционную и социалистическую пропаганду.

О таковом крайне опасном для наших военных интересов государства государственного порядка явлений Департамент полиции, согласно приказанию г. товарища министра внутренних дел свиты его величества генерал-майора Джунковского, имеет честь уведомить Вас на тот предмет, не найдете ли Вы со своей стороны возможным принять должные к пресечению означенных разрушительных стремлений злонамеренных элементов, присовокупляя, что Генеральным штабом об этом поставлены в известность временно командующие войсками и Главные начальники военных округов.

Подписал: директор *Брюн де Сент-Ипполит* [13]

Скрепил: заведующий делопроизводством *М. Броецкий* [14]

Верно: управляющий канцелярией Симбирского губернатора

Копия верна: помощник правителя канцелярии.

Документ № 14 [30]

Письмо начальника Казанского военного округа Гейсмана начальнику Генерального штаба с просьбой об учреждении контрразведывательного отделения при штабе округа

№ 324 *17 февраля 1915 г.*
Секретно

Штаб Казанского военного округа не имеет своего контрразведывательного отделения.

Функции последнего, согласно отношения отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба от 16 июля 1911 года № 691 возложены на контрразведывательное отделение штаба Московского военного округа.

Принимая во внимание, что с открытием военных действий Казанский военный округ, как тыловой, снабжающий действующие армии весьма значительными укомплектованиями людьми и лошадьми и всеми видами довольствия, представляет для воюющих с нами государств существенный интерес, является настоятельная необходимость поставить борьбу в округе с шпионством на прочные основания; что возможно только лишь при учреждении при штабе Казанского военного округа самостоятельного контрразведывательного отделении.

Обслуживание территории округа в этом отношении контрразведывательным отделением Московского военного округа, за дальностью расстояния, является для последнего непосильной задачей и, естественно, что штабом Московского военного округа могут быть упущены такие случаи, которые не ускользнули бы от внимания разведывательного отделения штаба Казанского военного округа, в особенности, когда успех борьбы будет зависеть от быстроты принятых мер.

Вполне сознавая, что обременение государственной казны новым расходом на учреждение отделения при штабе округа является в настоящее время нежелательным, я тем не менее, в интересах государственной пользы, поставлен в необходимость просить об учреждении такового при штабе округа, имея в виду вышеприведенные мотивы, а также и следующие основания:

1. Производство за последнее время некоторых дел о захваченных шпионах и лицах,

заподозренных в шпионстве, дает несомненное право предполагать, что в пределах округа имеется организация целой сети иностранного шпионства.

2. Размещение в пределах округа громадного количества военнопленных и военнообязанных германских и австрийских подданных требует учреждения особенно внимательного наблюдения за ними на местах.

3. Находящиеся в пределах громадной территории Казанского военного округа пороховой и оружейный заводы и многочисленные склады, имеющие первостепенное значение для обслуживания действующих армий необходимейшими предметами довольствия, ставят в исключительное положение округ по охране их и принятию всех соответствующих мер к обеспечению правильной, аккуратной и безостановочной в них работы.

4. Обширная территория Казанского округа обслуживается всего лишь несколькими линиями железных дорог, а потому к охране их требуется особенно внимательное отношение, так как с прекращением хотя бы на время на одной из них правильного движения поездов округ будет поставлен в большое затруднение по своевременной поставке в действующие армии требующихся предметов довольствия, — между тем на линиях некоторых железных дорог всегда находятся лица, которые не могут внушить особого доверия и за которыми необходимо иметь тщательное наблюдение.

5. И, наконец, то, что окружной штаб Казанского военного округа в своем личном составе в настоящее время ограничен до последней степени при увеличении работы против мирного времени в несколько раз, а потому поручить кому-либо из чинов штаба дело контршпионажа, без ущерба последнему, а также и для сношений с Московским военным округом, представляется совершенно невозможным.

Генерал от инфантерии *Гейсман* [15]

И. д. начальника штаба, генерал-майор *Сухомлинов*

Документ № 15 [31]

Инструкция наблюдательному агенту по контрразведке

*1915 г.**
Секретно

1) Каждый агент должен быть идейно предан делу контрразведки, т. е. все его стремления должны быть направлены исключительно этому делу. Он неусыпно обязан обращать внимание на окружающих его лиц, знакомиться с жизнью всякого, быть разговорчивым, видеть все, что происходит вокруг него, прислушиваться к разговорам в публичных и других местах, читать газеты и вообще быть деятельным и наблюдательным. Постоянное пребывание агента в среде, наиболее благоприятной для наблюдения за разными лицами, в связи с рекомендуемой ему деятельностью, даст ему возможность знать все и всех.

2) Всякое лицо, наблюдающее за воинскими частями и вступающее в разговоры с чинами этих частей, замеченное агентом, должно быть строго обследовано, а именно: агент обязан по возможности незаметно прислушиваться к разговору этого лица, запоминать вопросы, какие задавались неизвестным, и в том случае, если вопросы неизвестного носили разведывательный характер, т. е. если неизвестный в разговоре интересовался названием части, где она расположена, откуда и куда следует, — вести за ним неотступное наблюдение. По возможности агенту необходимо записывать фамилии чинов и части войск, где они служат, на предмет могущей быть надобности в свидетелях.

3) Принимая в обследование лицо, агент прежде всего должен внимательно к нему присмотреться, какова на нем одежда, в каком порядке, каковы руки, в каком виде обувь, лицо, глаза и весь наружный вид.

При наблюдательности агента всякая мелочь, замеченная в обследовании лица, даст возможность агенту сделать выводы и предположения, с кем ему приходится иметь дело.

4) Для обнаружения агентов, тайно собирающих сведения о наших войсках в нашем районе, агенту следует обращать внимание на тех лиц местного населения, которые до войны имели сношение с военными чинами и вращались среди приезжих из-за границы или

приграничных городов или же сами побывали за границей, а также на лиц, имевших письменные сношения с жителями враждебных к нам стран и национальностей.

5) Лица, занимавшиеся в мирное время контрабандой, проводом эмигрантов за границу и торговлей живым товаром, не должны никогда выходить из сферы наблюдения агента, так как по достоверным данным, они часто тайно состоят на услугах иностранной тайной разведки.

6) Лица, которые в мирное время именовали себя торговыми агентами, коммивояжерам, торговцами и занимавшиеся другими профессиями, связанными с частыми выездами за границу, — подлежат постоянному обследованию агента.

7) Содержатели всех публичных заведений и самые заведения, как-то: гостиницы, рестораны, пивные, кондитерские, кофейни, парикмахерские, бани, иллюзионы и проч. не должны выходить из-под постоянного наблюдения агента, причем должно обращаться особенное внимание на те из этих заведений, которые открылись в период непосредственно перед началом войны.

8) Все лица, оказывавшие содействие неприятельским войскам на нашей территории, должны быть агентом разоблачены, причем необходимо заручиться свидетельскими показаниями могущих подтвердить враждебную деятельность этих лиц против России. Под содействием следует понимать не только указание неприятелю наших сил, но и другие враждебные действия, как-то: указание провианта, фуража, оказание гостеприимства, укрытие неприятеля при отступлении, приготовление к радушной встрече, преподношение в виде признательности подарков, заготовка хлеба, издевательство над русскими войсками, над нашим правительством и проч.

9) Агенту необходимо обращать должное внимание на лиц, прибывающих из местностей, занятых неприятелем, а также следующих в такие пункты под видом свидания с родными. Особенно распространился способ проникновения к нам из района, занятого противником, прикрываясь жестокостью немцев, острой нуждой и отсутствием работы, расчитывая на милосердие русских войск. Паспорта, выданные этим лицам из мест, занятых неприятелем, необходимо строго проверять: нет ли в них подчисток, помарок и каких-либо упущений, и лиц этих необходимо, безусловно, задерживать для точной проверки их, так как имеются достоверные сведения, что воюющие с нами государства снабжают своих шпионов паспортами из занятых ими местностей и направляют этик шпионов в район расположения наших войск для тайных разведок.

10) В районе расположения армии агенту главным образом следует обращать внимание на разного рода торговцев, разносчиков, лиц, занимающихся извозом, поставщиков и проч., так как установлено, что шпионы скрываются под масками разных личин. Некоторые, например, проникают в части войск под предлогом оказания помощи раненым, для чего, не стесняясь, одеваются в форму Общества Красного Креста, встречаются также переодетые воинскими чинами, священниками и проч. Агент при случайной встрече с такими лицами может обратить на них внимание по характеру разговора их с окружающими, когда, например, переодетый шпион, надеясь, что его не подозревают, смело ведет расспросы, которые входят в исполнение его задачи. Агенту необходимо поэтому знать, что германским шпионам, которые задержаны и сознались, поручалось следующее: а) узнать, где расположены штабы армий, корпусов, дивизий, станции беспроволочного телеграфа, почта, авиационные роты и т. п.; б) где и такие части по нумерациям полков расположены, передвижение их, прибыль и убыль в частях, количество артиллерии, кавалерии, пулеметов; в) состав формирующихся армий, количество корпусов, их номера и проч.; г) движение поездов, в каком состоянии сеть железнодорожных линий, дороги, мосты, замерзание рек, оттепель и проч.; д) количество раненых, настроение среди войск, провиант, фураж и т. п.; е) о постройка укреплений, окопов, проволочных заграждений, минах, фугасах и проч. и ряд других т. п. вопросов.

11) При обнаружении, что лицо, кажущееся агенту переодетым, интересуется подробно вышеупомянутыми вопросами, необходимо точно убедиться, путем неотступного наблюдения за этим лицом, представлялось ли ему необходимым знать вышеизложенное по службе, было ли это лишь любопытство, чем оно вызвано и т. д. При этом агенту воспрещается принятие самостоятельных мер для проверки такого лица; разрешение таких

вопросов берут на себя старшие наблюдательные агенты и другие старшие чины контрразведывательного отделения, коим агент, когда установит местопребывание, фамилию и проч. данного лица, обязан доложить со всеми подробностями о положении дела.

12) Агенту необходимо знать, что под видом бродяг, нищих, фокусников, шарманщиков, публичных женщин, он может встретить шпионов, почему сфера его наблюдения должна распространяться и за этой средой лиц, коих он при малейшем сомнении обязан проверять при посредстве полиции или жандармов.

13) Постоянное пребывание агента по возможности должно быть в местах более или менее значительного скопления людей, как-то: столовых, чайных, вокзалах и т. п., где на обязанности агента лежит обращать внимание на старающихся быть вблизи кружков и компаний военных.

14) При обследовании шоссейных дорог и железнодорожных путей агент обязан обращать внимание на телефонные и телеграфные провода и в случае, если заметит какое-либо лицо в порче проводов, должен таковое немедленно задержать и передать полицейским или жандармским властям.

15) В случае же, если какое-либо лицо внушает своими поступками подозрение в шпионстве (зарисовывает или фотографирует места расположения войск, отдельные эпизоды из войсковой жизни, военные укрепления, железнодорожные сооружения, мосты, трубы и проч.), то таких лиц надлежит немедленно задерживать и передавать полиции или жандармским властям для обыска и ареста, при сем следует принимать в таких случаях меры, дабы арестованный не был в состоянии уничтожить те имеющиеся при нем данные, которые будут служить для него уликой (чертежи, дневники, записки, фотографические снимки и проч.).

16) При обращении к полицейским или жандармским властям, в случаях, изложенных в п. 12, 14 и 15 настоящей инструкции, агенты должны предъявлять свое удостоверение и изложить свое требование письменно.

17) Наблюдательный агент должен прибегать к личному задержанию подозреваемых, согласно п. 14 и 15, лишь в крайних случаях, поручая таковое при малейшей к тому возможности жандармским чинам или общей полиции, имея в виду, что задержание упоминаемых лиц самим агентом может обнаружить принадлежность последнего к контрразведке и лишить его возможности неотступным дальнейшим наблюдением установить связи заподозренных, район их деятельности и тот материал, который быть может им уже удалось собрать.

18) Агенту может быть дозволено отыскивание себе преданных лиц, при помощи коих он должен добывать верные сведения о неблагонадежных лицах, но об этих преданных лицах должно знать его начальство.

19) Обыски или аресты, за исключением случаев, указанных в пунктах 14 и 15, агент производить самостоятельно не может, это ему воспрещается.

20) В случае обнаружения беспроволочного телеграфа или тайного телефона, агент, не принимая сам никаких мер по проверке путем обысков, обязан немедленно сообщить о замеченном начальнику отделения, продолжая вести настойчивое наблюдение для выяснения тех лиц, которые могут иметь отношение к обнаруженному.

21) Роль филеров в контрразведке не ограничивается наружной проследкой: зачастую вызывается необходимость в проникновении за наблюдаемыми в общественные места разнообразного характера (рестораны всех разрядов, кофейни и т. п.). В таких случаях младший наблюдательный агент, проведя наблюдаемого в общественное место, для него недоступное, должен немедленно (хотя бы по телефону) вызвать старшего агента или чина для поручений, оставаясь в наблюдении на улице.

---

* Утверждена Верховным главнокомандующим 6 июня 1915 г.

Документ № 16 [32]

Доклад начальника контрразведывательного отделения Казанского военного округа Тишевского начальнику Центрального военно-регистрационного бюро Главного управления Генерального штаба о проекте штата отделения

№ 8845 *5 ноября 1916 г.*
Секретно

Вследствие личного поручения вашего сиятельства о выработке штата для предпо-

лагаемого Контрразведывательного отделения Казанского военного округа при сем имею честь препроводить проект такового. На первый взгляд он может показаться несколько преувеличенным, но, принимая во внимание:

1) нахождение в районе округа заводов пушечных, оружейных, порохового, патронного и взрывчатых веществ, безусловно представляющих интерес для иностранных соглядатаев,

2) сосредоточение с самого начала текущей войны, преимущественно в Приволжских губерниях, большинства австрийско-германских военнообязанных, высланных туда (многие по подозрению в военном шпионстве) как с театра военных действий, так и из тыловых местностей,

3) нахождение в том же районе сотен тысяч пленных и наплыв десятков тысяч беженцев, следует прийти к заключению, что подобный штат является минимальным в сравнении с той громадной работой, которая на первых порах сформирования отделения выпадает на его долю.

Кроме того, исключительное значение в проектируемом штате имеет также распределение наблюдательных агентов, большинство которых, по моему мнению, отнюдь не должно быть сосредоточено в штаб-квартире нового отделения — Казани, а размещено по более важным пунктам округа.

В этом отношении на первом плане ставлю самый промышленный приволжский город — Самару, от которого начинаются наши великие магистрали в Азиатскую Россию и где находится целый ряд заводов, работающих на нужды обороны, из коих назову только казенные заводы: Трубочный в самом городе и взрывчатых веществ — в 30 верстах от него при станции «Томылово» Самаро-Златоустовской железной дороги. Притом до войны в Самаре было два консульства, австро-венгерское и германское, которые, как надо полагать, после войны приступят вновь к работе. По сим соображениям считаю, что в гор. Самаре по меньшей мере должны находиться чин для поручений и в помощь ему три наблюдательных агента в составе одного старшего и двух младших.

Следующая из губерний округа, требующая специального обслуживания наблюдательными агентами — Пермская. Прежде всего, в Пермском уезде находится Пермский казенный пушечный завод (Мотовилихинский) и, кроме того, в пределах губернии 62 частных завода, изготовляющих предметы боевого и прочего материального снаряжения армии. Затем в гор. Перми находится «Бюро помощи Американского посольства» по оказанию помощи военнообязанным австро-венгерским и германским подданным — учреждение, требующее весьма тщательного наблюдения. В Перми поэтому является настоятельно необходимым постоянное нахождение одного старшего и одного младшего наблюдательных агентов.

В Саратовской губернии, ввиду строящегося в городе Царицыне казенного орудийного завода и большого числа немецких колонистов в уездах, наличность одного старшего и одного младшего наблюдательных агентов, из коих один должен находиться в Саратове, а другой — в Царицыне, является весьма необходимой.

В Уфимской губернии, где находятся казенные заводы Златоустовский с оружейною при нем фабрикой, Кусинский и Саткияский снарядные, а также девять частных заводов, изготовляющих предметы боевого и прочего материального снаряжения армии и флота, необходимо присутствие одного наблюдательного агента с проживанием такового в Златоусте, как центре заводского района.

Вятская губерния, где находятся Ижевский казенный оружейный завод и Воткинский сталеделательный завод, работающий на нужды обороны, а также Ижевские частные оружейные фабрики, должна обслуживаться по крайней мере одним младшим наблюдательным агентом, с местонахождением его в Ижевском заводе.

Наконец, в Астрахани, где находятся два консульства, из коих одно Персидское, а также в пределах губернии 14 фабрик, заводов и мастерских, работающих на нужды обороны, в том числе один казенный, на котором вырабатываются мины для минометов, полагаю желательным иметь младшего наблюдательного агента.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности уважающий Вас покорный слуга
Вячеслав Тишевский [16]

Приложение. Проект штатов.

Проект штата контрразведывательного отделения при штабе Казанского военного округа

Наименование	Число лиц	Отметка
Начальник отделения	1	
Помощник его	1	
Чинов для поручений	2	Из них 1 в Самаре
Канцелярия		
Письмоводитель	1	
Помощник его	1	
Писцов	5	Из них по 1 в Самаре, Царицыне и Перми
Переписчиков на пишущих машинках	2	
Агенты		Из них 2 агента — в Самаре, 1 — в Астрахани, 1 — в Саратове, 1 — в Перми, 1 — в Ижевском заводе и 1 — в Златоусте
Старших наблюдательных агентов	4	
Младших наблюдательных агентов	12	
Сторож	1	
Итого	50	

1. Закон об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства 5 июля 1912 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1912 г. Отд. I, № 157. Ст. 1450.
2. *Зуев Нил Петрович* (1857—1918) — с 1903 по 1909 гг. — вице-директор ДП, 1909—1912 гг. — директор ДП, с 1912 г. — сенатор.
3. *Курлов Павел Григорьевич* (1860—1923) — с сентября 1907 г. — начальник Главного тюремного управления, с 1909 г. — товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир Отдельного корпуса жандармов; после убийства Столыпина уволен с должности; в 1918 г. уехал за рубеж.
4. *Белецкий Степан Петрович* (1873—1918) — с 1907 г. — самарский вице-губернатор, с июля 1909 г. — и. д. вице-директора ДП, с 1912 по 1915 гг. — директор ДП, с 1915 по 1916 гг. — тов. министра внутренних дел; расстрелян.
5. *Туркестанов Василий Георгиевич* (1871—1937) — князь, адъютант Могилевского губернского жандармского управления, начальник Ашанского отделения жандармского полицейского управления ж. д., подполковник Отдельного корпуса жандармов, с 1911 г. — начальник контрразведывательного отделения штаба Московского военного округа, с 1 сентября 1915 г. — начальник Центрального военного разведывательного бюро.
6. *Шабельский Сергей Петрович* (1860—?) — полковник, начальник Симбирского губернского жандармского управления с 1907 по 1916 гг., помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления, помощник начальника Кутаисского ГЖУ Батумской области.
7. *Ахматов Владимир Иванович* (1861—?) — начальник Алатырского, затем Казанского отделения Московского жандармского полицейского управления ж. д., начальник Казанского отделения Казанского жандармского полицейского управления ж. д.
8. *Монкевиц Николай Августович* — генерал-майор, помощник первого обер-квартирмейстера Генерального управления Генерального штаба, в 1914—1916 гг. — начальник штаба 30-го армейского корпуса.
9. *Еремин Александр Михайлович* (1872 — после 1919) — генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, в 1910—1913 гг. — заведующий Особым отделом Департамента полиции; в 1919 г. служил в Оренбургской армии.
10. *Никольский Владимир Павлович* (1873—?) — полковник, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов.
11. *Бухлотовский* — полицейский исправник Сенгилеевского уезда Симбирской губернии.
12. *Васильев Алексей Тихонович* (1869—1930) — с 1913 г. — чиновник особых поручений при министре внутренних дел, вице-директор ДП; в сентябре 1916 — феврале 1917 г. — директор ДП.
13. *Брюн де Сент-Ипполит Валентин Анатольевич* (1871—1918) — в 1900-х гг. — товарищ прокурора Петербургского окружного суда, с 1914 по 1915 гг. — директор ДП.
14. *Броецкий Митрофан Ефимович* (1865—?) — действительный статский советник; с 1909 г. — чиновник особых поручений при ДП; с июля 1913 г. — заведующий Особым отделом ДП; с февраля 1917 г. — вице-директор ДП.
15. *Гейсман Платон Александрович* (1853—1919) — с 1913 г. — генерал от инфантерии, военный историк; с января 1915 г. — главный начальник Казанского военного округа, член Военного совета при военном министре.
16. *Тишевский Вячеслав Владимирович* (1873—?) — начальник Сызранского отделения Самарского жандармского полицейского управления ж. д., помощник начальника Варшавского охранного отделения; в 1916 г. — начальник контрразведывательного отделения Казанского военного округа.
17. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1098. Л. 1—1 об. Машинописная копия.
18. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1098. Л. 89—89 об. Машинописная копия.
19. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1098. Л. 3—3 об. Машинопись. Подлинник.
20. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1098. Л. 29—29 об. Машинопись. Подлинник.
21. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1098. Л. 22 об. Машинописная заверенная копия.
22. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1098. Л. 64. Машинописная заверенная копия.
23. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1098. Л. 80. Машинописная заверенная копия.
24. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1098. Л. 87. Машинописная заверенная копия.

25. ГАУО. Ф. 454. Оп. 43. Д. 3. Л. 38—38 об. Машинописная заверенная копия.
26. Из истории русской контрразведки : Сб. док. М., 1946. С. 150—153.
27. ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1280. Л. 7—7 об. Рукопись. Подлинник.
28. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1254. Л. 511. Машинопись. Подлинник.
29. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1399. Л. 126. Машинописная заверенная копия.
30. Из истории русской контрразведки : Сб. док. М., 1946. С. 164—165.
31. Из истории русской контрразведки : Сб. док. М., 1946. С. 186—190.
32. Из истории русской контрразведки : Сб. док. М., 1946. С. 232—234.

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

РЕЦЕНЗИЯ
на учебное пособие «ПРАВОВЕДЕНИЕ» / В. В. Кулаков и др. (Ростов н/Д : Феникс, 2011. 220 с.)

REVIEW
on a textbook «JURISPRUDENCE» / V. V. Kulakov et al. (Rostov-on-Don : Phoenix, 2011. 220 p.)

Рецензируемая работа состоит из трех разделов, объединяющих 14 тем (глав). Первый раздел посвящен общим вопросам теории государства, его сущности, функциям, механизму, типологии и формам. Во втором разделе рассмотрены основные вопросы теории права — его понятие, функции и компоненты. Наконец, в последнем разделе проанализированы основные отрасли российского права — конституционное, административное, гражданское, семейное и т. д. Поэтому первым достоинством учебного пособия мы признаем его структуру — грамотно составленную и логически верную. Вторым достоинством работы является ее объем — он сравнительно небольшой, и многие вопросы рассмотрены сжато, но при этом насколько возможно глубоко. Чтение многих параграфов производит весьма благоприятное впечатление. Так, обзор теорий происхождения государства (вопрос достаточно сложный) сделан не «философским» (как во многих учебниках), а научно-популярным языком, доступным и понятным большинству читателей-студентов.

Наряду с несомненными достоинствами, в учебном пособии присутствуют и некоторые спорные моменты.

Первый из таковых — это определение уголовного права (с. 132). Под данным термином авторы понимают совокупность двух составляющих — уголовного законодательства и уголовно-правовой теории. На наш взгляд, обе дефиниции являются излишне емкими и перегруженными научными терминами. Это особенно актуально в свете того, что учебное пособие предназначено в том числе и для студентов неюридических вузов. Авторам можно было бы ограничиться и более простым определением, например: *уголовное право — это самостоятельная отрасль права, устанавливающая перечень общественно опасных деяний и наказания за каждое из них.*

Во-вторых, на с. 133 авторы указывают, что единственным источником уголовного права является уголовный закон. С этим нельзя полностью согласиться. Так, с одной стороны, в ст. 1 УК говорится, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Уголовного кодекса, с другой стороны, в той же статье сказано, что Уголовный кодекс основывается на Конституции РФ и общепризнанных нормах международного права. По нашему мнению, Конституция также является источником Уголовного права, равно как и любой другой отрасли российского права.

В-третьих, в параграфе, посвященном преступлению, даются и раскрываются его признаки, но нет определения этой разновидности общественно опасного деяния, являющейся, наряду с наказанием, важнейшим институтом уголовного права. Помимо того, на наш взгляд, авторам не мешало бы привести несколько примеров классификации преступлений — хотя бы по степени тяжести и по объекту. То же самое можно сказать и о вине — в пособии раскрываются признаки этой составляющей субъективной стороны преступления, но отсутствует определение,

хотя оно весьма простое: *вина — это психическое отношение лица к совершенному им преступлению и его последствиям.*

В параграфе, посвященном основаниям уголовной ответственности, авторы указывают, что уголовная ответственность с 14 лет предусмотрена за некоторые тяжкие и особо тяжкие преступления (с. 142). С этим утверждением нельзя полностью согласиться. Как известно, перечень преступлений, уголовная ответственность за которые предусмотрена с 14 лет, приводится в ч. 2 ст. 20 и является исчерпывающим. Данный список включает, среди прочих, вандализм (ст. 214) и кражу (ст. 158), основные составы которых не являются тяжкими преступлениями. Общим признаком общественно опасных деяний, объединенных в вышеуказанной статье УК, является то, что их вредность для личности, общества и государства очевидна для всех и каждого, ибо любое вменяемое лицо в возрасте от 14 до 16 должно понимать, что нельзя брать чужого имущества, а равно и портить его.

В параграфе, посвященном обстоятельствам, исключающим преступность деяния, несколько поверхностно описано причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Авторы, по сути, ограничились лишь тем, что отметили некоторое сходство института причинения вреда при задержании с необходимой обороной, тогда как различий между ними гораздо больше.

В параграфе, посвященном наказанию, недостаточно полно раскрыты цели последнего. Так, например, восстановление социальной справедливости — это понятие чрезвычайно многогранное, и рассматривать его следует как минимум в трех аспектах:

— с точки зрения *потерпевшего*, виновный должен понести заслуженное наказание, а сам пострадавший — получить возмещение материального ущерба;

— интересы *осужденного* находятся в определенном противоречии с мнением потерпевшего — он заинтересован в назначении ему минимально возможного наказания;

— самое главное для *общества* — убедиться, что государство способно изобличить и наказать преступника, обеспечив таким образом безопасность населения.

В параграфе, посвященном трудовому договору, отсутствует обзор дополнительных его условий (которые в соответствии со ст. 57 ТК могут быть предусмотрены), таких как испытание, неразглашение охраняемой законом тайны, виды и условия дополнительного страхования работника и т. д.

Помимо спорных моментов, в работе встречаются и определенные недочеты. Например, при перечислении условий расторжения трудового договора (с. 192) 12-м пунктом значится некое «утратил силу. — ФЗ от 30.06.2006…». Не совсем понятно, что именно утратило силу и почему.

Тем не менее, следует особо оговориться, что вышеназванные спорные моменты ни в коей мере не снижают общую положительную оценку учебного пособия. Все вышеизложенные недочеты обусловлены сложностью и многогранностью системы российского права.

М. Д. Точеный,
кандидат юридических наук, доцент

НАШИ АВТОРЫ

Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии; Ульяновский государственный университет; n_baranetz@mail.ru; тел. 8(8422)32-21-09.

Богомолова Мария Ивановна — доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольной педагогики; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; mariyabogomolova@mail.ru; тел. 8(8422)43-07-30.

Бойко Наталья Семеновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; nboyko@rambler.ru; тел. 8(8422)44-16-96.

Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор; директор Института международных отношений; Ульяновский государственный университет; bsa_ru@mail.ru; тел. 8-937-275-12-59.

Бурдин Евгений Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры музееведения исторического факультета; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; burdin_e@mail.ru; тел. 8(8422)44-16-98.

Варнакова Галина Федоровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита; Ульяновский государственный университет; varngalina@mail.ru; тел. 8(8422)30-84-08.

Васильев Александр Адольфович — заслуженный работник высшей школы РФ; начальник факультета Военного университета МО РФ; соискатель кафедры истории Военного университета; ooovak09@mail.ru; тел. 8(495)684-13-03.

Волков Александр Павлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории; Военный университет (г. Москва), ooovak09@mail.ru; тел. 8(495)684-13-57.

Гилазиева Эльвира Наилевна — соискатель, старший преподаватель кафедры лингвострановедения и коммуникации, декан факультета иностранных языков и профессиональной коммуникации; Ульяновский государственный университет; nen@rambler.ru; тел. 8(8422)32-30-76.

Глушко Андрей Николаевич — первый заместитель директора ФГУП «ИРЕА» (Минобрнауки России); Gavr@council.gov.ru; тел. 8-495-963-70-70.

Дамаскин Олег Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; Gavr@council.gov.ru; тел. 8-916-254-35-52.

Дергунова Нина Владимировна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; comm3@yandex.ru; тел. 8-902-123-04-35.

Дюльдина Жанна Николаевна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; gannad@mail.ru; тел. 8-962-636-20-52.

Егорова Элеонора Валериевна — ассистент кафедры английского языка гуманитарных специальностей; Ульяновский государственный университет; Eleanor_63@mail.ru; тел. 8(8422)27-24-69.

Ермишина Оксана Федоровна — старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита Института экономики и бизнеса; Ульяновский государственный университет; eofl9@yandex.ru; тел. 8-951-094-84-98.

Жаркова Галина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий; Ульяновский государственный университет; zharkovaga@inbox.ru; тел. 8-905-035-07-95.

Калантарян Ирина Григорьевна — аспирант кафедры философии; Ульяновский государственный университет; kalantaryan_irina@mail.ru; тел. 8-961-358-51-21.

Кудряшова Елена Викторовна — старший преподаватель кафедры философии; Ульяновский государственный университет; helezzya@gmail.com; тел. 8-908-471-45-59.

Кулешов Роман Владимирович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник; ФГКУ «ВНИИ МВД России»; kouleshov_rv@rambler.ru; тел. 8(495)699-22-08.

Ломовцева Наталья Николаевна — почетный работник высшего профессионального образования, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления факультета управления Института экономики и бизнеса; Ульяновский государственный университет; epr_nn@mail.ru; тел. 8-960-372-51-87.

Мазилина Надежда Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и культурологии; Ульяновский государственный университет имени И. Н. Ульянова; namazilina@yandex.ru; тел. 8(8422)41-85-04.

Мальцева Анжела Петровна — доктор философских наук; заведующая кафедрой социальных дисциплин; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; maltseva99@mail.ru; тел. 8(8422)53-21-40.

Мартынов Вячеслав Федорович — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента; Государственный инженерно-экономический университет (г. Санкт-Петербург); kkirova@pnk.ru; тел. 8(812)271-05-54.

Миронова Елена Анатольевна — кандидат филологических наук; заведующая кафедрой романских языков; Ульяновский государственный университет; elam65@rambler.ru; тел. 8(8422)30-09-02.

Морозкина Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и германского языкознания; Ульяновский государственный университет; tatyana_morozkin@mail.ru; тел. 8(8422)32-20-23.

Муравьева Елена Валентиновна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры мировой экономики и истории экономических учений; Ульяновский государственный университет; emuravjova@mail.ru; тел. 8-917-608-17-07.

Мухамедов Рашит Алимович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; mura01.04@mail.ru; тел. 8-927-630-57-96.

Новиков Игорь Олегович — соискатель кафедры истории; Военный университет МО РФ; начальник отдела кадров; Главный информационно-аналитический центр МВД РФ; kilua@inbox.ru; тел. 8-965-407-98-07.

Подгорнов Вячеслав Валентинович — аспирант кафедры экономики и организации производства; Ульяновский государственный университет; arerost@gmail; тел. 8-925-369-58-27.

Пустынникова Екатерина Васильевна — кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры экономики и организации производства; Ульяновский государственный университет; ebrezneva@list.ru; тел. 8-905-035-79-50.

Пяткова Галина Юрьевна — соискатель; Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики (г. Самара); kafregion@sv.ulsu.ru; тел. 8(8422)32-00-22.

Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права; Ульяновский государственный университет; wwr@bk.ru; тел. 8-960-372-77-44.

Романова Анна Валерьевна — студентка 5 курса юридического факультета; Ульяновский государственный университет; wwr@bk.ru; тел. 8(8422)45-49-26.

Романова Галина Валентиновна — кандидат исторических наук; заместитель директора, начальник отдела использования и публикации документов; ОГУ «Государственный архив Ульяновской области»; ogugauo@mail.ru; тел. 8(8422)45-49-26.

Романова Ирина Борисовна — доктор экономических наук, профессор; заведующая кафедрой бухгалтерского учета и аудита; Ульяновский государственный университет; romanovaJ.b.ulgu@mail.ru; тел. 8-95-10-96-96-48.

Руднева Наталья Евгеньевна — аспирант кафедры педагогики, старший преподаватель кафедры живописи, рисунка и скульптуры; Ульяновский государственный университет; nataliaru@listl.ru; тел. 8-927-806-0303.

Савик Сергей Анатольевич — старший преподаватель кафедры социальных наук; Военная академия Республики Беларусь; sergeu2811@mail.ru; тел. 8(495)727-66-53.

Сенчева Елена Федоровна — директор Центра по связям с общественностью; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; pr2012@ulspu.ru; тел. 8-904-181-33-33.

Синикина Полина Александровна — аспирант кафедры философии и культурологии; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; sinikinapolina@mail.ru; тел. 8(8422)44-30-48.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Точеный Михаил Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; УВАУГА; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-26-811.

Чуканов Иван Альбертович — доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; Chia58@rambler.ru; тел. 8-927-270-71-34.

Шайпак Леонид Александрович — кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; Shaipak@rambler.ru; тел. 8-95-10-966-967.

OUR AUTHORS

Baranets Natalia Grigorievna — Doctor of Philosophy, Professor; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; n_baranetz@mail.ru; tel. 8(8422)32-21-09.

Bogomolova Mariya Ivanovna — Candidate of Pedagogic Sciences, Professor; Chair of Preschool Pedagogics; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; mariyabogomolova@mail.ru; tel. 8(8422)43-07-30.

Boiko Natalia Semenovna — Candidate of Jurisprudence, assistant professor, Chair of State-LegalDisciplines, Law Department; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; nboyko@rambler.ru; tel. 8(8422)44-16-96.

Borisova Svetlana Aleksandrovna — Doctor of Philology, Professor; Director of the Institute for International Relations, Head of the Chair of English Linguistics and Translatology; Ulyanovsk State University; bsa_ru@mail.ru; tel. 8-937-275-12-59.

Burdin Eugeniy Anatolievich — Candidate of History, associate professor; Chair of Museology; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; burdin_e@mail.ru; tel. 8(8422)44-16-98.

Chukanov Ivan Albertovich — Doctor of History, Professor; Dean of Historical Department; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; Chia58@rambler.ru; tel. 8-927-270-71-34.

Damaskin Oleg Valerievich — Doctor of Jurisprudence, Professor; Honoured Lawyer of the Russian Federation; Gavr@council.gov.ru; tel. 8-916-254-35-52.

Dergunova Nina Vladimirovna — Doctor of Political Science, Head of the Chair of Sociology and Political Science; Ulyanovsk State University; comm3@yandex.ru; tel. 8-902-123-04-35.

Duldina Zhanna Nikolaevna — Candidate of Pedadogic Sciences; senior lecturer, Chair of Pedagoics; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; gannad@mail.ru; tel. 8-962-636-20-52.

Egorova Eleanora Valerievna — post-graduate student, teaching assistant, Chair of English for Humanities; Ulyanovsk State University; Eleanor_63@mail.ru; tel. 8(8422) 27-24-69.

Ermishina Oksanan Fedorovna — senior lecturer; Chair of Accounting and Audit; Ulyanovsk State University; eofl9@yandex.ru; tel. 8-951-094-84-98.

Gilazieva Elvira Nailevna — post-graduate student, senior lecturer, Chair of Linguocultural Studies and Communication, Dean, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Ulyanovsk State University; nen@rambler.ru; tel. 8(8422)32-30-76.

Glushko Andrey Nikolaevich — First deputy director, Federal State Unitary Enterprise «Research Institute of Chemical Reactants and Ultrapure Compounds (IREA)» (Ministry of Education and Science of Russia); Gavr@council.gov.ru; tel. 8-495-963-70-70.

Kalantaryan Irina Grigorevna — post-graduate student, Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; kalantaryan_irina@mail.ru; tel. 8-961-358-51-21.

Kudryashova Elena Viktorovna — senior lecturer, Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; helezzya@gmail.com; tel. 8-908-471-45-59.

Kuleshov Roman Vladimirovich — Candidate of Jurisprudence, leading researcher; All-Russian Research Inststute, Ministry of the Interior; kouleshov_rv@rambler.ru; tel. 8(495)699-22-08.

Lomovtseva Natalya Nikolaevna — Honored Worker of High Education; associate professor; Chair of Economic Analysis and State management; Ulyanovsk State University; epr_nn@mail.ru; tel. 8-960-372-51-87.

Maltseva Anzhela Petrovna — Doctor of Philosophy; Head of the Chair of Social Disciplines; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; maltseva99@mail.ru; tel. 8(8422)53-21-40.

Martynov Vyacheslav Fedorovich — Candidate of Jurisprudence; associate professor; Saint-Petersburg State University of Engineering and Economics; kkirova@pnk.ru; tel. 8(812)271-05-54.

Mazilina Nadezhda Aleksandrovna — Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor; Chair of Economics and Management; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; namazilina@yandex.ru; tel. 8(8422)41-85-04.

Mironova Elena Anatolievna — Candidate of Philology, Head of the Chair of Romance Languages; Ulyanovsk State University; elam65@rambler.ru; tel. 8(8422)30-09-02.

Morozkina Tatyana Vladimirovna — Candidate of Philology, associate professor; Chair of General and German Linguistics; Ulyanovsk State University; tatyana_morozkin@mail.ru; tel. 8(8422)32-20-23.

Mukhamedov Rashit Alimovich — Doctor of History, associate professor; Chair of Area Studies and International Relations; Ulyanovsk State University; mura01.04@mail.ru; tel. 8-927-630-57-96.

Muravyeva Elena Valentinovna — Candidate of Economics, senior lecturer; Chair of World Economy and History of Economic Doctrines; Ulyanovsk State University; emuravjova@mail.ru; tel. 8-917-608-17-07.

Novikov Igor Olegovich — post-graduate student; Chair of History; Russian Federation Military University; Ministry of Defence; Head of the Personnel Department; Information Analysis Center; Ministry of the Interior of the Russian Federation; kilua@inbox.ru; tel. 8-965-407-98-07.

Podgornov Vyacheskav Valentinovich — post-graduate student; Chair of Economics and Manufacturing Process Management; Ulyanovsk State University; arerost@gmail; tel. 8-925-369-58-27.

Pustynnikova Ekaterina Vasilievna — Candidate of Economics; associate professor; Chair of Economics and Manufacturing Process Management; Ulyanovsk State University; ebrezneva@list.ru; tel. 8-905-035-79-50.

Pyatkova Galina Yurevna — post-graduate student; Povolzhskiy State University of Telecommunication and Information; kafregion@sv.ulsu.ru; tel. 8(8422)32-00-22.

Romanov Valeriy Vasilievich — Doctor of History, Candidate of Law, Professor; Chair of Theory and History of State and Law; Ulyanovsk State University; wwr@bk.ru; tel. 8-960-372-77-44.

Romanova Anna Valerievna — student-researcher, Department of Scientific Research; Ulyanovsk State University; wwr@bk.ru; tel. 8(8422)98-32-34.

Romanova Galina Valentinovna — Candidate of History; Vice-Director; Head of the Department of Document Usage and Publication; State Archive of Ulyanovsk Region; ogugauo@mail.ru; tel. 8(8422)45-49-26.

Romanova Irina Borisovna — Doctor of Economics; Professor; Head of the Chair of Accounting and Audit; Ulyanovsk State University; romanova_i.b.ulgu@mail.ru; tel. 8-95-10-96-96-48.

Rudneva Natalia Eugenievna — senior lecturer; Chair of Painting, Drawing and Sculpture; Ulyanovsk State University; nataliaru@list.ru; tel. 8-927-806-03-03.

Savik Sergey Anatolievich — senior lecturer, Chair of Social Sciences; Military Academy of Belarus; sergeu2811@mail.ru; tel. 8(495)727-66-53.

Sencheva Elena Fedorovna — PR Director; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; pr2012@ulspu.ru; tel. 8-904-181-33-33.

Shaipak Leonid Aleksandrovich — Candidate of History; associate professor, Head of the Chair of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ukyanov; Shaipak@rambler.ru; tel. 8-95-10-966-967.

Sinikina Polina Aleksandrovna — post-graduate student, Chair of Philosophy and Culturology; Ulanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; sinikinapolina@mail.ru; tel. 8(8422)44-30-48.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Tocheniy Mikhail Dmitrievich — Candidate of History, associate professor; Chair of Humanities and Social Disciplines; Ulyanovsk Higher Civil Aviation School; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-26-811.

Varnakova Galina Fedorovna — Candidate of Economics; Chair of Accounting and Audit; Ulyanovsk State University; varngalina@mail.ru; tel. 8(8422)30-84-08.

Vasilev Aleksandr Adolfovich — post-graduate student, Chair of History; Head of Division; Military University; ooovak09@mail.ru; tel. 8(495)684-13-03.

Volkov Aleksander Pavlovich — Doctor of History, Professor, Head of the Chair of History; Military University (Moscow); Honored Worker ofHigh Education (RF); ooovak09@mail.ru; tel. 8(495)684-13-57.

Zharkova Galina Aleksandrovna — Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor, Chair of IT; Ulyanovsk State University; zharkovaga@inbox.ru; tel. 8-905-035-07-95.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

К публикации принимаются научные статьи объемом 0,25—0,5 авторских листа (один авторский лист — 40 тыс. печатных знаков с учетом пробелов, знаков препинания, цифр и т. п.) по научным специальностям, по которым ведется подготовка научных кадров в аспирантуре, и сформировавшимся в вузах научным направлениям (экономика, юриспруденция, психология, педагогика, философия, история, политология, филология).

Статьи представляются в 2-х экземплярах в машинописном виде (текст должен быть отпечатан на одной стороне листа формата А4, шрифт Times New Roman, размер 14, межстрочный интервал 1,5) и в электронной форме (в формате *.doc).

Библиографический список, оформленный в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания, приводится в конце статьи в порядке упоминания источника. В тексте в квадратных скобках дается порядковый номер источника и страницы цитирования (например: [8, с. 25]).

К статье должны быть приложены сведения:

1) фамилия, имя, отчество автора (авторов);

2) место работы с указанием адреса и телефона организации;

3) должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание;

4) контактная информация (почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты);

5) краткая аннотация статьи (на русском и английском языках);

6) список ключевых слов (на русском и английском языках).

Статьи следует направлять в распечатанном (по адресу: 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42) и в электронном виде (E-mail: Simbvest@mail.ru).

При невыполнении авторами отмеченных требований рукописи для рассмотрения редакционной коллегией не принимаются.

Решение редакционной коллегии о принятии к публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки.

Очередность публикаций статей определяется в зависимости от времени представления статьи и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

Направляя статью в редакцию журнала, автор выражает свое согласие на ее опубликование и размещение в сети Интернет (в том числе на официальном сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru), а также на ее распространение в иных формах.

Статьи в журнале «Симбирский научный вестник» размещаются БЕСПЛАТНО.

Первоочередное право на размещение статей имеют подписчики журнала.